Филлип Найтли

КИМ ФИЛБИ- СУПЕРШПИОН КГБ

PHILBY MASTERSPY

КИМ ФИЛБИ-СУПЕРШПИОН КГБ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор, английский журналист, сотрудник лондонской газеты «Санди таймс» Ф. Найтли, объективно пишет о советском разведчике Киме Филби.

В книге описываются острые моменты в разведывательной деятельности Филби, который сознательно, исходя из своих убеждений, пошел на сотрудничество с советской разведкой. Показаны способности Филби находить оптимальные решения в сложных, угрожающих его жизни ситуациях. Немало страниц посвящено личной жизни Филби, интересны воспоминания его коллег по работе в штаб-квартирах СИС и ЦРУ, в резидентуре английской разведки в Стамбуле и Бейруте.

- Филлип Найтли
  -
  - ВВЕДЕНИЕ
  - ГЛАВА I. ПО СТОПАМ СВОЕГО ОТЦА
  - ГЛАВА II. НАЧАЛО ПУТИ
  - ГЛАВА III. ПОСВЯЩЕНИЕ КРОВЬЮ
  - ГЛАВА IV. БОЖЕ, ФЮРЕРА ХРАНИ
  - ГЛАВА V. НА ФАШИСТСКОМ ФРОНТЕ
  - ГЛАВА VI. ПРИГЛАШЕНИЕ НА ВАЖНУЮ РОЛЬ
  - ГЛАВА VII. РАЗВЕ ЭТО СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА?
  - ГЛАВА VIII. ПРОТИВ ОБЩЕГО ВРАГА
  - ГЛАВА IX. МАСТЕРСКИЙ ХОД МОСКВЫ
  - ГЛАВА X. РАССТРОЙСТВО ПОДЛОГО ЗАМЫСЛА
  - ГЛАВА XI. ГОТОВЯТ НА ДОЛЖНОСТЬ ШЕФА СИС
  - ГЛАВА XII. ПРОНИКНОВЕНИЕ В ВАШИНГТОН
  - ГЛАВА XIII. УВОЛЕН С РАБОТЫ. ПОДОЗРЕНИЯ ОСТАЛИСЬ
  - ГЛАВА XIV. ГУВЕР ВМЕШИВАЕТСЯ НЕУДАЧНО. ФИЛБИ ОПРАВДЫВАЮТ
  - ГЛАВА XV. КОНФРОНТАЦИЯ В БЕЙРУТЕ
  - ГЛАВА XVI. ЧЕСТВОВАНИЕ ГЕРОЯ
  - ГЛАВА XVII. СОМНЕНИЯ И РАЗОЧАРОВАНИЯ
  - ГЛАВА XVIII. ПОСЛЕДНИЙ ТРИУМФ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33

Филлип Найтли
Ким Филби — Супершпион КГБ

My dear Phillip,

I am writing in haste and discombobulation. We have had our distinguished Catholic friend [Greene] on and off our hands for the past few days; and what with the usual telephonic and transport foul-ups we are a bit on edge! I have told him nothing about the future, and he has gladly promised to repulse any journalists who may ask him about me.

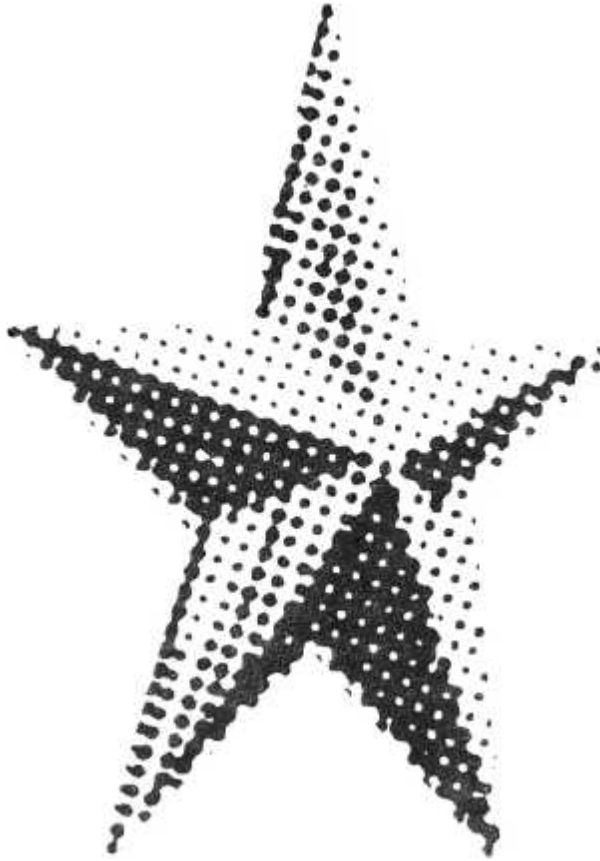
The dedication you ask me about runs, 'For Kim and Rufina with affectionate greetings from Graham and Yvonne, Sept 9, 1871. His Yvonne is as fair as yours is dark, so we have to call them blond Y. and brunette Y. to distinguish who we are talking about. One more damned complication in an already confused life.

We loved the family pix. [I had sent him photographs of a dinner party with his son John and John's wife Jo.] John looks suspiciously bonhomous as if he had been at the soda water. We were also touched by the thank-you card from the brunette Y. Although registered it took sixteen days from post office to post office… Josephine [his daughter] sent me a shirt last summer or autumn and it still has not arrived. But it was not registered.

Congratulations on placing your material so soon. I have not tried the great dish yet [a book I had given him about the Profumo affair] — too many noises off-stage. And you will have gathered from my awful typing that I am all of a dither. So now to a simple supper and early to bed.

Kindest regards to you all,

Kim.



PHILBY
The Life and Views of the K.G.B.Masterspy
1988 by Phillip Knightley.

ВВЕДЕНИЕ

Гарольд Адриан Рассел (Ким) Филби был наиболее известным разведчиком в истории противоборства разведывательных служб Востока и Запада. За девять лет Филби прошел все служебные ступени в разведке Великобритании (СИС). В 1949 году он был назначен на должность офицера связи с Центральным разведывательным управлением (ЦРУ) и Федеральным бюро расследований (ФБР) США, внедрившись таким образом в самый центр подрывной деятельности западных разведок против Советского Союза. Филби даже рассматривался в качестве возможного кандидата на должность начальника британской разведки — загадочного «С», как его называли в СИС.

Все это время Филби был действующим офицером Комитета государственной безопасности СССР. Его привлекли к сотрудничеству вскоре после окончания Кембриджского университета и поставили задачу — внедриться в британскую разведку. Это чрезвычайно трудное задание было им успешно выполнено. В результате советский разведчик получил широкий доступ к секретам американской и британской разведывательных служб. Правда, Филби не удалось стать начальником СИС — в 1963 году он был разоблачен и ему пришлось бежать в Москву, но нанесенный им западным разведкам ущерб был неизмерим. Когда в 1967 году были обнародованы сведения об истинной роли Филби, хорошо знавший его бывший сотрудник ЦРУ Майлз Коуплэнд заявил: «Это привело к тому, что все чрезвычайно обширные усилия западных разведок в период с 1944 по 1951 год были безрезультатными. Было бы лучше, если бы мы вообще ничего не делали».

О Филби напечатано много книг и сотни статей. В 1968 году он написал книгу «Моя тайная война», в которой описал свою разведывательную карьеру. Кроме встречи в 1968 году с корреспондентом газеты «Санди таймс» [1] Мюрреем Сейлом, с которым Филби обсуждал вопросы издания своей книги, в течение последних двадцати лет своей жизни он упорно избегал каких-либо контактов с западными журналистами.

Московский домашний адрес Филби держался в секрете. Номер его телефона не вносился в справочники. Он избегал появляться в общественных местах и все выходы согласовывал со своим помощником, сотрудником КГБ. В течение этих лет Филби пару раз случайно сталкивался с западными корреспондентами, как-то это произошло в Большом театре. В этих случаях Филби сразу же уезжал домой. Даже с московскими друзьями он никогда

не говорил о своей работе.

И тем не менее в мае 1988 года незадолго до смерти Филби, прибыв в Москву по его приглашению, я в течение примерно двадцати пяти часов беседовал с ним в уютной, спокойной обстановке в его квартире и в закрытом кабинете грузинского ресторана. Филби рассказывал о своих юношеских годах, своем замечательном отце (Гарри Сент-Джоне Бриджере Филби, известном арабисте), о трагическом жизненном пути своей матери, своем раннем детстве в Индии. Он рассказал мне о своих школьных годах, об учебе в Кембриджском университете, об истоках своих политических убеждений. Он касался так называемой «кембриджской шпионской сети», мысль о возможности существования которой не давала покоя ФБР и британской службе безопасности (МИ-5) с начала 50-х годов. В первый раз Филби назвал человека, который вывел его на русских и который заявил ему, что есть более важная задача, чем смерть во имя коммунистических идеалов в какой-то стране.

Мы разговаривали с Филби о его первой жене, венской девчонке, и их подпольной работе по оказанию помощи коммунистам и социалистам, которые тайно выбирались из Австрии в тревожные и опасные дни 1933–1934 годов, когда правые и левые вступали в ожесточенные бескомпромиссные схватки на улицах одной из самых красивых столиц Европы. Филби вспоминал свою работу в качестве военного корреспондента лондонской газеты «Таймс» в Испании, где он освещал гражданскую войну, находясь в войсках фашистского диктатора генерала Франко. Филби должен был создать образ человека с правыми взглядами. Это было необходимо, чтобы нейтрализовать в глазах окружения свои студенческие левые настроения.

С гордостью говорил Филби о своей работе в СИС, когда британская разведка вела борьбу с фашистской Германией. Он рассказал о своем плане устранения начальника германской военной разведки (Абвера) адмирала Вильгельма Канариса, намекая на действия тогдашнего главы британской разведки генерала Стюарта Мен-зиса, который по непонятным политическим соображениям запретил тогда его осуществление. Филби рассказал о своей работе на русских, которая, как он считал, изменила ход истории.

Филби поведал мне о своей роли в деле нейтрализации усилий западных разведок против стран народной демократии в начальный период «холодной войны». Он старался при этом не раскрывать методы работы КГБ, которые, возможно, используются и сегодня. Говоря об этих тайных операциях западных спецслужб,

Филби открыто высказывал свое презрение к тем западным агентам, которых он послал на смерть.

Он говорил о том значении, которое имела для его разведывательной карьеры работа в Вашингтоне, о своих друзьях и противниках в американском разведывательном сообществе, о тех сотрудниках ЦРУ, которых он уважал и действиями которых восхищался, и о тех, которых презирал. Затем он подробно описал допущенную им в Вашингтоне ошибку в оценке близкого ему человека, которая привела к постепенному крушению его разведывательной карьеры. Он рассказал о тех отчаянных шагах, которые предпринимала Москва для исправления положения, в которое он попал из-за того, что ошибочно доверял своему другу.

Филби рассказал, что, когда его карьера в СИС и в КГБ, казалось, пришла к концу, в течение нескольких лет он пытался примириться со своей неудачей. И вдруг действия директора ФБР Эдгара Гувера, по мнению которого Филби предал его лично, дали обратные результаты и вместо разоблачения Филби продлили ему жизнь разведчика. Правительство Великобритании оправдало Филби. Он рассказал мне, как его друзья из разведки помогли ему снова влиться в ряды СИС и направили его в Бейрут в качестве своего агента, даже не проинформировав об этом американцев. Затем Филби сделал вызвавшее мое удивление заявление. Он сказал, что когда СИС получила доказательства его работы на русских, англичане решили не арестовывать его, а принудить к побегу, с тем чтобы избежать скандала в Лондоне и Вашингтоне. Филби признал, что такая тактика СИС дала свои результаты, и рассказал об обстоятельствах, в которых он принимал решение о побеге из Бейрута. Он описал свою одиссею и свое состояние после того, как впервые вступил на советскую землю.

Филби открыто и откровенно говорил о своей жизни в Советском Союзе. По его словам, сначала все шло хорошо. Затем наступил период сомнений и разочарований, когда КГБ, казалось, потерял к нему интерес, когда у него не было близкой, понимающей его женщины, когда единственным утешением были виски и бесцельно проведенные недели становились нормой. После нескольких лет подобного времяпровождения, заявил Филби, он встретил прекрасную женщину, к которой у него пробудились глубокие чувства и благодаря которой он живет полнокровной жизнью. КГБ вновь проявил к Филби интерес, и в возрасте 76 лет он снова принимает активное участие в войне разведок.

Мы беседовали не только о разведывательной карьере Филби. Я пытался добраться до сути этого человека, а это нелегко

сделать в отношении высококлассного специалиста, у которого профессиональной чертой является способность обманывать других. Мы обсуждали этическую сторону профессии разведчика, его мотивацию, беседовали о влиянии на Филби его отца, женщин, семейной жизни, текущих дел, дружбы, патриотизма, чести, лояльности, нечестности и других факторов. Филби изложил мне свое мнение о западных и советских лидерах, об Афганистане, Китае, Вьетнаме, Европе. Он рассказал о своих любимых писателях, пишущих на шпионские темы, высказал свою точку зрения на сегодняшнюю молодежь, современную музыку, говорил о трудностях жизни в Советском Союзе и ее положительных сторонах. Мы обсудили состояние здоровья Филби, его финансовое положение, состояние советского здравоохранения, его поездку на Кубу и путешествия по восточноевропейским странам. Он вспоминал о своих коллегах по работе в ЦРУ, о тех сотрудниках СИС, с которыми он хотел бы увидеться.

Знал ли Филби тогда, что ему не так долго оставалось жить? Он рассказал мне, что находился в госпитале по поводу болезни сердца, что заболевание опасности не представляет и, по словам его врачей, он проживет еще многие годы, если будет проще, легче смотреть на жизнь.

Мы обсуждали вопрос о том, в каком виде опубликовать все, что рассказал мне Филби. Возможно, это следует сделать в форме книги, но на ее написание уйдет несколько месяцев. Возможно, в серии газетных статей, которые можно подготовить и опубликовать быстро. «Решайте сами, — сказал Филби. — По мне чем быстрее, тем лучше».

Конечно, не так просто оценить состоявшиеся с Филби беседы. Где он выступал как простой смертный, а где — как сотрудник КГБ? Где подлинная информация, а где — дезинформация? Многое из рассказанного Филби можно проверить, и в этой книге я даю результаты выполненной мною в этом плане работы. Но многое нельзя проверить без доступа к архивам СИС, МИ-5, ЦРУ, ФБР и, конечно, КГБ.

В целом Филби по-разному отвечал на мои вопросы, и его ответы можно разбить на три группы. Иногда он говорил, что мог бы ответить на мой вопрос, но не сделает этого, так как затрагиваются методы работы КГБ. В других случаях Филби указывал, да, случилось то-то и то-то, используйте эту информацию по своему усмотрению. А в-третьих, он говорил, что не знает ответа на мой вопрос и ему не хотелось бы обращаться за помощью к своим коллегам.

Во всяком случае, Филби старался уверить меня в том, что

идея организации нашей встречи исходила не от КГБ. «Я выступил с таким предложением, — заявляет он. — Мне ответили, что если я хочу побеседовать, почему бы не сделать это с Грэмом Грином. Теперь он часто бывает в Советском Союзе и, по их мнению, Грин является более подходящей фигурой. Я ответил, что Грин мой друг и бывший коллега, а я хотел бы побеседовать с человеком, который мог бы быть объективным. В конце концов они согласились с идеей, но никогда не одобряли ее». В этом я хочу поверить Филби. Во-первых, в течение всего периода моего пребывания в Москве ко мне относились как к частному лицу, и были даже сомнения в возможности провоза через таможню записей бесед с Филби. «Если они отберут их, — сказал мне Филби, — дайте мне знать, и я сделаю, чтобы их возвратили вам».

Когда я опубликовал свои статьи в лондонской газете «Санди таймс», раздались критические замечания по поводу самой идеи встречи с Филби. По словам некоторых критиков, я не должен был принимать его приглашения, и если Филби хотел поговорить о своих подвигах, ему следовало бы сделать это через «Правду» или «Известия». Западные журналисты не должны помогать Филби, совершая для этого паломничество в Москву. Бывший руководящий работник ФБР Роберт Ламфер был удивлен тем, что моя поездка не вызвала волну протестов. «Филби предал свою страну и свое поколение, а мы изображаем его в качестве какого-то героя, известного деятеля враждебной разведки. Это просто позор».

Другие увидели в высказываниях Филби его замаскированную просьбу разрешить провести последние годы в Великобритании. Бывший сотрудник британской контрразведки МИ-5 Тэд Олбойри, который знал Филби лично, заявил: «Филби всегда хотел вернуться домой. Жизнь его не завидна. Он мечтает о собственном домике где-нибудь в Сассексе с крыльцом, увитым розами. Он — воплощение истинного британца — звонит по телефону международной связи, чтобы выяснить решение кроссворда. Я считаю, что Филби зондировал почву: он хотел посмотреть, какая будет реакция на его интервью, какие споры оно вызовет. Он использует Филлипа Найтли. Филби можно сравнить с молодым человеком, обращающимся к своему лучшему другу с просьбой поговорить от его имени с нравящейся ему красивой блондинкой. Сознательно или нет, Найтли передает эту просьбу правительству и народу Великобритании».

С этим мнением согласен автор детективных романов, английский писатель Фредерик Форсайт, героем одной из книг которого «Четвертый протокол» является сам Филби. «Филби очень скучает по доброй старой Англии. Он выписывает массу

английских журналов и газет и с нетерпением ждет каждого выпуска газеты «Таймс», чтобы начать решение кроссвордов. Он старается быть в курсе всех происходящих в Англии событий. Он даже заходит в один из московских баров, где бывают бизнесмены из Великобритании, чтобы послушать английскую речь. Много лет назад Филби был одним из членов великой пятерки, в которую кроме него входили Берджесс, Маклин, Джордж Блейк и Бланг. Но это было давно. Он — уже упавшая звезда».

Американский журнал «Тайм» пришел к выводу, что из каких бы личных соображений ни давал интервью Филби, Москва, очевидно, усматривала в этом какую-то выгоду. Руководители КГБ, указывается в «Тайм», считали, что беседы Филби являются своеобразным гамбитом в области общественных отношений, призванном создать впечатление об открытости Советского Союза. «В преддверии встречи на высшем уровне между Горбачевым и Рейганом, это был, очевидно, подходящий момент для проведения данного мероприятия, целесообразность которого трудно объяснить какими-либо другими причинами».

Я должен со всей ответственностью заявить, что, когда появилась возможность побеседовать с Филби, я, не задумываясь, воспользовался ею. Причина этого проста. Для англичан феномен перехода их гражданина на сторону противника имеет особую притягательность, возможно, потому, что слишком много у них было таких случаев. Однако, несмотря на миллионы слов, сказанных о Филби, он остается загадкой. Я считал, что беседы в Москве будут содействовать нашему пониманию его как человека и его мотивов. Если справедлива наша точка зрения, что демократия должна учиться на своих ошибках, то, чем больше мы узнаем о Филби, тем лучше. В результате проведенных с Филби бесед мне, кажется, удалось создать полный портрет представителя английского истеблишмента, который оставил Запад, решил идти против своего класса, против своего окружения во имя реализации своих, как он всегда считал, благородных устремлений. Создать портрет человека, который большую часть жизни культивировал в своем сознании две несоединимые философии. Я согласен, что некоторые моменты личной жизни Филби вызовут у читателя отрицательную реакцию. Но эти моменты зачастую не только тесно переплетаются с его действиями профессионального разведчика, но и крайне необходимы в целом для понимания Филби.

Что бы вы ни подумали о Филби как о человеке, трудно не согласиться со следующим соображением: как разведчик, Филби — это настоящий феномен.

В 1967 году Брюс Пейдж, являвшийся в то время редактором

приложения к лондонской газете «Санди таймс», дал мне, уже два года к тому времени проработавшему в должности репортера, секретное поручение. В составе группы журналистов, число которых в конечном счете возросло до восемнадцати, я должен был принять участие в доскональном изучении жизненного пути Кима Филби. Я не могу сказать, что с энтузиазмом отнесся к этому поручению, так как мне казалось, что тут мало что можно было откопать.

В то время о Филби я знал лишь то, что в качестве корреспондента журнала «Экономист» и газеты «Обсервер» он находился на Ближнем Востоке. В январе 1963 года исчез из Ливана, летом того же года объявился в Москве, где получил советское гражданство. Пейдж рассказал мне, что член нашей группы Дэвид Лейч в 1964 году брал в Москве интервью у Никиты Хрущева и попросил его разрешения побеседовать с Филби. Хрущев дал свое согласие при условии, что против этого не будет возражать сам Филби. Лейч официально обратился за разрешением взять интервью у Филби, но вскоре Хрущев был отстранен от власти, и о реакции на свою просьбу Лейч так ничего и не услышал.

Кроме того, Пейдж рассказал, что в 1965 году он вернулся к вопросу о Филби после того, как в Лондоне были изданы мемуары советского разведчика Гордона Лонсдейла (он же Конон Молодый). Отрывки из этих мемуаров были опубликованы в журнале «Пипл». До Пейджа доходили слухи, что фактически автором этих мемуаров был Филби. (Это оказалось правдой. В 1967 году Филби рассказал Мюррею Сейлу, находившемуся тогда в Москве: *«Я* немного подчистил материал. Гордон — прекрасный человек, но далеко не литератор».)

Но в 1967 году интерес «Санди таймс» к Филби превратился в настоящее наваждение.

Редактор «Санди таймс» Гарольд Эванс узнал, что Патрик Сил, журналист из «Обсервер», общавшийся с Филби в Бейруте, совместно с его третьей женой Элеонорой пишут о Киме книгу. Между «Санди таймс» и «Обсервер» всегда была сильная конкуренция, и Эванс стал думать о том, что можно было бы противопоставить воспоминаниям Элеоноры. Просмотр в библиотеке досье, в котором сосредоточивались упоминания о Филби, почти ничего не дал. Впервые его имя появилось в 1955 году, в докладе правительства о двух британских дипломатах Гае Берджессе и Дональде Маклине, которые в 1951 году бежали в Москву. В то время Филби являлся первым секретарем посольства Великобритании в Вашингтоне и проживал вместе с Берджессом на одной квартире. Этот факт навел одного члена британского

парламента на мысль о том, что, возможно, Филби был именно тем «третьим человеком», который предупредил Берджесса и Маклина об опасности. Но вскоре министр иностранных дел Гарольд Макмиллан полностью реабилитировал Филби, заявив: «У меня нет никаких оснований думать, что Филби когда-либо предавал интересы своей страны, или считать его так называемым третьим человеком, если таковой вообще существовал».

В сводках новостей также обнаружилось несколько малозначащих упоминаний об исчезновении Филби из Бейрута в 1963 году, различные мнения о возможных причинах этого, а затем сообщение из Москвы о предоставлении Филби советского гражданства. Последним сообщением в досье библиотеки был парламентский доклад о побеге Филби. Отвечая на вопросы в палате представителей парламента Великобритании, лорд — хранитель печати Эдвард Хит заявил, что еще до своего побега Филби признался в том, что он действительно предупредил Берджесса и Маклина. Хит дал понять, что это дело какой-либо важности не представляет. На этом материалы досье заканчивались.

Сначала у Эванса возникла идея проследить карьеру Филби, Берджесса и Маклина в надежде обнаружить человека, завербовавшего их во время учебы в Кембриджском университете. Однако два инцидента позволили Эвансу поставить более масштабную задачу. В поисках материалов Лейч обратился к своему бывшему коллеге Ананду Гвинну Джоунсу, когда-то работавшему корреспондентом газеты «Таймс» по военным вопросам, а затем получившему титул лорда Чалфонта и должность советника-послан-ника в министерстве иностранных дел. Чалфонт заявил, что он хотел бы безотлагательно видеть Лейча и Пейджа. В своем кабинете он заявил им: «Вы должны прекратить свое расследование. Это слишком опасно. Вы ненамеренно можете оказать помощь нашему противнику».

В это время к Эвансу обратился бывший сотрудник МИД Джон Сакур и попросил направить его в качестве корреспондента газеты в Африку. Эванс разъяснил Сакуру, что вакансия есть только на Ближнем Востоке. Позднее Сакур сказал, что он принял предложение и начал проходить в «Санди таймс» стажировку [2]. Как-то Эванс рассказал Сакуру о проводившемся газетой по делу Филби расследовании. Сакур заявил, что «Санди таймс» напрасно тратит время — эти материалы никто не опубликует. Они закрыты. Есть указание высших руководителей страны.

У Эванса возросло желашіе подготовить по этому вопросу аргументированную статью. Журналистский инстинкт

подсказывал ему добычу. Но если есть официальное решение не предавать гласности эти материалы, нужна поддержка главного редактора Дэниса Гамильтона. Он рассказал все Гамильтону, который при соблюдении максимальной осторожности обратился за советом к премьер-министру Гарольду Вильсону и генеральному директору СИС сэру Дику Уайту. В результате была достигнута следующая договоренность: МИД Англии ни помогать, ни мешать проводимому газетой «Санди таймс» расследованию не будет. Со своей стороны «Санди таймс» не будет представлять Филби в качестве героя. Черновик статьи будет просмотрен СИС, с тем чтобы не поставить под угрозу чью-либо жизнь.

С этого времени расследование пошло очень быстро. При необходимости Эванс подключал к делу все новых сотрудников. Мне лично дважды необычайно повезло. Пытаясь установить бывших коллег Филби, мне удалось найти Лесли Никольсона, некогда работавшего в СИС, который под псевдонимом Джон Уайтуэлл написал о своей работе книгу «Сотрудник британских спецслужб». Никольсон разорился, жил в стесненных условиях, занимая комнату над кафе в районе Истэнда. Он умирал от рака. Я пригласил его на ленч в хороший ресторан, чтобы он вспомнил свою прежнюю благоустроенную жизнь. Никольсону, любезному и непритязательному человеку, явно понравились обстановка в ресторане и угощение. Он вспоминал свою работу в «старой фирме», как он называл СИС. Он охотно ответил на мои вопросы, специально сформулированные в общем плане, чтобы не показать своего невежества в этой области. После третьей и четвертой рюмки стал более откровенным.

Никольсону стало ясно, что, хотя «Санди таймс» известно, что, будучи сотрудником СИС, Филби работал на русских, у газеты не было представления, чем конкретно он занимался в разведке. И Никольсон с удовольствием раскрыл эту тайну. «Причина паники нашего руководства заключалась в том, что Филби был руководителем отдела СИС, работавшего против русских».

Я до сих пор помню перенесенный мною от этих слов шок. «Давайте внесем ясность, — заявил я. — Человек, руководивший нашими секретными операциями против русских, был их агентом?» На что Никольсон ответил со смаком: «Вот именно».

Через несколько дней после того, как «Санди таймс» 1 октября 1967 года напечатала статью о Филби (в то воскресенье «Обсервер» решил дать на эту тему материал Сила — Элеоноры), Пейдж показал мне письмо от шерифа района Шропшир Джона Рида. В письме содержалась информация, позволившая внести ясность в один до сих пор ускользавший от нас аспект дела

Филби: его причастность к срыву в 1951 году побега на Запад сотрудника НКВД Константина Волкова, который в то время находился в Турции (это обстоятельство впоследствии сыграло отрицательную роль в разведывательной карьере Филби). В следующее воскресенье мы опубликовали информацию Рида, усилив шум, поднятый нашими предыдущими публикациями. Это привело к тому, что министр правительства Джордж Браун сделал официальный выговор владельцу «Санди таймс» Рою Томпсону, заявив на обеде: «Ваши газеты наносят Великобритании большой ущерб». Однако наши статьи вывели из состояния равновесия Филби, который вступил в контакт с Эвансом. Он прислал телеграмму, в которой предложил опубликовать в Англии свои мемуары. Предложил направить в Москву корреспондента, снабженного полномочиями вступить с ним в переговоры. Поскольку у Мюррея Сейла уже была виза для поездки в Москву для подготовки статьи о запусках космических кораблей, Эванс попросил его связаться с Филби, который в своей телеграмме почему-то не указал, как это можно было бы сделать. Сейл «взял в осаду» московский почтамт, где иностранцы получают почту, и после двух дней ожидания «выследил» Филби, покидающего почтамт с газетой «Таймс». Сейл взял интервью у Филби, во время которого Ким сделал неожиданное предложение — он готов отказаться от публикации своей книги в обмен на освобождение из британской тюрьмы двух помощников КГБ, супругов Крогеров [3]. 17 декабря 1967 года это интервью было напечатано на первой странице газеты «Санди таймс».

На основе напечатанных в «Санди таймс» публикаций Андре Дейч предложил написать книгу, права на переиздание которой он потом продал издателям многих стран мира: «Наша группа сразу же засела за работу и подготовила материалы, изданные впоследствии в виде книги «Филби — шпион, который предал поколение» (в США она вышла под названием «Заговор Филби»). Книга имела большой успех. Было чрезвычайно трудно описать жизненный путь человека, не имея возможности побеседовать с ним. Хотя, по словам Филби, наша книга — «правдивый документ», у меня вместе с другими авторами было чувство, что портрету Филби не хватает масштабности: мы схватили некоторые характерные его черты, но не все.

Усилил мою неудовлетворенность разговор с Сейлом, у которого сформировалась своя оценка Филби. Он нашел в его лице очаровательного, доброго, очень интересного, с большим чувством юмора человека, никоим образом не играющего роль рупора советской пропаганды. Неоднократно Сейл задавал Филби вопрос о том, не чувствует ли он раскаяния по поводу своей

работы на русских. На что Филби неизменно отвечал: *«Я* никого не предавал. У меня всегда были одни и те же взгляды, всегда «один Бог». Я всегда был разведчиком, внедренным в другую спецслужбу. И если другая сторона была настолько простодушна, что верила мне, это ее заботы».

У Сейла создалось впечатление, что Филби нравилась его двойная жизнь. «В его психологии были черты, доставлявшие ему большое удовлетворение от сознания того, что он располагает секретами, недоступными для людей, с которыми он ежедневно общается. Шпионаж — это, конечно, своеобразный вид опасной деятельности: полукриминальной, но пользующейся поддержкой правительства. Это сочетание храбрости и обмана или каких-то других специфических качеств — нужно быть шпионом, чтобы почувствовать это. Я сомневаюсь, что Ким был убежденным марксистом. Он не употреблял марксистских выражений, думал не по-марксистски. Когда бы я ни беседовал с ним, он всегда вел себя как живущий в другой стране британский интеллигент».

С Филби начался мой интерес к разведывательной деятельности, к людям, которые этим занимаются, и наконец, к исторической роли разведывательных служб, что нашло свое отражение в книге «Вторая из наиболее древних профессий». Я написал Филби на его московское почтовое отделение письмо, послал написанную нами о нем книгу.

В своем ответе Филби поблагодарил меня, высказал несколько замечаний в отношении введения, которое было написано Джоном Ле Карре. Я ответил. Завязалась переписка, продолжавшаяся в течение двадцати лет. В письмах Филби было много информации. Они были очень интересными. Он любил в письмах поболтать. В 1979 году Филби пожаловался, что временное закрытие компании «Таймс Ньюспейперс Лимитед» (из-за технического спора) на год отрезало его от жизни в Великобритании.

«Признаюсь, для меня это создало большие неудобства. Мне очень не хватало газеты «Таймс», остроумных писем ее читателей, раздела судебной хроники, ее кроссвордов (15–20 минут за утренним чаем для умственной разминки), обзоров газеты «Санди таймс», а также литературного приложения к «Таймс».

Филби интересовался лордом Чалфонтом, который продолжил писать для «Таймс» на военные темы, когда выпуск газеты возобновился. «Что происходит на Принтинг Хаус-сквер? (адрес газеты «Таймс»). Если бы не кроссворды, не сумасшедший Чалфонт, который много делает для британских ястребов, я бы, наверное, отказался от газеты». Филби очень хотелось быть в курсе британских политических сплетен, особенно он

интересовался новостями о госпоже Тэтчер. «Интересно знать, как вам живется под командованием этой шумной леди из Грантема? (место рождения госпожи Тэтчер). Для сведения Би-би-си и других средств массовой информации: русские не называют ее «железной леди». Это давно забытый ляпсус одного мало известного корреспондента из газеты «Красная звезда». Поскольку русским трудно произносить некоторые английские согласные, в том числе «th»$_5$ то ее имя чаще всего звучит как «Тэчи» (по-русски «обидчивая»). Возможно, это соответствует действительности».

О своем пребывании в Советском Союзе Филби иногда делал такие заявления, которые вызывали в Англии чрезвычайно большой интерес. «Недавно несколько недель провел за границей. Теперь предстоит разобрать скопившуюся за это время кипу газет и различных бумаг». Слово «за границей» звучало загадочно. Хотел ли этим Филби сказать, что он посетил одну из восточноевропейских стран? Или он был на Западе? Если да, то где и с какой целью? Когда в следующем письме Филби упомянул о «неделях, проведенных на солнце», и «где он потягивал экзотический напиток», создавалось впечатление, что он выезжал в одну из тропических стран.

Вскоре после этого на обеде я оказался в компании бывшего генерального директора СИС сэра Мориса Олдфилда, рассказал ему об этих высказываниях Филби и о тех вопросах, которые они вызывают. «Он нигде не был, — заявил Олдфилд. — Он знает, что мы читаем его письма. (В самом начале нашей переписки Филби предупредил меня, что нашу переписку будут, читать.) Он делает это из озорства. Хочет, чтобы мы метались по свету, тратили большие деньги, пытаясь установить, что он имел в виду. Ким всегда был большим мастером интриги».

Мы обсуждали с Филби изданные в последнее время книги и показанные по телевидению постановки. Он, в частности, сказал: «От нескольких человек я слышал о телевизионной передаче (Филби, Берджесс, Маклин), в том числе от своей старшей дочери. Ей передача понравилась, но она считает, «что женщины там слишком злые». Мы сделали видеозапись и, возможно, в скором времени эту передачу я увижу. Нет сомнений, в ней будут неприятные для меня моменты». Филби, кажется, предпочитал книги о реальных шпионах, а не о выдуманных, однако читал последние издания о тех и других.

«С удовольствием прочел книгу «Хранитель», — продолжал Филби («Хранитель лжи» Энтони Кейва Брауна). — Занимательная вещь: 70 процентов в ней правды и 70 процентов этой правды представляет большую важность; 15 процентов — нереальная выдумка, остальное — модное сейчас, к сожалению,

украшательство, которое только отвлекает внимание читателя. Вся трудность в том, что неспециалисту трудно определить, что же в книге не соответствует действительности. Я заказал книгу «Почтенный школьник». Из написанного Ле Карре вступления у меня сложилось впечатление, возможно, неверное, что он меня не любит. Но мы щедры и не возражаем против его невероятных преувеличений».

Наша переписка прерывалась лишь один раз — когда я дал цитату из письма Филби в статье, которую написал для «Санди таймс». *Я* процитировал мнение Филби о книге Эндрю Бойле «Климат измены», в которой Энтони Блант изобличается как агент русских. Сам Филби не особенно возражал против того, чтобы его цитировали, хотя он говорил мне в Москве, «если бы я знал, что вы собираетесь обнародовать мои мысли, я бы более тщательно их отрабатывал». Но, очевидно, наставники Филби из КГБ возражали против подобного использования личной переписки, и она прекратилась более чем на год.

Когда до меня дошли слухи о болезни Филби, я написал ему письмо, в котором указал, «что, поскольку в политическом международном климате появились признаки улучшения, не пришло ли время и ему внести в этот процесс свой вклад. Общественность никогда не упускала вас из виду. Сейчас идет новая волна интереса к вашей жизни, карьере, убеждениям», — писал я.

«Появилось поколение людей, которое находится под большим воздействием той скупой информации о вас, которой оно располагает. В подтверждение этого посылаю вам вырезку из газеты «Обсервер», в которой говорится о Джулии Берчилл, являющейся выразителем настроений молодых англичан. В качестве своего героя Джулия рассматривает только вас и Грэма Грина.

Мне кажется, что нам следует подробно побеседовать о ваших взглядах. Беседу можно записать на пленку, чтобы потом по каналам Би-би-си показать всему миру. Би-би-си поддерживает эту идею и хотела бы дать эту запись в качестве заглавной части своей пользующейся большим успехом серии «Товарищи», в которой о жизни в Советском Союзе рассказывается больше, чем во всех подготовленных до сих пор материалах».

Прямого ответа на это предложение Филби не дал, но в письме одному из своих детей сообщил, что получил мое предложение, но вынужден ответить отказом.

Относительно телевидения он повторил свое мнение, высказанное ранее в одном из своих писем ко мне: «У меня снобистское неприятие тележурналистики. Жужжание камер,

бесчисленные провода и маленькие человечки, согнув тела в три погибели и пятящиеся задом, — все это снижает торжественность или трогательность события».

И Филби добавляет: «Только Найтли и его записная книжка — это еще приемлемый вариант».

Узнав об этом, я написал Филби письмо, в котором указал, что разделяю его мысли о телевидении, что намереваюсь поехать в США, Австралию и Индию и, возможно, на пути домой мы, наконец, могли бы встретиться. Филби не ответил, поэтому я вновь написал ему из Индии. Я сообщил, что мы с женой будем в СССР в составе туристской группы по случаю 70-й годовщины Октябрьской революции. В письмо я вложил маршрут нашей поездки, список гостиниц, где будем останавливаться, и вновь указал, что, если у Филби есть время и он достаточно здоров, мы могли бы встретиться.

Во время ноябрьской поездки по СССР я о Филби ничего не слышал, но по возвращении в Лондон получил от него письмо, датированное 13 ноября 1987 года. Филби писал: «Дорогой Найтли! Ваше письмо из Индии шло шесть недель, так что о возможности за рюмкой поболтать с вами узнал слишком поздно. Если вы еще не передумали, в недалеком будущем мы могли бы встретиться и обо всем поговорить.

Мы пришлем вам телеграмму с приглашением прилететь на несколько дней в Москву. Естественно, что вы прибудете без этих телекамер и магнитофонов. Только вы, ваша жена и ваша записная книжка — в таком порядке.

Договоримся еще о некоторых деталях. Я очень дорожу своим уединением и не хочу, чтобы вы оказались перед дверью моей московской квартиры в сопровождении всего корпуса московских иностранных журналистов. Кроме того, утечка с вашей стороны информации о целях поездки поставит договоренность под вопрос.

И наконец, я благодарю вас за то терпение и благожелательность, с которыми вы вели переписку со мной.

Передайте привет и наилучшие пожелания вашей супруге. Ваш Г. А. Р. Филби».

2 декабря я получил телеграмму: «Можете ли прибыть в Москву во второй половине января? Ответ телеграфируйте. Филби». Я ответил, что эти сроки нас устраивают. Наконец 8 января пришло приглашение: «Ожидаем прибытия вас с супругой. Телеграфируйте дату и номер рейса. С приветом Филби».

Я представил эту телеграмму и другие документы на получение визы в советское консульство на Бейсуотер Роуд. Помня предупреждение Филби о том, что «утечка с вашей

стороны информации о целях поездки поставит договоренность под вопрос», я никому не говорил о поездке и старался избегать контактов с коллегами.

Но, войдя в консульство, я увидел двух журналистов из лондонской газеты «Дейли миррор», спорящих с консульским работником по поводу получения виз для поездки в СССР. К счастью, они не знали меня. Я специально подошел к дальнему от них окошку. Но дальнейший ход событий пошел по непредвиденному мною неблагоприятному пути. Просмотрев мое заявление на получение виз и внимательно изучив телеграмму Филби, сотрудник консульства громко спросил: «Кто такой Филби и где он работает?» В предупредительном жесте я поднес палец к губам, кивнув в сторону журналистов из «Дейли миррор», жестом попросил дать ручку и листок бумаги, на котором начеркал: «Филби — это генерал КГБ». Просунул этот листок сотруднику консульства под решетку окошка. Прочитав, он с удивлением посмотрел на меня и исчез в соседней комнате. Появившись через несколько минут, он шепотом сказал мне, что «виза будет готова завтра утром».

Мы прилетели в Москву в понедельник вечером 18 января. В тот год зима была очень мягкой. В течение нескольких недель температура колебалась около нуля градусов по Цельсию, улицы города были покрыты не снегом, а грязной жижей. Мы прошли через паспортный контроль, вместе со всеми постояли в очереди к сотруднику таможни, затем женщина из Интуриста направила нас к такси, на котором мы доехали до гостиницы «Белград». Мы находились в номере не больше двадцати минут, когда зазвонил телефон. Поскольку это был мой первый разговор с Филби, я его хорошо запомнил. После небольшой паузы послышался голос:

— Это вы, Найтли?

Я. Да.

Филби. Говорит Ким Филби.

Я. Здравствуйте, господин Филби.

Филби. Рад вас слышать и рад, что вы прибыли благополучно. Очень устали, или хотите провести вечер с нами?

Я. Мы предпочитали бы последнее.

Филби. Будете ли готовы поехать к нам минут через 20?

Я. Конечно.

Филби. Хорошо. Минут через 25 спускайтесь в фойе, мой сосед заберет вас.

«Соседом» Филби оказался Владимир, крупный, жизнерадостный молодой человек, в черном кожаном пальто. Возможно, он и жил по соседству с Филби, но, как позднее признал сам Ким, Владимир являлся офицером КГБ из

административной секции. Он проводил нас к маленькой автомашине черного цвета. За рулем сидел еще один сотрудник КГБ, Борис, который потом регулярно возил нас на встречи с Филби. Поскольку Филби ранее предупредил, что свой домашний адрес он никому не дает, мы ожидали, что на пути к его квартире мы будем петлять. Однако нас повезли прямо к Филби. Иногда машина притормаживала, и Владимир указывал шоферу дорогу. Поскольку дело происходило ночью, а для левого поворота в Москве приходилось делать большие объезды, я не запомнил дороги к Филби. Но понял, что он живет в центре города.

Последняя часть поездки проходила по узкой тупиковой дороге. С одной стороны виднелся небольшой сквер с несколькими деревцами, с другой — большое здание довоенной постройки. Спустившись по ступенькам вниз, мы в сопровождении Владимира подошли к довольно старому лифту (как позднее шутил Филби, «однажды вечером приходившие ко мне генералы застряли в нем на несколько часов»). На пятом или шестом этаже мы оказались перед обычной, обитой по русскому обычаю дверью с кнопкой и глазком, но без таблички с фамилией владельца. (Точно определить этаж невозможно, так как лифт останавливался на каждой площадке и всякий раз Владимир нажимал кнопку, чтобы продолжить движение. Указателей этажей на лифте не было.) Владимир позвонил. Небольшая задержка, пока нас рассматривали в глазок, затем появляется Филби, сам разведчик — ас, который пожимает нам руки, улыбается, представляет свою жену, снимает с нас пальто — очаровательный английский хозяин во всех отношениях.

— Проходи, дружище, — сказал Филби, провожая нас в прихожую. — Чувствуйте себя как дома. Что бы вы хотели выпить?

После первой стопки я заметил Филби, что он отлично выглядит (ранее я видел фотографии Филби, снятые его родственниками два или три года назад, на которых он выглядел очень плохо: обрюзгшим, располневшим, старше своих лет). Сегодня перед нами был другой человек: стройный, энергичный, моложавый, очаровывающий нас добродушным юмором. «Я чувствую себя очень хорошо, — сказал он, — это одна из причин моего согласия на ваш приезд в Москву. Появились слухи, исходившие, очевидно, из Канады, что я дошел до точки: болен, всеми брошен на произвол судьбы, жажду возвращения в Англию. Убедитесь сами, что это не так. Начнем работать?» *Я* ответил, что сегодня хотел бы отдохнуть, насладиться компанией. А работать можно начать завтра. Ответ, очевидно, устроил Филби: «Подайте ваш бокал,

Найтли. Мне нравятся люди, которые могут отдыхать».

Филби жил в очень хорошей благоустроенной квартире. Ранее она якобы принадлежала сотруднику МИД. Когда этот сотрудник переехал в новый дом, КГБ предложил ее своему асу, который до этого проживал в более скромной квартире на окраине города. «Я сразу же согласился, — сказал мне Филби. — Центральный район города и настолько тихо, как будто вы живете в далеком пригороде. Окна выходят на восток, юго-запад и запад, поэтому круглый день у меня солнце». За квартиру Филби платит в целом 80 рублей в месяц.

Из большой прихожей можно попасть в спальню, ванную, туалет, кухню и большую гостиную-столовую. Из гостиной виден просторный кабинет Филби. В нем письменный стол, пара кресел, картотека и большой холодильник. Пол застелен ковром. На полках, которые занимают три стены, размещена библиотека хозяина, насчитывающая около 12 тысяч томов.

Отдельная секция библиотеки отведена книгам о шпионах. В ней я отметил такие вещи, как «Охотник за шпионами» Питера Райта («мне ее подарил Грэм Грин»), «Человек, который хранил секреты: Ричард Хелмс и ЦРУ», «История британской секретной службы», «Хранитель лжи», «Совершенно секретно, ультра», «Анатомия предательства», «Антология литературы о шпионах», и другие. Читал Филби и книги в жанре шпионской фантастики. Это произведения Алана Уильямса (сам Филби является героем одной из его книг), Джона Ле Карре и Грэма Грина. В библиотеке Филби собраны все книги Грина.

На письменном столе Филби лежала пачка газет «Таймс», последний номер журнала «Индепендент», ящички с входящей и исходящей почтой, точилка для карандашей, календарь, стояла настольная лампа в виде гармошки. Из старой вазы торчали ручки и карандаши. На стене напротив письменного стола висела большая фотография отца Филби — Гарри Сент-Джона Бриджера Филби (известного по имени Сент-Джон), арабиста, одетого в национальную одежду. Под портретом висела аккуратно заделанная в рамку фотокопия двух страниц из рукописи отца Филби, исполненных аккуратным, очень мелким почерком. «Посмотри на эти страницы, — сказал Филби. — Какая ясность мысли — только два исправления на целую страницу».

На стене в рамках висели 2 большие фотографии Че Гевары. «Я привез их с Кубы», — ответил Филби на мой вопрос. «Вам подарил их Кастро?» — «Нет. Я не встречался с Кастро. Это от кубинских коллег». По каким-то причинам Филби не захотел продолжить разговор о Че Геваре, и дальнейшего развития эта тема не получила.

Я спросил Филби, не оборудован ли звукозаписывающей техникой его кабинет. Он ответил: «Не имею ни малейшего представления, да меня это и не беспокоит. Однако это вряд ли возможно. Бесполезно записывать чьи-либо разговоры, если не намереваются прослушивать пленки или прочитывать их расшифровку. А для этого потребовалось бы очень много времени, специалистов и денег».

Ужинали мы за маленьким столиком. В столовой стоял также прекрасный антикварный большой стол испанского производства, подаренный Филби его другом Томми Харрисом, дилером художественных и антикварных изделий, который в годы войны работал следователем в британской контрразведке МИ-5. Поскольку нас было только четверо, ужинать за маленьким столом было удобнее. У дальней стены стоял сервант с фарфоровым сервизом английского производства — свадебный подарок Филби от КГБ. Стены были украшены эстампами. Один из них — прощальный подарок от друга Филби — хранителя королевских картин — сэра Энтони Бланта, который также работал на советскую разведку. На стенах висело несколько небольшого размера шкур животных и пара старинных испанских дуэльных пистолетов.

Ужин приготовила сама госпожа Филби. Польскорусского происхождения, она любила комбинировать блюда этих кухонь. К столу были поданы черная и красная икра, осетрина, семга, окорок, шпроты, селедка, маринованные огурцы, черный и белый хлеб, холодное жареное мясо, жареная картошка, апельсины. Для сервировки стола использовались салфетки, на которых были изображены типично английские сюжеты, в том числе и не совсем уместный здесь лондонский Тауэр, традиционное место казни государственных преступников. На столе было шампанское, белое и красное грузинское вино и шотландское виски.

Филби наполнил шампанским хрустальные бокалы и предложил тост. «Сегодня двойной повод для торжества, — сказал он. — Во-первых, вы первый западный журналист, которого я пригласил здесь к себе домой. Во-вторых, через несколько дней исполнится двадцать пять лет с тех пор, как я приехал в Советский Союз».

Так начались наши беседы. Они всегда проходили в вечернее время: до и после ужина. Иногда в хронологической последовательности мы «проходили» по жизненному пути Филби. В других случаях я задавал Филби большое число заранее подготовленных вопросов. Иногда я оставлял ему для просмотра книги и документы, которые он комментировал на очередной встрече. Как бы поздно я ни возвращался в гостиницу, я всегда

делал подробные записи состоявшейся беседы, с тем чтобы иметь возможность уточнить у Филби все неясные моменты.

После шести дней бесед как Филби, так и я чувствовали себя уставшими, и, я думаю, он был рад распрощаться со мной и со своим прошлым, о котором я ему напомнил. У меня были три полностью заполненные записные книжки (некоторые записи были сделаны самим Филби) и три фотопленки. Их должно было бы быть четыре, однако не получилось снимков, которые я пытался сделать в грузинском ресторане: я забыл зарядить пленку. Возможно, это произошло из-за 600 граммов заказанной Филби водки.

В самолете меня не оставляла мысль о том, как лучше всего реализовать на Западе беседы с Филби. Я мог бы опубликовать их содержание, разбив по темам или по событиям. Но при такой системе не учитывались бы интересы целого поколения читателей, выросших в стране после перехода Филби в СССР, которому в этом случае было бы трудно понять всю ситуацию. В конце концов я решил изложить материалы в виде биографии Филби, как это было сделано газетой «Санди таймс» в 1968 году, использовав при этом всю новую информацию, в том числе комментарии и наблюдения, сделанные Филби во время московских бесед.

Правда, это означает, что асам шпионского дела при чтении этой книги придется столкнуться с материалами, которые, по их мнению, они хорошо знают. (Однако и им следует быть готовыми к неожиданным открытиям.) Но следует отдать предпочтение не созданию удобств для некоторых избранных читателей, а ознакомлению молодого поколения англичан с жизнью замечательного человека, его политическим и личным мотивациям, и также темным сторонам шпионского ремесла, которое до сих пор оказывает отрицательное воздействие на нашу жизнь.

1988 год

ГЛАВА I. ПО СТОПАМ СВОЕГО ОТЦА

Ким Филби считает, что его предки вышли из Дании, и первоначально их фамилия начиналась с буквы «Ф». «Кто впервые заменил «Ф» на «Пх» — никто не знает», — заявил он. Есть местечко Филби Брод в Восточном Норфолке, существует общество «Филби Сосайэти». В Эссексе фамилия Филби (начальная буква «РЬ») прослеживается вплоть до восемнадцатого столетия. И таким образом, Ким Филби является продолжателем старинного рода. В 1883 году дед Кима Филби Монги, лихой, но довольно безалаберный владелец кофейной плантации на Цейлоне (Шри Ланка) женился на Квини Дункан. Квини, или Мэй, как ее все называли, происходила из известной семьи военных: не менее 141 ее родственника принимали участие в первой мировой войне. Военная традиция в семье продолжалась и дальше: один из ее представителей стал фельдмаршалом Монтгомери и, таким образом, Филби является отдаленным родственником известного британского полководца.

У Мэй и Монти Филби было четыре сына: Ральф, Гарри, Гарольд и Деннис. В соответствии с английской семейной традицией, которая прослеживается во многих поколениях, мальчики сразу же получили прозвища Том, Джек, Тим и Пэдди, что явилось впоследствии причиной многих курьезных ситуаций. Джек (а в действительности Гарри Сент-Джон Бриджер Филби) является отцом Кима (а в действительности Гарольда Адриана Рассела Филби).

Мать Кима Дора Джонстон, красивая рыжеволосая женщина, являлась дочерью старшего инженера железнодорожной службы индийской провинции Пенджаб. Высказывается возможность наличия у нее индийской крови. В одной из публикаций говорится: «Хотя родители Доры имели смешанное европейско-азиатское происхождение,

они были приняты в британскую общину». В другом документе упоминается о переживаниях Доры после получения писем от индийских родственников, в которых говорилось о неопределенном социальном статусе ее будущей невестки. Дора передала эти письма своему сыну, и Ким подробно написал о глубоких шотландских корнях своей матери по линии ее отца. Однако о матери Доры Филби лишь сказал, что ее девичья фамилия была О'Коннор, что она воспитывалась в Индии и что от нее у Филби есть толика ирландской крови. Вполне возможно, что мать Доры имела в какой-то степени индийское происхождение, но точных данных нет.

По поводу своего темного цвета лица Сент-Джон обычно рассказывал маловероятную историю о поездке семьи на Цейлон, когда он был еще маленьким ребенком. Во время остановки на ночь в правительственном загородном доме слуги нечаянно оставили его одного. По возвращении они увидели цыганку, нянчившую двоих детей: своего собственного и Сент-Джона. Дети были очень похожи друг на друга, и, поскольку цыганка некоторые вещи Сент-Джона надела на своего сына, точно определить, кто есть кто, было невозможно. «Слуги сделали все, что могли, — обычно говорил с ухмылкой Сент-Джон, — но принесли ли они его родителям их ребенка?»

Сент-Джона Филби такие мелочи совершенно не беспокоили. Он был одним из тех англичан, которого всю жизнь влек к себе Восток и который быстро устанавливал близкие отношения с любым местным человеком. У него были настолько хорошие отношения с индийцами, что один из начальников Филби по работе в индийской гражданской службе сделал такую запись в его личном деле: «Слишком много общается с местным населением». Сент-Джон принял мусульманское вероисповедание и взял саудовскую девушку из числа рабынь в качестве второй жены. Он жил в Мекке, одевался в арабскую одежду, хорошо себя чувствовал во время кочевок с любым из местных племен, ел мясо верблюда и держал у себя абиссинских бабуинов. Он говорил на нескольких языках: французском, немецком, персидском, арабском, пушту и пенджаби. Но он никогда не переставал быть англичанином. Он дважды выставлял свою кандидатуру в парламент, сотрудничал в газете «Таймс», завоевал международные награды как исследователь Аравии, был членом лондонского литературного клуба. (В те времена лондонские клубы, даже в большей степени, чем сегодня, были влиятельными центрами, где регулярно встречались люди, разделявшие общие интересы. Для человека, разбирающегося в социальных различиях каждого клуба, не представляло труда указать происхождение любого лица и его взгляды лишь по названию клуба, к которому он принадлежал. Членство в престижном клубе могло быть и рекомендацией и ключом к успеху.) Сент-Джон — это такой человек, который мог бы завоевать мировое признание. Он был энциклопедистом. Со знанием дела мог говорить об истории и классической литературе, политике и экономике, исламе, финансах и праве, современной литературе Франции и Германии, орнитологии и геологии, картографии и геологической разведке. Он исследовал районы Аравийского полуострова, неизвестные даже Бертону и Даути [4], нанес их с такой точностью на карты, что они используются до сих пор при ведении геологической

разведки. Он награжден медалью королевского картографического общества, получил медаль Бертона номер один от королевского азиатского общества. Он значительно дополнил британскую коллекцию геологических и зоологических образцов с Аравийского полуострова. Он собрал коллекцию и изучил ранние семитские надписи. При его участии число таких надписей увеличилось от двух до тринадцати тысяч.

Сент-Джон был прекрасным администратором. Его идеи в этой области опережали время. Он должен был бы входить в руководство индийской гражданской службы, а по мнению некоторых лиц, даже в штат вице-короля. Но ему всегда не везло. Он упускал шансы, нередко из-за своего упрямства, обостряя отношения с начальством. В конце своей жизни он большую часть времени тратил на споры'с правительственными чиновниками, постоянно обвиняя руководство страны в вероломстве, лживости, моральной деградации.

Из своего детства Сент-Джон помнил, как трудно было матери воспитывать своих детей после того, как в 1901 году она уехала от Монти из Цейлона и возвратилась в Англию. Он помнил замешательство матери, когда торговцы настаивали на оплате счетов. Сент-Джон поклялся, что не только избавит свою жену Мэй от подобных невзгод, но и что такое никогда с ним не случится. И тем не менее большую часть жизни у него не хватало денег, он всегда отбивался от кредиторов, испытывая беспокойство по поводу обеспечения своей семьи и оплаты учебы детей, унижал себя, занимая деньги у людей, стоящих ниже его по положению. Времена, когда его финансовое положение не внушало тревоги, были редки. В таких случаях его письма свидетельствовали о хорошем настроении. «Деньги текут в мои карманы». Но счастья не было.

Однако Сент-Джон редко пребывал в угнетенном состоянии. Обладая удивительной энергией, он вел интересную жизнь. Из-за откровенности и прямоты многие не любили его, его убежденность в своей постоянной правоте делала многих из его окружения врагами. (Тот факт, что Сент-Джон действительно часто был прав, не улучшал положения.) Его семейная жизнь была по меньшей мере странной — своих новых любовниц Сент-Джон всегда обсуждал со своей женой и тем не менее она была верна ему. Дети и внуки обожали его. Однажды он написал: «Я стремился к известности и всегда изо всех сил боролся за это». Известности Сент-Джон достиг. Когда он умер в 1960 году в Бейруте, Ким поставил на его могиле памятник с надписью: «Величайшему из исследователей арабского мира». В конце 1980-х годов это кладбище, расположенное в районе Баста, находилось

в центре ожесточенных боев в Бейруте. Памятник, возможно, был разрушен, но воспоминания остались.

Уход из дома отца Сент-Джона Монти и его откровенное нежелание помогать семье означали, что приличное образование его сыновья могли получить только за счет своего труда. В 1898 году Сент-Джон сдавал экзамены на право получения стипендии в Вестминстерской школе и в тринадцать лет стал стипендиатом. Эта школа была основана королевой Елизаветой I, и само ее расположение — рядом со зданием парламента, в пределах слышимости Биг Бена, в тени Вестминстерского аббатства — создавало для этого заведения такое место в британском истеблишменте, какого не было почти ни у какой другой государственной школы. В последнем номере школьного журнала в колонке под названием «Не для комментариев» имеется такая фраза: «Не может у нации быть все хорошо, когда у Вестминстерской школы плохо».

Королевские стипендиаты составляли элиту школы. Сент-Джон оправдал надежды. Принявший решение быть первым во всем, он завоевал школьные призы по крикету и футболу, получал высшие оценки по всем предметам, принимал участие в коронации Эдварда VII и, к своей великой радости, в последний год учебы был выбран старостой школы. Колледж Тринити Кембриджского университета и колледж Крайст Черч Оксфордского университета традиционно давали стипендии выпускникам Вестминстерской школы, и в 1904 году Сент-Джон получил стипендию в Тринити по классической литературе.

Он легко вошел в университетскую жизнь. Занимался спортом, играл в шахматы, принимал участие в театральных постановках, активно участвовал в жизни своего колледжа. Но будучи убежденным, что он пришел в университет за знаниями, Сент-Джон с головой ушел в работу. Он много читает, размышляет, дискутирует, занимается критикой, охватывает основы британского университетского образования. В первый год учебы он вступил в общество «Магпай и Стапм», призванное улучшать ораторские способности студентов колледжа, которые должны были произносить речи на темы обычно несерьезного характера, о которых они имели самое смутное представление.

«Сент-Джон рекомендовал в члены этого клуба Джавахарлала Неру, будущего премьер-министра Индии», — как-то в Москве спустя 80 лет после этого события заметил Филби. Мы как раз говорили об Индии, и я предложил ему подумать о поездке туда. «Отношения между СССР и Индией очень хорошие», — сказал я. «С визой проблем не должно быть, — ответил Ким Филби, — я надеюсь. В конце концов, мой отец и дед Раджива

Ганди были друзьями в Кембридже».

В 1906 году, узнав, что занял только второе место по результатам первой части экзамена по классической литературе, Сент-Джон переключился на изучение современных языков и на каникулы стал выезжать на заработки во Францию и Германию. Его старания были вознаграждены. Он не только занял первое место на экзаменах для получения знаков отличия по современным языкам, но и был награжден стипендией колледжа Тринити, которая позволяла ему остаться в университете еще на один год после решения вопроса о работе в индийской гражданской службе. Квалификационные экзамены Сент-Джон

сдал сорок седьмым и после изучения в течение года восточных языков, права и истории Индии в ноябре 1908 года отплыл в Бомбей.

Если Сент-Джон Филби считал, что обеспеченная работа в индийской гражданской службе с ее регулярными повышениями и добавками в зарплате положит конец финансовым проблемам семьи, то ему пришлось испытать глубокое разочарование. Хотя для молодого холостяка пребывание в Индии было относительно дешевым, семейная жизнь с ее дополнительными финансовыми и социальными проблемами — совершенно иное дело. Руководство индийской службы не поощряло женитьбу своих молодых служащих, пока они не проработают три года или лучше пять. Но Сент-Джон не мог ждать. Он пренебрег советами своих начальников и в сентябре 1910 года женился на Доре, не проработав в Индии и двух лет.

Из писем Сент-Джона видно, насколько тяжелым стало его финансовое положение. Было крайне трудно создать для Доры приличные условия для ведения домашнего хозяйства и одновременно помогать своей матери. Вдобавок ко всему Сент-Джон, уже попавший в определенную немилость у своего начальства из-за игнорирования их рекомендаций о создании семьи, совершил более серьезную ошибку. При расследовании дела о смерти индуса-дервиша, которого выбросили с мусульманской свадьбы, ему пришлось заниматься протоколом о вскрытии трупа, составленным хирургом-мусульманином, помощником у которого был индус из касты неприкасаемых. По заключению хирурга, умерший индус страдал от болезни селезенки и легкого удара было достаточно для лишения его жизни. Сент-Джон посчитал, что заключение не соответствует действительности, что участники этой процедуры вступили в сговор с целью сокрытия правды. Человека, ударившего дервиша, он привлек к суду по обвинению в убийстве, а хирурга отстранил от исполнения своих обязанностей до окончания расследования.

Доктор из числа английских граждан провел новое анатомическое обследование. По его заключению, у дервиша была совершенно здоровая селезенка. Сент-Джон, убедившись в своей правоте, обвинил хирурга и его помощника в лжесвидетельствовании, приказал их арестовать и не разрешил освободить под залог. Филби должен был бы понимать, что дело принимало серьезный этнический оборот: был убит индус, один мусульманин обвинен в убийстве, другой вместе с индусом из касты неприкасаемых обвинены в лжесвидетельствовании. Но он никак не мог предусмотреть дальнейшего развития событий. У полицейских, доставлявших хирурга и его помощника в тюрьму, была только одна пара наручников, поэтому происходивший из благородной семьи доктор-мусульманин и индус из самой низшей касты были скованы вместе и в открытой повозке на виду у всего города препровождены к месту заключения. Когда районный комиссар узнал об этом деле, он приказал освободить их под залог, что было вполне законным делом. Местная пресса уже шумела по поводу случившегося.

В конце концов мир удалось восстановить. Обвинение в убийстве было снято, потому что основное доказательство — медицинское заключение о состоянии селезенки — было признано недействительным. Хирург-мусульманин и его помощник были преданы суду и по тем же соображениям оправданы. Однако вину нужно было на кого-то возложить. Конечно, Сент-Джон превысил свои полномочия, отказав арестованным в праве быть отпущенными под залог. Филби был объявлен выговор и в его личное дело внесена запись, согласно которой Сент-Джона нельзя повышать в должности до начальника подотдела, пока он не приобретет необходимой для этого квалификации.

Это ограничение лишало Филби прибавки к зарплате, и Сент-Джону пришлось использовать свои знания языков, чтобы иметь дополнительный заработок. Для того чтобы стимулировать у сотрудников желание изучать индийские языки, руководство индийской гражданской службы вознаграждало лиц, успешно сдавших экзамены, единовременным пособием и регулярно выплачивало деньги за знание языков. Выплаты были довольно значительными, и за период с 1911 по 1915 год Сент-Джон заработал таким образом около 10 тысяч рупий (по сегодняшнему курсу около 20 тысяч фунтов стерлингов, или 36 тысяч долларов). Эти деньги, конечно, очень помогли Филби, но его мать не могла жить экономно, поэтому Сент-Джон порекомендовал ей продать квартиру в Лондоне и приехать к нему в Индию.

Мэй прибыла в Индию 1 января 1912 года, в день, когда у

Сент-Джона и Доры родился первый ребенок — мальчик, которого они назвали Гарольдом Адрианом Расселом. К тому времени семья Филби переехала в город Амбала, штат Пенджаб. Это было очень приятное место, жизнь в котором отличалась большим разнообразием. Дора окунулась в местную атмосферу. Будучи неплохим игроком в теннис, она была участницей многих соревнований, оставляя своего сына на попечении свекрови и няни из местных жителей. При выездах за город Сент-Джон и Дора часто брали малыша с собой. Вскоре Гарольд Адриан Рассел, как и его отец, дядя и бабушка, получил прозвище Ким, в честь славного героя одноименного романа Киплинга. В Москве Гарольд Адриан Рассел Филби рассказал мне, как это случилось: «Я проводил со слугами и местными жителями больше времени, чем со своими родителями, и вскоре узнал несколько слов на пенджаби. Однажды зайдя на кухню и услышав мою болтовню, отец воскликнул: «Боже мой, он же настоящий маленький Ким». Все стали называть меня Кимом и имя прижилось».

Когда Киму исполнилось три года, Сент-Джон стал готовить его для поступления в Вестминстерскую школу. Он начал искать преподавателя, который мог бы обучать Кима немецкому языку. Стал проводить с мальчиком гораздо больше времени, и когда был переведен на работу в Калькутту в качестве секретаря экзаменационной комиссии по бенгальскому языку, взял с собой Дору и Кима. Они жили вместе с Сент-Джоном до переезда семьи на летний сезон в горное местечко Дарджилинг.

Это было приятное время. Как раз в этот период Сент-Джон был при деньгах. Все омрачило известие о гибели брата Пэдди во Франции вскоре после начала первой мировой войны. Сент-Джон бомбардировал своими письмами мать, которая к тому времени возвратилась в Лондон, обращаясь к ней за содействием в зачислении на военную службу. Такая возможность представилась в ноябре 1915 года, когда Сент-Джон был зачислен в состав английского экспедиционного корпуса, сражавшегося в Месопотамии [5] с турками. Филби выполнял обязанность гражданского администратора на оккупированных территориях. Но он, кажется, занимался и разведкой. Есть данные о том, что, переодетый под нищего араба, он обследовал транспортные магистрали в пригородах Багдада.

В Багдаде Сент-Джон находился недолго. Вскоре он начал активно заниматься претворением в жизнь британского плана подготовки восстания арабов против турецкого правления. Как обычно, у Филби были свои идеи относительно путей достижения этой цели, которые не совпадали с мнением по этому вопросу заместителя главы британской политической миссии Арнольда

Вильсона, который позднее прославился в палате депутатов британского парламента тем, что обещал отхлестать любого журналиста, который осмелится его критиковать. Неблагоприятной для Сент-Джона конфронтации удалось избежать, когда Филби было предложено место в составе политической миссии при короле Ибн-Сауде. Он даже не подозревал, насколько радикально изменит всю его жизнь решение согласиться с этим предложением. Между английским администратором и бедуинским монархом завязалась прочная дружба. Ибн-Сауду очень нравился этот упорный, логически рассуждающий англичанин, который не боится высказывать свое мнение и который любит пустыню не меньше арабов. («Филби из группы в тридцать пять бедуинов, — писал один араб из Таифа, — можно отличить только по недостаточно грязным ногам».)

Сент-Джону нравился аскетизм, строгая мораль арабов. Их социальная система, в основе которой лежала доброжелательная, но в то же время самодержавная монархия, импонировала его пуританскому складу характера. И подобно многим британским арабистам, Сент-Джон считал, что Великобритания вела двуликую политику по отношению к арабам во время первой мировой войны. В обмен на помощь в борьбе против турок, Великобритания обещала дать им самоопределение. Но эти обещания были цинично проигнорированы в лондонском соглашении Сайкса-Пико (1915), по условиям которого Франция и Великобритания поделили между собой Средний Восток. Это двуличие нашло дальнейшее выражение в декларации Бальфура (1917), в которой Палестина была обещана евреям. Сент-Джон Филби пришел к заключению, что правителям Великобритании нельзя доверять, и он взял на себя задачу оказывать саудовцам помощь в их отношениях с вероломным Альбионом.

Сент-Джон долго без семьи находился в Саудовской Аравии. В это время Дора и Ким проживали вместе с бабушкой Мэй в городке Кэмберли, графство Суррей. Поскольку Дора часто выезжала к Сент-Джону, на воспитание Кима большое влияние оказывала бабушка Мэй. Это привело к тому, что Ким многое заимствовал у нее. Она воспитала его в духе любви к Сент-Джону. Как говорила бабушка Мэй: «Он научился сморкаться в платок гораздо раньше своих сестер — после Кима у Доры родились три дочери, — стремясь издавать при этом те же звуки, что и его обожаемый отец». Во время своих кратких визитов в Лондон Сент-Джон видел отношение к себе сына. Он обратил внимание на высокое общее развитие Кима, его интеллигентность. Сент-Джон решил воспитывать сына по своему подобию. В январе 1919 года

он прибыл в Лондон, снял дом на Сан-Петербург Плейс, в Бейсуотере, где собрал всю свою семью. В качестве первого шага для подготовки Кима в Вестминстерскую школу он поместил его в подготовительные классы Алд-ро в Истборне.

Там Ким добился замечательных успехов. Хотя он был почти на год моложе своих товарищей, он преуспел и в учебе и в спорте. Был первым учеником, старостой класса, завоевал многие спортивные награды. Ким входил в первую команду игроков в крикет, обладал неплохим ударом, отлично ловил мяч на поле. Он хорошо играл в футбол в составе первой команды школы, выполняя функции правого полусреднего. Отлично играл он и в регби. Был командиром отряда, который по строевой подготовке занял первое место в школе. На соревнованиях боксеров полусреднего (детского) веса он занял в школе первое место. Выигрывал Ким и школьные соревнования по шашкам. Имеющиеся в школе записи о выступлении команды Кима свидетельствуют о том, что он стремился иметь хорошие результаты во всех делах, которыми занимался. Он ушел из трехчетвертной линии регбистов, потому что у него не хватало в росте «нескольких дюймов», как об этом говорилось **В ШКОЛЬНОМ** журнале. Он решил, что будет играть в защите, где рост не имел большого значения. Ким упорно тренировался и вскоре был снова принят в команду в качестве защитника.

Естественно, Сент-Джон был доволен результатами сына и всячески помогал ему. Сент-Джон выступил перед учащимися школы с сообщением о Саудовской Аравии. Летом 1923 года вместе с Кимом объездил весь Средний Восток, посетив Дамаск, Баальбек, Сидон, Тир, Назарет, Хайфу, Акру и Иерусалим.

Поездка дала Киму очень интересный материал для написания рассказа в школьный журнал на тему: «Мой самый интересный день во время каникул». Если другие школьники писали о посещении зоопарка, то рассказ Кима начинался так: «Накануне шейх Адвана отверг приказ эмира Абдуллы о сдаче, поэтому эмир держал совет с полковником авиации Макэваном и моим отцом, Сент-Джоном Филби, относительно дальнейших действий». Далее в рассказе говорилось о налете авиации на лагерь шейха, во время которого, как писал Ким, было убито около 70 арабов. Сам Ким летел в бомбардировщике королевских ВВС. «На безопасном расстоянии мы облетели поле боя, затем спустя полчаса приземлились и позавтракали с эмиром Абдуллой. После завтрака нам передали два больших ковра как часть нашей добычи». С некоторыми понятными преувеличениями, особенно в части жертв, Ким описал реальные события. Неудивительно, что репутация Кима в школе была очень высокой. «Это был

удивительный ученик, — вспоминает Ричард Фичем, учившийся вместе с Кимом в школе Алд-ро. — Я был в младшем классе и очень гордился им».

Весной следующего года Сент-Джон прибыл в отпуск. Он уходил из индийской гражданской службы на пенсию и на половину своей пенсии, составлявшей 700 фунтов стерлингов в год, решил купить дом в Лондоне. (Позднее он остановил свой выбор на викторианском особняке на Аколь Роуд в Вест Хемпштедте, который был достаточно большим не только для его сына и дочерей, но позднее и для их супругов.) У Сент-Джона была и другая причина для возвращения в Лондон — содействовать Киму в его стремлении пойти по пути отца и добиться стипендии для учебы в Вестминстерской школе.

И Ким не подвел своего отца. 4 июля в школе Алдро был устроен праздник в честь успехов Кима. Утром Ким и его друзья смотрели выступление оксфордской театральной группы. В полдень Дора и Сент-Джон пригласили всех учеников и преподавателей школы на чай, мороженое и клубнику в кафе Уаннок. Позднее Сент-Джон и Ким выехали на отдых во Францию, оставив Дору в Лондоне, так как она ожидала рождения своей младшей дочери Хелены (единственный ребенок, родившийся в Великобритании). Во время наших продолжительных бесед в Москве Ким рассказал мне: «Одно из немногих критических замечаний в адрес моего отца, с которым я согласен, состоит в том, что он был лишен благородства по отношению к моей матери. Нередко он относился к ней бессердечно».

18 сентября 1924 года Сент-Джон отвел Кима в Вестминстерскую школу. Это был один из наиболее примечательных моментов в жизни Сент-Джона. Ким, которому не было еще и тринадцати лет, одетый в мантию с белым галстуком, вошел в группу королевских стипендиатов, составлявших элиту Вестминстера. Он жил в общежитии, в его маленькой комнате были лишь стол, стул и книжная полка. Центрального отопления не было, тепло исходило от топившегося углем камина, который можно было топить, когда наступала настоящая зима. В Вестминстере Ким, кажется, потерял интерес к спорту, за исключением гимнастики, переключив все внимание на классическую музыку. Он не считался слишком одаренным учеником. Хороших результатов достигал за счет прилежной учебы и настойчивости, а не природных данных. Пятый класс он начал семнадцатым, а закончил вторым, в шестом был сначала в самом конце списка, а поднялся на самый верх, завоевав премию по истории. Упорно следуя по стопам отца, Ким в семнадцать лет был первым из трех учеников, отобранных для поступления в

колледж Тринити Кембриджского университета. Казалось, что этот спокойный юноша, с небольшим дефектом речи (заикание) пойдет по стопам своего отца и поступит на работу в индийскую гражданскую службу. Правда, у Кима недоставало тех личных качеств, которыми обладал его отец.

В Вестминстерской школе Филби провел свои юношеские годы. Его родственники вспоминают, что у Кима были трудности в изучении религии. В школе дважды в день проводились обязательные для всех учеников церковные службы. Он должен был проходить обряд конфирмации. Отец Кима проповедовал свободомыслие, и сын полностью разделял это. У него было сильное чувство агностицизма, которое затрудняло принятие конфирмации. Но, вопреки своим принципам, Киму пришлось подчиниться школьным порядкам. Позднее он очень переживал по поводу своей моральной трусости. Проведенные в школе юношеские годы сформировали у Кима самое просвещенное отношение к сексу. Он считал сексуальный вопрос сугубо личным делом и никогда не вмешивался в дела своих знакомых, имевших какие-то сексуальные отклонения.

Лето 1929 года Ким провел в Испании, где научился управлять мотоциклом. Причем он ездил лихо, разгоняя машину до 80 миль в час, что, казалось, шло вразрез с его характером. В Москве он рассказал мне, что это и другие удовольствия сделали его пребывание в Испании самыми счастливыми днями жизни. С тех пор он полюбил эту страну. (Что сыграло значительную роль и в его карьере советского разведчика.)

В октябре 1929 года, одетый во фланелевые брюки и твидовый пиджак, выглядя, как обычно, не очень опрятно, Ким приехал в Кембридж для изучения истории в колледже Тринити. В скором времени основным увлечением студентов колледжа стала не поэзия, а политика, особенно политика левых интеллектуалов. Под влиянием этих настроений сформировалось мировоззрение Филби.

ГЛАВА II. НАЧАЛО ПУТИ

Кембриджский университет, учиться в который Ким Филби поступил осенью 1920 года, был привилегированным бастионом правящего класса Великобритании. Он расположен в очень красивом месте, где росли, учились и развлекались многие будущие лидеры страны. Кембридж славился спортивными соревнованиями и вечеринками, интересными за полночь беседами и чаем с клубникой. Принявший в свои стены Кима Филби, Гая Берджесса и Энтони Бланта, Тринити относился к числу самых больших и богатых колледжей, возможно и самым консервативным.

Приехавший в Кембридж в 1922 году профессор истории Эдинбургского университета В. Г. Кирнан таким образом высказывается о Тринити: «Внутри бросалась в глаза затхлая атмосфера, создаваемая закрытыми окнами и спущенными шторами, догорающими свечами и полусонными студентами. Снаружи — буйство реальной жизни в отличие от прошлой, покоящейся в ухоженных рядах обвитых виноградом, запыленных склепов».

Сначала Филби ничего этого не замечал. Он поселился в комнате на Джизес Лейн, 8, и принялся за учебу. Большую часть времени Ким проводил в библиотеке колледжа, почти ни с кем не общаясь. Он воздержался от вступления в какой-либо клуб, отказался от занятий спортом, в свободное время слушал пластинки и читал русскую классику. По характеристике учившегося вместе с Филби студента, «это был скромный, серьезный и очень бережливый человек».

Своих настоящих друзей он нашел в среде бывших шахтеров, учившихся в Кембриджском университете на стипендии Ассоциации по предоставлению образования рабочим. Двое из них, Гарри Доуэс и Джиле Лииз, взяли Кима под свою опеку и пытались привить ему определенные политические взгляды. Если бы эго им удалось, было бы легко объяснить мотивы принятия Кимом коммунистической идеологии. По их мнению, Филби было чуждо сознание своего класса, в нем не чувствовалось того привилегированного воспитания, которое он получил. Но в нем не было общности и с рабочим классом. Ким был безразличен как к представителям правящего, так и рабочего класса: о человеке судил по его достоинствам.

Хотя и медленно, но изменения в его взглядах все-таки происходили. Сам Филби так говорит об этом: «Кризис лейбористской партии в 1931 году впервые заставил меня

подумать о возможных альтернативных вариантах». Филби имеет в виду начавшийся в 1929 году скандал в лейбористской партии, когда премьер-министру Рамсею Макдональду не удалось предотвратить сползание нации в пропасть экономической депрессии. Отойдя от защиты интересов трудящихся масс, правительство Макдональда стало искать примирения с находившейся в оппозиции консервативной партией, отказалось от попыток повысить жизненный уровень своих сограждан, предало полмиллиона безработных и в конце концов развалилось. 24 августа 1931 года Макдональд, один из создателей лейбористской партии, вышел из нее и вместе с либералами и консерваторами сформировал новое правительство.

Едва лейбористы оправились от этого предательского удара, как на сторонников партии обрушились новые неприятности. Деловой мир стал отходить от фунта стерлингов как основной валюты, вынуждая Великобританию отказаться от золотого ее обеспечения. Произошли волнения в британском Атлантическом флоте в Инвергордоне, когда старшинский состав отказался готовить суда к выходу в море из-за принятого правительством решения сократить им зарплату. На востоке Япония вторглась в Маньчжурию, что явилось первым шагом ко второй мировой войне.

Неожиданно быстро изменилась общая атмосфера в Кембриджском университете. Еще вчера университет был самодовольным и равнодушным учреждением, а сегодня — местом острых политических столкновений. В центре находилось общество социалистов Кембриджского университета, основанное Гарри Доуэсом и другими левыми либералами на базе университетского клуба лейбористов, который самораспустился вслед за падением правительства Макдональда. В 1932–1933 годах Филби был казначеем общества социалистов. «Это позволило мне познакомиться с представителями левых течений, критически относившихся к лейбористам, в том числе с коммунистами». Интенсивное изучение соответствующей литературы и понимание идей европейских классиков социализма побуждало Филби вступать в жаркие споры с членами общества социалистов. «Это был медленный и мучительный процесс: мой переход от социализма к коммунизму занял целых два года», — писал Филби в книге «Моя тайная война».

Некоторое представление о характере политических дискуссий в университете дают темы, обсуждавшиеся в обществе социалистов, а также заголовки статей в студенческих публикациях. В 1931 году в газете «Варсити» («Университет») были опубликованы статьи: «Советская пропаганда в Оксфорде»,

«Советизму нет места в Индии». 17 октября на первой странице «Варсити» появилась статья «Встреча членов клуба социалистов». Журнал «Тринити» писал о фашистской угрозе, положении в британской империи и об антивоенном движении. В мае 1932 года Ким слушал выступления Мориса Добба, одного из столпов социализма в Великобритании, когда тот заявил, что «мы возлагаем больше надежд на Москву, чем на Детройт».

Добб преподавал в университете экономику и был, возможно, первым человеком в академическом мире Великобритании, имевшим билет члена коммунистической партии (с 1920 года). Если бы не было настойчивых усилий Добба, коммунистические идеи, возможно, не получили бы такого распространения в Кембридже. Именно Добб в июне 1931 года собрал небольшую группу людей для встречи индийского коммуниста Клеменса Датта, направленного руководством Коммунистической партии Великобритании в Кембридж для организации коммунистической ячейки. Сам Добб происходил из семьи землевладельцев Глосестершира, образование получил в колледжах Чартерхаус и Пемброук Оксфордского университета, где дважды занимал на своем факультете первое место по экономике. Он с большим уважением относился к Советскому Союзу. Говорят, что, когда поезд, на котором в 1921 году Добб ехал в Москву, пересек границу СССР, он воскликнул: «С каким волнением наконец-то я еду по этой священной земле». В Кембридже Добб проживал в доме на Честертон Лейн, известном под названием «Сент-Эндрюз», в котором коммунисты университета собирались так часто, что его стали называть «коммунистический очаг». Добб не скрывал своих марксистских взглядов, и несколько раз возмущенные этим поведением «горячие головы» из числа студентов сбрасывали его в одежде в реку Кам. Однако, по словам Кирнана, марксизм Добба внес свежую струю в застойную жизнь университета: «В то время мы не могли глубоко изучить марксистскую теорию, которая только начала распространяться в Великобритании. В Кембридже ее активно пропагандировал замечательный человек Морис Добб.

Мы считали, что марксизм поможет нам выйти за пределы академической среды Кембриджа. И мы оказались правы, что подтвердилось быстрым распространением марксистских идей и ростом их влияния. Однако наши основные задачи лежали в области практических дел. Это популяризация социализма, выступления в поддержку СССР, организация маршей «голодных», разоблачение фашизма, осуждение правого правительства Великобритании, предупреждение о приближении новой войны. Мы принадлежали к эре III Интернационала, который по духу был

истинно интернациональным и провозглашенные им цели стояли гораздо выше любых национальных или местных задач».

Но только совершенно неординарный человек с твердыми коммунистическими убеждениями мог дать распространению коммунистических идей в Кембридже и работе ячейки Добба необходимый импульс. Им оказался Дэвид Хейден Гест, который поступил на учебу в Тринити вместе с Кимом и намеревался изучать философию и математическую логику, курс которых читался Людвигом Витгенштейном. Летом 1930 года он уехал в Геттингенский университет для учебы у выдающегося математика Дэвида Хилберта. В Кембридже признаки приближающейся войны не были заметны, но в Геттингене, где хозяйничали нацисты, они были такими же осязаемыми и реальными, как отряды вооруженной полиции на улицах и сборища пьяных нацистов в пивных барах. Поездка в Германию убедила Геста в том, что только коммунисты могут противостоять политическому насилию нацистов. Как участник демонстрации примыкающей к коммунистам молодежи, он был арестован, две недели находился в одиночном заключении и был освобожден только после объявления голодовки.

Когда Гест возвратился в Кембридж, он возглавил коммунистическую ячейку Добба. Вскоре стал признанным лидером, открыто демонстрирующим свою приверженность коммунизму: Геcг гордо входил в актовый зал Тринити со значком в ваде серпа и молота на лацкане пиджака. В основном благодаря Гесту зарождающееся коммунистическое движение набрало в университете значительную силу. Свои выступления о поездке в Германию Гест обычно заканчивал рассказом об аресте и заключении. «Я больше никогда не буду подвергать свою жизнь опасности, может быть, только для решения очень важных принципиальных вопросов», — заявлял он. Гест участвовал в гражданской войне в Испании и в 1937 году погиб.

Коммунистическая ячейка в Кембридже быстро разрасталась. Двумя новыми членами стали Дональд Маклин и Джеймс Клугман, которые поступили в университет в 1931 году. Большую часть времени они тратили на партийные дела, организуя группы по изучению марксизма и пытаясь внести этот предмет в расписание университетских занятий. Они доказывали, что знание марксизма помогает учебе: «Каждый коммунист — хороший студент». Они вели списки членов ячейки и лиц, симпатизирующих коммунистам, много времени уделяли привлечению в ячейку новых членов. Резко критиковали общество социалистов университета за его беспомощность, во время политических дебатов допускали выкрики и оскорбления, что

шло вразрез с традициями университета. Однако студенты терпели такое поведение, поскольку уважали убеждения Маклина и Клугмана.

Маклин и Гай Берджесс по своим убеждениям стояли гораздо левее Кима Филби. В отличие от них Ким все еще колебался: переходить ли ему от социалистических идеалов к коммунистическим. Маклин считал, что лично он хорошо понимает беды Великобритании. Это, по его мнению, экономическая депрессия, безработица, вульгарность кинематографа, серость на книжном рынке, бедственное положение государственных школ, низкая зарплата, снобизм состоятельных слоев, раздутые военные расходы. Он открыто критиковал капиталистическую систему, говорил о росте самосознания народа, который «сметет эту выжившую из ума преступную банду», в сильных выражениях заявлял о том отвращении, которое испытывают левые группы Кембриджского университета, наблюдая распад западного общества, выражал свою веру в быстрое и полное его исцеление.

Берджесс полностью разделял эти взгляды. Закончив привилегированную школу Итона, в 1930 году он поступил на учебу в колледж Тринити. В признание выдающихся его способностей в скором времени он был избран в клуб «Апостол». (Это было что-то среднее между обеденным клубом и секретным обществом. Духовное руководство клубом осуществлялось колледжем Кинга, а большую часть членов составляли студенты Тринити.) В ноябре 1932 года Добб убедил Берджесса вступить в коммунистическую партию. Свое членство в партии Берджесс от присутствующих не скрывал и благодаря его стараниям в дискуссиях общества социалистов стали преобладать острые политические вопросы левой направленности, вместо прежних литературных, философских, театральных тем. В этих дискуссиях он часто находил поддержку у Энтони Бланта, дальнего родственника королевы, который в 1932 году получил стипендию для изучения в Тринити истории искусств.

Хотя друг Кима Берджесс полностью встал на коммунистические позиции, а его знакомый Маклин намеревался поехать в СССР в качестве учителя, сам Филби никак не мог отойти от лейбористских убеждений. На всеобщих выборах 1931 года он агитировал за лейбористов, выступал на предвыборных собраниях. «Друзья мои! — обычно начинал он свою речь. — Сердце Великобритании бьется не в правительственных учреждениях и замках. Оно бьется на заводах и фермах». В октябре 1932 года Филби все еще был в рядах социалистов. Он с симпатией следил за маршем голодных рабочих, входивших в

Кембридж с северо-востока. Дэвид Гест вывел студентов для встречи демонстрантов и вместе с ними вошел в город. Студенты несли рюкзаки рабочих.

Ким был в числе группы студентов, организовавших еду и ночлег для рабочих. «Я до сих пор горжусь, что помог накормить их», — заявил он мне в Москве. В маршах участвовали в основном представители тред-юнионов, полные решимости бороться с правительством за свои права. Хотя Ким находился под большим впечатлением от увиденного, своих позиций он не изменил. Его переориентация проходила медленно. В 1932 году во время рождественских каникул он снял сначала комнату в Ноттингеме, а затем поселился вместе с шахтерами в Хатвейте. Это был первый опыт общения Филби с рабочими.

Как мне сказал Филби в Москве, «одна из проблем состояла в том, что я хотел быть полностью уверенным в правильности своих действий. Уже в девятнадцать лет я пришел к простому выводу: богатые слишком долго пользуются всеми благами жизни, а бедные живут слишком плохо. Пора все это менять. Английские бедняки были действительно «людьми второго сорта». И вопрос состоял не только в том, что одни были обеспечены лучше других, многим беднякам просто не хватало еды. Некоторые люди, подобно моей бабушке, считали, что это вполне естественно. Помню, как она повторяла: «Не играй с этими детьми, Ким. Они грязные, и ты чем-нибудь от них заразишься».

«Я постоянно задавал себе вопрос, что я могу сделать для изменения существующего положения. Поведение Рамсея Макдональда меня разочаровало. У меня появилась такая мысль: может быть, создавшееся положение отражает провал только британских левых сил, а не левых сил вообще. Поэтому я принял решение посетить другие страны, ознакомиться с положением дел у них».

Филби поехал в Германию, Венгрию, Францию. В поездке он пользовался мотоциклом. Иногда его сопровождал Тим Майлн, друг из Вестминстера, учившийся в колледже Крайст Черч Оксфордского университета и проживавший на одной лестничной площадке с Хью Тревор-Роупером (позднее историк, лорд Дакре. Оба стали коллегами Филби по работе в СИС). Тревор-Роупер вспоминал рассказы Майлна об этих поездках и его упоминания о своем товарище, коммунисте, как он считал, Киме Филби. Джон Миджли, учившийся вместе с Филби в колледже Тринити, ставший впоследствии редактором журнала «Экономист» по иностранному отделу, вспоминает, что видел Кима в Берлине в марте 1933 года, вскоре после пожара в рейхстаге. В Берлине они столкнулись с антиеврейской демонстрацией, и когда стали

высказывать свое несогласие с собравшимися, в ответ услышали неприкрытые угрозы.

Во время бесед в Москве Филби вспоминал об этом времени и о том впечатлении, которое оно на него оказало. «Мне стало ясно, что другие страны находятся в таком же плохом положении, что и Великобритания, и что все это свидетельствует о кризисе капиталистической системы. В Германии свирепствовала безработица, росло влияние фашизма, рабочие также бедствовали. Социал-демократы производили весьма слабое впечатление. В критические моменты они уходили в свою скорлупу. Но у левых сил была постоянная и мощная поддержка — Советский Союз, и я понял, что эту опору необходимо обязательно поддерживать».

К середине 1933 года, как раз перед окончанием Кимом университета, многие выпускники испытывали подобные же чувства. Организованная Морисом Доббом маленькая коммунистическая ячейка разрослась и поглотила общество социалистов университета, а также «Херетикс» (антиклерикальная организация, образованная в 20-х годах), «Аутпост» (независимый радикальный журнал, во главе которого стоял Миджли) и серьезно ослабила позиции общества «Апостол». Конечно, далеко не все студенты разделяли коммунистические идеи. Часть из них предпочла религию, а некоторых совсем не тронули даже бурные события, происходившие в университете. По словам Джорджа Орвелла, крушение идеалов молодого поколения создало пустоту, которую заполнили коммунистические и религиозные идеи.

Некоторые считают, что Ким следовал примеру своего отца. Китсон Кларк, учившийся в Тринити вместе с Филби и Берджессом, заявил, что он всегда отмечал большое воздействие Филби-старшего на своего сына. «По этой причине мы всегда немножко жалели Кима». К тому времени Сент-Джон ушел с правительственной службы, поселился в Джидде, где жил по традициям местного населения, и постоянно критиковал правительство Великобритании.

Следовал ли Ким диссидентскому курсу своего отца? Вряд ли. Профессор Кирнан, который, подобно К. Филби, остался верным коммунистическим идеалам, дает на этот счет более убедительные доводы:

«В то время мы понимали, что многонациональный капитализм, а не интернациональный социализм господствует в большинстве стран мира. Но у нас не было никаких сомнений в том, что капитализм приближается к своему концу. Он вызывал неодолимое отвращение, исчерпал себя, его раздирали

непримиримые противоречия, и он не имел права на дальнейшее существование. На его место должен прийти социализм, и человечество претерпит не менее быстрые и радикальные изменения.

Поэтому строгая приверженность атрибутам умирающего прошлого представлялась совершенно неприемлемой. К защитникам старых порядков мы относились как к предателям. Мы видели, как столпы британского общества двинулись в Нюрнберг, чтобы поклясться в дружбе с нацистскими преступниками, мы были свидетелями того, как британское правительство саботирует борьбу Испанской республики, руководствуясь при этом классовыми предрассудками и интересами богачей, мы видели, как правительство закрывает глаза на намерения превратить Средиземное море в вотчину фашист ов, перерезать вены Великобритании.

Из Испании волны гражданского неповиновения пошли по Европе. Небывалый энтузиазм, проявленный правыми силами Франции по отношению к Франко, явился прелюдией к их поспешной капитуляции перед Гитлером в 1940 году. Нашим лозунгом стали слова Вольтера: «Долой людей, которые скомпрометировали себя».

И далее, Кирнан продолжает:

«Такие настроения неизбежно толкали некоторых представителей нашего поколения на так называемые акты предательства, которых было не так уж много. Однако они были намеренно приукрашены и преувеличены и общественности постоянно напоминали о них. Цель всей этой псевдопатриотической шумихи состояла в том, чтобы отвлечь внимание людей от недостатков нашего устаревшего способа правления, от угрозы ядерной войны, заставить их думать, что без наших лидеров, якобы стремящихся рьяно оградить нас от орд шпионов и диверсантов, все будет утеряно. Эта шумиха подпитывает иллюзии о том, что Великобритания является великой державой, у которой пытаются украсть ее бесценные секреты».

Один из бывших членов общества «Апостол» считает, что для молодежи тех лет было характерно искреннее негодование по поводу создавшегося положения.

«Мы стояли на пороге войны. Она неотвратимо приближалась, но мы не хотели принимать в ней участие. Для любого здравомыслящего человека было ясно, что главная цель политики Великобритании заключалась в том, чтобы направить перевооруженную Германию на Восток. Мы не считали, что это удастся сделать или что это должно быть сделано. Это наполняло

нас, наше сознание глубоким презрением к нашему старшему поколению, политическим деятелям и им подобным людям.

Это сделало меня, например, анархистом, во всяком случае, в том смысле, что я не ожидаю благородства или честности от какого-либо правительства. И я легко могу представить, что именно это презрение могло побудить людей, подобных Филби, Берджессу и Маклину, встать на позиции противоположной стороны. Немалая часть вины за это лежит на истеблишменте, частью которого они были. Поэтому их презрение было более личным, если можно сказать «подкожным». Перед серьезными трудностями стоит любое правительство или общество, не способные завоевать лояльность или какую-то часть великодушия своего молодого поколения».

Из сказанного видно, почему Кима влекло к коммунистам. Некоторые из его современников считают, что к тому времени Филби уже был коммунистом. Наиболее убежденным в этом был один из его коллег, Ричард Кларк, позднее сэр Ричард, руководящий сотрудник Уайтхолла. По возвращении Кима из Берлина между ним и Кларком возник спор по поводу неожиданного кризиса в Коммунистической партии Германии. «Почему Сталин ничего не сделал для поддержки немцев? — спрашивал Кларк. — Возможно, Сталин придерживался не таких уж левых позиций?» Кима это вывело из себя. «То, что сделал Сталин, и есть свидетельство его левых взглядов», — отвечал он. Ответ Кима убедил Кларка в том, что тот сделал окончательный выбор и является убежденным коммунистом. Как же произошло, что Ким вообще не вступал в коммунистическую партию.

В Москве Ким все разъяснил мне.

«В последний день пребывания в Кембриджском университете, летом 1933 года, я решил стать коммунистом. *Я* не знал, что предпринять и поэтому обратился к преподавателю, которого очень уважал. Это был специалист по марксистской экономике Морис Добб. Добб дал мне рекомендательное письмо к одной марксистской группе в Париже, вполне легальной и действующей открыто. Те в свою очередь связали меня с подпольным коммунистическим движением в Вене. В Австрии назревала критическая ситуация, и подпольные организации нуждались в добровольцах. *Я* помогал организовывать нелегальный выезд из страны коммунистов и социалистов, которых разыскивала полиция».

Сказанное как-то разъясняет вопрос о том, почему Филби официально не стал членом коммунистической партии. Данное обстоятельство дало Филби большие преимущества при поступлении на работу в британскую разведывательную службу

— любая проверка показала бы, что фамилии Кима нет в списках членов партии, и он с чистой совестью мог заявлять, что не является и никогда не был коммунистом. Однако рассказ Филби о роли в этом Добба вызывает ряд вопросов.

Ким подчеркивал, что Добб не сделал ничего предосудительного и нелегального, когда рекомендовал его коммунистической организации в Париже. Этой организацией, очевидно, был международный комитет по оказанию помощи жертвам фашизма, руководимый Вилли Мюнценбергом и его помощником Отто Кацем. (Мюн-ценберг проводил независимый от Москвы курс и в 1937 году вышел из компартии. В 1940 году был интернирован французами, сумел бежать. Позднее найден повешенным на дереве. Его смерть так и осталась загадкой. Кац пал жертвой пражских процессов в 1952 году. Был казнен.) Нелегальная деятельность Кима началась в Вене, когда он стал помогать подпольным группам. И вновь, по словам Филби, он задал Доббу единственный вопрос, что нужно сделать, чтобы стать коммунистом. Добб якобы ответил, что проще всего пойти в правление коммунистической партии на Кинг-стрит, Ковент Гарден и подать заявление.

Вместо этого, Добб направил Филби в Париж. Возможно, он считал, что использование человека такого высокого происхождения, как Ким, принесет больше пользы в Европе, чем в Великобритании. Возможно, сам Филби выразил желание работать за пределами Великобритании. (Во время наших бесед он не распространялся на эту тему.) А разве нельзя предположить, что Добб был только наводчиком, так называемым «охотником за талантами», который ввел Кима в поле зрения человека, осуществившего его вербовку на советскую разведку.

Нет никаких сомнений, что в тот период советская разведка проявляла большой интерес к выпускникам британских университетов. В первые послереволюционные годы она сосредоточивала главное внимание на ликвидации внутренней контрреволюции. Сталин использовал органы безопасности для подавления выступлений крестьян, чистки армии и для сбора доказательств для организации показательных судебных процессов. За границей разведка вела борьбу с эмигрантскими организациями, такими, как «Трест», получавшими помощь от США и Великобритании. В большинство этих организаций разведка внедрила своих людей. Затем принимались меры к ликвидации их лидеров, что достигалось, например, путем хитроумной организации их вывоза в СССР, ареста и суда там.

Основатель органов безопасности СССР Ф. Э. Дзержинский умер в 1925 году. Его сотрудникам не удавалось проникнуть в

британскую разведывательную службу, хотя эта задача была поставлена в качестве первоочередной сразу после революции, когда британские агенты едва не свергли большевиков. Представлялось трудным, почти невозможным найти для этого подходящих молодых англичан, которые были бы готовы в течение всей своей жизни служить интересам Советского Союза, выполнять функции «агентов на местах», куда бы ни забросила их судьба. Такие люди должны были обладать редкими качествами: политическими взглядами, которые отвергались их средой, готовностью нанести ущерб своей стране и своему классу. Бесполезно вербовать представителей рабочего класса, потому что вряд ли они когда-либо получили бы доступ к заслуживающим внимания секретам. Кроме того, агенты должны обладать природным талантом вести двойной образ жизни, вводить в заблуждение не только своих коллег, но и свою семью и друзей. В начале 30-х годов в Москве понимали, что создалась более чем благоприятная обстановка. Первый шаг к решению этой задачи, очевидно, должен был заключаться в том, чтобы выявлять в британских университетах симпатизирующих СССР людей, которые в свою очередь выполняли бы роль наводчиков, то есть, искали кандидатов на вербовку. Был ли Добб одним из таких лиц?

Умер Добб в 1976 году. За девять лет до этого он дал интервью Брюсу Пейджу, который готовил для газеты «Санди таймс» статью о Филби. Нельзя сказать, что это интервью дало дополнительную информацию. Добб говорил откровенно, но неконкретно. У Пейджа сложилось впечатление, что это было сделано ненамеренно, просто Доббу было трудно вспомнить события такой давности. Добб заявил Пейджу, что Филби проходил у него курс экономики, хотя он преподавал не в колледже Тринити, а в Пемброуке. По его мнению, тогда Филби разделял убеждения левых лейбористов, хотя и участвовал в работе ряда коммунистических групп, выступал на митингах. Добб сказал, что он не видел Филби после окончания им Кембриджского университета.

В июне 1933 года Филби успешно сдал выпускные экзамены по экономике и получил премию в размере 14 фунтов стерлингов, на которые купил Собрание сочинений Карла Маркса. Сент-Джон находился в это время в Лондоне. Он попросил Кима прочитать гранки своей книги «Ласт квортер» (Последняя четверть), заплатив ему за это 50 фунтов стерлингов. Коллега Кима по Кембриджскому университету Джо Григг, знавший его еще по Вестминстерской школе, вспоминает: «Филби купил на эти деньги мотоцикл. Кажется, он не спешил устроиться на работу. Ким

заявил мне, что на несколько месяцев собирается поехать в Австрию». Сейчас нам известно, что Филби поехал туда по рекомендации французских коммунистов, но он, естественно, не мог сказать об этом своей семье и товарищам. Вместо этого он заявил, что хотел бы в Австрии закрепить свои знания немецкого языка, чтобы легче можно было устроиться на работу в иностранную службу Великобритании.

Это был второй визит Филби в Вену. В первое посещение Вена очаровала его своей красотой, неторопливой элегантностью, утонченными манерами. На этот раз он увидел совершенно другой город. Поездка дала ему возможность стать очевидцем кровавой страницы европейской политики.

ГЛАВА III. ПОСВЯЩЕНИЕ КРОВЬЮ

Когда Ким Филби прибыл в Вену, город был охвачен ожесточенными схватками между идеологическими противниками. Такая ситуация продолжалась в стране до 1938 года, до насильственного присоединения Австрии к Германии. Участвовавшему в этих бурных событиях Филби, очевидно, казалось, что высказывания его учителя претворяются в жизнь. Австрия еще не оправилась от последствий утраты статуса мировой державы после первой мировой войны. Если Габсбурги правили территорией, простиравшейся от Карпат до Адриатического моря, то поражение Австрии в 1918 году сократило размеры империи до Вены и ее дальних пригородов. Население, составлявшее около шести миллионов человек, разделилось на две противоборствующие группы: бедных и отсталых крестьян, являвшихся ревностными католиками, и разделявших, идеи социализма жителей городов, носителей антиклерикальных настроений.

Управляемая сменявшими друг друга консервативными коалиционными правительствами Австрия в скором времени оказалась в тисках глубокой депрессии. Находившийся в то время в Вене корреспондент газеты «Дейли телеграф» Эрик Джедай описывает довольно необычную обстановку, когда, будучи приглашенным домой своими венскими знакомыми, ему приходилось ходить по дорогим восточным коврам, любоваться картинами старых мастеров и при этом довольствоваться холодными сосисками и черным хлебом. Казалось, что Европа не обращает на Австрию никакого внимания: страна шла к своей гибели. Канцлер страны, известный церковный деятель монсеньер Сейпел знал, как играть на тайных страхах европейских государств. «Пораженная депрессией Австрия, — заявил он, — быстро станет жертвой коммунистов. Если оставим народные массы голодными, они призовут Москву в Центральную Европу». Европейские державы с неохотой приступили к реализации программы оказания Австрии помощи и осуществлению реконструкции. Однако ярый антикоммунист Сейпел продолжал твердить, что поступающая в Австрию иностранная помощь не спасет страну, пока не будут разгромлены левые силы.

В то время как австрийские социал-демократы разрабатывали планы превращения Вены в образцовый благоустроенный город, с кварталами современных домов для рабочих, бесплатными больницами, банями и школами, консерваторы и монархисты саботировали эти планы, лелея надежду «вытеснить красных из

Австрии и восстановить монархию». Обе стороны создавали свои воинские формирования, надеясь добиться политических целей, прибегнув при необходимости к силе. Социалисты Имели в своем распоряжении «шутцбунд», или корпус защиты республики, а консерваторы — вооруженные отряды «хеймвера», руководимые принцем Штархембергом, который принимал участие в неудавшемся «пивном путче» в Мюнхене в 1923 году, и профессиональным военным, майором Эмилем Фейем.

Схватка между этими двумя «армиями» произошла 15 июля 1927 года. За две недели до этого члены «хеймвера» открыли огонь по демонстрации социалистов. Были убиты инвалид и ребенок. Стрелявших предали суду, но быстро оправдали. Социалисты призвали народ к демонстрации протеста. Когда демонстранты приблизились к парламенту, их путь преградила вооруженная полиция. При попытках прорваться полицейские обнажили шашки и открыли огонь. Стрельба охватила весь город, унеся жизни четырех полицейских и восьмидесяти гражданских лиц.

Это был критический момент для социалистов. Поставленные перед необходимостью или взять из своих тайников оружие, или прибегнуть к своему традиционному оружию — всеобщей забастовке, они выбрали последнее. Правительство использовало штрейкбрехеров, и через три дня стачка была сломлена.

В мае 1932 года канцлером Австрии стал доктор Дольфус, лидер крайне правого крыла Христианской социалистической партии. В течение года он приостановил действие конституции, на неопределенное время распустил парламент, запретил проведение политических митингов, демонстраций, забастовок, ввел цензуру. Обстановка ухудшилась. Дольфус и «хеймвер» предполагали, что социалисты организуют всеобщую забастовку, используют корпус защиты республики для захвата власти и восстановления парламентского правления. Социалисты-демократы боялись, что усиливающаяся агитация внутри шутцбундовцев и в партии Дольфуса за союз с Германией приведет к нацистскому путчу и к фашистской диктатуре. Все зависело от того, кто первым нанесет удар. Это и имел в виду Филби, когда он, касаясь своего перехода на позиции коммунистов, заявил, что тогда в Вене «ситуация подошла к критическому моменту».

По прибытии в Вену Филби сразу же отправился по данному ему в Париже адресу: Лачкагассе, 9, десятый район города. Там проживал Израэль Колман, поляк, прибывший в Вену перед первой мировой войной. Он работал рядовым чиновником в муниципальной службе города и в свободное время вместе с

женой Гизёлой занимался благотворительной деятельностью в еврейской коммуне. Но не эта незаметная пара содействовала тому, что Филби стал работать в коммунистическом подполье. Это сделала их дочь, темноволосая, привлекательная Алиса Фридман, несколько лет назад разошедшаяся с мужем.

Алиса, больше известная под уменьшительным именем Литци, в восемнадцать лет вышла замуж за Карла Фридмана, с которым спустя четырнадцать месяцев разошлась. (К моменту знакомства с Филби ей было двадцать три года.) Фридман создал сионистскую организацию, называвшуюся «Блау Вайс», которая занималась организацией свободного времени молодых венских евреев. Он пытался привлечь Литци к работе в этой организации, добиться признания ею принципов сионизма, но Литци все это казалось неинтересным и малозначительным по сравнению с возможностями реализации коммунистических идей. Она предпочла Фридману и его организации подпольную работу против австрийского правительства. К этой работе ее привлек венгр Габор Петер, бежавший от преследований венгерского фашиста адмирала Хорти. Петер был очень непривлекателен физически: хром, горбат, имел худое неприятное лицо. Но это была яркая личность, преданная делу партии. Фридман характеризует его «настоящим сталинистом, жестким, безжалостным человеком» [6].

Первоначально Филби поручили функции курьера. Используя свой английский паспорт и выступая в качестве свободного журналиста, он должен был поддерживать связь между разыскиваемыми полицией австрийскими коммунистами и симпатизирующими им людьми в Будапеште, Праге и Париже. В феврале 1934 года его работа полностью изменилась. Дольфус принял решение разоружить поставленный вне закона корпус защиты республики, захватить штаб-квартиры организаций социал-демократов, сместить мэров и префектов из их числа, поставить профсоюзы под контроль правительства и создать однопартийное государство по образцу Италии, где правил Муссолини.

12 февраля Дольфус получил необходимый для удара предлог. В городе Линце (Верхняя Австрия) под предлогом обыска, с целью изъятия якобы спрятанного оружия, полиция и вооруженные армейские подразделения окружили народный дом, где находились учреждения социал-демократической партии. На рассвете из одного из верхних окон здания кто-то произвел выстрел по полицейским. Этот выстрел дал предлог правительственным войскам для нападения на профсоюзные центры, газеты, учреждения и благотворительные службы социал-

демократов на территории всей страны, в том числе в Вене и ее окрестностях.

Правительство застало социал-демократов врасплох.

Их лидеры были арестованы до того, как они смогли организовать сопротивление. Рядовые члены партии пребывали в растерянности. Наиболее воинственные из них бросились к тайникам с оружием, но большинство из них оказалось в руках полиции. Члены «хеймвера», во главе которого стояли профессиональные военные, нападали на рабочих. Два из самых больших поселений рабочих «Карл Маркс Хоф» и «Гете Хоф» были уничтожены артиллерией, более тысячи гражданских лиц было убито, в их числе женщины и дети. Во дворе верховного суда «хеймверовцы» повесили девять лидеров социалистов. Один из них, Карл Мюнихрайтер, был во время стачки ранен. Тем не менее его повесили, доставив к виселице на носилках.

Находясь в доме Колмана, Филби услышал сообщение по радио о введении в стране военного положения. Он и Литци окунулись в развернувшиеся события. Они работали в подпольной организации «Революционные социалисты», являвшейся на скорую руку созданным объединением коммунистов и социал-демократов, которые трудно уживались друг с другом. Их задачей была организация нелегального вывоза из страны разыскиваемых полицией лиц. Это были жаркие дни для молодого англичанина, которому едва исполнилось двадцать два года, дни непрерывных стычек с полицией, разбитых голов, сабельных ран, тайных и опасных ночных действий, жарких споров.

Вскоре Филби проявил смелость. Он находился в рабочем квартале, когда подразделения «хеймвера» открыли по нему артиллерийский огонь. Филби помогал группе рабочих, сумевших выбраться из своих квартир и укрыться в расположенном неподалеку канализационном коллекторе. Эти люди, в основном коммунисты, были одеты в потрепанную униформу своей подпольной организации и поэтому могли быть сразу же опознаны полицией. Филби попытался найти для них какую-нибудь одежду. Он отправился на квартиру корреспондента газеты «Дейли телеграф» Эрика Геде. *«Я* открыл свой гардероб, чтобы подобрать одежду, — вспоминает Геде. — Когда Ким увидел висевшие в нем костюмы, он воскликнул: «Боже, да туг семь штук. Я должен забрать все. В коллекторе прячутся шесть моих товарищей, раненных, которых ожидает виселица». Геде сложил костюмы в чемодан и позднее с радостью узнал, что Филби удалось переправить этих людей в более безопасное место, а потом по тайному маршруту вывезти в Чехословакию.

Началось повсеместное гонение на левые силы. У Филби укреплялось мнение, что только коммунисты могут противостоять волне фашизма. Разгром движения социал-демократов в Австрии, считавшегося наиболее сильным и организованным в Европе, печальный конец его лидеров, рост нацистских настроений и оправдание преступлений их лидеров — все это оказало на Филби сильное воздействие и укрепило его симпатии к коммунистам, Он все чаще стал открыто высказывать свои левые взгляды. Австрийский журналист Е. Х. Кукридж, работавший в нескольких изданиях социал-демократов и позднее поддерживавший контакты с британской службой безопасности, пишет: «Я восхищался Кимом. Молодой англичанин с риском для жизни оказывал помощь подпольному движению за свободу в маленькой европейской стране, которая, очевидно, как таковая его мало интересовала. Он снова проявил смелость, когда во время февральских боев присоединился к осыпаемым снарядами защитникам рабочих поселений, разделяя их трудности, укрываясь вместе с ними в канализационном коллекторе. Некоторых Филби спас. Выполнял крайне нужную работу в качестве курьера.

Но у меня появились некоторые подозрения, когда Филби заявил, что может достать необходимые нам деньги. Он сказал, что поддерживает тесные контакты с советским консулом Иваном Воробьевым и эмиссаром из Москвы, мистическим Владимиром Алексеевичем Антоновым-Овсеенко, который прибыл в Вену сразу после февральского путча. Деньги, о которых говорил Филби, могли поступить только из России, а мои друзья и я не были готовы принять финансовую помощь Москвы».

Английская писательница Наоми Митчисон, прибывшая в Австрию для оказания благотворительной помощи и опубликовавшая в 1934 году «Венские дневники», которые сыграли большую роль в пробуждении британских симпатий к судьбе австрийских рабочих, записала 2 марта того года: «Вернувшись в гостиницу, я обнаружила несколько сообщений, переданных мне по телефону, и срочную записку от неизвестного человека. После ленча этот человек пришел ко мне. Им оказался молодой приятный коммунист из Кембриджского университета, до крайности обеспокоенный судьбой лиц, арестованных по делу о поджоге рейхстага. Он хотел знать, могу ли я или кто-либо из моих знакомых срочно вылететь в Берлин для выяснения обстоятельств дела». В 1967 году корреспондент газеты «Санди таймс» поинтересовался у леди Митчисон, помнит ли она эту встречу, может ли она подтвердить, что тем молодым человеком был Ким Филби и что ей было известно, что Ким коммунист,

потому что «он сам об этом ей говорил». В ответ леди Митчисон заявила, что она хорошо помнит тот день, это, несомненно, был Ким Филби. Ей было известно, что он коммунист, так как «он сам так сказал».

Многие думали, что Ким коммунист, зная, что он вращается в кругу коммунистов. Тедди Коллек, позднее ставший израильским дипломатом и мэром города Иерусалима, вспоминает о встречах с Филби в то время. «Ким входил в круг коммунистов-интеллектуалов, и среди его близких знакомых, насколько мне известно, были убежденные коммунисты». (Коллек позднее оказался единственным человеком, который мог сообщить западным разведкам о связях Филби с коммунистами.) Лилли Дже-русалем, дочь бывшего правительственного чиновника Австрии, едва не оказалась вовлеченной в работу Филби. Она вспоминает: «Ким позвонил и попросил срочно встретиться. Я предложила ему прийти к нам домой, однако он отказался, заявив, что это для него небезопасно. Поэтому мы встретились в неприметном кафе в городе. Ким шепотом попросил меня спрятать в нашем доме свою подругу Литци Фридман, которая ушла в подполье после путча Дольфуса. Я знала, что Литци принадлежит к крайне левому крылу социалистов, но из-за положения своего отца не могла помочь ей».

Очевидно, полиция шла по следу Литци. Поэтому Филби предпринял отчаянный шаг для ее спасения. Они уже находились в близких отношениях, и 24 февраля 1934 года в венском муниципалитете он зарегистрировал брак с Литци. Это была тихая, торопливая церемония. Позднее Литци вспоминала: «Я впервые встретила Кима, когда он только что закончил Кембриджский университет и приехал в Вену для изучения немецкого языка. Он остановился на квартире моих родителей, иногда из дома мы выходили вместе. Он придерживался крайне левых, прогрессивных взглядов. Я была членом нелегальной в то время коммунистической партии, работала в подполье. Ким мне очень нравился, и мы стали жить вместе. Полиция выслеживала активных коммунистов, и вскоре я обнаружила, что она напала на мой след. Одним из путей избежания ареста было заключение брака с Кимом, получение британского паспорта и выезд из страны. Как раз это я и сделала.

Я не могу сказать, что это был полностью брак по расчету, но в его основе лежали расчет и чувство. Однако брак просуществовал недолго. Мы вместе выехали из Австрии. Прибыли в Англию. Насколько я знаю, кроме заключения брака со мной, членом компартии, Ким отношения к коммунистам не имел и в Вене не принимал какого-либо участия в подпольной

работе. Через меня он, конечно, знал некоторых коммунистов. Он имел прогрессивные, устоявшиеся левые взгляды. Я уверена, что он не ездил ни в Будапешт, ни в другие города в качестве курьера компартии. Во всяком случае, мне об этом ничего не известно».

В Москве я ознакомил Филби с этими высказываниями. Они звучали как заклинание. В них проглядывалось желание показать, что проверка одной из западных разведок, на работу в которую Филби позднее поступил, его раннего периода жизни не могла дать каких-либо результатов. Вот что сказал по этому поводу Филби: «Мы предвидели, что рано или поздно Литци спросят о моем пребывании в Вене, и подготовились к этому. Литци сказала как раз то, о чем мы условились. Я тронут тем, что она выполнила нашу договоренность».

В мае 1934 года Филби с женой через Париж выехали в Лондон. Они были стеснены в средствах, поэтому остановились в доме матери Кима Доры на Акол-оуд в Вест Хэмпштедте. Из Вены Филби написал матери о своей женитьбе, объяснил причины заключения брака, однако Дора считала, что ее сын «попался на крючок». Свои мысли о Киме и Литци она изложила в письме Сент-Джону в Джидду. «Ким разрушил свое счастье: Литци хороша собой, но у нее трудный характер и она настроена командовать. Подожди со своими выводами, пока не увидишь ее сам. Я надеюсь, что Ким поступит на работу и расстанется с этим ненужным коммунизмом. Он еще не экстремист, но может стать таковым, если что-то другое не займет его мыслей».

Однако с поступлением на работу возникают трудности, так как политическая деятельность Кима, кажется, уже начала отрицательно сказываться на его карьере. В своем заявлении о поступлении на работу в гражданскую службу Великобритании Филби указал двух лиц, которые могут дать ему рекомендации. Это преподаватель экономики в колледже Тринити Деннис Робертсон и старый друг его отца Дональд Робертсон (не родственники). Они посоветовались друг с другом о содержании своих рекомендаций, и Деннис Робертсон написал Киму о возникших проблемах. Оба они готовы высоко отозваться об энергии и интеллигентности Кима, однако считают своим долгом указать, что «развитое у него чувство политической несправедливости, очевидно, делает его непригодным для административной работы». Филби меньше всего хотел, чтобы подобные записи появились в его личном деле, поэтому он забрал свое заявление.

Когда Сент-Джон узнал об этом, он пришел в ярость. Из Джидды Филби-старший написал домой письмо, в котором заявил, что никто не должен страдать из-за своих убеждений и

что Ким имеет полное право верить в учение о коммунизме. Затем он отправил письмо Дональду Робертсону, в котором писал: «И здесь возникает главный вопрос — будет ли Ким лояльным правительству, когда поступит на службу. Некоторые люди могут подумать, что я был нелоялен, но это далеко от истины. Я никогда не скрывал, что выступаю против политики правительства. Вышел в отставку, так как хотел иметь возможность открыто и публично высказывать свою точку зрения».

Ким Филби последний раз съездил в Кембридж, чтобы выступить на заседании общества социалистов и организовать сбор средств для продолжения борьбы с фашизмом в Австрии. Он встретил Гая Берджесса, который учился на четвертом курсе в колледже Тринити, и убедил его провести работу по сбору денег для Вены. Можно было предполагать, что Ким навестит Мориса Добба хотя бы для того, чтобы рассказать ему, какие события произошли в его жизни после того, как Добб ввел его в парижскую организацию коммунистов. Сделанное Доббом в 1967 году заявление о том, что после окончания Филби Кембриджского университета он никогда не встречался с ним, перекликается с его словами, сказанными в 1934 году: «Ким никогда не был членом коммунистической партии».

Короче говоря, имеющиеся свидетельства говорят о том, что Добб был «охотником за талантами» из числа выпускников университетов, которых можно было бы рекомендовать различным коммунистическим организациям. Он не был вербовщиком для разведки русских. Рассказ самого Филби (Москва, 1988 год) о привлечении его к работе в разведке гласит: «Моя деятельность в Вене, очевидно, привлекла к себе внимание людей, которые сейчас являются моими коллегами в Москве, потому что почти сразу по возвращении в Великобританию ко мне подошел человек и спросил, не хочу ли я работать в советской разведке. *Я* согласился. По оперативным соображениям я не называю имени этого человека, но я могу сказать, что он был нерусской национальности, но работавшим на русских.

Он заявил, что высоко оценивает мою готовность помогать Советскому Союзу. Весь вопрос в том, как лучше меня использовать. Я, например, не должен ехать за границу и сгинуть там безвестным в бою или выполнять обязанности военного корреспондента газеты коммунистов «Дейли уоркер». Для меня имеется более важное поле битвы, но мне следует набраться терпения. В течение последующих лет заданий мне он практически не давал. Он проверял прочность принятого мной решения. *Я* приходил на встречи, как правило, с пустыми руками,

но ответом было терпеливое и благосклонное отношение».

Зная обстоятельства привлечения к сотрудничеству других людей, можно предполагать, что такой подход был избран только в отношении Филби, который нашел у него благоприятный и быстрый отклик. Очевидно, вербовщик нарисовал Филби мрачную картину предстоящей борьбы между фашизмом и левыми силами. Он, наверное, распространялся о растущей мощи Германии и вытекающей из этого угрозе для Советского Союза. Он, вероятно, напомнил об иностранной интервенции, когда половина стран мира объединилась в целях удушения в зародыше революции в России. Он указал на военные, финансовые и торговые сделки между Германией и Великобританией и на восхищение, которое вызывал Гитлер у многих представителей британского правящего класса. Затем он, очевидно, высказал главную опасность для СССР: союз между Великобританией и Германией с целью предпринятая еще одной попытки сокрушить советское государство.

Возможно, вербовщик сказал Филби, что Советский Союз может защитить себя от этой опасности, если будет иметь человека, участвующего в процессе принятая решений правительством Великобритании, который сможет предупредить Москву о заговоре против СССР и его народа. О деталях, очевидно, пока не говорилось, цель состояла в том, чтобы вызвать у Филби интерес к выполнению секретных заданий исключительной важности. Эго был призыв к его склонной к авантюризму душе.

У Филби, вероятно, создалось впечатление, что ему дают шанс не только принять участие в происходящих событиях, но и влиять на их курс. Это должно было быть опьяняющим моментом для молодого двадцатилетнего человека. Это был шанс показать своему отцу, что он тоже может сыграть роль в истории, даже если эта роль в данный момент носит секретный характер. Неудивительно, что Филби сразу же принял эго предложение. По этому поводу он написал следующее: «Если бы не мощь Советского Союза и не воздействие коммунистических идеалов, страны старого света, а возможно и весь мир находились бы под пятой Гитлера и Хирохито. Сама эта мысль достаточно хорошо отрезвляет мозги. Я горжусь тем, что в таком раннем возрасте мне предоставили возможность содействовать укреплению мощи СССР, хотя я считаю, что моя заслуга в этом бесконечно мала. Когда мне было сделано соответствующее предложение, сомнений у меня не возникло. Предложение вступить в элитные силы принимаются без колебаний».

Я просил, чтобы Филби назвал имя своего вербовщика,

который проявил такую интеллигентность и терпение. В подтверждение своей просьбы я приводил доводы о том, что этого человека, вероятно, уже нет в живых и раскрытие его личности не принесет какого-либо вреда. Однако Филби отказался сказать что-либо о нем. Возможное объяснение такой скрытности предложил Кристофер Эндрю, представитель колледжа Корпус Кристи Кембриджского университета, специализирующийся на истории советской разведки: «Возможной причиной уклонения Филби от ответа на этот вопрос является его осведомленность о том, что наиболее талантливые сотрудники советской разведки исчезли в период сталинских репрессий. Возможно, подобное же случилось и с человеком, привлекшим Филби к сотрудничеству. Им якобы является Теодор Мейли, венгерский священник, перешедший на коммунистические позиции.

Называют и других лиц. В том числе Симона Креме-ра, клерка посольства СССР в Лондоне, который на самом деле являлся одним из ведущих сотрудников резидентуры. Эндрю Бойль считает, что вербовщиком был Самуэль Борисович Каган, резидент советской разведки в Великобритании. Упоминают Леонида Толоканского, работавшего вместе с Каганом. Ни один из них не соответствует названному Филби человеку, который «не был русским». Конечно, у Кима были все основания не называть имени своего вербовщика и всячески затушевывать его личность. Возможно, он не хотел, чтобы потомки и друзья этого человека подверглись пристрастному допросу со стороны общественности. Скрывая эти данные, Филби сдерживал пинкертоновские порывы западных служб безопасности.

Однако Филби с готовностью объяснил другие загадки, связанные с деятельностью советской разведки в Великобритании в тот период. Филби, Берджесс, Маклин и Блант — все они учились в Кембриджском университете. Почему ничего подобного не случилось в Оксфорде? «Вы ищете какой-то сложный ответ, вместо того, чтобы видеть очевидное, — заявил Филби мне в Москве. — Необходим лишь один человек, чтобы образовать цепочку. Первый шаг сделал я, затем я рекомендовал своих знакомых, а те в свою очередь других лиц. Ответ более чем прост».

Это объясняет нередко задаваемый вопрос: если вербовщик советской разведки так активно работал в Кембридже, почему ни один человек не пришел и не сказал — русские пытались завербовать меня, но я отклонил их предложение. Напрашивается такой ответ: никто не мог сказать, что к нему был сделан подход со стороны советской разведки. Имело место другое — не совсем ясное предложение со стороны друга. И даже если он не

согласился с этим, лояльность по отношению к другу не позволяла ему доложить властям о случившемся.

Ответ Филби вызвал обмен мнениями о том, существовала ли на самом деле кембриджская (или коминтерновс-кая) шпионская сеть, вопрос в течение длительного времени мучивший службу безопасности Великобритании. Ко-минтерновская ячейка, как правило, состояла из пяти человек, для того чтобы сократить размеры ущерба, если один из них будет пойман или окажется предателем. Он может выдать только четверых других. Филби, Берджесс, Маклин и Блант. Четверо. Если они были в одной ячейке, кто пятый? Поиск его длится уже более тридцати лет.

Филби страстно и упорно отрицал существование такой ячейки. «Меня привлекли к сотрудничеству первым. Мне известно, что Берджесса после меня. Бланта также завербовали после меня. О Маклине я услышал только после начала войны, но я сомневаюсь, что он был завербован во время учебы в университете. Поэтому идея о «кембриджской шпионской сети» или о «коминтерновс-кой» ячейке не выдерживает критики».

Я рассказал Филби, что, по мнению бывшего генерального директора СИС, русская разведка унаследовала Филби, Берджесса, Бланта и Маклина от Коминтерна, и они действовали на идейной основе как ячейка непрофессионалов. На это Филби ответил: «Нет, никакой ко-миитерновской ячейки не было. Непрофессионалами мы были только в том смысле, что нам за работу ничего не платили». Затем он повторил свое предыдущее заявление, что ему было известно о вербовке только Берджесса, но не других. «Мы были привлечены к сотрудничеству индивидуально и работали индивидуально. В то время я узнал о вербовке Берджесса только потому, что он сам написал мне об этом. В ответ я поздравил его. Позднее именно Берджесс настоял на том, чтобы поддерживать связь со всеми нами».

Именно это погубило их всех.

ГЛАВА IV. БОЖЕ, ФЮРЕРА ХРАНИ

В середине 30-х годов в Великобритании разразился кризис. Ухудшение экономического положения страны, наступившее после глубокой депрессии, убеждало наиболее проницательных членов правящего класса в том, что начинают рушиться основы британского благополучия. При этом открывался обман, касавшийся заслуг британской империи и ее непомерного восхваления. Поколебалось доверие британского народа к действиям правительства. Что же в этих условиях можно было предпринять? Некоторые были склонны следовать примеру своих предков, которые в девятнадцатом веке, будучи свидетелями быстрого обогащения американцев, пришли к выводу о возможности заключения с ними брачных союзов. Они связывали свои надежды с «дядюшкой Сэмом». Другие видели спасение в германском фюрере Адольфе Гитлере: герцог Виндзорский, например, был настолько убежден в необходимости оказания помощи немцам, что даже после начала войны с Германией, будучи прикомандированным к высшему англо-французскому военному совету в Версале, передавал нацистам военные секреты. Английский историк Скотт Ньютон утверждал: «Что касается обвинений в предательстве, то их нельзя ограничивать Филби и другими англичанами сталинской поры. Ким

Филби и его друзья считали, что наилучшие надежды следует связывать с коммунистами».

Но двадцатитрехлетнему Филби, только недавно участвовавшему в кровавых боях в Вене, должно быть, казалось, что дорога, ведущая в «светлое будущее», не будет длинной. Уже в то время он столкнулся с проблемами, которые могли выбить из колеи и более умудренного опытом человека: он женился на иностранке, и этот выбор не нашел одобрения ни у его матери, ни у отца; работы Ким не имел и было мало перспектив, что он ее найдет; ввиду отсутствия жилья он был вынужден проживать вместе с родителями, испытывая большие денежные затруднения; от своего оперативного руководителя Филби получил долгосрочное задание — внедриться в британскую разведку вне зависимости от того, сколько времени это займет. Филби был реалистом, и, очевидно, хорошо понимал, что это задание почти не выполнимо.

Британская разведка по традиции пополнялась из числа родственников и знакомых уже работавших в ней сотрудников. Она не относилась к числу организаций, на работу в которую можно было поступить по заявлению, поскольку такой шаг

считался не только совершенно неприемлемой манерой действий, но и вызвал бы подозрения. По аналогии с масонской ложей следовало ждать приглашения. Служба в некоторых британских учреждениях была более перспективной с точки зрения поступления на работу в разведку. СИС набирала свои кадры в основном из числа военных, сотрудников МИД, с Флит-стрит (работа разведчика и журналиста с точки зрения неудобств идентична), а также из числа членов привилегированных лондонских клубов.

В эти круги Ким не входил, и его предшествующая политическая деятельность, очевидно, исключала возможность поступления на работу в разведку. После консультации со своим оперативным руководителем Филби разработал план своих действий: он попытается как-то скрыть свои прошлые левые проявления, исключит в дальнейшем подобные поступки и высказывания и предпримет усилия для поисков работы в области журналистики. В этом Филби помог его отец Сент-Джон, который направил письма своим друзьям членам фабианского общества и журналистам. Такое письмо получил и сэр Роджер Чэнс, учившийся вместе с Сент-Джоном в колледже Тринити и тоже являвшийся членом клуба «Атсниум». Чэнс был редактором журнала «Обзор обзоров», либерального еженедельника, контора которого находилась в Сити на Кинг Уильям-стрит. Журнал медленно умирал, и Чэнс, возможно, ничего не сделал бы для Кима Филби, если бы журналист Уилфред Хиндэл не представил его редактору. После непродолжительной беседы Чэнс принял Филби на работу в качестве помощника редактора и очеркиста за четыре гинеи [7] в месяц.

После бурных дней Вены Филби, очевидно, нашел новую работу скучной и неблагодарной. Он вырезал публикации из старых журналов, делал из них выписки, иногда писал статьи. Некоторые из них сохранились: «Лауренс Аравийский — легенда века», «Принадлежащие Японии острова в Тихом океане», «Балканская трагедия», — компетентны, но скучны. Алисон Аутвейт, работавшая в одной небольшой комнате вместе с Филби, недоумевала, почему он задержался на этом месте. Когда однажды она спросила Кима об этом, он ответил: «А какой толк уходить? Через некоторое время я окажусь в окопах».

Действительная причина состояла в том, что работа давала Филби время и эмоциональную энергию для решения другой более важной задачи: вытравливания своего коммунистического прошлого и создания образа человека с правыми убеждениями. Первое, что он должен был сделать — это порвать все связи со своими кембриджскими друзьями. Один из них, Энтони Маклин,

находясь в Лондоне, позвонил Киму и предложил встретиться. «Я очень занят», — ответил Филби, и когда Маклин предложил встретиться месяца через два, Ким объяснил, что он и тогда будет занят. Маклин все понял. Подобным же образом Ким обошелся и с Морисом Доббом. Когда Добб направил Филби письмо, в котором высказал просьбу подготовить главу для редактируемой им книги «Великобритания без капиталистов», Филби на него не ответил. Добб вспоминает: «Я решил собрать всех лиц, участвовавших в подготовке книги, чтобы решить все детали. Позвонил Филби и спросил, может ли он прийти. Реакция Кима Филби была явно негативной: «В этом деле я не хочу принимать какого-либо участия». Создавалось впечатление, что он не может иметь дела с лицами, имевшими отношение к левому движению. Мне представлялось это низким». В 1967 году Добб заявил в интервью, данном им Пейджу, что он с удивлением узнал, как далеко вправо зашел Ким.

Бывший друг Филби по Кембриджскому университету, шахтер Джим Лииз, помогавший Киму осваивать азы политической грамоты, был просто ошеломлен, когда на встрече в 1935 году Филби заявил, что, по его мнению, коммунизм исчерпал себя, и с учетом создавшейся международной обстановки разумным выбором является фашизм. По мнению босса Кима, Чэнса, пару раз обедавшего вместе с супругами Филби, Ким был «либеральным демократом, разделявшим центристские взгляды лейбористской партии, и откровенным антикоммунистом». О Литци он высказался менее определенно: «Довольно эксцентричная особа, с волосами, напоминающими крысиные хвостики; настоящая штучка».

В таком поведении Филби можно видеть проявление у него определенных качеств разведчика: он резко порвал со своим коммунистическим прошлым и сделал так, чтобы слухи об изменении его политических взглядов дошли до его прежних друзей и знакомых. '

После поездки в Москву Берджесс также заявил, что его энтузиазм в отношении коммунистической системы погас. Это, видимо, он сделал тоже по указанию своего оперативного руководителя.

Филби и Берджесс стали принимать участие в работе откровенно прогерманской организации Британо-германское братство, которое вплоть до своего роспуска в начале второй мировой войны выступало с резко антикоммунистических позиций. Это братство объединяло английских фашистов, так называемых миротворцев, антисемитов, реакционных бизнесменов, антиболыпевиков-фанатиков, эксцентричных

аристократов, невротических женщин из общества «Мейфеар». В их число входил отец Нэнси Митфорд, лорд Редесдейл, который считал Гитлера величайшим человеком двадцатого века; Уилфор Эшли, министр транспорта в правительстве Болдуина, который яро ненавидел все, от чего хотя бы косвенно веяло социализмом; генерал Фуллер, военный историк, который был очень недоволен английскими властями за то, что они не дали ему титул пэра.

Щедрые обеды и приемы братства привлекли в его ряды известных политических деятелей, которые, хотя и не считали фашизм приемлемым для Великобритании, тем не менее полагали, что гитлеровская Германия стабилизирует обстановку в Европе и создаст барьер коммунизму. В числе таких политиков были маркиз Лондон-дерийский, позднее занявший пост министра ВВС; Рэб Батлер, сначала заместитель министра по делам Индии, а затем перешедший на работу в МИД Великобритании; маркиз Лотианский, посол Великобритании в Вашингтоне; сэр Хорас Вильсон, творец британской политики умиротворения.

14 июля 1936 года на обеде, который устроило братство в честь дочери кайзера герцогини Брунсвикской и ее мужа, среди многочисленных гостей присутствовали адмирал Бэрри Домвил, бывший директор британской военно-морской разведки и основатель еще более зловещей прогерманской организации «Линк» (в 1939 году адмирал был арестован как лицо, представлявшее риск для безопасности страны), принц и принцесса фон Бисмарк, доктор Фритц Гесс, барон фон Биберштайн, граф Альбрехт Монтгелас, доктор Готфрид Розель и господин Г. А. Р. Филби.

Короче говоря, братство было настолько профашистским, что даже некоторые более либеральные сотрудники МИД Великобритании считали его опасным. В государственных архивах того периода имеется меморандум, направленный иностранным дипломатом своему английскому коллеге: «Отдел пропаганды Британо-германского братства поддерживает постоянный контакт с министерством пропаганды Германии и другими государственными органами Берлина. Это министерство направляет Британо-германскому братству большое число пропагандистской литературы на английском языке для ее распространения в Великобритании. Некоторые материалы выполнены в форме памфлетов. Распространяются также журналы с изложением точки зрения различных средств массовой информации. Преследуется цель показать британской общественности, что пресса страны вводит ее в заблуждение относительно политики Германии и Великобритании».

На этом меморандуме сотрудник МИД сделал следующую приписку: «Немцы тратят в Великобритании гораздо больше средств и усилий, чем русские».

А у русских был Ким Филби, и они хорошо знали, что из себя представляет Британо-германское братство. Филби настолько энергично сотрудничал с этой организацией, что в 1936 году ему предложили работать в ней полный рабочий день. Он должен был наладить выпуск торгового журнала, финансируемого министерством пропаганды Германии, для укрепления хороших отношений между Германией и Великобританией. Филби несколько раз летал в Берлин для ведения переговоров с министерством пропаганды и послом Германии в Лондоне фон Риббентропом.

Журнал Филби так и не появился на свет. Братство переключило свое внимание на британо-германский обзор, который начал выходить с ноября 1936 года под редакцией С. Е. Карролла. По словам Филби, для него это большого значения не имело, поскольку в братстве он создал для себя прочные позиции, используя которые, добывал ценную информацию. «Официальные и тайные связи между Германией и Великобританией вызывали серьезную озабоченность у Советского правительства», — Отмечал он.

Оперативный руководитель Филби должен был быть доволен его работой. Филби начал результативно помогать советской разведке, он сумел создать о себе впечатление как о человеке с правыми взглядами. Но ему начало мешать присутствие в Лондоне Литци. Она постоянно напоминала друзьям и коллегам Филби о том, что он какое-то время находился в Вене, спас там австрийскую девушку, которой, как коммунистке, угрожала опасность ареста, женился на ней, чтобы дать ей британское гражданство. Имеются свидетельства того, что руководивший Филби советский разведчик, а возможно, и сама Литци убедили Кима, что он должен действовать в одиночку.

В июле 1936 года приехавший из Ноттингема в Лондон для встречи с Гайем Берджессом бывший шахтер Джим Лииз посетил супругов Филби. Обед оказался не очень приятным. Литци так и не научилась готовить, поэтому пища была не очень вкусной. Между Лиизом и Филби завязался горячий спор сначала по поводу событий в Испании, которая находилась накануне гражданской войны, а затем положения в Германии: *«Я* помню заявление Филби о том, что повстанцы Франко — эго не более чем бунтари-романтики, которые не могут угрожать Испанской республике. Затем мы с Филби крупно поспорили но поводу событий в Центральной Европе. Причем Ким защищал Германию,

заявляя, что с левым движением покончено. Именно поэтому, по его словам, он согласился работать в Британо-германском братстве и хочет освободиться от Литци (последнее Ким сказал Лииз полушепотом)». Возмущенный Лииз пулей вылетел из квартиры Филби.

Начавшаяся в июле 1936 года гражданская война в Испании позволила Филби быстро решить этот вопрос. Москва внимательно следила за событиями в Испании и дважды посылала туда Филби: сначала летом 1934 года, затем на следующий год. Он поехал в Испанию с Литци как будто на отдых. Вопрос, откуда Филби взял деньги на эти поездки, позднее доставил ему большое беспокойство во время допросов в МИ-5. Из испанских иммиграционных учетных документов видно, что Филби ездил по британскому паспорту номер 383531, а Литци — по британскому паспорту номер 2516, выданному в Вене 26 февраля 1934 года. Русские хотели, чтобы он вновь вернулся в Испанию, чтобы «получать достоверную информацию о военных усилиях фашистов».

Прежде всего Филби было необходимо иметь хорошее прикрытие. Вряд ли он мог поехать в прифронтовую зону в качестве туриста, поэтому Филби удалось убедить лондонское агентство новостей «Лондон дженерал пресс» дать ему аккредитацию. Совершенно естественно, что свободный журналист, освещающий военные действия, не мог взять с собой жену. Литци осталась в Лондоне, и с этого момента начался их разрыв. Для разрешения личных вопросов потребовалось определенное время, поэтому Филби прибыл в Испанию лишь в феврале 1937 года. Он сразу начал бомбардировать газету «Таймс» статьями, которые ему никто не заказывал. Причем все они были написаны с позиции сторонника фашистов. Одна статья была даже напечатана при содействии отца Кима Сент-Джона Филби, приехавшего в это время в Лондон на ленч с помощником редактора «Таймс» Робином Баррингтоном-Уордом, знавшим Фил би-старшего по учебе в Вестминстерской школе.

Усилия отца Филби принесли свои плоды. 24 мая 1937 года двадцатипятилетний Ким был назначен вторым корреспондентом газеты «Таймс», прикомандированным к войскам Франко (другим корреспондентом был Джеймс Холбурн). Это было важное назначение. На несколько дней Филби приехал в Лондон, чтобы согласовать размеры своей зарплаты и ознакомиться с жесткими правилами газеты «Таймс», касавшимися расходов.

Во время бесед в Москве Филби мне рассказал: «Меня предупредили, что газета с необычной страстью относится к мельчайшим финансовым деталям. Я старательно составил свой

первый отчет о произведенных расходах, однако не смог указать нескольких конкретных статей. Велись активные боевые действия, и было чрезвычайно трудно указать, на что была затрачена каждая песета. Более чем за два месяца я истратил всего около сорока фунтов стерлингов, поэтому никакого беспокойства у меня не возникло. Однако финансовый отдел не хотел принимать отчет, поэтому возникла активная переписка. Наконец мне было сказано, что расходы будут утверждены, но в будущем я должен все затраты перечислять по пунктам. В ответ я написал, что в условиях активных военных действий это невозможно сделать, и попросил установить фиксированную сумму на текущие расходы. Полагая, что любая названная мною сумма будет урезана, я наобум предложил сорок фунтов стерлингов в месяц. В ответ финансовый отдел сообщил, что мою идею о фиксированных расходах они принимают и выделяют две гинеи в день[8].

Устроив свои личные дела, Филби возвратился в Испанию. Это была его первая командировка в качестве сотрудника советской разведки. Он был надежно прикрыт авторитетом влиятельнейшей газеты «Таймс».

ГЛАВА V. НА ФАШИСТСКОМ ФРОНТЕ

Испания разделилась на два лагеря. На одной стороне — представители старого порядка: банкиры, землевладельцы, духовенство и армия. Им противостояли крестьяне, рабочие, лучшие представители интеллигенции — поэты и писатели, избранное демократическим путем правительство. Оба лагеря рассматривали войну как средство спасения страны. Представители старого порядка — националисты-фалангисты во главе с генералом Франко поставили задачу — освободить страну от «красных», возродить свой идеал — очищенную от скверны христианскую Испанию. Республиканцы сражались за новый порядок, за «Новый Иерусалим», а входившие в их ряды коммунисты — за претворение в жизнь марксистского учения. Многие рассматривали начавшуюся войну гораздо шире, чем просто гражданский конфликт. «По сути дела, это была война между классами, — писал Джордж Орвелл. — Если бы рабочие победили, повсюду в мире усилились бы позиции простого народа. Но они проиграли, и богачи всего мира потирали от радости руки».

Вмешательство в военные действия Гитлера и Муссолини на стороне Франко, Советского Союза — на стороне республиканцев привело к тому, что в этой войне решалось многое не только в судьбе Испании и каждому приходилось сделать свой выбор. Со всех континентов в Испанию прибывали тысячи молодых людей, чтобы сражаться с франкистами в рядах интернациональных бригад. Это был вклад каждого из них в борьбу с фашизмом, что великолепно отразил Эрнест Хемингуэй в своем знаменитом романе о гражданской войне в Испании «По ком звонит колокол». В военных действиях принимало участие много журналистов и корреспондентов. Одна из них, Марта Джелхорн, заявляет: «Мы знали, мы хорошо понимали, что Испания была тем местом, где можно было бы еще остановить фашизм. Именно так, а не иначе. Это был один из тех моментов в истории, когда ни у кого из нас не было сомнений в правоте своего дела».

Герберт Мэтьюз, корреспондент газеты «Нью-Йорк тайме» писал: «В какой бы стране я не встретил сегодня мужчину или женщину, которые сражались за свободу Испании, я нахожу в них родственную душу. Это были наши лучшие годы, и все случившееся после этого, или что произойдет в будущем, никогда не поднимет нас на такую высоту».

Исходя из своих внутренних побуждений, такую же позицию, несомненно, хотел бы занять и Филби. Однако он избрал свой

особый путь: не мог прямо заявить о своих взглядах или быть в числе тех, кто открыто сражался за свободу Испании. Он вел свою войну, которая должна была стать длительной и в которой в первую очередь необходимо было скрыть свои подлинные взгляды. В этом Филби преуспел. Каждому, кто встречался с ним в это время, он казался серьезным и немного скучным молодым английским журналистом, с завышенным самомнением, пишущим свои статьи с позиций сторонника Франко, в которых объективность не могла скрыть его профашистских симпатий.

Один из франкистских пресс-офицеров, Энрике Мар-санс вспоминает, что на Филби всегда можно было положиться в том смысле, что он не создавал ненужных трудностей и не противился цензуре. Однажды, когда фалангисты особо остро реагировали на сведения о числе итальянцев, принимавших участие на их стороне в боевых действиях, Филби подготовил небольшое сообщение о футбольном матче между испанскими и итальянскими солдатами. Марсанс выразил сомнение в достоверности этих сведений. Он хотел знать, присутствовал ли Филби на этом мероприятии. «Филби признал, что он сам матч не видел, но слышал, что такая игра имела место. Конечно, эти сведения особого интереса не представляли, но я считал, что в Лондон следовало что-то направить». Не вступая в спор, он снял свое сообщение. Другой франкистский офицер Луис Болин заявил, что «Филби славный парень, который объективностью сообщений вызывает к себе доверие».

С тем чтобы подтвердить мнение испанцев о себе как об английском джентльмене, имеющем присущие представителю правящего класса привычки, Филби завел себе подругу — Фрэнсис (Банни) Дабл, канадку, бывшую жену английского баронета Энтони Линдсей-Хогга. Леди Линдсей-Хогг, бывшая звезда лондонской сцены, была на десять лет старше Филби. Убежденная монархистка, она была влюблена в Испанию, которую посетила в качестве туристки десять лет назад. В 1937 году Банни вновь вернулась в Испанию, чтобы организовать помощь Франко. Используя свое влияние, она с помощью испанского дипломата приехала в Испанию и убедила испанского пресс-офицера разрешить ей остаться в стране. Банни считала Филби «привлекательным, очень искренним человеком, настоящим джентльменом». (Однажды, когда пресс-офицер в поисках леди Линдсей-Хогг позвонил Филби, последний гневно потребовал объяснить, почему пресс-офицер считает, что Хогг находится у него.) Конечно, и от Банни Филби скрывал свои истинные взгляды: «Мы часто обсуждали подвижническую работу его огца в Саудовской Аравии, визит Кима в Вену, говорили об

австрийской девушке, на которой он женился, но он никогда не обмолвился и словом о социализме, коммунизме или о чем-то подобном». Филби всегда противился ее попыткам вывести себя из равновесия. *«Я* всем сердцем на стороне Франко», — обычно заявляла Хогг. Или: «Мы выиграли еще одну битву». Но Филби только улыбался и в спор не вступал.

Филби приходилось много работать, создавая для себя долгосрочное прикрытие. Было три случая, когда его карьере журналиста и разведчика едва не пришел конец. Об одном случае Филби вообще ничего не знал. Речь идет о побеге на Запад в 1937 году Вальтера

Кривицкого, сотрудника советской военной разведки, находившегося в Нидерландах. Во время допроса в Великобритании Кривицкий рассказывал следователю Джейн Арчер, что у русской разведки есть источник — молодой англичанин, работающий в качестве журналиста в Испании. Речь шла, очевидно, о Филби, но Кривицкий к своему краткому заявлению ничего не смог добавить, а у английской службы безопасности были в это время другие более важные дела, чем проведение расследования по этому неопределенному факту.

Второй случай, когда Филби чудом избежал разоблачения, он помнил очень хорошо. Находясь в Севилье, он в конце недели решил поехать в Кордову, чтобы посмотреть бой быков. Местные власти убедили Филби в том, что для такой поездки никакого пропуска не нужно. Прибыв поездом в Кордову, он снял номер в гостинице, поужинал в одиночестве и лег спать. Оглушительный стук в дверь разбудил его. Ввалившиеся в номер три человека в форме гражданской гвардии приказали Филби собрать свои вещи и следовать за ними в комендатуру. Оказалось, что для поездки в Кордову обязательно нужен был пропуск. Филби был уверен, что ему удастся выбраться из этой неприятной ситуации, если бы в кармане его брюк не находилась бумажка, на которой была написана инструкция по использованию секретного кода, которым снабдила его советская разведка. Если ее найдут, придется стоять перед командой солдат с ружьями наизготовку, а английский консул даже не успеет вмешаться, как его расстреляют.

Пока гвардейцы осматривали содержание чемодана Филби, у него в голове возник план спасения. Когда командовавший обыском офицер приказал Филби вывернуть карманы, он подчинился. «Я быстро вытащил свой бумажник и резким движением швырнул его на полированный пол. Бумажник, закрутившись, полетел в дальний угол комнаты. Как я и предполагал, все трое бросились за бумажником, стараясь

дотянуться до него через стол. В тот момент, когда передо мной торчали три пары ягодиц, я выхватил из кармана брюк злополучный клочок бумаги, смял его и быстро проглотил».

В третьем случае Филби едва не погиб от разрыва снаряда, посланного со стороны республиканцев из 124-мм русской пушки. 31 декабря 1937 года группа журналистов следовала на автомашинах из Сарагосы, чтобы присутствовать при боях под Теруэлем, мрачном, огражденном стеной городе, расположенном на возвышенной местности. Когда журналисты сделали остановку на главной площади городка под названием Кауде, сопровождавшие их испанские офицеры вышли из автомашин, чтобы размять ноги и покурить. Филби, Дик Шипшэнкс из агентства «Рейтер» и два американца Эд Нейл из агентства «Ассошиэйтед пресс» и Бредиш Джонсон из «Ньюсуик» остались в автомашине, так как было очень холодно, около 18 градусов ниже нуля. Когда снаряд упал в полмиле от машины, никто не обратил на это внимания. Внезапно раздался сильный взрыв, испанцы были отброшены взрывной волной на землю.

Поднявшись, они увидели, что снаряд попал в машину. Когда была сорвана дверь, взору открылась страшная картина. Джонсон [9] был мертв, в его спине зияла огромная дыра. Шипшэнкс находился без сознания. У него были раны в голову и в лицо, один глаз отсутствовал. В тот же вечер он умер. Ноги у Нейла были раздроблены шрапнелью. Он умер через два дня. Сидевший на переднем сиденье Филби отделался поверхностными ранами головы и кисти руки. Его перевязали в местном госпитале и отправили обратно в Сарагосу. По прибытии он сразу же пошел в бар, где его появление произвело настоящую сенсацию. Одежда Филби взрывом была изодрана в клочья, поэтому на нем была пара старых сандалий и женское темно-голубое пальто с изъеденным молью воротником. Посетители бара раскрыли рты от удивления, однако слышавший о происшествии официант бегом принес Филби большую порцию спиртного. Филби встречали как настоящего героя.

Через два дня он направил сообщение в «Таймс», в котором описал смерть своих коллег. О себе сказал довольно скромно: «Вашему корреспонденту удалось выйти из машины, пересечь площадь и подойти к стене, под защитой которой укрывалась группа солдат. Отсюда его доставили на станцию «Скорой помощи», где обработали легкие раны на голове и наложили повязку. Тем временем, несмотря на обстрел, смелые испанские офицеры пытались спасти пассажиров автомашины».

У Филби было достаточно оснований скрывать свои раны. Это видно из письма корреспондента «Таймс» в Биаритце Е. Г. де

Каукса, который был знаком Филби по Франции, направленного 14 января редактору иностранных новостей этой газеты Ральфу Дикину: «Корреспондент газеты «Нью-Йорк тайме» Бил Карней вчера рассказал мне, что он прибыл на место трагедии в Теру-эле почти сразу же после случившегося. Филби проявил настоящее мужество. Несмотря на то, что у него была сильно кровоточащая рана на голове, много царапин на лице и он находился в шоковом состоянии, вел себя собранно и очень стойко. По возвращении в Сарагосу Филби просил коллег в своих сообщениях не преувеличивать его ранений, так как он боится, что по этой причине его могут отозвать в Лондон».

Освоившись с ролью сотрудника советской разведки, Филби, очевидно, не хотел, чтобы «Таймс», хотя бы на короткий период, отозвала его из Испании.

2 марта Филби был принят генералом Франко, который вручил ему награду — Красный крест за военную доблесть. (Посмертно были награждены и погибшие журналисты.) Это событие заставило члена палаты общин Уильяма Галахера, единственного коммуниста в британском парламенте, поинтересоваться, разрешало ли правительство «господину Г. А. Р. Филби» принять эту награду. На это Батлер ответил: «Я полагаю, что уважаемый член парламента имеет в виду Г. А. Р. Филби, корреспондента газеты «Таймс», освещавшего события в Испании с позиций генерала Франко. В прессе я читал сообщение о награждении этого господина испанскими властями медалью. Господин Филби не испрашивал и не получал какого-либо официального разрешения на получение этой награды».

Награда оказалась для Филби очень важной. Как он заявил мне в Москве: «Полученные мною в Испании раны очень помогли мне как в журналистской, так и в разведывательной работе. До этого офицеры Франко неоднократно критиковали британских журналистов. Они, очевидно, считали, что многие англичане являются коммунистами, поэтому так много их сражается в составе интернациональных бригад. После ранения и награждения генералом Франко я стал известен как «англичанин, которого наградил лично Франко», и передо мной распахнулись многие двери».

Укрепив свое положение в качестве журналиста, Фил-би приступил к выполнению своей основной задачи — сбору разведывательной информации. В один момент Филби показалось, что ему очень повезло. С ним подружился офицер германской разведки, и Филби полагал, что ему вот-вот предложат работать на германскую разведку, что дало бы доступ к важной для Советского Союза информации. Однако оказалось,

что немец хотел лишь познакомиться с леди Линдсей-Хогг, и когда она отвергла его притязания, он сразу же охладел к Филби.

У Кима были хорошие возможности собирать интересную информацию. Когда другие корреспонденты на пресс-брифингах интересовались лишь общей военной ситуацией, Филби дотошно расспрашивал о числе и типах самолетов, калибре артиллерийских установок, числе произведенных залпов, составе наступающих пехотных подразделений и т. д. Корреспонденты и пресс-офицеры франкистов приписывали эту любознательность Филби традиционному интересу газеты «Таймс» к военным вопросам. Когда накапливалось достаточно материалов и можно было проводить встречу со своим оперативным руководителем, Филби, уведомив «Таймс», выезжал через границу в город Хендейе или в Сан-Джин де Луз, где проводили свои краткосрочные отпуска большинство корреспондентов. В этих местах всегда ходило много различных сплетен и слухов, в них завязывались всевозможные интриги, поэтому они хорошо подходили не только для передачи информации, но и для получения новых сведений. Представитель британского правительства в Сан-Джин де Лузе сэр Джефри Томпсон вспоминает, что Филби всегда был в центре происходивших там событий и относился к числу наиболее информированных корреспондентов: «Филби знал почти все об участии немцев и итальянцев в военных действиях на стороне генерала Франко».

В жизни Филби в это время были периоды, когда ввиду загруженности журналистскими делами у него не было возможности заниматься сбором разведывательной информации. Подобное положение сложилось, например, весной 1937 года, когда Филби освещал наступление франкистских войск на севере страны. Промышленные центры этого района, хотя и были отрезаны от остальной части страны, находились в руках республиканцев и играли решающую роль в их сопротивлении. Чтобы окончательно выиграть войну Франко, необходимо было установить контроль над сосредоточенной в этом районе сталелитейной промышленностью. Командовавший франкистскими войсками генерал Эмилио Мола 31 марта 1937 года перед началом наступления выступил со следующей угрозой: «Если войска противника не капитулируют, я сотру с лица земли всю баскскую провинцию, в первую очередь центры военной промышленности. У меня для этого есть все средства».

Под этими средствами Мола подразумевал эскадрильи германских самолетов, управляемых летчиками Геринга, с помощью которых франкисты неудержимо теснили недостаточно хорошо организованные баскские подразделения. К понедельнику

26 апреля войска Мола находились в 10 милях от небольшого городка на подступах к столице басков — Бильбао. Этот городок назывался Герника, который был стерт с лица земли. Число погибших точно установить не удалось, предположительно оно составляет до 1600 человек.

Одним из первых вошедших в Гернику корреспондентов был коллега Филби, освещавший военные события в Испании с позиций республиканцев, Джордж Стир. 28 апреля его статья была помещена на видном месте в газетах «Таймс» и «Нью-Йорк тайме». Статья гласила: «Самый древний город басков и центр их традиционной культуры Герника вчера был полностью уничтожен в результате пиратских воздушных налетов мятежников. Бомбардировка этого города, находящегося за линией фронта, непрерывно продолжалась более трех часов. В налетах принимал участие целый германский воздушный флот, состоявший из бомбардировщиков «юнкере», «хейнкель» и истребителей. На город непрерывно сбрасывались бомбы весом до 500 килограммов, в том числе более 3 тысяч двухфунтовых алюминиевых зажигательных бомб».

В наиболее важном разделе статьи Стира говорилось: «Если принять во внимание форму, в которой было совершено это преступление, масштабы разрушений, а также выбор объекта, то можно сказать, что налет на Гернику не имеет прецедента в военной истории. Герника — это не военный объект. Находящийся за пределами города военный завод оказался нетронутым. Очевидно, бомбардировкой преследовалась цель деморализовать гражданское население и разрушить колыбель баскской нации. Все факты свидетельствуют в пользу этой версии».

Поднятая статьей Стира и сообщениями других посетивших Гернику журналистов волна возмущений прокатилась по всему миру. Она не утихла до сих пор (Герберт Мэтьюз из «Нью-Йорк тайме» позднее заявил, что уничтожение Герники вызвало в мире большее негодование, чем атомная бомбардировка Хиросимы). Это событие стало символом времени, когда начавшаяся всеобщая война вылилась в тотальную бомбардировку гражданского объекта, что явилось актом намеренного террора. С тех пор левые силы традиционно используют Гернику как символ жестокости фашизма.

Через два дня Герника была захвачена войсками Франко. Франкисты сразу же выпустили пресс-релиз, в котором заявили, что в основном баски сами разрушили город, чтобы склонить на свою сторону мировое общественное мнение. Вряд ли мир в какой-либо степени поверил этому, если бы не газеты «Таймс» и

«Нью-Йорк тайме», поместившие 4 мая статью своего корреспондента Холбурна. В начале статьи автор утверждал: «К сожалению, пожар уничтожил большую часть доказательств, по которым можно было бы судить о причинах его возникновения. Тем не менее оставшиеся улики свидетельствуют в пользу утверждений националистов о том, что поджоги города со стороны самих басков принесли Гернике больший ущерб, чем бомбардировка авиацией генерала Франко». Далее в статье говорилось: «Ранее утверждалось, что Герника якобы подверглась жесточайшей бомбардировке, однако удалось выявить лишь немногие следы этого. Обнаружено несколько осколков бомб, на фасадах сохранившихся зданий следов бомбардировок совсем нет, имеющиеся воронки по своим размерам значительно превосходят кратеры от бомб, сделанные где-либо в Испании. Судя до их расположению, можно сделать вывод о том, что они произошли в результате подрыва мин, которые были непрофессионально заложены для разрушения дорог».

Заканчивалась статья следующим «убийственным» выводом: «Учитывая вышеизложенное, трудно поверить, что Герника явилась объектом особо интенсивных бомбардировок со стороны авиации Франко с применением экспериментальных зажигательных бомб, как это голословно утверждается басками. По мнению изучавших это дело лиц, трудно установить причину возникших пожаров». Эта статья была с одобрением воспринята генералом Франко и его сторонниками. Они ее часто использовали для подтверждения своей версии.

Я привел эти пространные выдержки из газеты «Таймс» по той причине, что Филби назывался ее автором, и многие комментаторы придавали этому факту очень большое значение. Авторы книги «Длинная дорога в Москву» Патрик Сил и Маурин Макконвил отмечают: «Ким увидел появившуюся возможность и воспользовался ею. Та фарисейская статья помогла Киму завоевать доверие как франкистских националистов, так и редактора «Таймса» Джефри Даусона».

Один испанский автор придал большую, важность тому факту, что Джордж Стир оказался по одну сторону Герники, а Ким Филби — по другую. Это якобы подтверждало характерное для Кима двуличие, когда он был готов пожертвовать правдой, чтобы снискать расположение фашистов и таким образом удовлетворить требования своих московских руководителей.

В этих рассуждениях есть одна существенная ошибка — статьи о Гернике Филби не писал. К этому делу он не имел никакого отношения. Статья была написана другим корреспондентом «Таймс», освещавшим события в Испании с

позиции Франко, Джеймсом Холбурном. Я установил это, написав Филби письмо с просьбой высказаться по этому поводу. Вот что он ответил: «В начале своего письма я хотел бы сказать несколько слов о корреспондентах газеты «Таймс» при войсках Франко во время гражданской войны в Испании.

До падения Бильбао и несколько дней спустя я и Джеймс Холбурн работали вместе, в тандеме. Мы отвечали за освещение событий на различных участках фронта. При первой же возможности направляли свои сообщения в Лондон иногда вместе, иногда раздельно. Помощники редактора газеты группировали информацию из наших сообщений таким образом, что было невозможно установить, какая часть кому принадлежит. *Я* говорю об этом потому, что не припоминаю подготовки текста статьи, авторство которой вы приписываете мне. Думаю, что это сделал Холбурн.

Во-вторых, как вы, очевидно, догадываетесь, моя главная задача состояла в том, чтобы по возможности максимально сблизиться с франкистскими властями и с немцами. Но я никогда не писал неправды. Однако и на правду можно смотреть по-разному, сквозь различные очки, а те, которые использовал я исходя из долгосрочных соображений, были ориентированы на генерала Франко».

Это было интересное, но довольно расплывчато сформулированное соображение. Поэтому я обратился к архивам газеты «Таймс». Сохранились данные об этой статье, из которых явствовало, что материал был подготовлен одним Холбурном. Для подтверждения я отправился к Холбурну. Он хорошо помнил эту действительно им написанную статью. Затем он дал очень любопытное объяснение своим действиям. Свирепствовала цензура, и те журналисты, которые не следовали указаниям франкистских властей, оказались в трудном положении: во времена Герники корреспондент французского агентства новостей Гавас был брошен франкистами в тюрьму, а другой находился под домашним арестом.

Холбурн хотел информировать «Таймс» о том, что франкисты действительно бомбили Гернику, что до тех пор они упорно отрицали. Чтобы эти сведения могли пройти цензуру, Холбурн в своем сообщении в Лондон указал, что были найдены осколки нескольких бомб, что в городе сохранились не все здания, что имеются несомненные признаки бомбардировки Герники с воздуха. Но, к сожалению, помощники редактора газеты, очевидно, не поняли сигналов Холбурна и дали текст его статьи без изменений.

А что сам Филби думал о Гернике? «Я никогда не принимал

утверждений Франко о том, что Герника была разрушена самими басками в пропагандистских целях или по каким-то другим причинам, — писал он в своехМ письме.

Три соображения, среди прочих, свидетельствуют в пользу этого. Во-первых, баски никогда не прибегали к тактике выжженной земли (разрушение мостов не в счет). Представляется совершенно невероятным, чтобы для такого эксперимента они выбрали Гернику, город, который ассоциируется с баскскими традициями. Чтобы сделать это, Агирра и другие баскские лидеры должны были быть безжалостными людьми. Но этого качества они, к сожалению, были полностью лишены.

Во-вторых, ко времени разрушения Герники подразделения баскских войск занимали позиции к востоку и к югу от города. Для их удержания Герника, как центр снабжения, играла важную роль. В случае отступления баскам пришлось бы отводить свои войска только через Гернику. Почему же они должны были разрушать город еще до отвода своих подразделений?

В-третьих, франкистские власти, крфле неоднократно повторенных утверждений, не привели никаких фактов подготовить статью в целом, имея лишь фрагментарные материалы. Но так как Стир был глубоко предан делу басков, он испытывал искреннее негодование по поводу жестокости, которая вскоре стала обычным делом. Возможно, Герберт Мэтьюз был прав, когда заявил, что Герника вызвала во всем мире большее негодование, чем Хиросима. Но это лишь означало, что, когда пыль над Хиросимой осела, средства массовой информации мира находились под контролем американских, в ~ время антияпонских сил. Кроме того, японцы — это все-таки азиатская нация!

В этой связи я хочу поведать вам любопытную историю, имеющую отношение к обсуждаемому вопросу. Осенью 1945 года я присутствовал на приеме в посольстве Испании в Лондоне. В разговоре с неизвестным мне испанцем, сторонником Франко, я обронил слово Хиросима. Испанец спокойно заметил: «Полностью разбомблена» и отвернулся. Вероятно, Хиросима его совершенно не затронула. Я же сейчас думаю о той дистанции, которую мы прошли со времен Герники».

Филби вернулся к вопросу о Гернике в письме, которое он позднее написал мне, очевидно, для того, чтобы я не мог неправильно его понять: «Возвращаясь к нашей переписке относительно Герники, хочу сказать, что недавно я узнал, что, по мнению Брайана Крозье, немцы никогда не бомбили Гернику. Свою точку зрения Крозье основывает на двух фактах: а) мнении подполковника авиации Джеймса, обследовавшего город вскоре

после налета; б) результатах собственного визита в Гернику «три года назад», когда он обнаружил, что древний центр города оказался нетронутым, все новые здания построены только на окраинах. Его вывод: Гернику сожгли баски.

Оба эти вывода не выдерживают критики. Джеймс полностью поддерживал Франко, всегда следовал официальной линии франкистов, а кроме того, он не был умным человеком. (Я (Филби) его часто видел в то время в Испании.) Второй довод Крозье вызывает даже большие возражения и может привести, если следовать ему, к сенсационным результатам. Например, используя почти те же выражения, я могу «доказать», что осады Ленинграда никогда не было. Я был в Ленинграде «три года назад и могу засвидетельствовать, что центр города оказался «нетронутым». Все новые здания построены на окраинах. Вывод: история с осадой города — это образец в подкрепление своей точки зрения. В частном порядке немцы даже не пытались отрицать факт нанесения по городу воздушных ударов.

Имел ли со своей стороны Джим Стир всю информацию о реальном положении дел? Я так не думаю. Рассмотрим цитируемые Стиром заявления. «Полностью разрушены в результате воздушных налетов мятежниковˆ. Это неправда. В то время я не делал подробных обследований — военные действия шли полным ходом — да и франкистские власти с неодобрением отнеслись бы к любым намерениям подробно изучить этот вопрос. Мне представляется, что одна треть города была разрушена, треть пострадала, остальная часть, включая знаменитое дерево, — осталась нетронутой. Конечно, такое деление — чисто условное, но это примерно соответствует действительности. Во всяком случае, воздушный налет по своим масштабам никак не соответствовал размерам цели.

«Герника не относилась к военным объектам». Так ли это? Значительный по размерам город, находившийся в нескольких милях за линией фронта, в котором, несомненно, располагались командные центры басков, боевые и вспомогательные воинские части, сосредоточивались линии связи. Несомненно, Герника относилась к военным объектам, в военном отношении она была более важна, чем, например, центральная часть Кельна, которая была разрушена американцами спустя пять лет. «Налет, не имевший аналогии в военной истории». *Я* не знаю, что сделали итальянцы в Абиссинии (теперь Эфиопия), а японцы в Китае, но, возможно, Стир был прав. Но сейчас мы располагаем новыми, более обширными сведениями. Герника, возможно, была лишь начальным тактом в новой симфонии стратегии запугивания, которая, очевидно, только что закончилась в Камбодже — одном

из многих «безобидных» мест! «Целью, вероятно, была деморализация гражданского населения». У меня нет сомнений, что это было одной из целей налета. Вскоре такая цель приобрела законное право на существование в глазах многих народов. В последние годы американцы защищают свое право рассматривать ее также и в качестве законной политической цели.

Я думаю, что Стир проявил вполне понятное профессиональное, политическое и личное старание, излишне эмоционально среагировал на сообщения о случившемся в Гернике. Он был одаренным журналистом, способным англичанина: И. Конигсберг и Д. Эггар. Когда они стояли грязные, изъеденные вшами, униженные, Филби подошел к Конигсбергу и Эггару и представился. Он беседовал с ними около двадцати минут, выражая сочувствие их горькой участи, высказывал готовность написать их родственникам в Великобритании. Но Филби не сделал этого, очевидно, полагая, что его действия могут отрицательно сказаться на репутации, которую он для себя так старательно создавал.

Вступив в марте 1939 года вместе с войсками Франко в Мадрид, Филби подготовил для Лондона сообщение, в котором, в частности, писал: «Взрыв эмоций. На всех главных улицах города собрались громадные толпы людей, которые бурно приветствовали проходящие машины. Громкие выкрики в честь фалангистов Франко перемежались мелодиями патриотических гимнов, которые лились из громкоговорителей фронтовых пропагандистских грузовиков. Машины с молодыми девушками, одетыми в форму фалангистов — синие рубашки и красные береты, — проезжали по улицам. Девушки скандировали «мы прошли», высмеивая тем самым лозунг республиканцев «они не пройдут».

Сент-Джон был настолько рад, что Киму наконец-то удалось найти работу, что заехал повидаться с ним. Филби-старший был очень удивлен поведением своего сына: «Он не только освещает события в Испании с позиций генерала Франко, — писал Сент-Джон своему другу в МИД, — но, кажется, считает их дело правым». Журналисты — коллеги Кима также отметили его статьи и, очевидно, иногда их слова, осуждающие своего собрата, доходили до него. Эрик Гедэй, журналист, которого Ким встретил в Вене и вместе с которым работал, через своего коллегу, члена коммунистической партии, передал Киму следующее послание: «Передайте ему, что мне больно видеть его в такой компании». Поскольку посыльный был коммунистом, Филби доверил ему передать Гедэю такой ответ: «Скажи Эрику, пусть он не всегда верит своим глазам. Я не изменился». '

Но не все были введены поведением и рассуждениями Кима в заблуждение. Коллега Филби по Кембриджу Л. Тюдор Харт заявил, что из бесед с Филби в университете у него сложилось впечатление, что такой убежденный коммунист не меняет своих идеалов. «Когда Ким поехал в Испанию как сторонник Франко, я сразу же предположил, что это лишь прикрытие, что он работает пропаганды. Подобное же можно сказать и о восстании в Варшаве, битве за Будапешт и т. д. (Мне представляется, что журналисты могут найти материал для хорошей статьи, если исследуют историю создания руководимого Крозье Института по изучению конфликтов, который является подставной организацией, занимающейся изучением чего угодно, только не этой проблемы [10].)

Таким образом, хотя Филби отвергает точку зрения правых кругов о том, что Гернику никогда не бомбили, он не полностью принимает и мнение левых групп. Он считает, что Герника была военным объектом и, исходя из тактических соображений военных, могла быть подвергнута бомбардировкам. По понятным причинам Стир излишне эмоционально среагировал на бомбардировку Герники. Этот город стал отождествляться с варварством и жестокостью. Этому помогла и картина Пикассо «Герника». Таким символом Герника остается и сегодня. История с Герникой важна для понимания Филби не только потому, что она отражает его истинные взгляды на это событие. Из нее видно, что Филби не принял автоматически точку зрения левых сил, чего можно было бы от него ожидать. Она важна не в последнюю очередь и потому, что Филби обвиняли в том, чего он никогда не совершал.

* * *

Филби продолжает направлять из Испании в Лондон свои обычные сообщения, мастерски подогнанные под вкусы газеты и разумно рассчитанные на укрепление своей репутации серьезного молодого журналиста с устоявшимися правыми политическими взглядами. Некоторые события, в которых ему приходилось участвовать, и материалы, которые он должен был писать, сильно действовали на Кима, иногда выводя его из равновесия. Однажды он вместе с группой журналистов присутствовал на встрече с членами интернациональных бригад, военнопленными, содержавшимися фалангистами в монастыре под Бургасом. В числе военнопленных были два на русских. Я знаю Кима очень хороню, поэтому меня не обманут его реверансы в сторону

Франко».

Некоторые из коллег Филби — журналистов также не приняли его игры, хотя и ошибались в некоторых ее деталях. Они уловили в этом дух сотрудника разведки, но полагали, что он работает на британскую, а не на советскую разведку. Испанский пресс-офицер Марсанс считал необычным, что Филби полностью лишен духа соревновательности. «Он никогда не дрался за свои привилегии и не прибегал к уловкам, чтобы получить копию какого-то документа». Это заставило Марсанса думать, что Филби все-таки не журналист, а офицер британской военной разведки.

Другой пресс-офицер, Пэдро Гиро, вспоминает странный инцидент, произошедший в кафе. Во время беседы там со своими друзьями он получил записку от человека, который, насколько было известно Гиро, работал на немецкую разведку, о том, что два сидящих за соседним столиком человека являются британскими агентами. Гиро с удивлением увидел, что эти два человека о чем-то увлеченно беседуют с Филби. У Самуэля Поупа (жена которого позднее ушла к Филби) не было сомнений: *«Я* был уверен, что Филби работает на британскую разведку».

Усилия, которые предпринимал Филби, чтобы ввести свое окружение в заблуждение, изменили его характер. Он вернулся из Испании жестким, более дисциплинированным человеком, способным при необходимости действовать почти безжалостно. Испания сформировала Филби. Деятельность Филби в Испании была одной из главных причин принятия его британской разведкой к себе на работу и последующего служебного роста. Он признал это во время бесед со мной в Москве: «Испания занимает особое место в моей памяти. Если бы я мог еще путешествовать, тогда помимо Франции я бы очень хотел еще раз побывать в этой стране».

В августе 1939 года Филби покинул Испанию. После недолгого отдыха в Лондоне он намеревался вернуться к написанию книги об испанских событиях. Однако, когда он связался с руководством газеты «Таймс», ему было сказано задержаться во Франции. 3 сентября премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен объявил войну Германии. Утром того дня друг семьи Филби Флора Соломон, служащая магазина «Маркс энд Спенсер», познакомила Филби со своей молодой помощницей Айлин Ферс, которая стала его второй женой. «Поэтому эта дата так памятна для меня, — заявил мне Филби. — Она знаменовала катастрофу для мира и для меня лично».

ГЛАВА VI. ПРИГЛАШЕНИЕ НА ВАЖНУЮ РОЛЬ

Великобритания без энтузиазма вступала во вторую мировую войну. В памяти все еще были свежи огромные человеческие жертвы первой мировой; многие высокопоставленные консерваторы восхищались Гитлером; прогнозы воздействия возможных бомбардировок больших городов были пессимистическими — предсказывалась массовая паника населения. Значительная часть состоятельных людей недвусмысленно давала понять о своем желании избежать любых неприятностей. Отсутствие ясного понимания целей войны вызвало широкое пацифистское движение. Двадцать два лейбориста — члена парламента подписали манифест, призывавший к быстрейшему заключению перемирия. Об этом инциденте пресса почти ничего не сообщала. Никто не представлял возможного развития событий, и в этих условиях нужно было предпринимать какие-то действия.

«Таймс» проявила определенную поспешность, когда назначила Филби своим главным военным корреспондентом во Франции, поскольку руководители газеты еще не знали, что союзное командование, напуганное возможностями перехвата коротковолновой радиосвязи, приняло решение не освещать хода военных действий. Система контроля над военными корреспондентами оставалась такой же, как во времена первой мировой войны: в штабы было допущено лишь небольшое число корреспондентов, которых повсюду сопровождали специально выделенные для этого офицеры. Им разрешалось посылать только одобренные цензурой сообщения. От всех основных газет потребовали заранее сообщить имена корреспондентов, которые будут аккредитованы при британском экспедиционном корпусе во Франции, для того чтобы решить вопрос об их пригодности, дать аккредитацию, пошить форму и решить «такой важный» вопрос, что «должно значиться на их нашивках»: «С» — корреспондент или, как доказывали многие армейские офицеры, — «WC» — военный корреспондент.

Однако после того как Германия склонила общественное мнение в свою пользу, допустив в свои войска ряд нейтральных корреспондентов, и после неоднократных жалоб, что в сообщениях из Германии доминирует американская пресса в ущерб британским интересам, директор Управления общественных отношений военного министерства

Великобритании генерал-майор Дж. Х. Бейт обещал сделать для корреспондентов некоторые послабления. Он заявил: «Большое число корреспондентов, включая представительный американский контингент, в настоящее время находится при наших войсках во Франции». Эта группа корреспондентов прибыла во Францию 10 октября 1939 года. В ее состав входили пятнадцать корреспондентов из Великобритании и стран Содружества (одним из них был К. Филби), девять американцев и восемь фотографов прессы и кино. Они должны были размещаться в Аррасе на севере Франции при штабе британских войск и подчиняться армейским офицерам, которые их сопровождали.

Между корреспондентами и этими офицерами сразу же возникли трения. Все ветераны первой мировой войны, они олицетворяли собой ту Великобританию, которой уже не существовало. Один из них хвастался тем, что не смог выучиться на танкиста, другой — Чарльз Тримейн, бывший капитан британской команды по водному поло, за завтраком пил неразбавленный джин и за два дня опорожнил шесть бутылок. Корреспондент О. Д. Галлахер об этих офицерах сказал так: «Они полупьяны все время и пьяны половину времени. Куда бы вы с ними ни поехали, всегда одно и то же: «Давай, старина, заглянем вон в то кафе и примем по стопочке». Если не было кафе, откуда-то из кармана их сшитой у дорогого портного формы появлялась бутылка спиртного».

Хотя внешне офицеры сопровождения относились к корреспондентам лояльно, фактически они ненавидели их. «Хотя мозги Чарльза Тримейна были пропитаны спиртным, — писал один из офицеров сопровождения, — тем не менее у него их в пять раз больше, чем у журналистов, которых он сопровождал». Любопытно, что одним из немногих корреспондентов, у которого с офицерами сопровождения сложились неплохие отношения, был Ким Филби. Когда я спросил его об этом, он ответил: «Конечно, это были несколько странные люди, но они находились в хороших отношениях со многими старшими офицерами и поэтому могли провести нас в такие места, куда другие не рискнули бы пойти. Если бы вторую часть тирады относительно «мозгов Тримейна» можно понять так — «с военной точки зрения мы в два раза лучше знаем, как попасть в некоторые места, чем все корреспонденты, которых мы сопровождали», то я с готовностью подписался бы под ними. Главный их недостаток состоял в том, что, по их мнению, войну можно выиграть только с помощью лошадей и сабель».

В то время во Франции не велось никаких военных действий.

Но происходившие в других местах события убедили Филби и его друзей в правильности их анализа международной обстановки. После того как русские 30 ноября 1939 года вступили в Финляндию, чтобы не допустить создания на ее территории антисоветского плацдарма, у лидеров союзников вновь появились иллюзии 1918–1920 годов: один удар объединенными силами, одна интервенция и большевики падут. Началась кампания за перевод войны в союзе с Германией против России. Майор Кермит Рузвельт, представитель знаменитой американской семьи, предложивший в начале войны свои услуги британским военным, был освобожден от своих обязанностей в США, повышен в звании до полковника, с тем чтобы при необходимости во главе бригады британских добровольцев сражаться с русскими. Великобритания снабжала оружием Финляндию. Газета «Санди таймс» выступила с предложением подвергнуть бомбардировке нефтепромыслы в районе Баку на Каспийском море. Один из британских офицеров заявил корреспонденту «Ассошиэйтед пресс» Дрю Мидлтону: «Весной мы двинем на русских».

Перебросив во Францию к бельгийской границе 158 тысяч солдат, 25 тысяч автомашин, 140 тысяч тонн различных военных грузов, Великобритания в течение девяти месяцев не пыталась сразиться с врагом. Это была «странная война», «скучная война» или, как ее называли немцы, «сидячая война». Войска окапывались за знаменитой «линией Мажино», представлявшей серию подземных крепостей, соединенных туннелями, которая считалась непреступной. Размещенные в мрачной гостинице «Отель ду Коммерс» в Аррасе журналисты пытались найти материал для статьи, которая была бы интересной и приемлемой для цензуры. Одно из подготовленных Филби сообщений, сохранившееся в архивах газеты «Таймс», гак испещрено синим карандашом цензора, что его почти невозможно прочесть. Бедный Бернард Грей из «Дейли миррор», известный под кличкой «Картошка», однажды написал: «Случайный снаряд уничтожил сушившееся в окопах белье», на что офицеры сопровождения указали ему, что ни один снаряд не был выпущен, и обвинили его в злонамеренной лжи.

В написанном Филби сообщении точно отображается возникшая ситуация: «Узкая перспектива открывается из засыпанных землей блиндажей на линии расположения британских войск. Сырая тяжелая дымка, предвещающая сильные дожди, не позволяла что-либо различить на линии горизонта. Расположенные близко друг от друга на открытых полях города и деревни, здания, которые были построены из кирпича, из-за постоянного дыма были окрашены в красновато-серые тона.

«Мадемуазель Франция» отсюда казалась далекой. Мрачные облака уныло следовали один за другим. У многих вызывали разочарование медленные темпы подготовки к решительному сражению. Они ожидали опасности, а нашли унылое беспросветное существование».

Корреспонденты впадали во все большее отчаяние. Филби, Дуглас Уильямсˆиз «Дейли телеграф» и Алан Морехед из «Ньюс кроникл» организовали столовую в доме француза — торговца вином и пригласили на обед группу высокопоставленных армейских офицеров. Они хотели накачать их вином из погребка виноторговца и вызвать на откровенный разговор. Однако генералы хорошо пообедали, с удовольствием выпили, но ничего не рассказали.

Много позднее, возвращаясь к этим событиям во время беседы со мной в Москве, Филби признал, что корреспонденты дали себя одурачить, когда поверили военным, что немцы не атакуют, так как считают «линию Мажино» неприступной.

«Только один из нас, покойный Уэбб Миллер из «Юнайтед пресс», будучи сильно пьяным, предсказал возможное развитие событий. «Немцы, — сказал он, — пройдут сквозь эту линию укреплений, как дерьмо пройдет сквозь сито». Многие из нас были крайне удивлены, когда именно так и произошло. Возможно, и Уэбб, но уже в трезвом состоянии.

Наверное, военные систематически вводили нас в заблуждение. Однако любой, кто позволил себя дурачить на протяжении восьми месяцев, должен взять немалую долю вины на себя. Во время этой «странной войны» я услышал только два высказывания, которые нашли подтверждение в ходе последующих событий. Одно из них сделал Антони Иден, занимавший тогда пост государственного военного министра, а другое — герцог Виндзорский. Во время неофициального пресс-брифинга Иден заметил: «Безрассудно рисковать исходом битвы с немцами на территории Бельгии».

Во втором случае, в предрождественский вечер 1939 года я одиноко сидел в ночном баре в Метце, когда герцог Виндзорский, начав разговор, обронил: «Если немцы атакуют, здесь начнется кошмар».

Я сомневаюсь, что военные умышленно вводили нас в заблуждение. После падения Франции я считал, что именно это имело место, поскольку, по моему мнению, ни один эксперт не мог так безнадежно ошибаться. Но позднее я увидел, что такой же нелепой оказалась британская экспертная оценка способности Красной Армии к сопротивлению. Поэтому в Аррасе военные, возможно, действительно верили, что выиграют войну «в

комфортных условиях».

К счастью, кроме своих проходящих цензуру сообщений в «Таймс», я имел возможность передавать ценные сведения другой стороне, которую совершенно не интересовали оптимистические разглагольствования нашего командования. Нужны были проверенные военные данные: численный состав и месторасположение подразделений, калибр и количество пушек, действия танковых соединений и т. п. Если бы не это, мое пребывание в Аррасе было бы совершенно бессмысленным».

«Странная война» закончилась 10 мая 1940 года. Немцы нанесли удар, двигаясь через Бельгию, Нидерланды и Люксембург. События развивались столь стремительно, что корреспонденты не поспевали за ними. Филби и несколько других журналистов на короткое время оказались в Брюсселе и в кафе напротив главного вокзала заказали себе пиво. Официант не хотел им давать немецкого пива. «Но это хорошее пиво», — настаивал Филби. По возвращении в Аррас им было приказано приготовиться к отступлению в Амьен — немцы уже вступили в Брюссель. «Хорошо сделали, что мы выпили там мюнхенского пива, — заметил Филби, — иначе оно все досталось бы немцам».

Корреспондентам удалось поспать в Амьене только час. Их разбудили и известили о том, что немецкие танки уже находятся на окраине города. Спешно покинув город 18 мая, они на следующий день оказались в Булоне.

Наконец-то корреспондентам было о чем рассказать, но, к сожалению, они не могли послать своих сообщений, так как с Лондоном не было связи. Не могли они попасть и на фронт, командование отобрало у корреспондентов машины. Филби предложил организовать в Ле Тукете игру в гольф, но городок тоже вскоре оказался в руках немцев. Во вторник 24 мая корреспонденты отплыли домой.

Полное благодушие царило в Великобритании. Возвратившемуся домой Филби пришлось многие часы спорить с бухгалтерией газеты «Таймс» по поводу своего багажа, который армейские хозяйственники забыли в Амьене во время бегства из города. Филби справедливо указывал: *«Я* боюсь, что в Лондоне сложилось неправильное впечатление об условиях нашей жизни во Франции». К своему объяснению он приложил список утерянных вещей, указав их стоимость. «Пальто из верблюжьей шерсти (два года носки) — 15 гиней, данхилловская трубка (после двух лет использования ее качества улучшились) — один фунт десять шиллингов, шляпа — один фунт». Всего сто фунтов стерлингов шестнадцать шиллингов. Филби не мог удержаться и добавил, что цены он взял из армейского каталога. Бухгалтерия

«Таймс» деньги выплатила.

Через три недели Филби вновь оказался во Франции. Из Дюнкерка с позором эвакуировался британский экспедиционный корпус, однако английские войска направлялись во Францию для защиты Парижа. Филби должен был представлять газеты «Таймс» и «Дейли телеграф», Грей — «Дейли миррор», «Дейли геральд», «Пишт», «Санди гшкториал», Эвелин Монтегю — «Манчестер гардиан» и «Дейли экспресс». Они пробыли там всего четыре полных нелепостей дня. Первый день пили в армейской столовой в Шербурге, второй — ехали в Ле Мане, третий переваривали новости, которые от них ждали в Лондоне, четвертый — попали под бомбардировку в Бресте, ожидая последних пароходов до Великобритании. На следующий день в Лондоне Филби по радио услышал о капитуляции Франции.

* * *

Дональду Маклину, который учился вместе с Филби в Кембриджском университете, также пришлось бежать от немцев. Когда Филби находился в Испании, Маклин делал очень успешную карьеру в министерстве иностранных дел Великобритании. Летом 1934 года он закончил университет первым студентом по французскому и немецкому языкам и в октябре начал заниматься в фешенебельной школе «Тургет», расположенной около Британского музея, которая была известна тем, что успешно готовила молодых людей из хороших семей к экзаменам для поступления на работу в МИД. Маклин достаточно хорошо выполнил письменные работы, чтобы быть допущенным к устным, во время которых на экзаменаторов оказали хорошее впечатление его приятные манеры, уравновешенный характер и общепринятые в Великобритании взгляды.

К тому времени Маклин тоже уже сбросил «свою марксистскую оболочку». (Когда его спросил об этом друг-коммунист, Маклин ответил: «Я решил, что мое будущее связано больше с угнетателями, чем с угнетенными».) Поскольку известно, что резкая перемена взглядов у Филби и Берджесса произошла после их привлечения советской разведкой к сотрудничеству, можно предполагать, судя по итогам бесед с Маклином во время экзаменов в МИД (проявил общепринятые взгляды), что он был завербован русскими в конце 1934 года.

Конечно, можно было легко установить марксистское прошлое Маклина — для этого нужно было лишь направить запрос в Кембридж. Но если бы даже они сделали это, вряд ли

что-либо изменилось. Маклин отрицал бы участие в деятельности коммунистов, и экзаменаторы поверили бы ему. Они посчитали бы его коммунистические увлечения юношескими заблуждениями, Маклин был таким одаренным человеком, что несколько лет пребывания в МИД сделали из него прекрасного дипломата.

Испытательный срок он успешно проработал в Лондоне, в 1938 году получил первое назначение в Париж, в посольство категории «А». На посла и советника-по-сланника благоприятное впечатление произвели его способность упорно и много работать и регулярное посещение всех посольских мероприятий. Его считали «птицей высокого полета». Он был одним из немногих сотрудников МИД, заслуживших такую оценку, находясь в неприметном положении третьего секретаря. Одеваясь в костюмы серого цвета, со вкусом подбирая галстуки, Маклин выглядел «типичным, хорошо воспитанным англичанином». Постоянно с турецкой сигаретой в зубах, он уже тогда создавал о себе впечатление, как о сэре Дональде Маклине, после Великобритании в Вашингтоне.

Что же «сэр Дональд» делал в тот период для русской разведки? В 1967 году газета «Санди таймс» не смогла найти доказательств, что он вообще что-либо делал. Позднее поступила информация о сведениях, которыми Маклин располагал в посольстве и о той важности, какую эти материалы представляли в тот период для Москвы. Все это говорило о том, что в это время Маклин уже активно работал на советскую разведку. Сотрудник МИД Великобритании Роберт Сесил, знавший Маклина и встречавший его в 1938 году в Париже, отмечает, что Маклин своей служебной обязанностью считал тогда копирование буквально всех документов посольства.

Послом Великобритании в Париже был сэр Эрик Фиппс, который до этого работал в Берлине и разделял резкие антинацистские настроения. Однако в Париже он пришел к верному выводу, что Франция сражаться до конца не будет. Испытывая беспокойство по поводу способности Великобритании противостоять фашистам в одиночку, он стал выступать за проведение политики умиротворения. Данная Фиппсом оценка готовности Франции сражаться с Гитлером и тот факт, что такой влиятельный британский дипломат выступал за умиротворение, несомненно, представляли большой интерес для советской разведки. Кроме того, Маклин имел доступ к англо-французским военным планам оказания помощи Финляндии во время ее зимней кампании против Советского Союза. Он знал также о планах нанесения удара по бакинским нефтепромыслам, чтобы

нарушить снабжение нефтью германских войск.

Возможно, из-за той двойной роли, которую приходилось играть Маклину, у него обнаружилась склонность к спиртным напиткам, которая позднее стала причиной его краха. Он стал завсегдатаем кафе «Флора» в Сен-Жермене, где проводил за рюмкой и беседами целые вечера. Иногда он «перебирал», и это приводило к диким выходкам. Однако когда поблизости находились две симпатичные молодые американки, жившие в гостинице неподалеку от «Флоры», поведение Маклина было безупречным.

Эти девушки, сестры Мелинда и Харриет Марлинг, были дочерьми Фрэнсиса Марлинга и Мелинды Гудлетт, которая после развода вышла замуж за богатого американского бизнесмена Хала Данбэра. В 1939 году Мелинда посещала курсы французской литературы в Сорбонне, а Харриет приехала навестить ее. Маклин и его друг Марк Калм-Сеймур познакомились с сестрами в кафе «Флора». Скоро всем друзьям Маклина стало ясно, что он увлечен Мелиндой. Они пытались доказать Маклину, что Мелинда слишком типичная американка, чтобы быть женой английского дипломата. Мелинда принялась перевоспитывать Маклина, пичкая его длинными лекциями о том, как правильно организовать свою жизнь. Эти проповеди Маклин игнорировал, настаивал на том, чтобы Мелинда вышла за него замуж. Письма Мелинды домой свидетельствовали о том, что ей было трудно решить этот вопрос: с одной стороны, он ей очень нравился, Мелинду привлекала идея выйти замуж за дипломата из привилегированной семьи, с другой — она чувствовала, что ей будет трудно с таким мужем.

Когда обстановка в Европе ухудшилась, Данбэр забросала своих дочерей телеграммами, призывая их вернуться в Соединенные Штаты. Харриет в конце концов уехала домой, а Мелинда осталась. Разгром армий союзников в мае 1940 года ускорил ее решение выйти за Маклина замуж. Когда британское посольство покидало Париж, Маклин добился разрешения остаться в Париже на несколько дней и вновь сделал Мелинде предложение. Он сказал Мелинде, что, если они сейчас не поженятся, ей придется возвратиться домой, и они, возможно, больше никогда не увидятся. Она все еще колебалась, и только 10 июня, когда на подступах к Парижу раздавались выстрелы, Мелинда наконец решилась. Зарегистрировались в мэрии седьмого района на улице де Гренелл. Первую брачную ночь они провели в дороге на пути в Бордо, где надеялись достать Мелинде билет на пароход в Америку. Однако дороги были настолько забиты беженцами, что пришлось остановиться и ночевать в поле.

Когда они, наконец, добрались до Бордо, их скитания не окончились. Оказалось, что пароходов до США нет, а те, которые направлялись в Великобританию, были переполнены. Но Маклин воспользовался своим положением дипломата и получил места на британский эсминец. В полдень 23 июня, через два дня после капитуляции Франции, они отплыли в Великобританию.

* * *

Летом 1947 года Филби обнаружил, что двадцативосьмилетнему корреспонденту не так просто найти работу в Великобритании. Для «Таймс» он написал пару статей об уроках неудач во Франции. Все чаще ему на ум приходила мысль, что, если он быстро не найдет работы, освобождающей его от военной службы, ему придется, как он когда-то говорил своему коллеге по работе в «Обзоре обзоров» Алисон Аутвейт, «закончить свою жизнь в окопах».

Между тем он пытался привести в порядок свои личные дела. Его раздельное проживание с Литци было теперь окончательным. После отъезда Кима в Испанию она перебралась в Париж, а затем вернулась в Вену, чтобы вывезти своих родителей в безопасное место в Лондон. Филби узнал, что Литци сошлась с беженцем из Германии коммунистом Георгом Хонигманном, который работал в британском агентстве новостей «Экстель», прослушивая передачи немецкого радио. Хотя у Филби были теперь хорошие основания для развода, он не стал начинать бракоразводный процесс, очевидно, из-за опасений лишить Литци права иметь британский паспорт и проживать в Великобритании.

В то же время он продолжал ухаживать за Айлин Ферс, которую встретил у Флоры Соломон. Двадцатидевятилетняя привлекательная блондинка Айлин ушла из дома и по рекомендации своего лечащего врача устроилась на работу. У нее обнаружилась привычка истязать себя: ее родители рассказывали, что она намеренно причиняла себе боль, чтобы обратить на себя внимание, когда, как ей казалось, все забыли о ней. Работа под руководством Ф. Соломон, казалось, помогала ей. Филби нравилось, что у Айлин приятные простые манеры, ее легко было вызвать на смех, она была хорошим компаньоном. Он относился к Айлин с сентиментальным обожанием, делился с нею своими приключениями, выслушивал ее рассказы о работе, нередко шутливо представлял ее как «мисс Маркс и Спенсер». Несомненно, они были влюблены друг в друга и вскоре стали жить вместе.

Что думала эта сдержанная женщина, которая все время находилась под покровительством своей семьи, о друзьях Филби, было трудно представить. Большинство из них она встретила в течение следующих месяцев на Бентинк-стрит в доме номер 5, в полуподвальной квартире, принадлежавшей Виктору Ротшильду. В этой квартире проживали, сменяя друг друга, молодые люди, которые работали или в разведке, или в службе по обеспечению безопасности страны. В их числе была и Тереза Мейор, которая позднее вышла замуж за Ротшильда (в то время она занимала должность помощника инспектора в секции контрсаботажа); Гай Лидделл, Десмонд Весей и Энтони Блант — это сотрудники британской контрразведки МИ-5; двое друзей Гая Берджесса — Питер Поллок и Джек Хьюит, которые работали в разведке по краткосрочному контракту, и, наконец, сам Берджесс.

Это была группа интересных, одаренных, работоспособных, ненавидящих Гитлера молодых людей. Расслабление от напряжения того времени они находили в компании друг друга, иногда в вине, однако всегда до удивления хорошо чувствовали необходимость соблюдения тайны. Действовало правило «не болтать о работе», как только они переступали порог дома на Бентинк-стрит. Они считали себя какой-то отдельной, отличающейся от других группой людей, они и в действительности были таковыми. Кто бы еще стал терпеть этого иногда пьяного, агрессивного, употребляющего наркотики Гая Берджесса, кроме обитателей дома на Бентинк-стрит, которые за его отвратительными внешними проявлениями видели блестящий и оригинальный ум и самое преданное сердце.

После окончания весной 1935 года Кембриджского университета всякое случалось в жизни Берджесса. Какое-то время у него вообще не было работы, несмотря на то, что он использовал все свои связи. Затем его друг по колледжу Тринити Виктор Ротшильд представил его своей матери Чарльзе Ротшильд. За 100 фунтов стерлингов в месяц она пригласила Берджесса быть ей советником по вкладам капитала. Эта сумма в пять раз превышала заработок его друзей, а для того, чтобы получить ее, нужно было прилагать так мало усилий, что у Берджесса оставалось время для других дел.

Он пытался устроиться на должность помощника редактора в газету «Таймс», но там посчитали, что он не подходит для этой работы. Три раза он съездил в Германию: первый раз — на берлинские Олимпийские игры, во второй — в качестве руководителя группы школьников, которые хотели лично увидеть нюрнбергские сборища, и в третий — в составе группы по изучению обстановки в Германии, в которую входили архидиакон

английской церкви, сотрудник военного министерства и эксцентричный член парламента от консервативной партии Джек Макнамара. Тогда они пришли к выводу, что Гитлер в Германии «творит чудеса».

Наконец в октябре 1936 года через свои связи из общества «Апостол» Берджессу удалось устроиться в отдел вещания Би-би-си, где он стал заниматься подготовкой программ передач по текущим событиям. Позднее Берджесс вел передачу «Неделя в Вестминстере», что дало ему хорошую возможность завязать контакты среди членов парламента и создало прочное положение в политических кругах. Он, например, встречался с Черчиллем, который дал ему копию своих речей на тему «Война и соглашения».

Мало-помалу Берджесс начал создавать сеть своих помощников, которые в основном занимались сбором различных политических сплетен и слухов. Иногда это давало ему возможность играть определенную роль в более важных делах. Французские и итальянские политики, не доверявшие британскому МИД и искавшие контакты с премьер-министром Невиллом Чемберленом, нередко делали это, используя каналы, к которым Берджесс имел доступ. Таким образом он получил подтверждение информации Маклина относительно позиции французов и смог нарисовать удручающую картину масштабов прогерманских настроений в Великобритании и их влияния на общую обстановку в стране. Естественно, Берджесс передавал всю собранную таким путем информацию своему советскому оперативному руководителю и, очевидно, по его совету установил контакт с секретной службой Великобритании. Сначала Берджесс был платным агентом, а с января 1939 года — сотрудником по краткосрочному контракту. Работал во вновь организованном отделе СИС по подрывной пропаганде.

Берджесс был фактически основателем «Клуба обитателей Бентинк-стрит» и самым близким другом Филби. В этот период укрепились дружеские отношения Филби с Энтони Блантом, которые до сих пор носили приятельский характер. У них было много общего. Блант также был вынужден бежать из Франции от немцев. Накануне войны он подал заявление о поступлении на военную службу. В царившей тогда неразберихе ему пришло два ответа: в одном ему указывалось явиться на службу в военную полицию, в другом — давался отказ. Блант проигнорировал второй ответ и поступил на курсы по подготовке сотрудников разведки — специалистов по обеспечению безопасности. Несмотря на возникшие трудности — Бланта вызвали в военное министерство и потребовали объяснить, почему он писал статьи в

левые журналы и с какой целью ездил в Советский Союз — он закончил курсы и был направлен во Францию. Большую часть своего свободного времени он потратил на написание писем друзьям в Лондон с просьбой помочь ему устроиться на работу в МИ-5 или в СИС. Берджесс занес имя Бланта в списки желающих поступить на работу в разведывательные или контрразведывательные службы и заверил его в том, что со временем что-нибудь подвернется. В последнюю неделю мая, действуя, как обычно, хладнокровно и неторопливо, Блант запарковал свою машину в конце пристани порта Булонь и сел на пароход за несколько минут до того, как порт захватили немцы. Вернувшись в Великобританию, он вскоре убедился, что Берджесс был прав: в августе 1940 года его пригласили на работу в МИ-5.

Одной из причин укрепления взаимоотношений Филби с Блантом, возможно, была его осведомленность о работе последнего на русских. В Москве Филби рассказал мне о том, как он узнал, что Блант и Маклин были советскими разведчиками. «Я встречался с Маклином лишь один раз в середине 30-х годов, — сказал Филби. — После Франции я потерял связь со своим парижским руководителем. Тогда я уже знал о работе Маклина с русскими (возможно, что у них был в Париже один руководитель), поэтому я связался с ним и попросил оказать мне помощь. Я виделся с ним дважды. В первый раз он, естественно, вел себя осторожно и просто назначил вторую встречу. Так он помог мне. Что касается Бланта, то он подошел ко мне, кажется, в начале 1941 года и страшно напугал своим заявлением: «Я знаю, чем ты занимаешься. Я, кстати, делаю то же самое». По тем же, что у меня, причинам он также находился без связи и хотел бы ее восстановить. Я проверил то, что он сказал, и смог помочь ему».

Из сказанного можно заключить, что, хотя кембриджской шпионской сети, возможно, как таковой, не существовало, поскольку все эти вышедшие из Кембриджа люди знали о работе каждого из них на Москву, они, несомненно, делали все возможное для оказания помощи друг другу. В том, как эта помощь осуществлялась, можно увидеть реализацию советской разведкой своего гениального плана. Совершенно ясно, что Филби был не единственным кандидатом на внедрение в британские секретные службы. Берджессу и Бланту дали такое же задание. Настойчивость, с которой они действовали, чтобы устроиться на работу в любом качестве, в любое подразделение МИ-6 или МИ-5, недвусмысленно свидетельствует об этом. Можно делать довольно обоснованные предположения о том, почему русские пытались устроить туда сразу трех кандидатов. Внедрившись в разведку, один из них мог помочь другим. Когда

все они будут работать в разведке или в контрразведке, там они могут использовать свое влиятельное положение для защиты друг друга от разоблачения. Как мы видели, Берджессу первому удалось это сделать. Затем его рекомендации помогли Бланту и Филби.

До того как Берджесс помог Филби устроиться на работу в разведку, последний связывал свои основные надежды с работой в правительственной школе кодов и шифров в Блегчли-парке, в которой во время войны пытались расшифровывать немецкие военные и дипломатические коды. Сделать это Филби не удалось, поскольку руководство школы посчитало, что не может дать ему приличную зарплату. Это сильно разочаровало Филби, как и его советского руководителя, но как он сказал мне в 1988 году в Москве, эта работа вряд ли бы соответствовала его характеру. «Эти криптоаналитики живут в своем собственном мире. Они в основном эксцентричные и очень педантичные люди. Работая в СИС, я часто сталкивался с ними. Однажды один из них показал мне немецкое сообщение, над расшифровкой которого он работал. В нем говорилось о состоявшемся в Бреннер Пасе совещании между Муссолини и еще одним человеком. Этот криптоаналитик сказал мне, что в оригинале сообщения называлось имя и второго человека, но ему удалось расшифровать только буквы Г…Т…Р». Он спросил, нет ли у меня каких-либо идей. Не задумываясь, я сказал: «Гитлер, конечно, Гитлер». Он вновь посмотрел на сообщение и, спустя какое-то время, сказал: «Да, очевидно, это так. Но в криптологическом смысле тут даже нет намека на это. Даже намека».

В июле 1940 года Филби начал проходить медицинскую комиссию для призыва в армию, когда произошли совершенно неожиданные для него события. В газету «Таймс» позвонил капитан Лесли Шеридан из военного министерства и спросил, готов ли Филби к военной работе. В беседе со мной Филби сказал: «Вскоре после этого в гостинице Сент-Эрмин около станции метро Сент-Джеймс-парк (рядом со штаб-квартирой СИС) со мной беседовала госпожа Марджори Мэкси. Это была очень привлекательная пожилая женщина (примерно моего возраста). Я не знал, да и теперь не знаю, какую должность в разведке она занимала. Однако она говорила очень авторитетно и, очевидно, имела по крайней мере полномочия рекомендовать меня на «интересную» работу. В начале нашей беседы она говорила о возможности использовать меня на политической работе в Европе против немцев.

В течение десяти лет я серьезно интересовался международной политикой. Я посетил значительное число

европейских стран от Греции до Португалии, у меня уже было несколько пока еще сырых идей относительно развертывания подрывной работы против нацистского режима. Поэтому был довольно хорошо подготовлен к беседе с Мэкси. Первый экзамен я выдержал. При расставании она попросила меня встретиться через несколько дней еще раз в этой же гостинице. На вторую встречу она пришла вместе с Гаем Берджессом, которого я хорошо знал. Они еще раз «прошлись» по моей автобиографии. На прощание госпожа Мэкси проинформировала меня в том, что, если я согласен работать в ее конторе, мне необходимо уволиться из газеты «Таймс» и прибыть в распоряжение Гая Берджесса, работающего на Кэксгон-стрит, в том же квартале, что и гостиница Сент-Эрмин.

Поскольку Филби в газете не мог сказать, что уходит на работу в секретную службу, он быстро придумал подходящую легенду, согласно которой ему якобы поручили написать официальный отчет для одной правительственной службы о действиях британского экспедиционного корпуса во Франции. Уже в следующий понедельник Филби приступил к работе: так один разведчик, работающий на русских, рекомендовал другого, который также был принят на работу в СИС.

Филби рассказал мне, что, как он узнал позднее, о нем был сделан лишь один обычный запрос в британскую контрразведку МИ-5, который прошел через картотеку и на который был дан стандартный ответ: «Сведений нет». Все оказалось настолько легким для Кима, что когда он рассказал об этом своему оперативному руководителю и представил сообщение о том, как в этом плане работает СИС, последний выразил сомнение, в ту ли организацию попал Филби [11].

Но на самом деле все делалось не так поверхностно и небрежно, как описано здесь. Как правило, на работу в СИС принимали по рекомендациям друзей, знакомых и родственников, полагая, что тот обширный круг людей, правящих Великобританией и Британской империей, о своих членах знает не меньше, чем «сующий нос в чужие дела» полицейский чин из МИ-5. Имя Кима Филби обсуждалось в коридорах британской разведки, прежде чем он был принят на работу. Оказалось, что полковник Валентайн Вивьен, заместитель директора СИС, служил в Индии вместе с отцом Кима Сент-Джоном и поэтому мог поручиться за него. «Он (Филби) пришел в СИС из «пула» (списка кандидатов, составленного в начале войны). Меня спрашивали о нем. Я ответил, что знаю его семью» [12].

Филби пережил, очевидно, тревожное время, когда спустя месяц после поступления на службу в СИС его отец, репутация

которого помогла ему получить это место, был арестован в Карачи на основании раздела 186 Закона об охране государства, как представлявший угрозу для безопасности Великобритании. Поведение Сент-Джона было, как обычно, непредсказуемым. В 1939 году во время дополнительных выборов он баллотировался в парламент в консервативном округе Хайт от британской народной партии, антивоенной группировки, пропагандировавшей фашизм и антисемитизм. Хотя Сент-Джон пользовался поддержкой как справа, так и слева, он проиграл, получив всего 576 голосов.

В начале войны отец Кима пытался поступить на работу в военную разведку в качестве специалиста по Арабскому Востоку при короле Ибн-Сауде, однако это место получил другой человек. Затем он ввязался в авантюру, пытаясь получить деньги для короля Ибн-Сауда через сионистов: за 20 миллионов фунтов стерлингов им будет разрешено занять большую часть Западной Палестины. Трудно сказать, насколько был осведомлен об этом плане сам Ибн-Сауд, поскольку позднее он охарактеризовал его как попытку подкупить его. Однако сионисты считали этот план реальным. Ожидая решения по этому плану и работая над другим, Сент-Джон косвенно участвовал в издании памфлета «Остановим войну!», который был подготовлен британским советом христианских поселенцев в Европе и привлек к себе внимание полиции.

В начале 1940 года Сент-Джон возвратился в Саудовскую Аравию и информировал короля о ходеˆ войны: немцы топят так много судов, что через восемнадцать месяцев Великобритании придется сложить оружие. Возмущенный Стоунхьюэр Берд, советник-посланник Великобритании, информировал Лондон: «Точка зрения Филби, если говорить кратко, такова: союзники не должны были начинать эту никому не нужную войну, которая разоряет Саудовскую Аравию и губит весь мир. Их не могут победить, но и выиграть войну они не в состоянии. Союзникам придется заключить с Гитлером невыгодный для себя мир. Британская служба новостей мало уважает общественность, она фальсифицирует цифры потерь Великобритании на море. Это в высшей степени непристойно, если не опасно с его стороны высказывать подобные мысли, поскольку он общается с сирийцами, индийцами, иракцами, египтянами и американцами».

Самого Сент-Джона такие мысли лишь воодушевляли. Французскому дипломату он заявил, что Гитлер великий человек и мистик, сравним с Иисусом Христом и пророком Мухаммедом. Он открыто заявлял, что чем быстрее немцы захватят Париж, тем будет лучше, поскольку это приведет к окончанию войны. На

приеме в доме представителя одной нефтяной компании Сент-Джон назвал передачи Би-би-си «презрительным вздором» и, по словам Берда, заявил, что собирается поехать в Индию и Соединенные Штаты для ведения антибританской пропаганды. Когда все это дошло до Лондона, власти решили арестовать Филби, как только он вступит на землю Индии.

И когда Сент-Джон появился в Индии, бывшего чиновника индийской гражданской службы препроводили в полицейский участок в Карачи, официально обвинили в проведении деятельности, наносящей ущерб британской короне, и выслали в Ливерпуль. Там его посадили сначала в Уолтонскую тюрьму, а в ноябре перевели в город Аскот в тюрьму «Миллз Серкус граунд». Друзья и бывшие коллеги Филби выступили в его защиту, доказывая, что, обычно выступая против правящего правительства, он никогда не был ни лояльным ни патриотичным по отношению к Великобритании.

Наконец в феврале 1941 года дело Филби рассматривал консультативный комитет в составе трех человек: сэра Нормана Биркетта, адвоката, сэра Джорджа Клерка, дипломата, и сэра Артура Хейцельригга. Нужно было решить, продолжать ли его держать под арестом или освободить. Сент-Джон знал этих людей. Большую часть слушаний он читал им мораль о недостатках британской внешней политики, особенно на Среднем Востоке. Как заявил Ким Филби мне в Москве, касаясь появления отца перед этой «звездной палатой», «своими нравоучениями он заставил их сдаться». После семи месяцев нахождения в тюрьме 18 марта Сент-Джона освободили и отправили в Уэльс, где он провел большую часть военного времени, работая над историей Саудовской Аравии до исламского периода.

По мнению Кима, он следовал примеру своего отца и относился к Великобритании подобным же образом. Но как бы резко ни выступал Сент-Джон, у нас нет доказательств, что он работал против своей страны. Если бы ему предоставили такую работу, на которой он мог бы в полной мере использовать свои таланты, были бы все основания полагать, что он всецело поддержал бы военные усилия Великобритании.

Берджесс устроил Кима на работу в отдел «Д» СИС («Д» — означает диверсии). Его зарплата составляла 600 фунтов стерлингов в год без подоходного налога. В задачу отдела входила организация актов саботажа и диверсий против немцев в Европе. В основном работа Кима заключалась в участии в различных совещаниях, на которых обсуждались возможности пресечения снабжения немцев нефтью из Румынии, в рассмотрении планов запуска воздушных шаров с

зажигательными бомбами над Центральной Европой в надежде, что таким образом удастся поджечь поля с зерновыми культурами и нарушить процесс обеспечения немцев продуктами питания. Отдел «Д» плохо финансировался, к нему питали недоверие другие подразделения СИС, особенно Уайтхолл. Вскоре он влился в состав созданного в июле 1940 года управления специальных операций, которое должно было «разжечь огонь в Европе». Полностью отвечая за организацию акций саботажа и диверсий за рубежом, управление специальных операций сразу же ликвидировало отдел «Д».

Но к тому времени Филби уже сумел проявить себя. По предложению Берджесса он подготовил документ, в котором предложил создать школу по подготовке агентов для подпольной работы. Со временем в Брикендон-бери-холл под Хартфордом возникла большая «контора», персонал которой включал таких знаменитостей, как Джордж Хилл, боровшийся с большевиками еще во время революции и обучавший мужчин и женщин из оккупированных немцами европейских стран искусству проведения подрывных акций и саботажа. Когда отдел «Д» влился в управление специальных операций, Берджессу было предложено уйти. Томми Харрис, торговец произведениями искусства, которого Филби первым встретил в Брикендонбери и который стал его близким другом, нашел работу в контрразведке МИ-5. Однако Филби оставили в управлении специальных операций и назначили инструктором по подготовке агентов в школе, располагавшейся в Хемпшире, в местечке Бьюли. Курсы агентов Филби вел сам и настолько преуспел в этом, что его кандидатура рассматривалась для направления на работу во Францию, но помешало слабое знание им французского языка. Ему поручили ведение курса подпольной пропаганды.

Филби оказался очень способным инструктором. В порядке подготовки он проконсультировался с Ричардом Кроссманом (позднее он занимал пост министра в кабинете лейбористов) и Сефтоном Делмером (известным корреспондентом), которые руководили подразделением, специализировавшимся на «черной пропаганде» в Уоуберн-Эбби. В школе агентов Филби разрабатывал понятие «подрывные слухи», которые, по его мнению, должны быть конкретными и казаться достоверными. Он выдвинул, например, идею довести до немцев информацию о том, что больным сифилисом французским девушкам рекомендуется устанавливать интимные отношения с немецкими солдатами — вразрез с общепринятой точкой зрения, что французским девушкам в качестве наказания бреют за эго голову. Можно представить тревогу и снижение боеспособности, которые

вызвали бы подобные слухи, поскольку для лечения такого заболевания в те годы требовалось до трех лет. -

Вскоре Филби проявил свою изобретательность, которая способствовала его разведывательной карьере. Он доказывал, что бесполезно обучать агентов управления специальных операций только методами распространения политической пропагандистской информации, не меньшее значение имеет ее содержание. Чтобы такому агенту поднять людей на борьбу против нацистов, рискуя при этом своей жизнью, пропаганда должна вызывать у них надежды на лучшее будущее. Ему было разрешено проконсультироваться с компетентными людьми относительно точки зрения Великобритании на послевоенное устройство Европы. Он обратился к Хью Гейтскеллу, позднее ставшему лидером лейбористской партии, а в то время занимавшему пост главного личного секретаря у Хью Далтона, министра по вопросам экономической войны, имевшего отношение в числе других к работе управления специальных операций СИС. Ранее Гейтскелл встречался с Филби в Вене и сейчас, желая оказать ему помощь, организовал ему консультацию у самого Далтона.

Таким образом, Филби, скромный, незаметный инструктор управления специальных операций узнал, что политика британского правительства в послевоенной Европе заключается в восстановлении там довоенного статус-кво с приведением к власти таких правительств, которые будут выступать за сохранение санитарного кордона вокруг Советского Союза. Для советской разведки это была очень важная информация. Она свидетельствовала о том, что если Великобритания была готова поддержать организованное коммунистами движение Сопротивления, поскольку его члены более эффективно, чем другие, боролись с немцами, то она выступит против них, если они посмеют претендовать на лидерство в послевоенное время. В течение всего военного времени эта информация сказывалась на отношениях между коммунистами-руководителями движения Сопротивления и Лондоном.

Хотя Филби получал важную информацию, но это его не удовлетворяло. Он находился на периферии британского разведывательного мира. Надежды на устройство в центр СИС исчезли, поскольку он был далеко отодвинут от этой цели. У Берджесса сейчас не было нужного влияния, и он не мог помочь Филби. Но такими возможностями обладал его новый друг Томми Харрис. Это был полуиспанец, полуангличанин, в молодости хорошо рисовал, однако бросил это увлечение и занялся торговлей произведениями искусств. Он и его жена Хильда имели

испанскую художественную галерею, содержали прекрасный дом «Гарден Лодж» на Логанплейс неподалеку от Ерлз Корт Роуд. Оба прекрасно готовили, и их дом во время войны стал своеобразным клубом для сотрудников МИ-5 и СИС. (От Бентинк-стрит он отличался тем, что в основном это было мужское общество.)

Как вспоминал Филби в Москве, «Томми был удивительно щедрым человеком. Он уже заработал кучу денег, по дешевке скупая картины из английских загородных домов и перепродавая их, и очень любил угощать других. Таким образом, в его доме у нас был маленький кружок любителей выпить. Томми, как хозяин, большую часть времени проводил дома. Мы нередко забегали туда. Люди приходили и уходили. Завсегдатаями были я, Берджесс, Блант и, возможно, Анойрин Бивен. Иногда заходил, но не часто, и Виктор Ротшильд.

Еще одним редким гостем был худощавый замкнутый человек, выглядевший больным, Дик Брумен-Уайт [13], босс Харриса, начальник пиренейского подотдела МИ-5. Брумен-Уайт руководил работой по защите Великобритании от проникновения агентов из нейтральных стран — Испании и Португалии. В июле 1941 года Харрис рассказал Филби, что от своего начальника он слышал разговоры о том, что в СИС, возможно, будут нужны специалисты для работы, которая могла бы ему подойти. Речь шла о пятом отделе контрразведывательного управления СИС, а точнее, о иберийском подотделе, который должен был снабжать МИ-5 упреждающей информацией относительно шпионских операций со стороны Испании и Португалии. Теория о том, что СИС будет устанавливать агентов и их задания до того, как они достигнут Великобритании, а МИ-5 арестовывать их при появлении в стране, потерпела крах в результате взаимных обвинений и недоверия. Харрис заявил, что СИС вынуждена расширять свой пиренейский подотдел и ищет человека — специалиста по современной Испании. Филби, несомненно, является таким человеком, и, если он не возражает, Харрис назовет его имя Брумену-Уайту.

Масштабы, в которых привлечение на работу в секретные службы происходило в те дни по рекомендациям, хорошо видны из примера с Филби. Харрис рекомендовал Филби Брумену-Уайту, тот в свою очередь Дику Уайту, руководящему сотруднику МИ-5, поддерживавшему тесные отношения с СИС. Дик Уайт рекомендовал Филби начальнику пятого отдела майору (потом полковнику) Феликсу Каугиллу, бывшему офицеру индийской полиции. Каугилл одобрил кандидатуру Филби, но должен был утвердить свое решение у заместителя директора СИС Валентайна Вивьена, отвечавшего за контрразведывательную

работу в МИ-6.

Вивьен, который уже раньше решал вопрос о работе Филби в упраздненном позднее отделе «Д», посчитал необходимым встретиться с ним еще раз, поэтому он пригласил Сент-Джона, только что освобожденного из тюрьмы, и Кима на ленч. Как Вивьен сказал Патрику Силу из «Обсервера»: «Когда Ким вышел в туалет, я спросил о нем Сент-Джона. «Он немного увлекался в Кембридже коммунистическими идеями, не так ли?». На что Сент-Джон ответил: «Это были школьные глупости. Сейчас Ким полностью изменился». Вивьен согласился с данной Сент-Джоном оценкой политического прошлого Кима и разрешил Каугиллу принять его на работу.

Таким образом, за очень короткое время, всего за семь лет, Киму удалось проникнуть в СИС после того, как он получил соответствующее задание. Так он стал полноправным сотрудником СИС в управлении, которое по характеру своей работы — контршпионаж, открывало доступ практически ко всем секретам разведки.

ГЛАВА VII. РАЗВЕ ЭТО СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА?

Идея создания постоянно действующей секретной службы, как части бюрократического аппарата страны, возникла в Великобритании сравнительно недавно. Центральное разведывательное управление в США появилось только в 1947 году. Британская разведка СИС, которая дала начало разведывательным службам многих стран, была создана в 1909 году. До этого ведущие державы мира обходились небольшими аппаратами военной разведки, которые во время войны обычно разрастались, а в остальной период находились на голодном финансовом пайке. Достаточно указать, что в первые годы нашего столетия в штатах британской контрразведывательной военной организации МИ-5 находился всего один руководитель и два его подчиненных, которым было разрешено тратить до смешного мизерную сумму в 200 фунтов стерлингов в год.

В 1905 году в Великобритании началась волна антигерманской истерии. Говорилось, что Германия намеревается вторгнуться на Британские острова и в скором времени приступит к осуществлению кампании проведения актов саботажа и диверсий. Поэтому каждый немец в Великобритании рассматривался как потенциальный диверсант и саботажник. О масштабах этой ксенофобии говорит тот факт, что к письму некоего Дж. М. Хита в газету «Морнинг пост», в котором он предупреждал об этой опасности, на Уайтхолле отнеслись вполне серьезно. Хит указывал, что в Великобритании имеется 90 тысяч немецких резервистов, на тайных складах и в банковских хранилищах спрятаны оружие и униформа, разработаны планы вывода из строя железных дорог и телеграфных линий в первые дни войны.

Офицер британской военной разведки вырезал эту заметку и направил ее своему руководителю, полковнику А. Е. У. Глайчену со следующей пометкой: «Как Вы знаете, в статье есть определенная доля правды. Прошлым вечером мне рассказали об одном немце, которого постоянно видят в районе между Брентвудом и рекой Темзой в Тилбури, фотографирующим объекты и снимающим план местности. Никто не знает, кто он и где проживает. *Я* при необходимости попытаюсь получить более подробную информацию. Жду Ваших указаний». Глайчен со своей стороны направил эту статью в контрразведывательное управление, поставив такой вопрос: «Можно ли на законных

основаниях высылать из страны таких сомнительных иностранцев?»

Одним из главных источников этих необоснованных страхов перед немецкими шпионами был, очевидно, очень плодовитый детективный писатель Уильям Тафнелл ле Кью. В своем творчестве он, вероятно, исходил из предположения, что его читатели еще не вышли из юношеского возраста. Опубликовав свой первый роман в 1890 году, ле Кью затем сочинял по меньшей мере по 5 романов ежегодно вплоть до своей смерти в 1927 году. Наибольший успех имела его книга «Вторжение 1910 года», которая была опубликована в 1906 году и которой яркую коммерческую рекламу дала газета лорда Нортклиффа «Дейли мейл». В ней в детективной форме описывается один из личных кошмаров ле Кью — Великобритания кишит немцами, ожидающими вторжения кайзера. Популярность романа — продано более миллиона экземпляров этой книги, она была переведена на двадцать семь языков — показала ле Кью, какую богатую жилу он откопал. Скоро появились и другие его книги о немецких шпионах.

Успех книгам ле Кью обеспечили применявшиеся им методы популярного журнализма, которые придавали его книгам видимость подлинной достоверности. Сам автор заявлял по этому поводу: «Во время написания своих романов в моем распоряжении были подборки очень интересных документов, которые свидетельствовали об активной работе передовых отрядов нашего врага по добыче самой подробной информации о положении в Великобритании».

Читатели фантазий ле Кью начали видеть германских шпионов в каждом парикмахере, официанте, содержателе отеля и журналисте немецкой национальности. Они сообщали о них в полицию, писали письма самому ле Кью, который, будучи не в состоянии распознать в них зеркальное отображение своих собственных фантазий, торжествующе направлял их британским властям. Он был настолько одержим своими бредовыми идеями, что предпринял поездки по стране в поисках шпионов, пытаясь установить причину появления каких-то загадочных световых сигналов, преследовал немецких туристов. Он выезжал в Европу для «встречи» со своими связями, которые, по его словам, внедрились в германское верховное командование.

Сначала британские власти пытались игнорировать ле Кью, отмахиваясь от него как от вызывающего раздражение фанатика. Вскоре и ле Кью «понял», как он считал, причины такого отношения к себе. После встречи в отеле «Дольдер» в Цюрихе с немецким агентом-двойником, которого он назвал господином

«Н», ле Кью сообщил, что он только что получил список предателей из числа британских граждан, якобы работавших на немцев, которые являются членами секретной, организации «Тайная рука». «У меня захватило дух при виде этого списка. *Я* оцепенел. Ужасно, что лица, которых нация считала патриотами, преданными своей родине гражданами, попали в коварные сети немецкого спрута» — так охарактеризовал этот список сам ле Кью.

В этот список, заявил ле Кью, входят несколько членов парламента, два известных писателя, сотрудники МИД, министерств внутренних дел, по делам Индии, адмиралтейства и военного министерства. И все эти фантастические данные ле Кью использовал в своей очередной книге «Шпионы кайзера», опубликованной в 1909 году. Она сразу же стала бестселлером, и вскоре стало ясно, что тысячам ее читателей она представлялась абсолютно достоверной. И это неудивительно, поскольку ле Кью удалось представить в книге фактический материал в детективной форме.

Шпионская лихорадка охватила страну. Создавались организации из числа любителей, поставивших перед собой цель «разоблачить пять тысяч немецких шпионов», которые, как писал ле Кью, «работают среди нас по заданию берлинской разведки». Обычно уравновешенных министров и их подчиненных охватила тревога, которая сыграла главную роль в учреждении специального подкомитета в составе комитета по обороне, который должен был заняться изучением вопроса об иностранном шпионаже в Великобритании.

По рекомендации этого подкомитета правительство решило учредить бюро секретной службы, внутренний отдел которого должен был защищать британские секреты от немцев, а иностранный — наоборот, выведать секреты противника (Германии). Это были предшественники нынешних МИ-5 и МИ-6. Они явились моделью для специальных служб многих стран мира.

Однако страхи перед немецкими шпионами были не совсем необоснованными. Накануне войны 1914 года в Великобритании по подозрению в шпионской деятельности был арестован двадцать один человек: суду был предан только один. Почему же народ верил ле Кью? В основе его романов, как и книг его предшественника Эрскина Чилдерса и последователя Джона Бучана, лежал древний как мир сюжет: победа добра над злом. Повествование о том, как герой распознает опасность, которую чудовище представляет для его племени, как он готовится к схватке с ним, как узнает его секреты и в конце концов убивает его — передавалось из поколения в поколение во время всех

цивилизаций и представляет собой аллегорическое выражение борьбы человека со злом.

Ле Кью, человек, очевидно, с больной психикой, создал реальное чудовище— имперскую Германию. Отвергая самого ле Кью, власти, однако, скоро поняли, какие полезные и мощные националистические силы привел он в движение, и использовали их в своих целях. Как заявил первый лорд адмиралтейства Джеки Фишер, один из немногих, не преувеличивавший реальной немецкой угрозы для Великобритании, «масса шпионов, появившихся в 1909 году, сослужила двойную службу: способствовала расширению производства вооружений и усилила отчужденность между Великобританией и Германией». Именно в этой атмосфере страха и ксенофобии родилась секретная разведывательная служба Великобритании.

Первым шефом разведки МИ-1с, как называлась СИС до 1920 года, был капитан 1 ранга Мэнсфилд Смит-Камминг, эксцентричный человек даже по стандартам королевского британского флота. Он носил монокль в золотой оправе, писал только зелеными чернилами и, после того как в аварии потерял ступню ноги, пользовался детским самокатом для передвижения по коридорам своей штаб-квартиры. Он считал разведывательную работу игрой взрослых, которой занимаются ради удовольствия. Убеждая Комптона Маккензи, ставшего впоследствии писателем, остаться на работе в разведке, Смит-Камминг сказал ему: «Посмотрите на эту трость с вкладной шпагой. До войны я всегда брал ее с собой при выездах на разведывательные задания. Вот когда это дело доставляло мне истинное удовольствие. После окончания войны мы вместе с вами еще займемся этой секретной развлекательной работой. Превосходный вид спорта!»

Поскольку британское правительство не хотело признавать существование СИС — разведки официально нет даже сегодня — ведомство Камминга не могло входить в состав военного министерства. Поэтому оно заняло часть здания Уайтхолл Корт, где у Камминга была небольшая квартира в восточном крыле. Вот как один из сотрудников описывает процедуру приема у начальника разведки: «Чтобы попасть к Каммингу, необходимо подняться по лестнице и ждать, пока секретарь не нажмет кнопку секретного звонка. По этому сигналу Камминг, используя систему рычагов и педалей, отодвигал в сторону часть кирпичной стены, и перед писателем появилась еще одна лестница. Полдюжины различных телефонов стояло на левой стороне его большого, заваленного бумагами стола. В кабинете стоял еще один стол, на котором лежали карты, чертежи и модели кораблей и подводных лодок. Эта странная и загадочная атмосфера нарушалась

систематическим появлением секретаря Камминга».

Проблемы Камминга, которые до сих пор стоят перед всеми разведывательными службами, состояли в том, что лица, привлекаемые к разведывательной работе, зачастую не могли преодолеть соблазнов, которые она имела. Один из них — для оправдания своего собственного существования сотруднику разведки иногда приходилось придумывать разведывательную информацию. Другая — неправильное расходование денежных средств, которые могут быть предоставлены в распоряжение сотрудника разведки. Сотрудник СИС в Венгрии инсценировал самоубийство и под другой фамилией бежал в США, прихватив с собой все наличные казенные деньги. Еще один застрелился, когда у него потребовали объяснений, куда он дел 28 тысяч фунтов стерлингов, выданных ему для выплаты вознаграждения агентам. Сотрудник британской военной разведки капитан Сигизмунд Пейн Бест писал: «В СИС служили негодяи. Они всегда хотели сделать мне подлость».

Начавшаяся в 1914 году война была с энтузиазмом встречена бюро секретной службы, так как давала реальную возможность доказать свою полезность. В нейтральных Нидерландах Камминг создал свою большую организацию. В ней работало более 300 человек, которые вербовали агентов и направляли их в Германию; изучали проезжавших через Нидерланды военных корреспондентов нейтральных стран, стараясь привлечь их к работе на Великобританию. Они вели допросы немецких дезертиров. СИС внедрила своих людей в лагеря для интернированных лиц, которые были созданы нидерландскими властями для немецких дезертиров. Здесь агенты СИС пытались получить военную информацию от военнопленных и дезертиров.

Германия, естественно, использовала эти же методы, что породило ряд проблем морального порядка, касавшихся отношения государства к шпионажу, которые не разрешены и сегодня. Некоторые из них условны и лицемерны. Так, считалось, что разоблаченные во время войны шпионы из числа немцев заслуживают смертной казни. С другой стороны, ими восхищались как патриотами своей страны. Шпионы, работавшие на другие воевавшие с Великобританией страны, считались предателями. Они заслуживали всяческого презрения, но смертной казни, как правило, не предавались. Арестованный за шпионаж в пользу Германии американец в своем прошении о помиловании сетовал на непоследовательное отношение британских властей к этим вопросам: «Шпионаж в пользу Великобритании считается похвальным делом; в пользу Германии — преступлением: британский шпион— это благородный человек,

немецкий — предатель».

В конце войны противостоявшие стороны подвели итоги. Бывший сотрудник МИ-5 признал: «Большинство немецких шпионов вряд ли получили в Великобритании информацию больше той, о которой нельзя было бы прочесть в британских газетах. Газеты направлялись в Нидерланды и попадали в руки немцев».

Бригадный генерал Великобритании У. Х. Х. Уотерс, длительное время работавший военным атташе в разных странах, писал: «Моя точка зрения, а опыт, кажется, подтверждает ее, заключается в том, что разведка дает обычно мизерные результаты».

В конце войны британская разведка оказалась в кризисном состоянии: кураторы разведки не были удовлетворены результатами ее работы, и правительство нужно было еще убедить в том, что в мирное время оправдано содержание требующей больших денег разведывательной организации. Первыми жертвами экономии средств должны были стать специальные службы. СИС и МИ-5 до этого находились под контролем военного министерства. СИС была передана в министерство иностранных дел, так же как и дешифровальная служба, которая была намеренно названа Правительственной школой кодов и шифров, чтобы вводить непосвященных лиц в заблуждение. (Ранее дешифровальная служба входила в состав адмиралтейства.) ВМС продолжали оплачивать содержание дешифровальщиков, а бюджет СИС в 1919 году был сокращен казначейством с 240 тысяч фунтов стерлингов до 125 тысяч, а МИ-5 — с 80 тысяч до 35.

Но такой период продолжался недолго. В лице Москвы появился «новый монстр», с каким еще не сталкивались западные разведывательные службы. Возможно, первым на это обратил внимание шеф британской военноморской разведки адмирал Холл. «Я хочу предупредить вас, — заявил он своим коллегам в конце войны. — Какими бы трудными и ожесточенными ни были прошлые битвы, нам теперь придется иметь дело с более безжалостным врагом. Это многоголовая гидра, дьявольская власть которой стремится распространиться по всему миру. Этот враг — Советская Россия». Западные разведывательные службы должны воздвигнуть Холлу памятник: он выявил слабости, которые были характерны для доводов, оправдывавших существование СИС, и одним мастерским ударом устранил их. При своем появлении СИС обещала своевременно предупреждать Великобританию о возникавшей угрозе для ее безопасности. Первоначально угроза исходила от имперской Германии. Но

острота опасности снижалась главным образом потому, что Германия — это христианская страна и больше походила на героя, чем на носителя зла.

Коммунистическая Россия, по ее собственному признанию, была страной безбожников, уничтожившая престолонаследников. Ее считали стремившейся к мировому господству. Джон Бучан быстро уловил эту тенденцию. Его появившийся в 1922 году роман «Хантингтауэр» («Охотничья вышка») был первым антикоммунистическим боевиком. С тех пор агенты КГБ на страницах детективных романов продолжают сталкиваться со своими противниками из британской секретной службы или Центрального разведывательного управления США. (А в советских детективах все происходит наоборот.) Коммунизм — это находка для СИС. «Он везде и повсюду. Он представляет угрозу как в мирное, так и в военное время, способен совратить с правильного пути знакомых и родных. Поэтому необходимо не только раскрывать секреты коммунистов, но и защищать свои собственные от их сторонников, которые могут быть в числе ваших коллег».

В течение 20-х, начале 30-х годов, до прихода Гитлера к власти, считалось, что угроза Великобритании исходит как от крайне правых, так и крайне левых движений, но главным своим врагом СИС считала коммунистов. На борьбу с Россией выделялась большая часть бюджета СИС: например, в 1920 году она потратила 20 тысяч фунтов стерлингов только на содержание агентов в Хельсинки, необходимых, чтобы прикрыть северную часть России. Для сравнения можно указать, что в Берлине было потрачено всего 2 тысячи. СИС направляла своих лучших сотрудников, бегло говорящих по-русски, с отличными знаниями страны и ее народа, способными выдавать себя за советских граждан, в Москву и Петроград, предоставив им карт-бланш на создание агентурных сетей, финансирование контрреволюционных организаций, принятие всех мер для уничтожения коммунистической угрозы в зародыше.

И они чуть не преуспели. Сиднею Рейли, Джорджу Хиллу, Полу Дьюку и Роберту Брюсу Локкарту (британский представитель в Москве, активно участвовавший в заговорах СИС) чуть не удалось свергнуть коммунистический режим, зародить в его лидерах страх перед заговорами из британской разведки. Рейли, этот своеобразный «плей-бой», торговец оружием русского происхождения, организовал так называемый «латышский заговор» (хотя русским, идеологически он стоял на британских позициях и работал против страны, где родился. Могли ли русские найти англичанина, который идеологически был бы

близок к коммунистам и согласился бы работать на русскую разведку? Идея представляется осуществимой. Ведь связали же три француза свою судьбу с русской революцией, и даже Роберт Брюс Локкарт раздумывал над тем, не остаться ли ему в России, поскольку ВЧК предложила ему «интересную работу». Очевидно, именно в это время зародились долгосрочные планы советского проникновения в западные разведывательные службы.

Такой план мог быть рассчитан только на длительное время, поскольку очень трудно найти подходящего человека. Революция оказала на Локкарта большое впечатление. Он понял, что это «катаклизм, который до основания потрясет весь мир». Но Локкарт — исключение. Он на личном опыте познал, что такое революция. В 1918 году ВЧК вряд ли могла найти идеологических сторонников в Великобритании или Соединенных Штатах, поскольку лишь очень немногие люди понимали значение революции и цели большевиков.

Но через пять лет или десять, возможно, появился бы на Западе молодой человек, который по причинам социальной несправедливости, или под влиянием марксистского учения, или иод воздействием того и другого был бы готов сделать этот решительный шаг, связать свою жизнь с советской разведкой и работать против своей страны. С характерным для советского разведывательного аппарата терпением ВЧК верила, что такой человек найдется. И оказалась права. Филби, Берджесс и Бланг были завербованы с целью проникновения в британскую разведку, и Филби, как мы увидим, добился здесь удивительных успехов.

Каждая организация имеет свои особенности. В период между первой и второй мировыми войнами наиболее характерной чертой для СИ С было то, что ее ядро составляли люди, работавшие в Индии, которых в разведке называли «индийцы». Великобритания всегда считала, что Россия представляет угрозу для Индии. Приход к власти в России коммунистов усилил это убеждение. Коммунисты планируют, заявляли представители СИС, экспортировать революцию в этот регион, используя националистические и религиозные настроения народа. Конечно, правление Великобритании в Индии было довольно непрочным: несколько тысяч европейцев русские называют его заговором Локкарта). Его цель — поднять восстание латышских стрелков, охранявших советских лидеров. Они должны были арестовать Ленина и Троцкого. Предполагалось затем, что Рейли и его сторонники сформируют переходное антикоммунистическое правительство. Существовало и ответвление от этого заговора. Его участница фанатичка Дора Каплан должна была при возникновении соответствующей возможности стрелять в Ленина.

Но Каплан поторопилась, и Ленин был только тяжело ранен. В среду латышских стрелков проникли преданные большевикам агенты, и весь заговор провалился [14].

При анализе причин успехов этой небольшой группы сотрудников СИС на руководителя Всероссийской чрезвычайной комиссии (предшественник КГБ) Феликса Дзержинского, очевидно, наибольшее впечатление произвел тот факт, что эти британские шпионы смогли не только раствориться в массе местного населения, но и воспользоваться документами ВЧК (Рейли и Дьюк несколько раз выступали как сотрудники ВЧК). Казалось бы, как могли иностранцы проникнуть в организацию, которая призвана охранять руководителей коммунистической партии? Как должна была отреагировать на это ВЧК? Как она смогла распознать планы британских спецслужб? Как ей удалось установить и нейтрализовать британских шпионов до того, как они стали представлять для большевиков реальную опасность?

Единственный путь — это проникнуть в СИС. Но здесь русские столкнулись с большими трудностями. Рейли успешно действовал в России, потому что он был русского происхождения. Дьюку и Хиллу удавалось сходить за русских. Возможный акцент в их речи и недостаточное знание обычаев и привычек могли легко сходить в такой стране как Россия, где проживает много лиц различных национальностей. Но для русского агента Великобритания — это твердый орешек. Ни один сотрудник ВЧК не смог бы освоить британскую манеру поведения или получить необходимое воспитание и подготовку, чтобы выдавать себя за такого «высокородного англичанина», который бы подходил для поступления на работу в СИС.

Однако этому была альтернатива. Хотя Рейли был контролировали сотни миллионов индийцев. Им удавалось добиваться этого, быстро нейтрализуя подрывные элементы. Для решения данной задачи было создано индийское разведывательное бюро, исключительно эффективная организация, по всей стране имевшая сеть агентов и информаторов.

Разведывательное бюро считало, что в Индии действуют две мощные разведывательные сети коммунистов. Во главе одной из них якобы находился получивший подготовку в Ташкенте индиец М. Н. Рау, другой — «товарищ Гампер, или Хампер», которая контролировалась, по предположениям, из Шанхая. На северо-западной границе якобы активно действовали финансируемые из Афганистана русские агенты. Мне не удалось добыть каких-либо сведений, что такие шпионские сети вообще когда-либо существовали, а если и существовали, то представляли какую-то

реальную угрозу. Однако нет сомнений в том, что разведывательное бюро повсюду видело советские подрывные действия и в подобном плане его сотрудники информировали Лондон.

Поэтому СИС и МИ-5 не только регулярно получали отчеты о работе индийского разведывательного бюро, но и охотно брали на работу его сотрудников, которые возвращались в Великобританию в сравнительно молодом возрасте и хотели продолжить работу по специальности. В британских спецслужбах появились группы лиц, известные под названием «индийцы». Самым высокопоставленным из них, своего рода «козырем индийцев» стал сэр Дэвид Петри, с 1924 года по 1931 год стоявший во главе индийского разведывательного бюро и сделавший карьеру в контрразведке, в 1940 году добился поста директора МИ-5.

«Индийский фактор» в британских спецслужбах сказался в двух направлениях: во-первых, он усилил веру в «красную опасность» и в значительные масштабы проникновения «щупальцев коммунистов». Во-вторых, он усилил «закрытость» британского правительства, работу которого все больше окутывала завеса секретности, которая была характерна для СИС с момента ее возникновения. Бывшие сотрудники индийского разведывательного бюро придерживались своей твердой привычки не обсуждать рабочие вопросы в присутствии посторонних лиц или местных граждан. Поскольку подслушивающих «местных» граждан в Великобритании не было, да и стремились ли они вообще когда-либо делать это, от этой «индийской» привычки было не так легко отказаться, и «британские индийцы» продолжали не доверять любому человеку, которого они не знали лично.

Концентрация усилий СИС на борьбе с коммунистической угрозой деформировала кадровую политику и сделала ее неэффективной. В 30-х годах левые суждения в национальной политике признания не находили. Многие студенты британских университетов были заражены радикальными идеями, поэтому набирать из них кадры в спецслужбы не рекомендовалось. СИС действовала вопреки существовавшим тогда в обществе тенденциям и искала таких кандидатов на работу, которые выступали бы за сохранение британской империи, правящего класса, привилегий и наследуемого богатства. Была широко распространена предубежденность спецслужб против интеллектуалов и радикалов.

Сотрудник СИС, поступивший на работу в разведку после начала войны, рассказывает об одном случае, который

показывает, какие абсурдные меры принимались для того, чтобы не допустить принятия на работу людей с левыми взглядами. Этому сотруднику стало известно, что Эдвин Муир, поэт, работает в продовольственном управлении в Шотландии. Он упомянул его имя своему коллеге, заметив, что Муир может быть хорошим кандидатом на работу. Коллега ответил: «Мы думали о нем, однако отказались от его кандидатуры по политическим соображениям. Он коммунист». Когда сотрудник возразил против этого, его коллега заметил: «Конечно, возможно он не совсем коммунист, но такие подозрения есть. Он очень хорошо относился к беженцам, поэтому его кандидатура для нас не подходит».

Историк лорд Дакре (Хью Тревор-Роупер), который начал работать в СИС во время войны, с ужасом говорил о довоенных кандидатах на работу в разведку: «Мне показалось, что в числе профессионалов разведки было значительное количество неумных, а иногда и вовсе глупых людей. Сотрудники МИ-6 составляли два социальных класса: «лондонские сотрудники», состоявшие в основном из элегантных молодых людей из высших слоев общества, которые были привлечены на работу в разведку, исходя из доверия к ним своего класса. (Говорят, что ознакомительные беседы с ними велись в фешенебельном клубе «Будлз энд Уайте». *Я* думаю, что такое мнение в основном соответствует действительности.) Затем идут индийские полицейские. По моему мнению, это были удивительно ограниченные люди. В социальном плане они резко отличались от «клубных» завсегдатаев. Они не вращались в мире людей из «Будлз энд Уайте». На них в разведке смотрели с некоторым презрением».

В Москве я обсуждал эту тему с Кимом Филби. Он подтвердил, что принадлежность к определенному клубу играла основную роль в разделении сотрудников СИС. *Я* спросил мнение Филби о шефе СИС военного времени сэре Стюарте Мензисе. Филби ответил: *«Я* не считаю его талантливым разведчиком. О разведке у него было примитивное представление. Но как человек он мне нравился. Конечно, мы относились к разным социальным классам».

Сотрудник ЦРУ Лесли Никольсон, работавший сначала в Праге, а затем в Риге, поделился со мной своими размышлениями относительно взаимоотношений с офицерами на местах. Он пришел в СИС в 1930 году из разведывательной секции британской оккупационной армии в Висбадене. Никольсон окончил трехнедельные курсы в области коммуникаций, шифров и кодов, ознакомился с практикой составления финансовых

отчетов в британской разведке. Ему поручили встретить прибывающего в Вену нового резидента. Беседуя с ним, одним из наиболее опытных сотрудников разведки, Никольсон спросил: «Не можете ли вы дать мне несколько практических советов?» Посмотрев на Никольсона с некоторым замешательством, резидент ответил: «Не думаю, что я смогу это сделать. Вы должны выработать их сами».

Когда Никольсона перевели в Ригу, он столкнулся с проблемой оплаты получаемой от агентов информации: «Обычно по утрам некоторые источники резидентуры имели привычку пить кофе в кафе неподалеку от фондовой биржи. Они обсуждали свои дела, подобно тому как это делают биржевые маклеры. Обмениваясь информацией, они были готовы предоставить свои услуги тому, кто больше заплатит. Без зазрения совести могли продать одну и ту же информацию противнику, естественно, за более высокую цену. Сотрудники всех разведок использовали таких лиц, хотя бы для того, чтобы реализовать свои дезинформационные сведения».

Неудивительно, что одним из слабых мест британской разведки было отсутствие в ней системы оценки достоверности получаемой разведывательной информации. Причина такого положения заключалась в том, что использование такой системы потребовало бы раскрытия источников информации, что явилось бы нарушением принятых в разведке правил. Поэтому СИС не только отказывалась сообщать потребителям информации какие-либо сведения о ее источниках, но и не поощряла обсуждение этого вопроса даже внутри службы. Нельзя не прийти к заключению, что одной из причин такого положения была боязнь, что введение действенной системы оценки информации потрясет всю организацию. Лишение разведки культа секретности показало бы тот обман, к которому прибегают «мальчики-переростки, чтобы насладиться игрой в утонченные виды спорта».

Перед второй мировой войной работой этой неэффективной организации руководил адмирал Хью Синклер, который занял этот пост в 1923 году после смерти Камминга. Синклер, невысокого роста человек плотного телосложения, хорошо видел лишь одним глазом. У него была дружеская, но блуждающая улыбка. Решение оперативных вопросов он всегда оставлял трем своим старшим оперативным сотрудникам: Стюарту Мензису, Клоду Дэнси и Валентайну Вивьену. Наиболее важным из них был Мензис, поскольку являлся заместителем Синклера. Когда 4 ноября 1939 года Синклер умер, Мензис занял его пост.

Тогда Мензису было 49 лет. Он пришел в разведку из армии, отлично воевал в первой мировой войне, награжден многими

британскими орденами. В разведке широко ходили слухи, что Мензис является внебрачным сыном короля Эдуарда VII. С королевским двором он был тесно связан через свою мать леди Хольфольд, которая была фрейлиной королевы. Он был трижды женат, в первый раз на дочери графа, во второй — на внучке барона и в третий — на дочери баронета, которая до этого была замужем за сыном виконта. Был награжден иностранными орденами: Почетного легиона, Леопольда, Бельгийской короны, За заслуги (США), Святого Олафа (Норвегия), а также голландским и польским орденами. Выходец из высших слоев британского общества, Мензис, несомненно, имел значительный вес в правительственных кругах и, будучи «безжалостным интриганом», использовал его с невообразимым бесстыдством. Большим интеллектом он не обладал — один из его политических боссов назвал Мензиса «не совсем грамотным» — но у него был шарм, много друзей и большая способность к выживанию. Как и Синклер, повседневное руководство разведкой он поручил своим подчиненным, а сам занимался обеспечением позиций разведки на Уайтхолле. Это раздражало министров, которым приходилось иметь с ним дело. Один из них заметил: «О чем бы я ни спросил Стюарта по телефону, он всегда отвечал, что проверит и перезвонит. У меня, например, девяносто девять дел и я их все знаю».

Но у Мензиса были два качества, столь необходимые для шефа британской разведки: дела он вел очень экономно, у своих политических боссов создавал впечатление, что не наделает больших глупостей. Он любил лошадей, посещал скачки, много пил и чувствовал себя счастливым в клубах среди пэров. О Мензисе Филби так высказался в Москве: «Больших идей о разведке он не имел, но зато был приятным человеком».

Когда Мензис стал «С», то есть начальником СИС, он назначил Дэнси своим первым заместителем, отвечающим за сбор разведывательной информации, а Вивьена — заместителем, в ведение которого входили контрразведывательные вопросы. Дэнси, человек, «мысли которого работают по девяти направлениям одновременно», это бывший солдат, владелец загородного клуба, затем сотрудник МИ-5. Резкий, с грубыми манерами, не испытывающий угрызений совести, крупный мужчина, Дэнси сразу попал в немилость к своему начальнику Синклеру, якобы из-за некоторых финансовых злоупотреблений. Синклер, который не мог выносить даже вида Дэнси в своем кабинете, постарался избавиться от него, поручив организовать новую шпионскую сеть в Европе, так называемую группу «Зет». По сути дела, это была параллельная СИС организация, руководимая

любителями, в основном журналистами и бизнесменами, которые докладывали о своей работе Дэнси, занимавшему маленький кабинет в доме «Буш Хаус» в Алдвиче. Она должна была заменить регулярную сеть резидентур СИС, если с последней что-либо случится. Хотя некоторые из агентов Дэнси представляли отчеты о финансовых затратах по руководству «несуществующими подагентами» и прикарманивали эти деньги, Дэнси не боролся с такими нарушениями. Он предпочитал иметь дело с мошенниками, а не с интеллектуалами и с гордостью говорил: «Добровольно выпускника университета я на работу никогда не приму».

Вивьен, которого коллеги между собой называли Ви-Ви, был высоким элегантным мужчиной с вьющимися волосами. Он носил монокль. Работа в индийском разведывательном бюро вряд ли подготовила Вивьена к решению более сложных задач в СИС. Напряженные отношения с Дэнси связывали его — они ненавидели друг друга. У Вивьена была скромная биография, его отец был художником-портретистом. Не имея побочных доходов, он жил на свою зарплату. Одним из первых в СИС Вивьен понял, что война поставит перед разведкой такие задачи, которые она не в силах решить, и первый шаг к выходу из такого положения он видел в привлечении на работу в разведку интеллектуалов. Очевидно, он настоял на пополнении разведки людьми из научного мира, журналистов и писателей, которое началось вскоре после второй мировой войны.

Один из представителей научного мира, Хью Тревор-Роупер, пришел в ужас от организации, на работу в которую он пришел: «Когда я спокойно смотрю на мир, в котором оказался, мне приходит мысль, что если именно такой является наша разведывательная система, мы обречены на поражение. Но я ободряю себя тем, что такая организация не может вынести тягот войны, не изменяясь: она обязательно должна быть реформирована. Мы выиграли войну, но СИС не подвергалась каким-либо изменениям».

Серия неудач, которые потрясли СИС в первые месяцы войны, определенным образом оправдывали страхи Тревор-Роупера. Немецкий «блицкриг» в мае 1940 года фактически вывел из строя всю разведывательную сеть СИС в Европе. Была потеряна Чехословакия, Австрия, Польша, за которыми последовали Норвегия, Дания, Нидерланды, Бельгия и Франция. В своей речи, текст которой держался в секрете даже в СИС, шеф гестапо Гиммлер поименно назвал всех руководящих сотрудников разведки, начиная с ее начальника, чем еще больше унизил британскую разведку.

Разгром европейской сети СИС в то время рассматривался как тяжелый удар, но, по мнению Тревор-Роупера, в этом, несомненно, были и положительные моменты: «Мы получали бы информацию от массы находившихся на континенте агентов, которые уже продались немцам и действовали под их контролем. Руководители СИС, эти великие глупцы, просмотрели бы этот факт и преподносили бы полученные от них сведения как достоверную информацию. Она реализовывалась бы вместе с проверенными данными, а это могло нанести только вред».

Капитуляция Франции высветила сделанную СИС неправильную оценку способности этой страны к сопротивлению и ее моральные слабости. СИС на веру приняла выдвигаемый французским разведывательным бюро аргумент, что «линия Мажино» остановит продвижение немецких моторизованных частей. Такая точка зрения была доведена до Уайтхолла как вывод СИС, а не как мнение французов. Она оказалась совершенно неправильной, и СИС пришлось принять вину на себя.

Что касается морального духа французов, то или СИС не имела четкого понятия по этому вопросу, или имела свою точку зрения, но не донесла ее до руководства страны. По крайней мере, один из сотрудников СИС докладывал Мензису, что Франция быстро заключит сепаратный мир с Германией или перед основным сражением, или сразу после него. *«Я* подозревал, что Мензис не доложил об этом Черчиллю. Он знал, что не это хочет услышать от него руководитель страны и не хотел терять его расположения», — писал этот сотрудник в своем письме автору.

Таким образом, летом 1940 года СИС оказалась в очень трудном положении. На нее сыпались насмешки со стороны других ведомств, которые расширяли свои собственные разведывательные аппараты. Ее критиковало объединенное разведывательное бюро, которое было создано в 1936 году для координации сбора разведывательной информации, ее оценки и распределения по потребителям.

В июне 1940 года комитет даже обсуждал вопрос о разделении СИС и передаче ее трем родам войск, и Мензису пришлось приложить большие усилия, использовать связи на Уайтхолле, чтобы предотвратить такой шаг. В ноябре 1940 года над СИС снова нависла угроза, на этот раз со стороны самого Черчилля. Он попросил начальников штабов доложить ему свое мнение о целесообразности расформирования СИС и замены ее новой межведомственной разведывательной группой, которая будет находиться под их руководством.

На этот раз СИС спасли достижения правительственной школы кодов и шифров, находившейся в Блетчли-парке в пятидесяти милях от Лондона. В спешном порядке сформированная группа из числа ученых, интеллектуалов, математиков, лингвистов, техников и вспомогательного персонала разработала систему «Алтрэ» — мероприятия по дешифровке немецкой информации, передаваемой по радио в закодированном виде. (Немцы использовали для этого машины «Энигма».) В 1939 году польская разведка передала Великобритании образец такой машины. Мероприятие «Алтрэ» было наиболее охраняемым секретом (от немцев и самих англичан) второй мировой войны. Вкратце суть «Алтрэ» заключалась в следующем. Радиооператоры настраивались на частоту передач немецких спецслужб и записывали радиосигналы. Этот материал, который немцы кодировали при помощи якобы не поддающихся расшифровке кодов на машинах «Энигма», передавался в Блетчли-парк, где криптоаналитики садились за работу. Результаты переводились на английский язык. Офицеры разведки анализировали сообщения, оценивали их важность. Окончательный продукт рассылался руководителям заинтересованных ведомств. Блетчли-парк, как раскаленная лампочка, светился талантами и его лучший результат — «Алтрэ» был подобен «чтению мыслей противника».

Поток информации «Алгрэ» (расшифрованные сообщения немецкой военной разведки — абвера) начался в 1940 году и спас СИС. Мензис сразу же понял, что если СИС будет контролировать реализацию материалов «Алтрэ», часть славы достанется и ей. Представителю СИС в правительственной школе кодов и шифров подполковнику авиации Фредерику Уинтерботаму было дано указание передавать разведке наиболее важную информацию. Каждый день лично Мензис или его личный помощник Дэвид Бойл доставляли Черчиллю пакет с разведывательной информацией. Передавая Черчиллю материалы (Мензис перевозил их в специальном кейсе, а Бойл в своей шляпе), они докладывали премьеру об успехах Блетчли-парка, подчеркивая при этом свою роль в ее реализации. Черчилль высоко ценил эту информацию, по словам Уинтерботама, «по ней он вел войну», и его доверие к Мензису и СИС быстро росло.

Конечно, это не сблизило Мензиса и СИС с правительственной школой кодов и шифров, руководители которой считали, что они подчиняются Мензису лишь административно. Они знали, что происходит с их информацией и презирали СИС, которая «существует только за счет их успехов». Это чувство было настолько глубоким, что его влияние

ощущалось в течение длительного времени после войны. Сэр Гарри Хинслей, привлеченный на работу в Блетчли-парк еще аспирантом, который позднее стал вице-канцлером Кембриджского университета и официальным историком британской разведки военного времени, так высказывался о СИС: «Люди, занимающиеся шпионскими делами, подобны ленивой ящерице. Им приходилось быть таковыми. А в Блетчли-парке работали непреклонные, искренние, очаровательные, профессионально грамотные мужчины и женщины. Они жили в совершенно ином мире. Имелась принципиальная разница между результатами их работы и результатами усилий «старомодных шпионов».

Спасенный результатами «Алтрэ» и завоевавший за счет этого расположение Черчилля, Мензис продолжал править одряхлевшей, некомпетентной службой, развращенной семейственностью и руководимой ничтожными людьми. СИС «созрела» для проникновения в нее Филби. Она заслужила это. И он выпотрошил ее.

ГЛАВА VIII. ПРОТИВ ОБЩЕГО ВРАГА

Киму Филби удалось устроиться на работу в британскую разведку. При этом большую роль сыграло знание им положения во франкистской Испании, которая в то время занимала важное место в войне разведок. Официально Испания придерживалась нейтралитета, но Франко во всем поддерживал Гитлера, и поэтому германская разведка действовала в стране без каких-либо ограничений. Не желая, однако, компрометировать нейтралитет своей страны, Франко терпеливо относился к действиям и британской разведки. Подобная ситуация существовала и в соседней Португалии. Таким образом, в этих странах британские и германские сотрудники разведок сталкивались фактически лицом к лицу, что создавало большие возможности для завязывания интриг, осуществления различных провокаций, проверок и перепроверок фактов и отдельных лиц.

Следующая интрига, далекая, несомненно, от действительности, отображает ту атмосферу, которая царила на Пиренейском полуострове, когда Филби приступил к работе в испано-португальском отделе СИС. С позиций Лиссабона действовал агент, имевший псевдоним «Блинки». В один из дней он связался с резидентурой СИС в Лиссабоне: «У меня есть очень важная информация. Речь идет о новом немецком шифре. Я хочу за него 100 тысяч долларов». После проверки англичане пришли к выводу, что шифр подлинный, и заплатили требуемую сумму. Затем «Блинки» встретился с представителем немецкой военной разведки в Лиссабоне, которому заявил: «У меня есть для вас очень важная информация, которую я оцениваю в 100 тысяч долларов». Поскольку в прошлом «Блинки» был надежным источником, немцы тоже заплатили. После чего он заявил: «Я только что продал ваш новый шифр англичанам». Немцы не особенно рассердились, поскольку теперь они знали, что англичане читают их переписку. Они могли прекратить использовать этот шифр для передачи важных сведений и снабжать англичан дезинформацией, что заставит их «ходить по замкнутому кругу».

Но «Блинки» на этом не остановился. Он посчитал, что, если англичане будут знать, что немцы осведомлены о том, что они читают их шифр, это позволит им распознавать немецкую дезинформацию и уберечь себя от многих бед. Поэтому он вновь пошел к англичанам и заявил: «У меня есть для вас действительно ценная информация, стоящая не менее сотни тысяч долларов: «Я сообщил немцам, что продал вам их шифр».

Англичанам это надоело. «Блинки» было сказано, чтобы он побыстрее тратил полученные деньги, поскольку завтра это, возможно, будет уже поздно: в скором времени он может попасть в неприятную историю. Однако через час после этого разговора англичанам позвонил начальник португальской секретной службы, без разрешения которого нельзя было находиться в стране. Он только сказал: «Насколько я понимаю, ваши люди угрожают моему человеку».

Филби был неспособен на подобные интриги. К работе он относился с благоговейным трепетом. Он мало что знал о контрразведывательной деятельности и должен был все осваивать в процессе повседневной работы. «Помощи сверху я почти не получил, — писал он впоследствии, — и моим главным помощником стала старший секретарь, опытная девушка, пришедшая на работу в СИС еще до войны. Благодаря ей мне удалось избежать многих неприятностей».

Как ранее уже отмечалось, первые расшифрованные материалы «Алтрэ» касались деятельности немецкой военной разведки. Мензис добился права контролировать их рассылку. Он поручил это дело пятому отделу, во главе которого стоял Феликс Каугилл, принявший Филби на работу. Мензис дал Каугиллу указание — принять все меры для защиты источника этой информации. Какая польза в расшифровке немецких кодов, если из-за небрежности работников МИ-6 немцы узнают об этом. В этом случае они могут сменить шифры или, что гораздо хуже, использовать их для передачи дезинформационных данных, чтобы вводить англичан в заблуждение.

Естественно, Каугилл принял все меры для выполнения указания. Однако в скором времени он испортил отношения с МИ-5, службой обеспечения безопасности радиосвязи и другими подразделениями СИС. Они не понимали позиции Каугилла и, по словам Филби, обвиняли его в сокрытии информации, которая могла бы быть эффективно использована другими ведомствами. Чем больше они настаивали на своем, тем более упрямым и подозрительным Каугилл становился. Любую критику воспринимал как проявление нелояльности к разведке. Эти раздоры могли бы быть прекращены на ранней стадии, если бы заместитель директора СИС Валентайн Вивьен, отвечавший за контрразведывательную работу в СИС, дал четкие указания. Но Вивьен был поглощен ссорой с другим заместителем директора, Клодом Дэнси, который считал контрразведывательную работу в военное время бесполезной тратой усилий, а сотрудников, занимавшихся этим делом, трусами и бездельниками. Каугилл видел все недостатки Вивьена и, к неудовольствию последнего,

через его голову принял меры к расширению своего отдела (так в пятый отдел попал Филби).

Все это не ускользнуло от внимания Филби, который стал ждать возможность, чтобы использовать эту ситуацию в своих интересах. В этой стычке Филби старался не принимать чьей-либо стороны, не привлекать к себе особого внимания. Много работал для постижения профессии разведчика. Следует отметить, что в это время он стал увлекаться спиртными напитками. Однако даже в состоянии алкогольного опьянения Филби не терял над собой контроль: его речь и мысли были всегда в норме. Очевидно, Филби употреблял алкоголь для снятия внутреннего напряжения и при этом не боялся выдать себя. В Москве я спросил Филби об этом. Он ответил: «Я нередко спрашивал себя: как можно было так много пить и не споткнуться. И в этом не было ничего сверхъестественного. Внутри меня будто бы существовала какая-то сила, способная ощущать пределы допустимого в словах и в поступках. Как бы много я ни выпил, она помогала мне быть всегда начеку».

Внутреннее напряжение Филби, очевидно, значительно уменьшилось после нападения в июне 1941 года Германии на Советский Союз. После возвращения из Испании он, подобно многим коммунистам, попытался понять, что заставило Москву подписать пакт о ненападении с Германией. В этом деле Берджесс помочь ему не мог, О начале войны Германии с СССР Филби узнал на отдыхе, который он проводил на юге Франции. Он сразу же выехал в Лондон, чтобы обсудить ситуацию с Блантом. Один из друзей Филби по Кембриджскому университету заявил, что Блант и Филби были очень удручены создавшимся положением. Он считает, что Берджесс в это время намеревался вообще отречься от коммунизма.

Оперативный руководитель помог Филби совладать с собой. Нет сомнений, он внушал своему помощнику широко известную коммунистическую догму: Сталин не мог поверить в искренность предложения западных государств о создании антинацистского союза, он сомневался в желании Франции и Великобритании заключить такой пакт. С другой стороны, ему казалось возможным соглашение между Великобританией, Францией, Германией, Италией и, возможно, Японией против Советского Союза. В отличие от других агентов у Филби было меньше оснований для беспокойства, и нападение Германии на Советский Союз освободило его от тех сомнений, которые он на этот счет еще имел.

Оба «работодателя» Филби — британская и советская разведки в 1941 году имели общую цель: нанести поражение

Германии. Позднее положение могло измениться, но в то время советский оперативный руководитель одобрял все действия Филби, как сотрудника СИС, направленные против Германии. Некоторые мероприятия подобного плана Филби описал в своей книге «Моя тайная война». Обсуждали мы их и в Москве. Об этих делах вкратце следует рассказать и в этой книге, поскольку они создали Филби хорошую репутацию и способствовали продвижению по службе.

ДЕЛО С ФАЛЬШИВЫМ ДНЕВНИКОМ.

Анджел Алькасар де Веласко, испанский пресс-офицер, посетил Великобританию. Поскольку были подозрения, что он работает на немцев, СИС поручила одному из своих агентов выкрасть у Алькасара дневник после его возвращения на родину. Сначала в пятом отделе СИС думали, что им страшно повезло: дневник был полон фамилий и адресов людей, которых Веласко якобы завербовал в Великобритании для работы на немецкую разведку. Однако в результате длительных и скрупулезных исследований пришли к заключению, что дневник был фальшивым: Веласко «состряпал» его, чтобы вымогать деньги у сотрудников немецкой разведки в Мадриде [15].

Но Филби решил, что дневник может сыграть свою роль. В числе названных в дневнике лиц были два человека, которые действительно существовали и находились в то время в Лондоне. Это испанский журналист Луис Кальво и пресс-атташе Испании. По предложению Филби, МИ-5 арестовала Кальво и направила его в «строгий» следственный центр на Хэм-Коммон. Там Кальво раздели донага и предъявили дневник, в котором упоминалась и его фамилия. Кальво ничего не оставалось делать, как рассказать о своей шпионской деятельности, которая к Веласко никакого отношения не имела. Его упрятали в тюрьму, где он находился до конца войны. Когда испанскому пресс-атташе показали дневник и намекнули, что министерство иностранных дел Великобритании может объявить его «персоной нон грата», он также согласился сотрудничать и передавать МИ-5 все сведения, которые ему удастся узнать о приезжающих в Лондон испанцах.

ДЕЛО «ОРКИ»

Из перехваченных сообщений следовало, что немецкая разведка на испанском пароходе направляет двух своих агентов в

Центральную Америку. Были названы фамилии агентов. Во второй телеграмме говорилось, что старший из них плывет вместе со спутниками «Орки». Кто бы это мог быть? По мнению Филби, какие-то диссиденты-коммунисты. Проверка по учетам контрразведки выявила шесть или семь человек, биография которых говорила о их возможной принадлежности к такой категории лиц.

Когда испанский пароход сделал остановку в Тринидаде, были арестованы все подозрительные лица. Один из двух названных в телеграммах человек сразу же во всем признался, но другие все отрицали. Их задержали по формальным основаниям, имевшим отношение к контрабанде.

Через год одному из сотрудников Филби, пересматривавшему это дело, пришла интересная мысль. Он связался с правительственной школой шифров и кодов и попросил еще раз посмотреть оригинал телеграммы на немецком языке. Да, действительно, подтвердили там, в телеграмме написано не «orki», а «drei» (три). Речь шла об агенте и трех его спутниках: коллеге, жене и теще. К счастью для Филби, когда эти лица, незаконно арестованные по его приказу, подали в суд на британское правительство, он уже находился в Стамбуле.

ДЕЛО С АННУЛИРОВАННОЙ ОПЕРАЦИЕЙ

Принятое Филби решение использовать имевшуюся в пятом отделе СИС информацию для противодействия подрывной работе немцев в Испании совпало с получением сведений о том, что фашисты что-то замышляют в районе Альхесираса. Из перехватов «Алтрэ» он знал кодовое название этой операции немцев — «Бодден». Размышляя над причиной выбора такого названия, Филби вспомнил, что Бодден — это название узкого пролива в Балтийском море, отделяющего остров Рюген от собственно Германии. Может ли слово «Бодден» иметь какое-либо отношение к другому проливу — Гибралтарскому. Филби проконсультировался с доктором Джонсоном, начальником научного отдела СИС, который после изучения всех материалов заявил, что, вероятно, речь идет о намерении немцев установить приборы для обнаружения кораблей, проходящих через пролив в ночное время.

Сначала Филби решил поинтересоваться в Управлении специальных операций, заинтересовано ли оно в уничтожении немецких приборов, но, подумав, отказался от этой идеи в пользу более «тонкого хода». Суть его состояла в следующем. Через

своего посла в Мадриде сэра Сэмюэля Хора британская сторона заявляет официальный протест испанскому правительству. Филби не надеялся, что генерал Франко заставит немцев отказаться от своего плана. Он ожидал, что Франко предупредит немцев о том, что англичане знают об их намерениях. Несомненно, немецкую разведку охватит паника: как удалось СИС узнать об их тайных планах, может быть, в разведывательную сеть немцев в Испании пробрался английский шпион. Именно это и случилось: через несколько дней Филби с удовлетворением прочел перехваченное сообщение из Берлина в Мадрид, в котором говорилось: «Операцию «Бодден» полностью прекратить».

ДЕЛО АДМИРАЛА КАНАРИСА

В один из дней Филби получил перехват «Алтрэ», в котором говорилось, что шеф немецкой военной разведки адмирал Вильгельм Канарис намеревается посетить Испанию. Из Мадрида он поедет в Севилью, на ночь остановится в маленьком городке Манзанарес. Об этом случае Филби рассказал мне в Москве. «Еще со времен гражданской войны в Испании я хорошо знаю этот городок. В нем Канарис может остановиться только в гостинице «Парадор». *Я* подготовлю для Каугилла сообщение с предложением поставить в известность об этом деле Управление специальных операций о том, чтобы оно подготовило мероприятие по уничтожению Кана-риса. Насколько мне было известно о «Парадоре», забросить пару гранат в спальню Канариса трудностей не составит.

Каугилл одобрил мое предложение и направил рапорт Мензису. Через пару дней Каугилл показал мне резолюцию начальника разведки: «Прошу никаких действий против Канариса не предпринимать». Позднее при докладе одного вопроса Мензису мне представилась возможность поднять вопрос о моем рапорте: «Шеф, я был озадачен Вашим решением по этому делу. Разве не стоило попытаться?» Мензис улыбнулся и ответил: *«Я* всегда считал, что мы должны что-то предпринять против адмирала». И только много позднее я узнал, что с Кана-рисом он поддерживал секретный контакт через свою связь в Швеции».

Этот случай, и особенно замечание Мензиса, не давали Филби покоя. После начала военных действий еще бытовало убеждение в том, что война между Германией и Великобританией является трагедией, которую можно было бы избежать. В Соединенных Штатах продолжались контакты с оппозицией Гитлеру, представителем которой был Адам фон Тротт. В июле

1939 года фон

Тротт направил в Лондон полковника Генерального штаба Герхарда фон Шверина с рекомендательным письмом Дэвиду Астору, который позднее стал редактором «Об-сервера». Это письмо произвело на Астора такое сильное впечатление, что он решил обратиться в СИС в надежде, что представитель разведки встретится с фон Шверином. Руководящий сотрудник СИС заявил Астору: «Мне известно, кто этот человек. И если вы хотите знать мое мнение по поводу его приезда в Лондон, когда наши отношения с Германией находятся в таком плачевном состоянии, я скажу: «Это невообразимая наглость».

В Риме немцы через представителя Ватикана обратились с просьбой к папе Пию XII быть посредником в поисках справедливого и почетного мира. В Швейцарии состоялась встреча, на которой принц Хоэнлоэ, судетский аристократ, действовавший по поручению одного из нацистских лидеров — Геринга, обсуждал с отставным полковником авиации Малькольмом Кристи, с 1927 по 1930 год занимавшим пост британского военного атташе в Берлине, условия заключения мира, который развязал бы руки Германии для борьбы с коммунистической угрозой.

На позиции правительства Великобритании оказал влияние произошедший в ноябре 1939 года в Венло инцидент, когда гестапо арестовало двух сотрудников британской разведки, которых немцы хитростью заманили на встречу якобы для обсуждения условий организации объединенного антисоветского фронта. После этого Черчилль запретил любые контакты с германской оппозицией. И когда в мае 1941 года заместитель Гитлера Рудольф Гесс совершил драматический перелет в Шотландию, имея при себе список известных в Великобритании людей, которые, по его словам, выступают за мирный договор с Германией и союз против СССР, Черчилль повел себя осторожно и не допустил к Гессу сотрудников британской разведки, которая, как он считал, выступает именно за такой шаг.

Битва за Великобританию, быстрая победа немцев в Западной Европе и их вторжение в Советский Союз заставили замолчать сторонников заключения союза с Германией и создания объединенного фронта против Советского Союза. Великобритания объединилась вокруг Черчилля, поддержала его военные усилия, согласилась с той ролью, которую премьер-министр отводил Красной Армии в деле разгрома Гитлера. Но у некоторых еще сохранились старые взгляды на эти вопросы, и Филби стал свидетелем следующей истории.

Послом Великобритании в Мадриде был сэр Сэмюэль Хор,

бывший министр внутренних дел и один из ведущих «миротворцев», который все еще надеялся на достижение мира, переговоры по заключению которого должны вестись, по его мнению, при посредничестве генерала Франко. Меньше всего Хор хотел, чтобы СИС работала против немцев в Испании или чтобы британская разведка пыталась свергнуть Франко, с тем чтобы втянуть Испанию в войну на стороне союзных держав. Он уже воспрепятствовал попытке СИС открыть свое представительство в Мадриде, предназначенное для проведения допросов военнопленных из союзных с Великобританией стран, бежавших в Испанию из немецких лагерей. Хор энергично протестовал против таких намерений британской разведки, которая была вынуждена перенести свое представительство в Лиссабон.

Филби был шокирован, когда узнал, что Мензис защищает Канариса и поддерживает с ним контакт через нейтральную Швецию. Каковы цели этого контакта? Филби пришел к выводу, что Канарис, очевидно, имеет какое-то отношение к антигитлеровским силам в Германии, и Мензис хотел бы не упустить возможности установить с ними контакт. Об этих мыслях Филби доложил своему советскому оперативному руководителю, от которого получал указание внимательно следить за развитием событий, относящихся к этому вопросу.

Главная задача Филби состояла в том, чтобы информировать Москву о любых шагах по заключению англичанами сепаратного мира с Германией и перенесению всех военных действий на советский фронт. Филби рассказал мне в Москве, что эта проблема чрезвычайно интересовала советскую разведку, и он получил указание не только фиксировать подобные шаги, но и принимать все меры по их нейтрализации. И Филби не разочаровал своих московских друзей.

Например, летом 1942 года ему пришлось заниматься документом, подготовленным специалистами отдела Хью Тревор-Роупером и Стюартом Хэмпшайром, аналитиком, специализировавшимся по Германии, который работал в СИС по временному контракту. В документе излагались условия, при которых поиски мира с Германией — исключая безоговорочную капитуляцию — становились приемлемыми и желательными и объяснялось, почему такие действия следует рассматривать со всей серьезностью. По общему мнению, это был прекрасный документ. Но поскольку «миротворческую» миссию, несомненно, пришлось бы выполнять в Испании или Португалии, а разведывательную работу в этих странах курировал Филби, перед внутренней рассылкой документа и направлением на ознакомление американцам его следовало завизировать у него.

Ко всеобщему удивлению, Филби решительно возражал против документа, заявляя, что он носит спекулятивный характер. Тревор-Роупер вспоминает:

«Мы были поражены непреклонностью Кима, который отметал все наши доводы. От некоторых сотрудников пятого отдела СИС в принципе можно было ожидать бездумного блокирования некоторых мероприятий разведки. Но как мог это делать Филби — говорили мы друг другу — интеллигентный и грамотный человек, как он мог так себя вести при решении столь важного вопроса. ' Очевидно, он уже впитал в себя осторожность контрразведчика!»

Наоборот, поведение Филби было в высшей степени разумным. Как сотрудник советской разведки, он сразу же почуял опасность. Немецкие антинацисты стремились не к прекращению войны с Россией. Они хотели устранить Гитлера, заключить мир с Великобританией и другими союзными державами, а затем закончить успешно начатый захват Советского Союза. Филби не мог допустить, чтобы документ дошел до влиятельных кругов Великобритании и был принят ими к исполнению. Поэтому он использовал свои полномочия, чтобы заблокировать его.

Роль Филби проявилась и в деле Отта Йона. Адвокат «Люфтганзы» и член оппозиции Гитлеру, в 1942 году Йон, связался с сотрудником СИС, имевшим псевдоним «Тони», который работал в то время в британском посольстве в Лиссабоне. Йон рассказал мне следующее:!

«Мне было поручено выяснить, какую помощь может нам оказать британское правительство в деле устранения Гитлера. Действовал я не по поручению Канариса. Он не участвовал в заговоре, но прикрывал заговорщиков. Во время прогулки по виноградникам на окраине Лиссабона «Тони» дал понять, что мы не услышим отклика из Лондона, пока каким-либо образом не заявим о себе.

В январе 1944 года, в разгар подготовки заговора Штауфенберга (покушение на жизнь Гитлера) я по его заданию вновь встретился с «Тони», чтобы выяснить отношение правительства Великобритании к нашим планам.

«Тони», очевидно, не было на месте, поэтому мне удалось побеседовать с его сотрудницей Ритой. Она рассказала, что имеются строгие указания из Лондона, запрещающие какие-либо контакты с «представителями оппозиции Гитлеру в Германии». Затем она добавила: «Генерал Эйзенхауэр назначен Верховным Главнокомандующим союзными войсками. Теперь исход войны будет решаться силой оружия». Таким образом, у Шта-уфенберга не было шансов вступить с Эйзенхауэром в переговоры о

заключении перемирия, как он на это надеялся. Нам осталась только безоговорочная капитуляция».

Из письма Отто Йона в газету «Санди таймс» от 27 мая 1988 года (не публиковалось)

Лондонские инструкции, несомненно, были подготовлены самим Филби. Он не дал хода докладу «Тони» о первой встрече с Йоном на том основании, что тот был «не надежен». Как Филби рассказал мне в Москве, «Йон был трудным человеком. Во время войны мы пытались использовать его в качестве агента-двойника, но Йон постоянно менял свои решения. Слабостью условий, которые немцы выдвигали для заключения мирного договора, были заложенные в них слишком обширные требования. Поэтому их было трудно принимать всерьез. Их условия были бы приемлемыми, если бы Германия выигрывала войну. А она ее проигрывала. Мы справедливо отклонили их. Немцам пришлось вести войну до конца, и они ее проиграли».

Йон со своей стороны решительно отрицал, что он когда-либо был агентом-двойником, и выдвигал многочисленные обвинения в адрес Филби. Йон заявил, что после провала заговора он бежал в Лиссабон. Филби сделал все возможное, чтобы держать его подальше от Лондона, с гем чтобы он не мог проинформировать британскую сторону о масштабах оставшейся оппозиции Гитлеру. Канариса повесили 9 апреля 1945 года за участие в заговоре против Гитлера. После войны Йон стал начальником службы безопасности Западной Германии. В 50-х годах имя Йона мелькало в заголовках газетных статей после того, как он появился в Восточном Берлине и выступил с нападками на Запад. Затем год спустя Йон бежал в Западный Берлин и заявил, что был похищен коммунистами.

Действия Филби носили оборонительный характер. Коммунисты считали, что это предательство — вести за их спиной мирные переговоры с Германией, поскольку на СССР пали основные тяжести войны, и он понес самые большие потери. Как заявил Филби: «Создалось бы опасное положение, если бы у русских появились основания думать, что мы заигрываем с немцами. Обстановка в то время была полна взаимных подозрений».

Но по словам сотрудника МИ-5, который дал мне интервью после того, как в марте 1988 года в газете «Санди таймс» появились мои статьи, Филби пошел дальше. Планы Сталина, касавшиеся послевоенного устройства Германии, держались в секрете от Великобритании и Соединенных Штатов. В них предусматривалось создание в Москве Национального комитета немцев, который мог бы служить основой для формирования

коммунистического правительства, готового взять власть в Германии сразу же после окончания войны. Поэтому Москва выступала против любой внутренней оппозиции Гитлеру, поскольку она несла угрозу будущему коммунистическому правлению в Германии. В подтверждение можно привести следующее. В феврале 1944 года в Стамбуле изменил старший офицер германской разведки Эрих Вермеер и его жена Элизабет. Набожные католики, супруги Вермеер, занимавшие высокое место в германской иерархии (Элизабет Вермеер приходилась племянницей Францу фон Папену, известному политику, ветерану германской дипломатии), считали, что они больше не могут работать на нацистский режим. После установления связи с посольством Великобритании в Стамбуле их вывезли в Лондон, где во время опроса они находились на попечении Филби. До конца войны они работали в области пропаганды («черной») и позднее поселились в Швейцарии, очевидно, под чужим именем. По словам сотрудников МИ-5, Вермееры дали сведения о масштабах католической оппозиции в Германии и представили список ведущих католических деятелей, которые в послевоенный период могли бы помочь западным союзникам сформировать в Германии антикоммунистическое правительство.

По характеру работы через Филби иногда проходила очень большая информация. Пятый отдел размещался не в штаб-квартире СИС на Бродвее, напротив от входа в станцию метро Сент-Джеймс парк. В связи с расширением штата разведки во время войны пятый и ряд других отделов СИС были выведены в пригород Лондона. Вместе с центральным архивом, в котором хранились все дела СИС, его разместили в Сент-Олбансе. Филби быстро установил дружеские отношения с начальником архива Биллом Вудфилдом и начал брать на просмотр журналы, в которых регистрировалась агентура СИС. Это были совершенно секретные материалы, касавшиеся действовавших за границей агентов.

У Филби были все основания для просмотра учетов агентуры СИС в Испании и Португалии. Эти страны входили в зону его ответственности и, естественно, он хотел знать все данные об агентах, когда-либо работавших в этих странах. Но попросить на просмотр два журнала, в которых значилась агентура в Советском Союзе, совершенно другое дело. Фамилии таких агентов СИС представили бы громадную ценность для советской разведки. Через таких агентов можно было бы реализовать дезинформацию, при необходимости арестовать их и расстрелять. Но если бы у Филби поинтересовались, зачем ему понадобились эти журналы, он не смог бы дать разумные объяснения и оказался бы в большой

беде. Будучи уверенным в том, что покладистый Вудфилд никогда не спросит его об этом, Филби взял эти журналы, выписал из них фамилии агентов и вернул в архив.

Спустя неделю ему позвонил Вудфилд и попросил вернуть второй журнал. Филби сверился со своими записями и объяснил начальнику архива, что все материалы он уже возвратил. На это Вудфилд ответил, что его сотрудники осмотрели все помещение архива, но второй журнал найти не смогли. Он посоветовал Филби все просмотреть еще раз, однако и эти усилия результатов не дали. Филби следующим образом описал этот случай: «Вечером за джином мы еще раз обсудили эту загадочную историю с журналом. Билл рассказал мне, что если следовать обычной процедуре, то необходимо немедленно докладывать начальнику об обнаруженной утере. Я убедил его подождать несколько дней. Моя тревога росла. *Я* не сомневался, что начальство «соответствующим образом оценит» мое чрезвычайное рвение, выразившееся во внимательном изучении журналов регистрации агентуры. При этом утерян один журнал, в котором была зарегистрирована агентура СИС в стране, далеко удаленной от курируемого мною региона».

Когда Филби мучили мысли о возможном окончании его недолгой карьеры в СИС, ему позвонил Вудфилд и сообщил, что журнал нашелся. Оказалось, что одна из секретарей в целях экономии места объединила оба журнала в один. Во время поисков исчезнувшего журнала она болела гриппом. Когда по возвращении на работу ей рассказали о пропаже, она сразу же вспомнила о своем нововведении. Филби и Вудфилд отметили это событие несколькими бокалами розового джина: Вудфилд пил за обнаружение пропажи, а Филби — за благополучное предотвращение еще одной угрозы для его карьеры офицера советской разведки.

Тем временем Филби обнаружил, что он может записаться на дежурство (один или два раза в месяц) в штаб-квартиру СИС в Бродвей-билдингс. В обязанности ночного дежурного входило получение из всех резидентур сообщений и принятие по ним решений. Поэтому примерно в течение двенадцати часов дежурный являлся главным действующим лицом в разведке. Несколько других правительственных ведомств передавали свои совершенно секретные сообщения через системы связи СИС, ошибочно полагая, что она более безопасна. Поэтому ночной дежурный имел доступ к большому объему важной правительственной информации.

Одним из ведомств, использовавших радиоканалы СИС, было военное министерство. Во время ночных дежурств на Бродвее

Филби имел возможность читать сообщения, поступавшие по линии британской военной миссии в Москве. В число вопросов, которые обсуждались сотрудниками миссии с советской стороной, входило предоставление СССР военной помощи, обмен разведывательной информацией, принятое в конце 1942 года решение Великобритании уменьшить объем передававшихся Москве материалов, поступавших по каналу «Алт-рэ». Можно предполагать, что Филби передавал своему советскому коллеге все, что ему удавалось узнавать по этим вопросам'. В результате советские власти знали британскую позицию еще до начала обсуждения вопросов на регулярных встречах с сотрудниками военной миссии Великобритании в Москве, что давало им большие тактические преимущества.

На этой стадии военных действий с Германией сотрудник советской разведки, занимавшийся Великобританией, должен был быть доволен ходом дел. Его главный помощник Ким Филби проник в СИС и укрепляет там свои позиции. Гай Берджесс доставлял разочарование. Он работал в СИС, но был уволен, и хотя Берджесс помог Филби устроиться на работу в МИ-6, возвратиться в разведку сам он не смог. Однако у него был широкий круг знакомых и друзей в правительственных кругах и в мире спецслужб и, если верить сотруднику советской разведки Владимиру Петрову, бежавшему на Запад в 1954 году в Австралии, объем поступавших от Берджесса материалов был так велик, что «все шифровальщики советского посольства занимались подготовкой его материалов для передачи по каналам радиосвязи в Москву».

У Энтони Бланта дела складывались лучше. В отделе «Б» МИ-5 (контршпионаж) в его задачу входило наблюдение за посольствами нейтральных стран в Лондоне, в том числе вскрытие их дипломатической почты и фотографирование ее содержания. Таким образом, он имел возможность передавать своему советскому коллеге информацию об отношении нейтральных стран к войне, их оценки вклада Великобритании в военные действия и другие данные, полученные сотрудниками этих посольств от своих источников. Блант был скромным человеком, хорошим работником. Коллеги с уважением относились к нему, их привлекала его интеллигентность. По мере продвижения по службе расширялся доступ Бланта к секретам. Когда его босс Гай Лидделл был занят, Блант участвовал в заседаниях объединенного разведывательного комитета и таким образом мог передавать русским сведения не только о той информации, которая рассматривалась на заседаниях комитета, но и о ее оценке.

Маклин, устроившийся по заданию советской разведки на работу в МИД Великобритании, оказался там в «тихой заводи». После эвакуации английского посольства из Франции его направили на работу в генеральный департамент, который был незадолго до этого создан для решения вопросов, касавшихся судоходства, контрабанды и других аспектов экономической войны. Репутацией в МИД этот департамент не пользовался. До встречи с Филби в Москве в 1988 году мне казалось, что в этот период Маклин мало что мог передать советской разведке.

В Москве Филби рассказал мне следующую историю: «Однажды после работы Маклин пересекал Грин-парк (находится рядом с МИД), имея в руках портфель, доверху набитый важными документами. Его догнал коллега по министерству: «Старина, можно я пойду с тобой?» «Сделай одолжение», — ответил Маклин. Коллега примерился к его шагам и после недолгого молчания внезапно спросил: «Интересно, Дональд, сколько в советском посольстве заплатят тебе за содержание этого портфеля». Сердце Маклина екнуло, но он не подал вида: «Я еще не могу сказать». «Мне кажется, что ты хотел бы получить половину», — ответил Маклин».

Филби, слышавший эту историю, очевидно, от Маклина, рассказал об этом в шутку, как пример внезапно создавшейся опасной ситуации. Но из рассказа следовало, что Маклин, хотя и находился в МИД не у «горячих дел», располагал интересными для советской стороны материалами.

Пока я не встретился с Филби в Москве, для меня оставалась загадкой та роль, которую сыграли внедренные в английские спецслужбы советские разведчики в информировании русских о мероприятии «Алтрэ». Две трети немецкой военной мощи были сосредоточены на восточном фронте. Какое значение имели для военных действий русских сведения «Алтрэ», было до сих пор неясным. Делились ли западные державы со своим союзником этими «бесценными разведывательными данными»? А если нет, знали ли русские об этом и как воспринимали такое недоверие? Со времени появления в печати первых сведений об «Алтрэ» попытки ответить на эти вопросы создавали лишь новые загадки.

Одна из них состояла в том, что русские якобы настолько не доверяли Великобритании, что Черчилль понимал бессмысленность передачи Сталину материалов «Алтрэ» по официальным каналам. Если бы он эго сделал, Сталин якобы автоматически посчитал, что англичане доводят до него дезинформацию для достижения каких-то своих долгосрочных целей. И поэтому, согласно этой версии, в СИС эти материалы перерабатывались и по соответствующим каналам передавались в

известную советскую шпионскую сеть в Швейцарии. Когда Сталин получал сведения «Алтрэ» от своих проверенных источников, он относился к ним с доверием. Но эта версия — фантазия чистой воды.

Другие версии были более правдоподобны. Питер Кальвокоресси, работавший по «Алтрэ» во время войны в Блетчли-парке, считает, что со стороны англичан было оправдано нежелание передавать Сталину какие-либо материалы «Алтрэ», поскольку советские системы связи были настолько ненадежны, что, перехватив сообщения русских, немцы поняли бы, что англичане читают их шифры. Однако, когда стало ясно, что Советский Союз в состоянии оказать решительное сопротивление Гитлеру, соображения целесообразности и лояльности вынуждали Великобританию делиться с русскими всем, что помогло бы сокрушать Германию. По словам Кальвоко-ресси, интересные для Сталина материалы «Алтрэ» должным образом обрабатывались, чтобы скрыть источник их получения, и пересылались майору Эдварду Крэнкшоу, британскому офицеру связи в Москве, который через посла Великобритании передавал их непосредственно Сталину. Член британского парламента Руперт Элласон, освещавший в своих произведениях работу разведки, придерживается такой же точки зрения, за исключением одной детали: СИС имела в Москве своего сотрудника Сесиля Барклея, в. задачу которого входило информирование своего советского коллеги генерала Ф. Ф. Кузнецова о «некоторых материалах «Алтрэ» без расшифровки их источника».

Главный вопрос, касающийся материалов «Алтрэ», затрагивает источник их получения. Если русские не будут знать, что англичане читают немецкие шифры «Эниг-ма» и таким образом получают эти материалы, они не смогут доверять им. Если же будет указано, например, что данная информация получена от агентуры СИС, или от шпионской сети западных союзников, действующей на территории противника, или от высокопоставленного агента в военном министерстве Германии, Сталин вправе не доверять ей.

Фактически именно это и случилось. Кальвокоресси сомневается, что Сталин использовал какие-либо материалы «Алтрэ». Например, до начала танкового сражения 1942 года русских предупредили, что они загоняют в заранее подготовленную немцами ловушку свои войска и военную технику. Но они не поверили этому предупреждению. Если бы они отнеслись к информации с доверием, это помогло бы им избежать многих потерь.

Следует также учитывать вопросы и политического

характера. Знали ли русские об этих материалах и источнике их получения? Если да, как они восприняли отказ англичан поделиться с ними? Вероятно, русские могли знать об этих материалах от своих помощников Филби и Бланта. В декабре 1979 года я написал Бланту письмо, в котором поставил перед ним следующий вопрос: «МИ-5 получала некоторые документы «Алтрэ». Знали ли вы их источник и сообщили ли об этом русским? Если да, что их особенно интересовало?» В январе 1980 года Блант ответил: «Я не получал документов оперативного перехвата, кроме материалов абвера. Мой советский коллега был заинтересован в получении любой информации о разведывательных службах немцев».

До встречи с Филби в Москве я знал, что он имел дело с материалами «Алтрэ», касающимися абвера. Об этом он сам написал в своей книге. Имелись косвенные свидетельства, что он был осведомлен о чтении британской дешифровальной службой немецких кодов. Своему коллеге по СИС Лесли Никольсону перед первыми запусками немецких ракет «Стад-2» на Лондон Филби сказал: «Немцы разработали новое оружие для нанесения ударов по Лондону. Я собираюсь перевезти свою семью за город». Это была важная информация, полученная в основном из перехваченных сообщений японского посла в Берлине своему руководству в Токио, а не из сообщений абвера. Секретарь отдела Филби вспоминает: «У нас была специальная комната, где по запросу сотрудники могли получить необходимые для работы материалы. Было известно, что эта информация основывалась главным образом на перехватах «Алтрэ».

Я обсудил этот вопрос с Филби. По его словам, у него создалось впечатление (после бесед со своим оперативным руководителем из советской разведки), что русских эта проблема не особенно интересовала. Данное мнение совпадает с наблюдением Кальвакоресси:

«Русские, очевидно, захватили несколько шифровальных машин «Энигма» и кодов к ним. Они, вероятно, считали, что у нас они тоже есть. В СССР достаточно высококвалифицированных математиков, способных найти способы дешифрования. Возможно, у них не было такой, как у нас, организации (в Блетчли-парке), где можно было бы использовать таких специалистов. У русских, естественно, могло возникнуть подозрение, что в этом плане мы вырвались далеко вперед и скрываем свои достижения от них. Но ни прямо, ни косвенно они не ставили каких-либо вопросов, касающихся «Алтрэ» перед Иденом (министром иностранных дел тех лет) или перед кем-либо еще.

Единственно разумное объяснение такого отношения заключается, вероятно, в том, что русские знали, откуда идут материалы «Алтрэ» и считали, что мнения политиков Великобритании по вопросу о целесообразности информировать о них Москву разделились. На одной стороне стояли те государственные деятели, которые еще до 1939 года активно выступали против коллективной безопасности и которые после 1941 года придерживались линии на полное истощение Советского Союза в опустошительной войне с фашизмом. Они нашли союзников в лице тех сотрудников специальных служб Великобритании, которые даже в мыслях не могли допустить разглашения своих секретов и считали, что в тайны «Алтрэ» должна быть посвящена лишь узкая группа лиц, по возможности только англичан.

Им противостояли внедренные в британские специальные службы агенты советской разведки, находившие в позиции некоторых английских руководителей подтверждение того, что Великобритания мало делает для оказания помощи своему находящемуся в трудном положении союзнику. Им противостоял и Черчилль, который не только приказал своим дешифровальщикам прекратить все работы по кодам русских и сосредоточить усилия на немецких, но и настойчиво выступать за расширение объема передаваемой русским информации. Кальвоко-ресси отмечает: «Не один Черчилль придерживался подобной точки зрения. Но его действия иногда ограничивали другие руководители страны, считавшие, что их премьер идет на слишком большой риск».

В 1943 году русские, кажется, решили испытать своих британских союзников. В конце 1942 года русские специалисты прочитали первые военные сообщения немцев, зашифрованные с помощью машин «Энигма». (В январе 1943 года они захватили под Сталинградом 26 таких машин.) Придерживаясь своей линии в отношении получаемых англичанами материалов «Алтрэ», они дали указание офицеру связи по вопросам разведки в Лондоне полковнику И. Чикаеву поинтересоваться, какой информацией англичане располагают о машинах «Энигма». О реакции на эту просьбу не упоминается ни в одном официальном сообщении военных лет. Тайна раскрылась лишь в 1986 году.

В тот год Джеймс Росбриджер из Сент-Остелла, активно исследовавший архивные материалы для написания своих работ, предъявил министерству обороны Великобритании совершенно секретную расписку полковника Шукалова, сотрудника советской военно-морской миссии в Лондоне, в том, что 15 июля 1943 года он получил одну немецкую шифровальную машину «Энигма»

номер М2520 и одну фотокопию (на немецком языке) инструкции по пользованию этой машиной на 31 странице. Эти сенсационные новости Росбриджер обнародовал в своей статье в газете «Дейли телеграф». Статья вызвала многочисленные вопросы.

Главный вопрос состоял в том, принесли ли шифровальная машина и инструкции к ней какую-либо пользу Москве, если советской стороне одновременно не была передана информация о пользовании ключами к шифру «Энигмы». Росбриджер полагает, что ключи русские имели (их передали им агенты, внедренные в британские службы безопасности).

Чтобы внести ясность в этот вопрос, необходимо знать, кто принимал решение о передаче русским машины «Энигма» и, что более важно, с какой целью это было сделано. По словам Питера Кальвокоресси, неясно, «пытались ли мы получить взамен какую-то помощь или мы стремились ввести русских в заблуждение, делая вид, что машина «Энигма» интереса для нас не представляет?» Из бесед с Филби и другими специалистами у меня сложилось впечатление, что русским были известны все сведения, которыми располагала британская сторона о машинах «Энигма». Кроме Филби и Бланта, у советской разведки был еще Джон Кейрнкросс, работавший до перевода в 1944 году в пятый отдел СИ С в правительственной школе шифров и кодов в Блетчли-парке. Проживавший в 1964 году в Риме, Кейрнкросс признался сотруднику МИ-5, что во время работы в британской шифровальной службе он регулярно встречался со своим советским оперативным руководителем. Трудно предположить, чтобы три таких опытных помощника советской разведки, как Филби, Блант и Кейрнкросс, располагавшие сведениями о мероприятии «Алтрэ», не информировали советскую сторону об этом.

Я считаю, что уже в конце 1942 года Советский Союз начал расшифровывать коды шифровальных машин «Энигма» (у русских богатые традиции расшифровки кодов других стран, уходящие в дореволюционные времена) и к середине 1943 года они читали немецкие шифрованные сообщения в массовом порядке. С этим соглашаются даже немцы, ранее отрицавшие возможность такого положения. «Я абсолютно уверен, что русские преуспели в расшифровке некоторых сообщений «Энигмы», — пишет бывший сотрудник немецкой разведки. — Кроме обычных ошибок, допускавшихся шифровальщиками, этому способствовало неоднократное использование одних и тех же ключей».

Далее я считаю, что русские, знавшие, что англичане расшифровывают материалы «Энигмы» и сами способны это делать, обратились к Великобритании с просьбой о

предоставлении им немецких шифровальных машин с единственной целью — выяснить реакцию британской стороны. К сожалению, наш ответ на эту просьбу был не удовлетворяющим русских компромиссом. Мы передали русским шифровальную машину, будучи уверенными, что они не смогут ею воспользоваться. Москва поняла позицию Лондона и сделала свои выводы.

ГЛАВА IX. МАСТЕРСКИЙ ХОД МОСКВЫ

Зимой 1942–1943 годов в Великобританию на подготовку прибыли первые сотрудники американской разведки. Это были офицеры Управления стратегических служб (УСС), двойника британского Управления специальных операций (УСО). УСС было создано Уильямсом Донованом, «сумасшедшим Биллом», незаурядным адвокатом, который исповедовал немного наивную, но привлекательную веру в возможность реализации всех планов и был убежден, что просвещенный любитель нередко может сделать дело лучше профессионала. «Один из «моих парней», — нередко говорил Донован, — стоит десяти армейских солдат».

Донован ошибочно полагал, что немцы особенно сильны в проведении тайных разведывательных операций, и считал, что с подобной угрозой может справиться только организация, подобная УСС. Свое ошибочное представление он усугубил тем, что наделил англичан способностью раскрывать любые секреты. Поэтому Донован обратился к своим британским коллегам за опытом, который, по его мнению, был необходим, чтобы его организация стала действительно профессиональной.

Англичане приветствовали возможность пополнить за счет американцев свои финансовые ресурсы, улучшить материально-техническое обеспечение, укрепить свой кадровый состав. Они считали, что складывавшиеся взаимоотношения будут находиться под их полным контролем: американцам отводилась роль младших партнеров в крупном британском деле. Малькольм Маггеридж пишет по этому поводу следующее: «Я очень хорошо помню, как к нам прибыли американцы, «источающие аромат» подготовительной школы. Все такие молодые и невинные. Они должны были начать работать в нашем старом затхлом «разведывательном публичном доме». Вскоре всех их «изнасиловали и развратили». Их трудно стало отличать от наших «закаленных проституток», бывших в деле около четверти века или более».

Филби был одним из немногих, смотревших на вещи по-иному. Он считал, что кооперация с американцами в области разведки в конце концов приведет Великобританию в подчиненное положение, что жаждущие действий американцы недолго будут терпеть британский диктат. Начавшееся дружеское сотрудничество в скором времени должно перейти в открытую вражду.

Некоторые сотрудники британской разведки выражали недовольство по поводу состояния дел с обеспечением безопасности в Соединенных Штатах. Член британского парламента Генри Керби, работавший в СИС в 20-х годах вспоминает: «Можно сказать, что у американцев вообще не было разведки. УСС походило на наше Управление специальных операций, и, в основном, полагалось на американские этнические группы в поисках специалистов по языкам и лиц, располагавших знаниями иностранных государств. Службы безопасности не существовало. А ведь они поддерживали тесные контакты с нашими СИС и УСО. Таким образом, состояние нашей безопасности сразу значительно понизилось».

Ряд сотрудников британской разведки возражали против методов работы УСС. Американцы хотели установить по своим каналам связи с правительствами ряда европейских стран, находившихся в изгнании, англичане же считали, что такие контакты должны проходить через них. УСС хотело использовать агентуру на местах по своему усмотрению, СИС считала, что о подобных мероприятиях американцы должны ее информировать и действовать с ее одобрения. Англичане считали, что УСС должно пользоваться их кодами и линиями связи, американцы отказывались от такой практики, утверждая, что это позволит СИС быть в курсе всех дел УСС, а свои секреты скрывать. В начале 1944 года СИС и УСС вступили в конфликт по поводу намерений американцев перебрасывать своих агентов из Алжира в оккупированную немцами Францию. К большому неудовольствию Донована англичане использовали свою монополию на самолеты, необходимые для выполнения этого задания, для контроля над операциями американской разведки.

Одна из секретарей машинописного бюро отметила в характере Филби такую черту, которая вызывала у нее беспокойство. «Или вы целиком принимаете его таким, какой он есть, или полностью отвергаете», — заявила она. «Секретарь Филби Катрин Гейндж была предана ему, но не принимала его излишней увлеченности делом». Под этим я подразумеваю его расчетливые амбиции и черствое отношение к своим подчиненным. Если вы сделаете ошибку при печатании текста, старый Каугилл может даже наорать, но вы понимаете, что он не хотел вас обидеть. Филби же вызовет тебя в свой кабинет, ткнет пальцем в допущенную ошибку и холодно произнесет: «Будьте добры исправить». При этих словах я корчилась, как червь. Так же эффективно он использовал этот прием и в отношении своих коллег. Помню, я вошла в кабинет Грэма Грина. Он сжимал ручки кресла руками, его глаза сверкали от гнева. На вопрос что

случилось, Грин ответил: «Я только что получил нагоняй от шефа».

В летний период сотрудники СИС могли неплохо проводить свободное время. Недалеко от расположения службы находился приличный ресторан под названием «Шале», куда нередко заходили Филби и Маилн выпить по кружке пива и поговорить о делах. Во время длинных летних вечеров в хорошую погоду они принимали участие в играх в крокет между командами подразделений СИС.

Всему пришел конец зимой 1943–1944 года, когда отдел Филби переехал в старое здание СИС на Райдер-стрит около Пикадилли. Хотя некоторые сотрудники пятого отдела не хотели уезжать из загородного района в Лондон, Филби мечтал возвратиться в столицу. Одна из причин этого заключалась в том, что он и Айлин снимали дом в окрестностях Сент-Олбанса вместе с семьей Маил-на. Но для двоих маленьких детей: Джезефины (родилась в 1941 году), Джона (1943) (следующий ребенок, Том, родился в 1944 году), помещение было слишком тесным.

Сначала семья Филби остановилась у матери Кима Доры, квартира которой находилась в Дрейтон-гарденс неподалеку от Бромтон-роуд. Вскоре они «наскребли» денег на домик на Карлайл-сквер, наняли привратника и открыли ясли (за детьми присматривали сама Айлин, а также подруга и профессиональный учитель). Очевидно, это было самое лучшее время их совместной жизни. «Они жили в приятном беспорядке среди детей, друзей, книг, музыки и похмельного веселья», — вспоминает Патрик Сил.

Хотя Филби находился в гуще этих событий — значительная их часть происходила в курируемых им районах — эго не помешало ему установить тесные отношения с рядом прибывших в Сент-Олбанс американцев. Один из них стал его другом. Речь идет о Джеймсе Энгл тоне, высоком худощавом интеллигентном человеке, проявлявшем интерес к поэзии, рыболовству, выращиванию орхидей, который был наделен чувством глубокого патриотизма и твердыми убеждениями. Филби был одним из инструкторов Энглтона, главным его наставником по контрразведывательным вопросам. Энглтон считал Филби своим старшим братом. Побег Филби в Советский Союз поверг Энглтона в состояние маниакальной подозрительности и оказал на все разведывательное сообщество необычайно сильное воздействие. Но в 1943 году они работали вместе во имя общей цели — нанесения поражения нацистской Германии.

Все в Сент-Олбансе было подчинено достижению этой цели. В тот период в СИ С пришло много одаренных людей. В число

коллег Филби входили Тим Маилн, старый друг по Вестминстерской школе, и его предшественник в пиренейском отделе СИС, Грэм Грин, Хью Тревор-Роупер, Чарльз де Саллис, Десмонд Пакэнхэм и Ричард Коминс-Карр. И тем не менее Филби выделялся из их числа. Какие качества делали его таким прекрасным работником? Сэр Роберт Маккензи, эксперт по вопросам безопасности в МИД Великобритании, хорошо знавший Филби, вспоминает:

«Наибольшее впечатление производил прекрасный английский язык подготовленных им документов. У него был очень аккуратный мелкий почерк. Он никогда не писал черновиков и тем не менее его английский был просто необыкновенен — без лишних слов, всегда точный смысл. И конечно, Филби был привлекателен как необыкновенная личность. От отца он унаследовал чувство глубокого субъективного идеализма, для которого средства не имеют значения, если цель достойна приложения усилий. Хотя по ряду вопросов Филби не проявлял особой откровенности, его целесообразность и настойчивость во всех делах притягивали к нему людей и заставляли следовать его примеру. Он был таким человеком, который вызывал чувство привязанности и обожания. Его нельзя было просто любить, восхищаться и следовать за ним. Возникала потребность обожать».

Из интервью Маккензи автору, 1967 год

Приятели Филби по местному ресторанчику «Мер-кхэм Армз» не представляли, чем он занимается. Если бы они вдруг решили подумать об этом, возможно, они посчитали бы Филби за школьного учителя, служащего какого-либо захудалого правительственного учреждения или что-то в этом роде. Обычно он носил вельветовые брюки, старый твидовый пиджак с кожаными налокотниками и клетчатую фланелевую рубашку. По городу он ездил в старой помятой машине, которую иногда можно было видеть запаркованной в самых невероятных местах. Это не означало, что Филби находился где-то в этом районе. Он просто не мог ездить на машине, вынужден был ее бросать где попало, так как находился в состоянии запоя…

Айлин до удивления спокойно относилась к таким срывам своего мужа. Она без подозрений воспринимала его долгие отлучки из дома, которые Филби обычно объяснял занятостью по работе. Она не знала даже, чем занимается ее муж. Ей было известно, что Филби имеет какое-то отношение к иностранным и военным делам. Своим долгом замужней женщины она считала обеспечение спокойной домашней атмосферы и воспитание

детей. Ей пришлось согласиться с требованием мужа освободить детей от какого-либо религиозного воспитания. Иногда она настаивала на оформлении их брачных отношений, но результатов это не давало. Филби обычно говорил, что у него нет времени разыскивать свою бывшую жену Литци, чтобы убедить ее дать ему официальный развод. Но он дал Айлин обещание после окончания войны узаконить их отношения.

Своих коллег Филби старался держать на расстоянии. После его побега в Советский Союз некоторые из них, оглянувшись в прошлое, поняли, что они совсем не знали Филби, высказывали о нем свои поверхностные суждения, которые он старался не опровергать. Тревор-Роупер, например, считал Филби очень умным человеком, окружившим себя жесткой, гибкой и очень активной защитной оболочкой. Маггеридж заявляет, что в те времена он обнаружил у Филби «подавляемое им чувство насилия», а по мнению другого коллеги, «Филби был чувствительным человеком, который, однако, старался выглядеть строгим».

Единственным человеком, с которым Филби мог быть сколь-либо откровенным, был Грэм Грин. Как следует из их неоднократных встреч в Москве, даже е это время у них было много общего. Как вспоминает Филби: «Когда Грэм впервые пришел на работу в наш отдел, у нас состоялась с ним продолжительная беседа. Конечно, я разговаривал с ним не как с коммунистом, а как с человеком левых убеждений. Грин был католиком. Но между нами сразу установился хороший человеческий контакт». Они часто вместе обедали, их дружба крепла. Но у Грина создавалось отрицательное впечатление в связи с таким качеством Филби, которое он позднее назвал «попыткой использовать служебное положение в личных целях». *«Я* считаю, что причиной этого было четко выраженное стремление Филби к власти. Это его единственная черта характера, которую мне было трудно переносить». Во вступлении к книге Филби «Моя тайная война» Грин отметил: «Я рад, что был не прав. Он служил, а не старался удовлетворить личные амбиции, и поэтому у меня вновь возникли к нему прежние симпатии».

У Филби было поразительное политическое чутье. Он считал, что большинство неспециалистов разведки после окончания войны возвратятся к мирной жизни. Для того чтобы Филби предложили остаться на работе в разведке, ему необходимо было иметь не только хорошую репутацию, заработанную упорным и результативным трудом, но и проявить свое понимание принципов функционирования СИС и, что еще более важно, знать,

как защитить будущее разведки. Одним мастерским ходом, который превратил пребывание Филби в СИС в триумф, он обеспечил себе место в мире разведки.

23 августа 1943 года сотрудник Министерства иностранных дел Германии доктор Фритц Кольбе обратился в британское посольство в Берне (Швейцария) с просьбой о встрече с военным атташе — полковником Генри Картрайтом, который одновременно являлся представителем МИ-9, организации, занимавшейся оказанием помощи беженцам из Германии и их опросом. О принадлежности Картрайта к разведке было хорошо известно в нейтральной Швейцарии, и германская разведка неоднократно пыталась подставить ему своего агента. Это сделало Картрайта исключительно подозрительным в отношении «доброжелателей» и поэтому, когда Кольбе, пришедший фактически с улицы, предложил свои услуги, это сразу насторожило Картрайта.

Кольбе заявил, что является ответственным сотрудником МИД Германии, стоит на антинацистских позициях. Воспользовавшиˆ своим служебным положением, он выкрал копии ряда секретных документов МИД. Некоторые из них принес с собой, сотни других спрятал. Картрайт даже не удосужился прочесть переданные ему документы, решив, что Кольбе является шпионом-провокатором абвера, и показал ему на дверь. Удивленный такой реакцией, Кольбе посоветовался со своим другом, который рекомендовал ему обратиться к американцам. На следующий день Кольбе был у Аллена Даллеса, представителя Управления стратегических служб в Швейцарии, и передал ему 183 копии секретных телеграмм МИД Германии, пообещав при возможности принести еще.

В течение следующих шестнадцати месяцев Кольбе передал более полутора тысяч секретных немецких документов, которые помогли понять намерения МИД Германии. По словам офицера американской разведки, «Кольбе был одним из лучших агентов, которые когда-либо имели разведки мира» [16]. Это был не только триумф американцев, но и позор для англичан, поскольку СИС отвергла услуги Кольбе.

Судьба оказалась благосклонной к Филби. УСС аккуратно передавало СИС копии всех материалов Кольбе. Заместитель директора СИС Дэнси, который всегда рассматривал Швейцарию своей подопечной территорией, разделял убеждение Картрайта, что Кольбе является немецким шпионом-провокатором. Поэтому он приказал передавать все материалы в контрразведывательный отдел Каугилла, где они попадали к самому одаренному и упорно работающему сотруднику — Киму Филби. Филби с большим

желанием взялся за проверку подлинности немецких документов. Для этого он обратился в правительственную школу кодов и шифров с просьбой сверить содержание документов с расшифрованными сообщениями МИД Германии того же периода. Содержание документов полностью совпало, и шифровальная служба убедительно просила передать ей очередную партию документов. Эту историю сам Филби описал следующим образом:

«Когда около одной трети имевшихся документов прошло через правительственную школу кодов и шифров и никаких сомнений в их достоверности не возникло, я посчитал возможным приступить к их рассылке. Поэтому я направил их в отделы СИС, в военные департаменты и в МИД, намеренно занизив их важность, с тем чтобы Дэнси до поры до времени не увидел в этом ничего необычного.

Реакция военных последовала немедленно. Штабы армии, ВВС и ВМС настойчиво просили присылать такие материалы. Реакция МИД была более спокойной, но также благожелательной. Я попросил соответствующие отделы СИС дать письменную оценку переданным им материалам. У Деннисона я затребовал записку, объясняющую причины убежденности криптографов в подлинности немецких документов. Я должен был во всеоружии быть готовым к неминуемой встрече с Дэнси. С трепетом я направился к нему на прием».

Как и ожидал Филби, Дэнси пришел в ярость и здорово его отчитал. «Если даже документы подлинные, ну и что?» Филби помогает УСС «поганить разведывательную обстановку в Швейцарии» и ставить под угрозу действующую там британскую разведывательную сеть. Он не должен был вмешиваться в дела, которые его не касаются. Поскольку Филби никогда не работал в резидентуре, таких тонкостей ему не понять. Далее Филби объясняет:

«Когда Дэнси выдохся и прекратил свои беспочвенные обвинения, с напускным равнодушием я спросил его, почему он ведет речь об американском Управлении стратегических служб. Даже наши отделы, рассылавшие эти документы, не говоря о других министерствах, не знали, что в этом деле завязано УСС. Все потребители считают, что эти материалы наши и хотели, чтобы мы их направляли им и впредь. Дивиденды от этого получила только СИС. Когда я замолчал, Дэнси уставился на меня и после длительного молчания промолвил: «Ты не такой дурак, как я думал».

В этом эпизоде Филби проявил себя с наилучшей стороны как мастер интриги. Всячески поддерживая репутацию человека, не вмешивающегося в различные внутренние тяжбы, он добился

того, что сотрудники родственных служб стали относиться к нему с еще большим уважением. Он убедил Дэнси одобрить свои действия, которые содействовали росту трений между Каугиллом и его коллегами. Вскоре Филби использовал это с большой выгодой для себя.

Со временем разведывательные усилия Германии против Великобритании утрачивали свою интенсивность. Соответственно уменьшилась нагрузка и на британскую контрразведку. К 1944 году пятый отдел СИС уже больше не занимался военными проблемами. Ему было поручено решение вопросов контршпионажа в таких не представлявших важности районах, как Южная Америка и Саудовская Аравия. Это падение престижа пятого отдела свидетельствовало об изменении первоочередных задач британской разведки в послевоенный период.

До 1944 года в Великобритании коммунистов допускали к секретным работам. Джеймс Клугман, вступивший в коммунистическую партию в 1931 году в Кембридже вместе с Дональдом Маклином и остававшийся коммунистом до своей смерти в 1977 году, не скрывал своих коммунистических убеждений и это не мешало ему работать в подразделении Управления специальных операций Великобритании в Каире. В начале 1944 года Черчилль отдал строгий приказ — очистить британские секретные службы от всех коммунистов. По словам Черчилля, ему пришлось это сделать после того, как «на длительные тюремные сроки были осуждены два высокопоставленных чиновника за передачу Советскому Союзу важной военной секретной информации». Вероятно, Черчилль имел в виду Дугласа Фрэнка Спрингхолла и капитана Орманда Лейтона Урена. Организатор британской коммунистической партии Спрингхолл в июле 1943 года был приговорен к семи годам тюремного заключения за получение от клерка министерства авиации секретной информации о реактивном двигателе. Суд проходил в закрытом порядке. Капитан Управления специальных операций Урен в ноябре 1943 года получил семь лет тюрьмы за передачу Спрингхоллу описания штаб-квартиры У СО.

Руководство СИС учло создавшееся положение и решило вернуться к идее создания самостоятельного контрразведывательного отдела, который занимался бы работой против коммунистических стран и организаций. В 1939 году Каугилл был взят на работу в СИС для руководства именно таким отделом, но война с Германией заставила его заниматься другими делами. Был разработан план заполнения образовавшегося вакуума. Для руководства новым отделом,

которому был дан номер девять, был привлечен бывший сотрудник МИ-5 Джон Карри (пока не освободится Каугилл).

Когда Филби проинформировал своего советского коллегу о девятом отделе, ему было рекомендовано предпринять все меры, чтобы стать его начальником. По этому поводу Филби рассказал мне в Москве следующее:

«Прежде всего я проанализировал ситуацию. Карри делами почти не занимался. В основном он просматривал архивные дела на предмет возобновления каких-то наших довоенных операций и получения новых идей. Конечно, это было довольно непродуктивное занятие. Через год, примерно к концу 1944 года, начальник разведки принял решение о расширении девятого отдела: выделить ему больше средств, набрать новых людей. По справедливости этим делом должен был бы заниматься Каугилл, но я сделал все возможное, чтобы получить пост начальника этого отдела».

Филби приступил к осуществлению полученного от Москвы задания, имеющего две цели: во-первых, освободиться от Каугилла, который конечно заслуживал пост начальника девятого отдела, и, во-вторых, сделать так, чтобы это место предложили ему, что и было использованием служебного положения в личных целях, которое так раздражало Грэма Грина. Прежде всего он воспользовался плохим отношением полковника Вивьена к Каугиллу и предложил Вивьену организовать встречу между одним из руководящих сотрудников МИ-5 и Кристофером Арнольдом-Форстером, который занимался кадрами СИС и к мнению которого прислушивался генерал Мензис. Идея состояла в том, чтобы довести до Арнольда-Форстера, что Каугилл находится на ножах с МИ-5. Вивьен организовал такую встречу, во время которой он, очевидно, довел до Арнольда-Форстера идею, что, если с назначением Каугилла начальником девятого отдела возникнут трудности, тогда наиболее приемлемым кандидатом был бы Филби. Это предположение проистекало из того, что вскоре после этого Арнольд-Форстер пригласил Филби к себе и они подробно обсуждали вопрос о деятельности СИС в мирное время после окончания войны. Затем произошло следующее. Пока Филби искал возможности склонить на свою сторону МИД, Каугилл подготовил для Мензиса проект письма в адрес директора ФБР США Эдгара Гувера, в котором высказывалась жалоба по какому-то вопросу. Враждебный тон письма вызвал недовольство советника Министерства иностранных дел при СИС Патрика Рейли, который посоветовал Вивьену переписать письмо. Вивьен в свою очередь попросил сделать это Филби. Он рассказал Рейли о своей озабоченности в отношении Каугилла и о доверии

к Филби. Очевидно, Вивьен поинтересовался мнением о Каугилле у руководства правительственной школы кодов и шифров и, узнав о неоднократных стычках, уверился в том, что криптоаналитики не будут возражать против ухода Каугилла.

Вот как об этом говорит сам Филби:

«Эта история закончилась в один из дней, когда меня вызвал Вивьен и предложил прочитать объяснительную записку на имя шефа. Записка была невероятно длинной и приукрашена цитатами из «Гамлета». В ней излагалась печальная история ссор Каугилла и доказывалась необходимость радикальных перемен, прежде чем мы перейдем к работе в условиях мирного времени. Мое имя называлось в качестве преемника Каррц. Кандидатура Каугилла на этот пост категорически отвергалась. В лестных выражениях объяснялось мое соответствие этой должности. Как ни странно, но, перечисляя мои достоинства, упустили самое важное качество, нужное для данной работы: это то, что я кое-что знал о коммунизме».

Из книги Филби «Моя тайная война»

У Филби была еще одна, последняя карта. Когда его вызвал к себе Мензис, чтобы предложить пост начальника девятого отдела, Филби подал шефу мысль о том, чтобы до официального объявления о его назначении на эту должность получить официальное одобрение МИ-5. Мензис сразу же увидел бюрократические преимущества этого шага, написал письмо начальнику МИ-5 сэру Дэвиду Петри и получил благожелательный ответ. Таким образом, Филби обеспечил для себя такое положение, при котором, если бы у МИ-5 появились в отношении его как начальника отдела какие-либо подозрения, они были бы скованы в своих действиях, поскольку сами одобрили его кандидатуру.

Отставка Каугилла, последовавшая сразу после того, как он узнал о назначении Филби, знаменовала триумф последнего. Как впоследствии писал один из коллег Кима: «Одним ударом Филби освободил себя от возможности быть разоблаченным в верности идеям коммунизма и обеспечил осведомленность Кремля о всех послевоенных усилиях Великобритании по борьбе со шпионажем стран социализма. Это одна из очень немногих мастерских комбинаций в мире шпионажа».

Какие задачи были поставлены перед новым отделом, во главе которого должен был встать Филби? Тот факт, что отдел был создан сразу после решения Черчилля очистить секретные организации от коммунистов, а его начальник Карри принадлежал к МИ-5 свидетельствовали о планах придать этому

подразделению контрразведывательные функции и поручить ему защиту Великобритании от проникновения агентов из социалистических стран. Но отдел должен был проводить и наступательные разведывательные операции — проникать в страны с коммунистическими режимами и осуществлять там шпионские акции. Ирония состояла в том, что во главе девятого отдела был поставлен Ким Филби, работавший на советскую разведку. По роду службы он оказался в состоянии не только защищать действовавших в Великобритании советских агентов, в том числе и себя, но и информировать Москву о всех британских операциях против Советского Союза.

Возникает мысль о том, что, очевидно, Филби много сделал для изменения характера деятельности девятого отдела. Прежде всего он убедил своего босса Мензиса составить проект нового положения, определяющего функции девятого отдела. Согласно подписанной Мензисом директиве, Филби стал отвечать «за сбор и анализ информации о шпионских и подрывных действиях Советского Союза и других стран с коммунистическими режимами во всех регионах мира, не входящих в состав Британской империи». Формулировка была настолько неопределенной, что давала Филби полную свободу действий. Например, он мог доказывать, что наилучшим путем получения информации о планах советской разведки является внедрение в нее своей агентуры. Но эго разведывательная, а не контрразведывательная операция.

Есть и подтверждения планов Филби. Поскольку размеры и сфера деятельности девятого отдела потребовали выделения финансовых средств и прикрытий в британских посольствах, Филби должен был ознакомить со своими планами руководство министерства иностранных дел. В феврале 1945 года он представил свои идеи на рассмотрение личного помощника Мензиса по линии МИД, которым с 1942 года являлся Роберт Сесил. Сесил вспоминает:

«Я был шокирован как масштабами операций, так и их целями. Предлагалось значительное число дипломатических должностей в ряде британских посольств заполнить сотрудниками СИС, подчиняющимися непосредственно Филби. *Я* возвратил Филби документ с рекомендацией уменьшить свои запросы. Кроме того, я добавил: «Не думаю, что ваши идеи совпадают с точкой зрения министерства иностранных дел на послевоенную Европу и на нашу роль в ее устройстве». Через несколько часов Филби пришел ко мне. Он не отказался от своих требований и настаивал, чтобы документ был доложен руководству МИД.

Оглядываясь назад, легко понять, почему Филби выдвигал столь высокие требования и почему он хотел создать свою собственную «империю» в рамках СИС. Кроме преследования своих тайных целей, ясно, что он лучше меня предвидел начало «холодной войны», которая вызовет необходимость ведения более пристального и агрессивного наблюдения за противоположной стороной и более широкое использование дипломатических прикрытий».

Но есть и другие причины, лежащие в основе намерений Филби превратить девятый отдел из чисто контрразведывательного подразделения в аппарат ведения агрессивной внешней разведки. Как указывает Сесил, Филби предвидел начало «холодной войны» и знал, что в этом случае Запад приступит к осуществлению разведывательных и подрывных акций против Советского Союза. Поэтому он должен «заявить» о своих правах на осуществление контроля над такими операциями, с тем чтобы иметь возможность сводить до минимума их эффективность или, по крайней мере, своевременно информировать о них Москву.

Кроме того, если его отделу будет поручен сбор разведывательной информации на территории Советского Союза, тогда советская разведка получит возможность доводить до СИС свои дезинформационные сведения. Короче говоря, советская сторона сможет в этом случае влиять на формирование у СИС представления о Советском Союзе, его целях и таким образом воздействовать на внешнюю политику Великобритании.

Неудивительно, что советский оперативный руководитель так настоятельно советовал Филби бороться за пост начальника девятого отдела и с таким удовольствием воспринял известие, что Ким его получил. Также неудивительно, что сам Филби так настойчиво добивался, чтобы Сесил не вмешивался в его планы относительно расширения размеров и функций нового отдела. Понятна быстрота, с какой Филби добился этого: в течение полутора лет он превратил отдел, состоявший из одного человека и ютившийся в скромном помещении, в один из основных подразделений СИС, занимавший целый этаж и насчитывавший более тридцати человек.

Зимой 1945–1946 годов Филби посетил Францию, Грецию, Германию, Швецию, Италию, где проинформировал резидентов СИС о планах работы девятого отдела и задачах в этой связи резидентур. Главная цель состояла в том, чтобы вербовать агентов в освобожденных от нацизма странах для восстановления и расширения британской довоенной агентурной сети. Шпионаж есть шпионаж, и сотрудники СИС не удивились, обнаружив, что

некоторые из их агентов, арестованных немцами в 1939–1940 годах, были перевербованы для работы против Советского Союза. Проявляя типичный прагматизм, СИС вновь привлекла к работе тех из них, кто доказал, что приобретенный ими опыт работы против Советского Союза пригодится англичанам. Ряд офицеров немецкой разведки и служб безопасности были привлечены к сотрудничеству, поскольку предполагалось, что остались целыми руководимые ими организации в странах за «железным занавесом». Если они находились в розыске за военные преступления, тем лучше, хватка СИС в этих случаях будет мертвой.

Конечно, эти агенты больших результатов не принесли. Заброшенные в восточноевропейские страны, они бесследно исчезли. Сейчас можно лишь строить различные догадки об их судьбе. К большому удивлению, один из них дал интервью в июне 1988 года. Его имя Феликс Румниекс. В мае 1945 года Румниекс был завербован девятым отделом для участия в операциях по проникновению на территорию Советского Союза. Работавший на немецкую разведку в военное время в качестве агента в Швеции, он был передан на связь СИС антисоветской латвийской подпольной организацией. Румниекс получил инструктаж в британском посольстве в Стокгольме и на финальной стадии встретился с самим Филби. Он вспоминает:

«Филби был худощав, красив. Пользовался высокой репутацией. Он дал мне задание организовать подпольную сеть в Латвии, подобрать конспиративные адреса для приема других агентов. Эта агентурная сеть должна была также собирать информацию о состоянии латвийской экономики и подразделениях Советской Армии. В случае войны организовать движение Сопротивления и осуществлять акты саботажа и диверсий. Нас снабдили деньгами и оружием. Раз в месяц я должен был связываться с Филби, используя для этого адрес в Стокгольме и шифр, который, если я не ошибаюсь, назывался «Сайлендж». Я выучил его там, в британском посольстве в Стогкольме. Это заняло у меня всего один день. Конечно, завербовали не одного меня. Я знаю, что были и другие. Я их встречал позднее.

В качестве беженца из Финляндии я затем возвратился в Латвию и сразу же приступил к созданию агентурной сети. В конечном счете я привлек десять человек, в основном мужчин. В течение некоторого времени моя агентурная сеть действовала успешно, но примерно через два года всех нас арестовали. Меня судили как изменника и дали двадцать пять лет строгого режима. Я отбыл пятнадцать лет, сначала в Риге, затем в Сибири на

угольных шахтах. Во времена Брежнева был издан специальный указ, и меня освободили на десять лет раньше срока. Только позднее я узнал, что Филби работал на советскую разведку. Мне представляется, что именно он сообщил о нас русским. Мое несчастье в том, что в свое время я встал не на ту сторону. Сейчас у меня нет антисоветских настроений».

Румниексу повезло — его не расстреляли, как многих других, которые были завербованы Филби. (Мы еще столкнемся с судьбой подобных людей.) Филби проводил и другие антисоветские операции, и это позволяет судить о его отношении к этой стороне своей деятельности. При встречах с Филби в Москве я еще не знал о масштабах его участия в латвийской операции, поэтому я задавал ему вопросы об агентах, которых он засылал в Албанию несколькими годами позже. Но его ответы применимы и к латвийским делам.

«Засылавшиеся нами в Албанию агенты — это вооруженные люди, нацеленные на проведение актов саботажа, террор и убийства. Они, как и я, были готовы пролить кровь во имя достижения своих политических идеалов. Они знали, на какой риск идут. Я действовал во имя интересов Советского Союза и поэтому этих людей необходимо было нейтрализовать. То, что я в какой-то мере содействовал их поражению, даже если это окончилось для них смертельным исходом, не вызывает у меня каких-либо сожалений. Не забудьте, что я также причастен к фатальной судьбе значительного числа немцев, внеся этим свой скромный вклад в благоприятный для нас исход второй мировой войны».

Мы поспорили с ним по существу этого высказывания. Мой аргумент: трудно представить такую глубокую преданность политическому делу, чтобы быть готовым во имя этого проливать кровь людей. На что Филби ответил: «Я постараюсь объяснить различие в наших точках зрения. Я всегда действовал на двух уровнях: личном и политическом. Когда двое вступают в конфликт, я всегда отдаю предпочтение политическим соображениям. Вопреки существующему на этот счет мнению, я всегда испытываю сожаление по поводу такой необходимости. Примерно такие же чувства, очевидно, испытывает честный солдат в связи с необходимостью убивать на войне своих врагов».

В последние дни второй мировой войны обозначились контуры будущего противостояния разведок. Москва знала, что один из ее лучших сотрудников, внедренных в спецслужбу противника, очевидно, сохранит там свои позиции. Фактически уже имелись симптомы, что после войны Филби не только попросят остаться в кадрах СИС, но, учитывая его успехи и

возраст (только 33 года), у него откроются прекрасные шансы вырасти по службе. Но неожиданно возникла опасность в лице двух перебежчиков, которые могли поставить под угрозу все достижения Филби.

ГЛАВА X. РАССТРОЙСТВО ПОДЛОГО ЗАМЫСЛА

В 1967 году в ходе расследования, проводившегося газетой «Санди таймс» по делу Кима Филби, мы столкнулись с обрывочной и непонятной информацией, что якобы был русский перебежчик, перешедший на сторону Запада в конце войны, который дал первые сведения о возможной работе Филби на советскую разведку. Ряд сотрудников СИС и МИ-5, с которыми мы беседовали в то время, высказывали соображения следующего порядка: «Конечно, именно этот предатель в 1945 году навел нас на след Филби. Чтобы выяснить все подробности, вам нужно получить доступ к архивам». При проявленной нами настойчивости в отношении деталей, они, как правило, замолкали. «Оставим этот вопрос, старина. Иначе вступит в действие закон об официальных секретах».

Сначала мы думали, что сотрудники британских спецслужб имели в виду предательство в сентябре 1945 года Игоря Гузенко, двадцатипятилетнего шифровальщика, работавшего в 1943–1945 годах в советском посольстве в Оттаве. Гузенко обратился к канадским властям с просьбой предоставить ему политическое убежище. Не имевшие опыта в подобных делах канадцы сначала хотели возвратить его русским, чтобы избежать политических осложнений. И только вмешательство сэра Уильяма Стефенсона, гражданина Канады, во время войны занимавшего пост главы британской миссии по вопросам координации обеспечения безопасности (г. Нью-Йорк), спасло жизнь Гузенко. (Стефенсон убедил руководителей Королевской канадской конной полиции — РСМП, занимавшейся вопросами разведки и контрразведки — укрыть Гузенко на территории специальной военной школы на северном берегу озера Онтарио.)

Допрашивали Гузенко сначала сотрудники РСМП, затем офицер СИС Петер Двайер и, наконец, сэр Роджер Холлис, начальник отдела британской контрразведки МИ-5, занимавшейся разработкой политических партий, и, в частности, Коммунистической партии Великобритании. Ценность Гузенко заключалась в том, что он располагал данными, позволявшими раскрыть личность советских агентов, работавших на Западе. Часть этих данных он получил во время работы в Оттаве, другие — в Москве [17].

По данным Гузенко, канадские власти арестовали и в 1946 году осудили доктора Алана Мея, британского ученого,

работавшего во время войны над созданием атомной бомбы в научном комплексе на Чак-ривер, Онтарио. Мей якобы снабжал русских информацией о своей работе. Гузенко передал так много сведений, что канадское правительство учредило королевскую комиссию по вопросам шпионажа, арестовало восемнадцать человек, девять из которых были осуждены. В их числе Кэтлин Уиллшер, которая работала в бюро по учету документов посольства Великобритании в Канаде. Она была арестована 15 февраля 1946 года, признала себя виновной в передаче русским секретной информации, но, поскольку сведения большой ценности не представляли, Уиллшер была осуждена только на три года тюрьмы.

Гузенко знал, что она работала в «администрации» и ее псевдоним «Элли», что и помогло РСМП выйти на Уиллшер. Позднее Гузенко заявил, что у русских есть еще один агент, также имеющий псевдоним «Элли». В отличие от Уиллшер этот второй «Элли» занимал очень важный пост. По словам Гузенко, о втором «Элли» он узнал в 1942 году во время ночного дежурства в главном шифровальном бюро советской военной разведки. (Его коллега по работе дал ему почитать телеграмму от источника советской разведки в Великобритании.) В беседах со следователями Гузенко вспомнил некоторые дополнительные сведения о втором «Элли»: несмотря на женский псевдоним, это мужчина, который занимал настолько важное положение, что связь с ним поддерживалась только через тайники и, наконец, у него «есть что-то русское». (Последнее, объяснил Гузенко, могло, например, означать, что он посетил Советский Союз, имел жену с русскими родственниками или его работа как-то связана с Россией.) Гузенко также рассказал, что, по словам его коллеги, информация второго «Элли» настолько важна, что, когда поступали от него телеграммы, в шифровальное бюро сразу приходила женщина, чтобы расшифровать материалы и при необходимости сразу доложить о них Сталину.

Если верить Гузенко, у Москвы в самом центре западной разведки, которую олицетворяла СИС (ЦРУ было создано только в 1947 году), в Лондоне был свой агент. Начались интенсивные поиски этого второго «Элли». Трудность состояла в том, что Гузенко постоянно менял свои показания. Очень важно было установить место работы «Элли». Сначала Гузенко утверждал, что «Элли» работает в «пятом подразделении МИ», что могло означать или МИ-5 (контрразведку), или пятый отдел МИ-6 (разведки), то есть отдел Филби. Позднее Гузенко с большей уверенностью говорил, что «Элли» работает в МИ-5. С течением времени его уверенность уменьшилась, и в конце концов он

согласился с возможностью нахождения агента в контрразведывательном подразделении СИС.

Были и другие сведения, которые косвенно могли бы содействовать установлению личности «Элли». В 1944–1945 годах ФБР зафиксировало радиосообщение советского консульства в Нью-Йорке. После войны американские криптоаналитики попытались расшифровать подобные радиосообщения, и уже в 1948 году были получены первые результаты. В одном из них, направленном в адрес посольства СССР в Лондоне, говорилось, что сразу по возвращении «Стенли» в Лондон необходимо предупредить его о предательстве Гузенко. По мнению МИ-5, смысл этого сообщения состоит в том, что высокопоставленному источнику советской разведки грозит опасность со стороны Гузенко и его об этом в тот момент нельзя было предупредить, поскольку он находился вне связи за пределами Великобритании. Но являлся ли «Стенли» также «Элли»? А если это два разных русских агента, внедренных в разведку Великобритании, то почему Москва хотела предупредить только одного из них — «Стенли»?

С течением времени возможности дойти до истины уменьшились. Когда в 1951 году Маклин бежал на Восток, показав, что он уже давно работает на Советский Союз, стало ясно, что он не мог быть ни «Элли», ни «Стенли». В это время Маклин находился в Вашингтоне и поддерживал постоянный контакт с представителями советской разведки. Выпадает из этой категории и Берджесс, поскольку в это время он был в Лондоне. Возможно, это был Блант, находившийся в указанное время за границей. Дело не закрыто и сегодня, в конце 80-х годов, и в западных разведывательных кругах придерживаются на этот счет двух точек зрения.

Первая версия, выдвинутая Питером Райтом, проживающим в Австралии бывшим сотрудником МИ-5, исходит из того, что «Элли» — это покойный сэр Роджер Холлис, генеральный директор МИ-5 с 1956 по 1965 год. Райт считает, что Холлис был советским агентом, внедренным в британские спецслужбы, причем его служебное положение было даже выше, чем у Филби. Хотя проводивший расследование по этому вопросу Объединенный комитет СИС — МИ-5 не нашел против Холлиса какие-либо убедительные улики и хотя пересматривавший результаты этого расследования секретарь кабинета министров Великобритании лорд Тренд не обнаружил доказательств в подтверждение этой точки зрения, тем не менее она существует.

Согласно второй точке зрения, поддерживаемой по крайней мере тремя бывшими руководителями спецслужб, Холлис не

может быть «Элли». По их мнению, почти несомненно, что «Стенли» — это Филби, который, возможно, был также и «Элли». В указанное время Филби находился за границей в командировке в Стамбуле, работал в «пятом подразделении МИ» и, несомненно, считался самым ценным советским источником в британских спецслужбах. Хотя в его «биографии нет ничего русского», но у Гузенко не было точного представления, что это означает. В конце своей жизни (он умер в 1982 году) Гузенко заявил, что, по его мнению, Роджер Холлис это и есть «Элли». Однако незадолго до своей смерти в одном из своих последних интервью он утверждал, что «Элли» является Чарльз Эллис, сотрудник СИС австралийского происхождения, у которого была русская жена.

В надежде, что Филби положит конец подобным рассуждениям и восстановит доброе имя Холлиса, в числе первых я поставил этот вопрос перед Филби во время наших бесед в Москве. Для начала вопрос звучал в общем плане: «Можете ли вы что-либо сказать о деле Холлиса?» На что Филби ответил: «Честно говоря, не могу. Я действительно знал его, но не близко. Мысль о том, что он был советским агентом, внедренным в британские спецслужбы, кажется мне далекой от реальности. Я считал его настоящим, но немного чопорным и нудным англичанином».

Я верю Филби по той причине, что было бы в интересах КГБ поддержать мысль о том, что Холлис действительно был советским агентом. Это усилило бы неуверенность в британских спецслужбах, дискредитировало бы их в глазах общественности страны, сеяло бы разногласия между разведками США и Великобритании и укрепляло бы репутацию русских как первоклассных мастеров шпионского дела. С другой стороны, даже намек Филби на то, что Холлис был советским агентом, вызывал бы подозрения, поэтому данный им ответ был единственно правильным. Даже если ответ Филби был искренен, он ни на йоту не продвинул нас вперед, поэтому я начал оказывать на него давление, заявив: «Вы должны знать о деле Гузенко и «Элли». Филби ответил: «Конечно. Первую информацию об этом я получил от Стефенсона. Шеф вызвал меня к себе и поинтересовался моим мнением. Я ответил, что побег Гузенко представляет для нас большую важность и именно так мы относились к этому делу. Для КГБ это была катастрофа, но я ничем не мог помочь. РСМП настолько надежно упрятала Гузенко, что русские ничего не смогли с ним сделать. Гузенко выдал обширную канадскую сеть русских. Телеграммы, которые он прихватил с собой, оказали большую помощь западным криптоаналитикам».

Тут Филби сделал паузу и ухмыльнулся. Затем он продолжал:

«Позднее я с некоторым удовольствием узнал, что из-за Гузенко РСМП почти обанкротилась, когда он познал радости от использования капиталистической системы заказов по почте. По каталогам он заказывал массу всевозможных товаров длительного пользования, независимо от того, нужны были они ему или нет, и посылал чеки на оплату в канадскую контрразведку. Подвальное помещение его дома было, очевидно, забито коробками с нераспакованными телевизорами и другими товарами».

«А «Элли»?» — спросил я.

«Установлением личности «Элли» долгое время занимались многие люди в британских спецслужбах. Я помню, как однажды мы с Блантом были в кабинете у Холлиса. Мы с Холлисом о чем-то беседовали, а Блант листал какой-то журнал. В разговоре образовалась пауза, и внезапно без предупреждения Холлис повернулся к Бланту и позвал: «Послушай, «Элли»!» Но Блант даже бровью не повел. Он продолжал перелистывать журнал как будто ничего не случилось. А Холлис со своей стороны спокойно продолжал беседу со мной».

Я подумал, не означает ли рассказанная Филби история, что Блант является «Элли» и что Филби хотел показать его самообладание в трудный момент. Но дальнейший рассказ Филби опроверг мое предположение. «Личность «Элли» с достаточной правдоподобностью, очевидно, никогда не будет установлена. Насколько я знаю, я не «Элли». Сотрудник или агент разведки не обязательно знает свой псевдоним». И Филби перешел к беседе на другие темы.

Наиболее логичным объяснением возникновения этого второго мистического «Элли», возможно, является изобретательность самого Гузенко. Понимая, что первый «Элли» является довольно незначительной фигурой, и желая оказать воздействие на западные службы безопасности, Гузенко выдумал второго «Элли», сочинив историю о телеграмме, чтобы придать достоверность своему рассказу. Примечательно, что Гузенко не воспользовался первой возможностью и не сказал опрашивавшим его сотрудникам: «Как бы странно это ни показалось, Советы имеют на Западе двух агентов с одним и тем же псевдонимом «Элли». Один находится здесь, в Канаде, другой — в Великобритании». Вместо этого, в показаниях Гузенко перед королевской комиссией, как бы невзначай, появился второй агент под псевдонимом «Элли».

«Вопрос к Гузенко: Как вы считаете, использовался ли псевдоним «Элли» каким-либо другим лицом, кроме мисс Уиллшер?

Ответ: Да, есть еще один агент под тем же псевдонимом. Он

находится в Великобритании.

Вопрос: Вам известно, кто он?

Ответ: Нет, неизвестно».

* * *

Сотрудники газеты «Санди таймс» быстро уяснили, что ссылки на перебежчика, показания которого могли представить опасность для Филби, не имеют никакого отношения к Гузенко. Тогда кто же это? Несмотря на все наши усилия, мы не продвинулись сколь-либо вперед в выяснении этой части биографии Филби. Тогда сработал старый принцип журналистики — публикация дает импульс информации. Через неделю после публикации статьи, во вторник, на столе редактора появилось письмо, пришедшее из самого центра Великобритании. В нем говорилось:

«Я хотел бы знать, будет ли в очередном номере вашей газеты упомянуто об инциденте, случившемся в августе 1945 года в Стамбуле, в который были вовлечены я и Филби. Если об этом случае будет напечатано, я буду упомянут по фамилии, я был бы благодарен, если бы до публикации статьи корреспондент взял у меня интервью. Этот инцидент убедил меня в том, что Филби или является советским агентом, или совершенно некомпетентным специалистом. Во всяком случае, в то время я предпринял казавшиеся мне необходимыми шаги».

Письмо подписал Джон Рид, шериф из Шропшира. Мы пришли к мнению, что упомянутый Ридом инцидент, очевидно, связан с перебежчиком. У нас появилась надежда, что шериф поможет разрешить нам возникшую в связи с Филби загадку. На следующий день я отправился в путь, нашел просторный дом Рида на большом участке лесистой местности, и после вкусного обеда мы с хозяином удалились в его кабинет для беседы. Рид заявил, что он бывший дипломат и министерство иностранных дел может не одобрить его беседы со мной. Однако он хотел бы обо всем рассказать нам, если на какое-то время он не будет упомянут по фамилии. Поскольку Рид обладал прекрасной памятью, его рассказ захватывал воображение:

«В 1945 году я работал в нашем посольстве в Турции в качестве первого секретаря. В те времена мы на лето обычно выезжали из Анкары в Стамбул и размещались в старом консульском здании. Место просто замечательное. Однажды утром в приемную вошел русский и попросил встретиться с исполняющим обязанности генерального консула Чантри

Пейджем. Русский очень нервничал. Это был Константин Волков, исполнявший в советском посольстве такие же обязанности, что и Пейдж в английском. Поскольку я сдал экзамены по русскому языку, меня попросили быть переводчиком.

Оказалось, что в действительности Волков является сотрудником НКВД и принял решение бежать на Запад. Он заявил, что хотел бы получить паспорта для себя и жены для выезда на Кипр и 27 500 фунтов стерлингов (эта странная сумма, возможно, появилась при переводе круглой суммы советской валюты в фунты стерлингов). Взамен он предлагал сообщить фамилии трех советских агентов, действующих в Великобритании. По его словам, два из них работают в министерстве иностранных дел, а третий стоит во главе контрразведывательной организации в Лондоне. Кроме того, у него есть и другие материалы: адреса зданий НКВД в Москве, данные о системах их охраны, слепки с ключей, графики смен дежурных охранников, список советских агентов в Турции. Он, очевидно, заранее готовился к этому шагу».

Рид решил, что о приходе Волкова следует поставить в известность посла Великобритании в Турции сэра Мориса Петерсона, и поэтому он попросил Волкова подождать. Петерсон пришел в ужас от этого известия. Он уже давно пытался остановить «вторжение» сотрудников СИС под прикрытие в его посольство и считал, что приход Волкова — это нежелательный для него шаг. «Я не допущу, чтобы мое посольство превратилось в гнездо шпионов, — заявил Петерсон. — Если вы хотите заниматься подобными делами, выбирайте для этого Лондон». Такое решение посла отключало от дела Волкова резидента СИС Сирила Макрея, что привело к непоправимым последствиям.

Возвратившись, Рид сказал Волкову о том, что о его просьбе придется проинформировать Лондон и что до принятия решения пройдет некоторое время. «Пусть будет так, если нет другого пути», — ответил Волков **И ПО**ставил три условия: отчет о беседе с ним Рид должен написать от руки и не отдавать печатать на машинку, так как в британском посольстве есть русский агент, связь с Лондоном по его вопросу вести по дипломатической почте, а не телеграфом (русские читают некоторые британские шифры), ответа он будет ждать не больше 21 дня. Обговорив все детали восстановления с ним контакта, Волков покинул посольство.

Рид написал подробный отчет и, согласно просьбе Волкова, посольство направило его дипломатической почтой (медленно, но верно). Окончание этой истории Рид рассказал мне так, как он ее видел из Стамбула. И только когда в 1968 году вышла книга

Филби «Моя тайная война», я узнал об этом событии в изложении Филби. Все началось через 10 дней в Лондоне, когда доклад Рида лег на рабочий стол Филби.

После первого шока и страха, охватившего Филби по прочтении отчета Рида, он смог оценить всю иронию создавшегося положения: по словам Волкова, два советских агента находятся в министерстве иностранных дел Великобритании, а еще один возглавляет контрразведывательное подразделение в Лондоне. Филби сразу же понял, что речь идет о нем. (Хотя Питер Райт и сторонники его версии считают, что Волков имел в виду Холлиса.) Таким образом, Филби предстояло расследовать дело, в котором главным фигурантом выступал он сам, что естественно давало ему большие преимущества. Однако скоро он понял, что будет небезопасным принятие им любого решения.

«Я сразу отверг идею советовать проявление осторожности в деле Волкова под предлогом возможной провокации. В тот момент это никакой пользы мне не принесло бы, а с точки зрения длительной перспективы могло явиться компрометирующим меня фактом. Единственно правильный путь — действовать смело, — писал Филби. — Я доложил Мензису, что, по моему мнению, речь идет о деле чрезвычайной важности. Мне потребуется какое-то время, чтобы разобраться в его существе, и, исходя из информации, которая, возможно, будет получена, выработать соответствующие рекомендации».

Конечно, Филби старался выгадать время. Он знал, что как только он даст резидентуре свои рекомендации — что еще он мог порекомендовать, кроме принятия предложения Волкова и срочного вывоза его из Турции в Великобританию, — в дело сразу же вступит резидентура СИС в Стамбуле. У Филби не будет возможности осуществлять за ее действиями постоянный контроль. Но ему необходимо время, чтобы поставить в известность своего советского оперативного руководителя, а тому информировать Москву, а Москве принять меры в отношении Волкова. Поэтому Филби должен был дело вести сам, даже если для этого потребуется выехать в Стамбул. Прежде всего нужно было предупредить об опасности Москву. Как довольно хладнокровно отметил сам Филби: «В тот вечер я работал допоздна. Обстановка требовала срочных действий чрезвычайного порядка».

На следующий день Филби доложил Мензису, что, по его мнению, нужно направить кого-то в Стамбул для организации всей работы по делу Волкова, соответствующим образом проинструктировав его. Филби ожидал, что Мензис ответит:

«Согласен. Думаю, что лучше, если вы займетесь этим сами». Но вместо этого Мензис сказал, что у него есть на примете такой человек. Он встречался с ним накануне вечером в клубе. Это бригадный генерал Дуглас Робертс из службы безопасности по ведению разведывательной работы в странах Среднего Востока. Робертс отгуливает последние дни своего отпуска. Он отлично подходит для выполнения этого задания: бегло говорит по-русски, ранее работал в Турции. И вообще, у него «грозная репутация».

Одной из причин успехов Филби, на мой взгляд, было простое везение. Мензис получил отказ, когда попросил Робертса заняться делом Волкова: он (Робертс) не выносит перелетов и может поехать только пароходом. Тогда Филби воспользовался этой возможностью и предложил свою кандидатуру. Мензис согласился. Пока Филби связывался с МИД для выполнения необходимых формальностей, получал у шифровальщиков СИС кодовые таблицы и прослушал инструктаж по их использованию, сдал дела своему заместителю, упаковал вещи, купил билет на самолет до Каира (первая посадка), прошло три дня. Везение продолжалось: из-за шторма над Мальтой самолет направили в Тунис. Филби прибыл в Каир с опозданием и не попал в тот день на самолет до Стамбула. Когда он, наконец, добрался до места назначения, британская привычка не работать по выходным вновь помогла Филби.

В пятницу, по прибытии в Стамбул, Филби сразу же связался с советником-посланником Ноксом Хелмом, большим ревнителем протокола, который заявил, что прежде всего следует проконсультироваться с послом.

В субботу утром Хелм сказал Филби, что на следующий день посол примет его на посольской яхте «Магоук», а до этого времени он свободен. После приятно проведенного уик-энда в понедельник утром Филби подробно проинструктировал Рида, который должен был сопровождать его на встрече с Волковым. Таким образом, только после обеда в понедельник они предприняли первую попытку связаться с Волковым.

К делу привлекли Чантри Пейджа, исполнявшего обязанности генерального консула, который по консульским делам поддерживал контакт с Волковым, поэтому мог, не вызывая подозрений, позвонить ему по телефону и пригласить к себе в офис для обсуждения служебных вопросов. Пейдж созвонился с советским посольством, попросил позвать Волкова и провел короткий разговор. Затем он повернулся к Филби и сказал: «Я попросил Волкова. Подошедший к телефону человек назвался Волковым. Но это не Волков. Я хорошо знаю его голос, поскольку

говорил с ним десятки раз». Пейдж снова набрал номер, но не пробился дальше телефонистки. «Она говорит, что Волков вышел. А минуту назад она соединила меня с ним».

На следующий день Пейдж позвонил в третий раз. Произошел самый короткий разговор. На этот раз телефонистка сказала: «Волков в Москве». Передавая разговор Филби, Пейдж добавил: «На линии слышался какой-то шум и треск, затем все замолкло». Филби попросил Пейджа позвонить в последний раз, на этот раз в советское генеральное консульство. Через час Пейдж возвратился: «Все плохо. Я не могу ничего понять в этом сумасшедшем доме. О Волкове там никто ничего не слышал».

Филби выдвинул версию, что настойчивое желание Волкова использовать для связи с Лондоном дипломатическую почту явилось причиной его провала. Со времени появления Волкова в британском посольстве до неудачных попыток восстановить с ним контакт прошло почти три недели. Обозленный неудачей и чувствуя ответственность за судьбу Волкова, Рид набросился на Филби. Он хотел знать, почему из Лондона никто не смог приехать раньше. Филби отмел вопрос легкомысленным замечанием: «Извини, старина. Это дело вошло в противоречие с отпускными планами «некоторых лиц».

Рид настойчиво стремился узнать у Филби, что случилось в Лондоне, но прямого ответа получить не смог.

Филби пытался сменить тему разговора, вел себя неискренне. «Наконец, я пришел к выводу, — заявил мне Рид, — что Филби или преступно некомпетентный человек, или сам является советским шпионом». Позднее на одном дипломатическом приеме Рид рассказал о своих подозрениях коллеге из посольства США в Анкаре. В то время ЦРУ еще не было создано, УСС сворачивало свои дела, и у американца не оказалось знакомых в спецслужбах США. Поэтому вряд ли рассказ Рида дошел до Вашингтона в такой форме, что мог причинить ущерб карьере Филби. Руководство СИС приняло довод Филби, что причиной провала Волкова было его настойчивое желание использовать для связи с Лондоном дипломатическую почту. И на этот раз везение не оставило Филби.

Через несколько недель советский военный самолет неожиданно приземлился в стамбульском аэропорту. К взлетной дорожке на большой скорости подошла автомашина, из которой на носилках вынесли сильно забинтованного человека и погрузили в самолет, который сразу же взлетел. Представляется, что увозили «несчастного» Волкова. Я написал Филби об этом, но кроме «Волков был негодяем и получил все, что заслужил» ничего от него не услышал. В то же время у меня не осталось сомнений,

что Филби с риском для себя принял меры для нейтрализации Волкова, поскольку был убежден в том, что Волков может его разоблачить и фраза последнего «о начальнике контрразведывательного подразделения в Лондоне» относится именно к нему.

Реальность теории Питера Райта о том, что Волков имел в виду Роджера Холлиса, зависит от перевода на английский язык выражений Волкова, в которых он описывал характер работы советского агента, внедренного в британские спецслужбы. Тут возникает вопрос не только о знании русского языка, но и о жаргоне и выражениях, используемых в советской разведке. Например, означает ли по-русски выражение «исполняет обязанности начальника подразделения» то же, «что человек является начальником отдела?» Означает ли слово «подразделение» часть более крупной организации или какое-то самостоятельное ведомство? Кого Волков имел в виду — Филби или Холлиса — зависит от того, какую точку зрения принять.

Разрешением только этой загадки в течение более двадцати лет занималось большое число сотрудников британской контрразведки МИ-5, однако дело с места не сдвинулось. Стенографической записи беседы с Волковым не существует. Джон Рид делал заметки и в тот же вечер написал отчет, однако, по собственному признанию, он не знаком с идиоматическими выражениями, используемыми в советской разведке, и смог понять не все подробности рассказа Волкова.

А почему бы не рассмотреть еще одну наиболее неприятную версию. Волков был подставной фигурой, и его использовали для реализации мастерски разработанного дезинформационного плана, предназначенного или для защиты внедренных в британские спецслужбы агентов, или, что наиболее вероятно, просто для того, чтобы загрузить МИ-5 бесполезным и бесконечным поиском мистических советских агентов. Если именно это было целью русских, они более чем преуспели.

Но не это заботило Филби. Он был твердо уверен, что Волков «вычислил» его, поэтому был вынужден принять меры к своему спасению.

ГЛАВА XI. ГОТОВЯТ НА ДОЛЖНОСТЬ ШЕФА СИС

Список лиц, награжденных к новому, 1946 году, был довольно длинным — страна выражала свою признательность многим ее гражданам за работу во имя достижения победы в недавно закончившейся войне. Среди них был и Гарольд Адриан Рассел Филби, представленный к ордену Британской империи, третьему по важности и только двумя ступенями ниже награды, возводящей в рыцарское достоинство. Филби добился успеха. Он был не только одним из немногих непрофессионалов, поступивших на работу в разведку в годы войны, которых оставили на работе в СИС. Он был единственным непрофессионалом, награжденным высокой наградой. Это открывало перед ним перспективы дальнейшего продвижения по службе — высшие служебные эшелоны СИС теперь были открыты перед ним.

В Москве Филби рассказал мне интересную историю относительно получения им ордена. *«Я* как раз читал книгу Энтони Кейс Брауна о Мензисе, — начал он. — Он сочинил захватывающий рассказ о моем награждении. Оказывается, я пригласил в тот день в Лондон Джеймса Энглтона, который работал в это время в резидентуре американской разведки в Риме и находился в отпуске, чтобы он вместе со мной отправился в Букингемский дворец. Далее, цитируя Энглтона, Браун пишет, что якобы на пути из Букингемского дворца я неожиданно заявил ему: «Что нашей стране не достает, так это хорошей дозы социализма». После этого Энглтон заявил Аллену Даллесу (с 1953 по 1961 год занимал пост директора ЦРУ), что я высказывался, как коммунист, и что с тех пор у него зародились сомнения относительно моей лояльности.

Это очень интересный рассказ, но в нем есть одна существенная ошибка. Ни один, ни с Энглтоном я не был в Букингемском дворце и не получал там ордена Британской империи. Его мне доставили домой. В то время вручалось так много военных наград, что этот путь представлялся самым разумным. Но в этом рассказе просматривается скрытый намек: хотя Энглтон давно заподозрил меня, но ничего не сделал для внесения ясности. Почему? Потому что он хотел использовать меня в своих собственных дезинформационных планах. Это попытка спасти свою репутацию» [18].

Филби принялся за упорядочение своей личной жизни,

поскольку это соответствовало его пониманию образа ответственного профессионального сотрудника британской разведки. Главная проблема заключалась в том, что официально он был все еще женат на Литци, и хотя Айлин добровольно взяла себе фамилию Филби, считалось, что их трое детей были рождены вне брака. Для молодого сотрудника СИС моральная свобода военного времени не являлась чем-либо предосудительным, однако для профессионального сотрудника разведки, строящего планы продвижения к служебным вершинам, это могло явиться отрицательным фактором. Литци проживала в Восточном Берлине с известным коммунистом Георгом Хонигманом. Филби был уверен, что она согласится дать ему развод, но если он скрытно встретится с Литци для решения этого вопроса, а позднее об этом станет известно британской контрразведке МИ-5, дело приобретет подозрительный характер: почему сотрудник контрразведывательной службы СИС, начальник антисоветского отдела, встречается с членом коммунистической партии, проживающим в одной из стран коммунистического блока. Если он откроет причину своей поездки, его могут спросить, почему он ранее не упоминал, что был женат на коммунистке.

Филби принял смелое решение. Он обратился к Вивьену с просьбой разрешить ему встретиться с Литци, чтобы получить от нее развод, а затем оформить брак с Айлин. На приеме у Вивьена он рассказал о том, как в молодые годы встретился с Литци в Вене, как женился на ней, чтобы спасти ее от фашистской тюрьмы или даже от смерти. Вивьен участливо выслушал рассказ Филби и сразу же дал свое разрешение. Тем не менее он попросил МИ-5 проверить Литци по своим учетам и с удивлением прочитал ответ, что Алиса (Литци) Колман-Фридман-Филби-Хонигманн является установленным советским агентом. Хотя у Вивьена такое сообщение вызвало большие раздумья, никаких мер он не принял. Во-первых, он был начальником Филби и любой шум по поводу его брака отрицательно скажется и на самом Вивьене. Не составило большого труда убедить себя в том, что сообщение МИ-5 мало что добавило к рассказу Филби. Кроме того, этот брак распался еще десять лет назад, до прихода Филби в разведку, поэтому не было смысла привлекать внимание к неблагоразумному поступку, который может помешать карьере такого перспективного и всеми уважаемого сотрудника.

Таким образом, Филби встретился с Литци. Было решено, что она подаст на развод по причине нарушения Филби супружеской верности. 17 сентября 1946 года развод был официально оформлен, и через неделю Филби и Айлин сыграли свадьбу. Ему

было 34, ей 35. Айлин была на седьмом месяце беременности, она ждала четвертого ребенка — Миранду. Свидетелями при регистрации брака были Томми Харрис и Флора Соломон, бывший начальник Айлин и старый друг семьи Филби. Свадьба, шумная, пьяная, была организована в доме Филби на Карлуайл-сквер.

Во время беседы со мной в Москве Филби с удивлением заметил, что, хотя с тех пор прошло столько времени, до сих пор в ходу история о его двоеженстве. (Энтони Кейв Браун пишет: «Заключение Филби брака с мисс Ферс, хотя он был уже женатым человеком, трудно объяснить… Возникает вопрос, почему Филби сделал этот опрометчивый и опасный шаг. Начальник СИС, несомненно, сразу же уволил бы его с работы, если бы ему стало известно, что глава его контрразведывательного подразделения является двоеженцем».) «Неужели кто-либо думает, что я настолько глуп, чтобы жениться на Айлин, предварительно не расторгнув брак с Литци? — спросил меня Филби. — В те времена за двоеженство полагался тюремный срок. Меня бы мгновенно вышвырнули со службы».

* * *

В феврале 1947 года Филби направили на работу в Турцию на должность резидента СИС в Стамбуле под прикрытие первого секретаря генерального консульства Великобритании. Этот шаг вызывался двумя причинами: Турция находилась на переднем крае быстро расширяющейся «холодной войны» и была идеальным местом проведения подрывных операций на южных границах Советского Союза. У Филби, по общему мнению прекрасного сотрудника разведки, не было опыта работы в резидентурах.

В конце войны СИС подверглась перетряске и осуществлявший ее комитет ратовал не за специализацию, а за универсальность. Перед всеми сотрудниками была поставлена задача проводить как разведывательные, так и контрразведывательные операции, как на территории Великобритании, так и за рубежом. У Филби был опыт проведения тех и других мероприятий, но в основном с позиции Лондона. Пришло время устранить этот недостаток, убрать разницу между теми, кто посылает и кого посылают. Эта должность считалась повышением, и Филби с удовольствием принял предложение.

Сначала он поехал без семьи, так как решил найти квартиру,

а главное — заехать в Саудовскую Аравию к отцу. Кроме того, Филби считал, что будет лучше, если ему не придется представлять Айлин своей мачехе Розе аль-Абдул Азид, которая имела от Сент-Джона двоих детей. Казалось, что Сент-Джон вновь вошел в жизнь двора правителей Саудовской Аравии, как будто войны и не было. У него вновь появились оптимистические настроения по поводу деловой активности в стране, особенно в связи с гем, как он выразился, что «потекли нефтяные реки».

Во время наших бесед в Москве Филби активно защищал своего отца, которого обвиняли в том, что он сколотил состояние, участвуя в переговорах между американцами и саудовцами по поводу добычи нефти. «Давайте внесем ясность в этот вопрос, — заявил он. — Мой отец не занимался продажей американцам нефтяных концессий.

Он принимал участие в переговорах по поводу предоставления американской компании «Стэндард Ойл Компани оф Калифорния» (из которой вырос концерн «Арамко») одной концессии на разработку нефти в Саудовской Аравии. Во время переговоров ему платили по сто долларов в месяц, пять тысяч по подписании контракта и пять тысяч долларов за каждое открытое нефтяное месторождение промышленного значения. Итого, менее двенадцати тысяч долларов за одну из самых богатых концессий мира. Кстати, моему отцу удалось убедить короля Сауда разрешить американцам вести разведку на нефть потому, что при этом они могли открыть источники питьевой воды. В те годы саудовцы были в воде заинтересованы больше, чем в нефти.

Представление моего отца в качестве изворотливого бизнесмена, продающего арабам всякую ерунду, далеко от действительности. В период между первой и второй мировыми войнами он был представителем фирмы «Ма-ркони» в Джидде. После его смерти я получил 126 писем — они лежат на моем письменном столе — от людей со всего мира, в том числе от одного из управляющих «Маркони». Не возражаете, если я немного прочту из него:

«Одна из воскресных газет изобразила его (Сент-Джона) в качестве бизнесмена. Если бы он пытался им стать и если бы отбросил свою щепетильность, он несомненно был бы богатым человеком. И я бы, например, от этого только выиграл. Но, слава Богу, он не был бизнесменом».

Поскольку мы разговаривали об отце Филби, я спросил его, как бы он прокомментировал другие обвинения в адрес Сент-Джона. Например, Малькольм Маггеридж утверждал, что секрет мотиваций Филби следует искать в характере его отца. «Филби авантюрист. Ему нравится считать, что он следует по стопам

своего отца. Россия была его Саудовской Аравией, а Сталин его королем Ибн-Саудом». Послушайте Джона Ле Карре: «Мститель (Филби) был обозленным одиночкой, надменным и самонадеянным человеком, который взял свои философские основы из пустынь Саудовской Аравии».

О встрече с отцом Филби написал следующее:

«Он встретил меня в Джидде, и мы совершили короткую поездку в Эр-Риад и Альхарадж. Это было мое первое знакомство со страной, которой отец посвятил большую часть своей жизни. Ни тогда, ни позже у меня не возникло желания следовать его примеру. Бескрайние просторы, чистое ночное небо и прочие прелести хороши лишь в небольших дозах. Провести жизнь в стране с величественной, но совсем не очаровательной природой, среди людей без очарования и величественности, было для меня совершенно неприемлемым. Невежество и высокомерие дают плохое сочетание, а оно в Саудовской Аравии было в избытке. А когда к этому добавляется внешний аскетизм, тогда сочетание невыносимо».

В Стамбуле Филби нашел прекрасную виллу в Бейлер-бее на азиатском берегу Босфора. Из виллы открывался прекрасный вид: вдали виднелись минареты софийской мечети, невдалеке, на берегу Босфора, находились развалины старой крепости. Дом был очень просторным, фруктовый сад спускался до самой воды. Вилла находилась рядом с пристанью, что позволяло Филби курсировать каждый день на пароме между Азией и Европой, где располагалось генеральное консульство. Арендная плата включала право на пользование частным участком, где водились омары.

Вскоре к Филби приехали Айлин и их четверо детей. Они прибыли пароходом. Детям жизнь в Турции очень понравилась — она казалась им сплошным нескончаемым праздником. Они играли в саду, плавали в Босфоре и летом загорали настолько, что, если бы не русые волосы, их бы принимали за турецких детей. Вскоре, судя по всему, Филби вошел в жизнь дипломата в одном из наиболее экзотических и интересных мест, доступных сотруднику его ранга. Нескончаемым был поток приемов, обедов, пикников, морских прогулок. «Я удивлен, почему бы не снять автобус и не развозить одних и тех же людей на одни и те же приемы», — писал он в Лондон своему другу.

Тайная жизнь Филби в Турции была совершенно иной. У этой страны очень протяженная граница с Советским Союзом и с Болгарией. В 1940 году Сталин претендовал на часть восточной Турции. Он также хотел получить право на создание баз в проливах Босфор и Дарданеллы — главных морских путях

советского судоходства. Для защиты своей независимости турки обратились за помощью к западным странам. В соседней Греции бушевала гражданская война, ее исход склонялся в пользу коммунистов. Стамбул — город многонациональный. В нем проживали турки, армяне, грузины, болгары и албанцы, поддерживавшие тесные связи со своими родными местами в странах за «железным занавесом». Таким образом, этот город был раем для шпионов, однако в течение трех лет пребывания в Турции больших успехов Филби не добился, и не потому, что был ленив, неразворотлив или потерял интерес к шпионскому ремеслу. Причиной этого был характер выполнявшейся им в то время работы. Сыграло свою отрицательную роль и то, что место его работы оказалось таким непродуктивным.

Турецкие власти каких-либо проблем не создавали. В отношении сотрудников иностранных разведок, обосновавшихся в Стамбуле, они заняли простую и ясную позицию: поскольку их деятельность приносила валюту Турции, власти позволяли им все, пока это делалось скрытно. По их мнению, Филби вел себя в этом отношении прекрасно. Когда Филби позвонил корреспондент одной из стамбульских газет и попросил у него интервью для статьи, которая будет называться «Шпионы Стамбула», Ким отказал ему.

Турецкие власти отметили, что Филби много времени проводит со студентами из балканских стран, часто посещает приграничные с Советским Союзом районы, особенно в окрестностях озера Ван. Поскольку Филби установил хорошие отношения с начальником стамбульского отделения управления безопасности, имевшего кличку «тетушка Джейн», которому «рассказывал» о своей деятельности, его почти не беспокоили.

Проблема состояла в том, что качество разведывательной информации было слишком низким. Турецкие власти придерживались принципа, что только они могут опрашивать беженцев из коммунистических стран и вести допросы задержанных контрабандистов, деятельность которых на советско-турецкой границе они до поры до времени терпели. Полученную таким образом информацию они передавали сотрудникам западных разведок. Но, по словам Филби, турки не умели ставить нужных вопросов и всегда с доверием относились к полученным в ходе допросов ответам.

Другим источником информации были эмигрантские группы. Но они быстро поняли, что шпионаж может быть доходным делом, поэтому оказывалось, что почти каждый болгарский или румынский эмигрант до отъезда из своей страны «создал там шпионскую сеть», которую за деньги готов предоставить в

распоряжение Филби. «Масса времени уходила на то, чтобы разобраться в таких «доброжелателях». Это было необходимо и для того, чтобы решить вопрос о сумме денег, которую им можно было выплатить, — писал Филби. — Мы редко преуспевали в этом деле, и я уверен, что, несмотря на принимаемые меры предосторожности, многие эмигранты просто дурачили нас».

Когда работы с беженцами из соцстран было мало, Филби подобно большинству сотрудников СИС пытался вербовать агентов из числа британских эмигрантов. По мнению офицеров британской разведки, у находившихся за границей английских бизнесменов были качества, которые делали их более отзывчивыми на предложение о сотрудничестве по сравнению с другими категориями иностранцев. Как-то сэр Дик Уайт, бывший генеральный директор СИС, рассказал своему французскому коллеге о том, что СИС «завалена предложениями от британских бизнесменов за рубежом, желающих немного заняться шпионским делом». Удивленный француз заметил, что, «когда наш бизнесмен находится за границей, к подобным делам он не хочет даже прикасаться».

Однако Филби вскоре обнаружил, что британские бизнесмены, располагавшие возможностями снабжать его полезной информацией, не проявляли к этому никакого интереса. «Они рисковали бы слишком многим: у них были обязанности перед самим собой, своими семьями, даже перед своими держателями акций. Обычно они, как правило, соглашались передавать все, «что попадется под руку», и это обычно были никому не нужные сплетни. У них не хватало патриотизма, чтобы брать на себя риск и систематически заниматься сбором разведывательной информации. Я не мог предложить им того, что по побуждающей силе превосходило бы выгоды, которые они получали, например, от нефтяных компаний или промышленных фирм. Мой интерес ограничивался просьбами штаб-квартиры СИС получать информацию в отношении турецких портов, фактически построенных британскими концернами».

И это негодовал человек, работавший на русскую разведку! Филби возмущен тем, что не смог убедить британских бизнесменов помогать СИС, которую он фактически медленно разрушал. Разве Филби, как профессионального разведчика, не раздражало поведение своих соотечественников-бизнесменов, проявлявших так мало патриотизма и так много коммерческой осторожности. В беседах с Филби в Москве я убедился в том, что это именно так и было. Он уважал твердо высказываемую убежденность, даже если это не совпадало с его взгляда-ми. Конечно, следует иметь в виду его желание добиться успеха на

разведывательном поприще, поскольку это способствовало бы его продвижению по службе. Как указывает Хью Тревер-Роупер: «Филби знал, что к повышению ведет лишь результативная и честная работа».

Поэтому во время пребывания в Турции Филби отдавал всего себя работе на СИС, с тем чтобы укрепить свое положение. Он выступал перед Лондоном с предложением осуществить фотографирование советской пограничной зоны, провести операцию «Спайглас». Вооруженный фотокамерой, «длинной, как трамвай», в сопровождении сотрудника турецкой службы безопасности он начал работу с восточной зоны, где сходятся границы Советского Союза, Ирана и Турции. Двигаясь на запад, через каждые 2–3 мили Филби делал панорамные снимки советской территории. Выполнив половину работы, он перенес оставшуюся часть на следующее лето.

Другой операцией Филби было внедрение западных агентов в Грузию. Он пришел к выводу, что таких людей бесполезно искать среди турок. Ему нужны более смышленые и подготовленные люди. Такая задача была поставлена перед общиной эмигрантов из Грузии. Во Франции было найдено два подходящих кандидата, которых после прохождения подготовки в Лондоне переправили к Филби в Стамбул. Трудно сказать, понимали ли они угрожающую им опасность или же их цинично эксплуатировали. Что касается СИС, то перед ними были поставлены следующие разведывательные задачи: подбирать конспиративные квартиры, получать удостоверяющие личность документы, устанавливать линии связи. Возможно, у них были еще какие-то задания от грузинской общины в Париже и от турецкой разведки.

Операция окончилась полным провалом. Два добровольца на роль шпионов родились в Париже и о Советском Союзе ничего не знали. По настоянию турецкой стороны их перебросили через границу как раз напротив городка, в котором располагалась воинская часть. Один был убит через несколько минут после перехода границы. Другого видели, как он бежал к лесу. Поскольку он на связь не вышел, можно считать, что его поймали. Очевидно, Филби данных о них русским не сообщал. Он замахнулся на высокие рубежи и вряд ли стал бы рисковать из-за двух таких безобидных шпионов.

Далеко не все ясно в отношении турецкого периода жизни Филби. Поддерживал ли он отношения с резидентом советской разведки, действовавшим с позиции советского консульства в Стамбуле. Для русских Турция была не менее важна, чем для Запада, и они активно там работали. Ничего нет необычного в том, что сотрудники соперничающих разведок старались

«вычислить» друг друга, узнать друг друга, одержать верх и в целом войти в тот едва освещенный моральный лабиринт двойной игры в надежде получить кусок пожирнее, оставить противника в дураках, попытаться убедить его, что свое будущее ему целесообразнее связать не со своей, а с его разведкой.

В 1967 году рассказывали, что, подобно многим сотрудникам резидентур СИС, Филби было дано разрешение выступить в роли «полного двойника». Он не должен упускать возможности убедить русских в том, что готов предать свою службу и работать на них. Таковой была вера руководства СИС в своего восходящего офицера, что оно было готово разрешить ему передавать русским подлинные материалы в надежде одержать над ними верх. У нас нет доказательств, что Филби воспользовался этим доверием, а в Москве он отказался обсуждать этот вопрос по оперативным соображениям. Однако, когда позднее дела Филби стали плохи, когда у МИ-5 появились доказательства, что он является предателем, многие коллеги Филби яростно защищали его и такому поведению можно дать лишь одно объяснение. Для постороннего человека поведение сотрудника разведки, выступающего в роли двойника, ассоциируется с предательством. Только коллеги знают правду. Очевидно, Филби участвовал в проведении «двойных операций», и, когда на него стала нападать британская контрразведка МИ-5, его коллеги посчитали необходимым выступить в его защиту. И Турция была наиболее подходящим местом для проведения операций указанного характера.

Летом 1948 года Берджесс приехал в Стамбул, чтобы провести праздники в семье Филби. Он работал в министерстве труда и сейчас надеялся добиться перевода на работу в МИД. У него было хорошее праздничное настроение и с кем еще лучше разделить его, как не со своим старым другом Кимом Филби. Филби был рад приезду Берджесса. Они совершали длительные прогулки, много ездили в официальной машине Филби, обедали в клубе «Мода яхт клаб», где поражали его членов количеством выпитого вина.

Ясно, что Филби не просто терпел Берджесса по причинам их совместной работы на русских: между ними было глубокое и истинное влечение друг к другу. «Все мои неприятности происходили от необузданной дружбы с одним человеком», — не раз говорил мне Филби в Москве, не оставляя сомнений, что он имел в виду Берджесса. Подобное он говорил и другим людям. Однако эти два человека не могли быть другими. Берджесс был неряхой, неприбранным, иногда грязным человеком. Филби одевался небрежно, но он был просто помешан на чистоте.

Женщины для Гая не существовали, он игнорировал их. Ким очаровывал женщин, был очень внимательным собеседником, для него было важно их отношение к нему.

Дружба между Филби и Берджессом основывалась на их интеллектуальной близости, общем деле. Каждый восхищался преданностью своего друга делу: тут не было ни колебаний, ни сомнений, ни двусмысленности. И только в компании друг друга они могли расслабиться, когда не было необходимости выдерживать линию поведения, носить маску, скрывать мысли. Неудивительно, что Айлин с горечью взирала на дружбу своего мужа с Гаем Берджессом, с которым он был во многих отношениях ближе, чем с ней.

Другие жены справлялись с лучшими друзьями своих мужей или полностью игнорируя их, или соблазняя, или ставя своего мужа перед необходимостью выбора: или я, или он. Айлин была бессильна применить ни один из этих методов. Возможно, если бы она знала, чем занимается ее муж, может быть, она и смогла бы понять Кима. Как заявил Филби в Москве: «Я никогда ничего ей не рассказывал, ничего!» Поэтому Айлин прибегала к методам, которыми она пользовалась в своем детстве, когда ей казалось, что ее игнорируют: она устраивала «несчастный случай».

Вскоре после отъезда Берджесса, когда Филби отсутствовал в Стамбуле, Айлин пришла на квартиру британского дипломата вся в крови. Она заявила, что остановилась на секунду во время поездки по пустынной дороге. Кто-то вскочил на ступеньку ее машины и несколько раз ударил чем-то тяжелым по голове. Полицейское расследование каких-либо результатов не дало. Вместо быстрого выздоровления Айлин подхватила инфекцию. Обеспокоенный Филби самолетом отправил ее в одну из швейцарских клиник. Он оставался вместе с женой, пока не миновала опасность и она не начала поправляться. Айлин заявила, что не хочет возвращаться в Бейлербей, поэтому Филби выехал в Стамбул и перевез все вещи в большую квартиру на вилле одного из друзей в районе «Мода».

Через шесть недель после возвращения Айлин в Стамбул Филби нужно было поехать в Лондон. Во время его отсутствия Айлин умудрилась поджечь квартиру, и, до того как слуги смогли погасить огонь, она сильно обгорела. Снова подхватила инфекцию и вновь ей пришлось возвращаться в швейцарскую клинику. Доктора пришли к выводу, что эти два происшествия не являются случайными, что они сказались на физическом состоянии Айлин, и посоветовали ей не возвращаться в Стамбул. Поправлялась она медленно, и когда достаточно окрепла, на короткое время выехала в Стамбул, чтобы помочь Филби

упаковать вещи. Вскоре Айлин вместе с детьми возвратилась в Лондон.

Трудно сказать, могло ли явиться это началом их постоянного раздельного проживания. В августе 1949 года Филби получил из Лондона телеграмму, в которой ему предлагалось место представителя СИС в США, место офицера связи при ЦРУ и ФБР. Это предложение он сразу же принял. Как отмечал Филби в своей книге «Моя тайная война»: «В этом предложении просматривались далеко идущие намерения руководства разведки. Сотрудничество между ЦРУ и СИС на уровне центров (но не резидентур) стало настолько тесным, что любой сотрудник, стоявший в списке кандидатов на руководящую должность в СИС, должен был хорошо знать работу американских спецслужб».

После опубликования в 1967 году статей в газете «Санди таймс» появились опровержения, что кандидатура Филби никогда не рассматривалась на пост главы СИС. Его бывший босс, сэр Стюардт Мензис, утверждает, что Филби занимал лишь незначительные посты. Другие сотрудники считали, что приверженность Филби алкоголю исключала его из числа кандидатов на этот пост. Некоторые полагают, что МИД наложило бы свое вето на это назначение по простой причине: Филби сын своего отца. Ряд сотрудников СИС высказывает мнение, что в это время Филби уже находился под подозрением у МИ-5.

Однако у Хью Тревор-Роупера другая точка зрения:

«Я был и до сих пор убежден, что судьба Филби была предопределена, что из него «выхаживали» главу британской разведки, что в 50-х годах он был бы назначен на эту должность. Прежде всего, Филби был чрезвычайно компетентным человеком. Наиболее компетентным и трудолюбивым сотрудником, которых так не хватало разведке. Во-вторых, будучи значительно более способным, чем другие, он никогда не выказывал нетерпения или неуважения к руководителям разведки. Поэтому они смотрели на него как на «надежду разведки». В-третьих, занимавшиеся им посты, как никому другому, дали ему возможность понять работу всех служб разведки и таким образом выдвинули в число кандидатов на пост ее главы.

И наконец, кто же еще из его поколения мог претендовать на этот пост? Я пристальнее посмотрел на покинутый мною мир, мир, заполненный бывшими биржевыми маклерами, отставными полицейскими из Индии — услужливыми эпикурейцами из баров клуба «Уайте энд Буддл», подвыпившими ординарными бывшими морскими офицерами, крепко сложенными искателями

приключений из биржевых контор. И потом взглянул на Филби. Лишь он один был реальным существом, остальные маячили как тени за переполненными кулисами.

В Москве я спросил Филби, как он расценивает возможность своего назначения на пост начальника разведки — каковы были его перспективы стать сэром Гарольдом Филби, кавалером ордена Британской империи, генеральным директором секретной разведывательной службы Ее Величества? Немного подумав, Филби ответил:

«Честно, я не думаю, чтобы когда-либо стал шефом разведки. Планировалось после ухода Мензиса в отставку на какой-то период назначить на его место Джека Истона (его помощника). В этом случае я бы значительно пододвинулся в очереди на пост начальника СИС. Но не думаю, что я бы получил его, главным образом потому, что я не являюсь хорошим «бюрократом», что являлось наиболее сильной чертой Мензиса. Но у меня были хорошие шансы стать первым заместителем или просто заместителем директора СИС. Назначение в Вашингтон — это показатель, что я был недалек от поста шефа разведки».

Руководство советской разведки пришло, очевидно, в восторг, получив извещение о новом назначении своего помощника. С момента согласия Филби помогать русским до достижения первой цели — поступления на работу в СИС прошло всего семь лет. Через девять лет он получил один из важнейших разведывательных постов в Вашингтоне, оперативном центре западных разведок. Остался лишь один шаг. И если бы Филби удалось сделать его, он в качестве шефа СИС был бы неуязвим. Британская разведка подпала бы под полный советский контроль. Неудивительно, что Филби так быстро упаковал свои вещи и покинул Стамбул. Он не мог задерживаться с прибытием в Вашингтон.

ГЛАВА XII. ПРОНИКНОВЕНИЕ В ВАШИНГТОН

Несколько недель Филби инструктировали в Лондоне относительно его обязанностей в Вашингтоне. Очевидно, руководство СИС считало, что предшественник Филби Питер Двайер уделял слишком много внимания ФБР в ущерб ЦРУ. Одна из задач Филби состояла в том, чтобы, действуя осторожно, не ущемляя Эдгара Гувера, коренным образом измерить положение дел в пользу ЦРУ. На всех совещаниях, брифингах, инструктивных беседах он вел себя, как обычно, сдержанно, строго контролируя свое поведение. Так было до беседы с Морисом Олдфилдом, который позднее стал генеральным директором СИС. Олдфилд рассказал Филби о поисках «Гомера».

Те же криптоаналитики ФБР, которые обрабатывали радиопередачи советского консульства в Нью-Йорке и раскрыли таким образом «Стэнли», столкнулись еще с одним русским агентом, имевшим псевдоним «Гомер». Материалы, которыми располагало ФБР относительно «Гомера», недвусмысленно свидетельствовали о том, что в 1944–1945 годах он был источником утечки сведений из британского посольства в Вашингтоне и, в частности, телеграфной переписки между Черчиллем и Трумэном.

Олдфилд рассказал Филби, что, работая совместно, ФБР и МИ-5 сузили круг людей, находившихся в то время в посольстве и имевших доступ к этим материалам. В скором времени, очевидно во время пребывания Филби в Вашингтоне, дело может быть завершено и ему следует быть готовым представлять британскую сторону. Филби срочно связался со своим советским коллегой в Лондоне и доложил ему о деле «Гомера». Тому нужно было получить инструкции из Москвы. Еще до отъезда Филби в Стамбул советский оперативный руководитель просил его выяснить, как идет проводимое британскими спецслужбами расследование, касающееся утечки информации из посольства Великобритании в Вашингтоне. Дело «Гомера» и этот случай касались одного и того же человека или нет? Через несколько дней Филби получил ответ: это одно и то же. Теперь Филби знал, кто такой «Гомер». Это Дональд Маклин.

В 1944 году Маклин был направлен в британское посольство в Вашингтоне в качестве первого секретаря и одно время исполнял обязанности начальника канцелярии. Его карьера на дипломатической службе Великобритании резко шла вверх: он

был, по словам его коллеги, «баловнем» министерства иностранных дел и находился на верном пути к должности посла в Бонне или Риме. На русских он тоже работал с большим успехом. Передавая им информацию об обмене мнениями между Черчиллем и Трумэном в конце войны, он дал возможность Сталину держать в руках нить переговоров с Западом.

Потом в 1947 году Маклин стал секретарем Объединенного англо-американского комитета по атомной энергии. Это обеспечило ему доступ к материалам о политических разногласиях между Великобританией и США по вопросам развития атомной энергии и об атомных программах обеих стран, о которых он информировал Москву.

И в 1948 году Маклин, очевидно, обеспечивал русских полезной информацией, поскольку он входил в состав посольской группы, сопровождавшей Глэдвина Джебба, работавшего тогда в МИД Великобритании, на специальное англо-американо-канадское совещание, на котором впервые обсуждался проект создания НАТО. Это было совершенно секретное мероприятие и проводилось оно не в здании государственного департамента, а в Пентагоне без какого-либо протокола. Для русских, очевидно, представила большую ценность информация о том, что Запад намеревается создать «объединенный фронт» против коммунизма.

Но двойная роль, которую приходилось играть Маклину, стала сказываться на его самочувствии. Его жену Мелинду приводили в недоумение длительные задержки мужа на работе и запои, которые вызывали у него приступы депрессии и мрачные шутки. Она относила это к загруженности по работе, возможно, более спокойное место помогло бы разрешить ее Дональду возникающие психологические проблемы. Она вздохнула с облегчением, когда в октябре 1948 года Маклин получил назначение в Каир на должность начальника канцелярии.

Осознание того факта, что Маклин является «Гомером», создало для Филби ряд проблем. К счастью, его положение позволяло контролировать ход расследования и принять меры, когда спецслужбы «выйдут на след» Маклина. Филби понимал, что, когда он будет в Каире, делать это будет значительно труднее. Если расследование по каким-то причинам задержится, оно может быть закончено после перевода Филби на какое-то новое место. «Что-то должно было бы быть сделано до моего отъезда из Вашингтона, — писал Филби позднее. — Кто знает, куда меня назначат. Возможно, это будет связано с утратой всех нитей контроля за делом Маклина».

Поэтому Филби считал, что «дело Гомера» входит в его обязанности сотрудника советской разведки. Он занялся

знакомством с Центральным разведывательным управлением и его работниками. У Филби не было иллюзий об организации, с которой он будет иметь дело.

ЦРУ выросло из Центральной разведывательной группы, которая в свою очередь явилась продолжателем дел Управления стратегических служб. С сотрудниками УСС Филби встречался во время войны, и у него создалось очень хорошее впечатление об их работе. Эти вопросы я обсуждал с Филби в ходе нашей письменной переписки в 1984 году. Во время своей работы над книгой «Вторая из самых древних профессий» я столкнулся с позицией сотрудников американской разведки по вопросу отношений Великобритании со своими колониями, и она произвела на меня большое впечатление. Филби мне писал: «Меня чрезвычайно удивила ваша оценка УСС как радикальной, реалистической и антиколониальной организации. Такой она является лишь отчасти и только в том смысле, что хотела бы иметь открытые двери в колониях, которыми пользуются британская, французская и голландская империи. И по тем же причинам американцы добивались «открытых дверей» в Китае для достижения там экономического господства. Возможно, такая позиция и реалистична, но никак не радикальна».

В конце войны Трумэн распустил УСС и не намеревался иметь разведывательную службу в мирное время. Однако в январе 1946 года он дал согласие на создание Центральной разведывательной группы, которая должна была анализировать и рассылать информацию, собранную армией, ВМС и госдепартаментом. Предполагалось сделать из нее координирующий орган, обеспечить эффективность работы разведывательных служб родов войск и не допустить их соперничества. Но сразу же в Центральной разведывательной группе стали проявляться элементы жестокости и стремления к власти, что позднее стало характерным для ЦРУ. В течение восемнадцати месяцев Центральная разведывательная группа расширила свои функции и добивалась права заниматься сбором разведывательной информации. Ее трудно было остановить.

Интересы Центральной разведывательной группы столкнулись с интересами ФБР. В этой борьбе она вышла победителем. Группа сумела перехитрить такого мастера интриг, каким был шеф ФБР Эдгар Гувер. Центральная разведывательная группа добилась роспуска шпионских сетей ФБР, захватила контроль над разведывательными службами тех трех ведомств, которым должна была докладывать о своей работе: армии, ВМС и госдепартаменту. Она раскрыла в военном министерстве секретную разведывательную службу, которая была создана еще в

октябре 1942 года и о существовании которой знал ограниченный круг высших должностных лиц, в том числе сам президент Рузвельт, и добилась ее роспуска.

За год Центральная разведывательная группа увеличилась в шесть раз и объединила в своем составе все оставшиеся службы и подразделения Управления стратегических служб. Группа завоевала такой авторитет у президента Трумэна, что, начиная с 1948 года, когда она была преобразована в ЦРУ, именно директор Центральной разведки первым докладывал президенту о событиях дня. Ко времени прибытия Филби в Вашингтон, ЦРУ была на пути превращения в громадную бюрократическую машину, какой она является сегодня со своими банками и источниками доходов, авиалиниями и своей политикой. Лозунгом разведки в 1947 году было: «В 1948 году обойдем по размерам госдепартамент!» Так оно и случилось.

По мере роста у ЦРУ менялись концепции относительно своей роли. Свою задачу оно видело не просто в сборе информации относительно происходящих в мире событий, а в оказании на них воздействия с выгодных США позиций. Оно стало почти самостоятельным внешнеполитическим ведомством. Филби должен был поддерживать связь с этим учреждением, фактически являвшимся правительством внутри правительства США.

Позднее он возлагал вину за расширение ЦРУ и появившиеся новые направления в его деятельности на Аллена Даллеса, в то время заместителя директора ЦРУ и его шефа с 1958 по 1961 год. В письме ко мне он писал:

«Управление специальных операций было продуктом «горячей войны», Центральное разведывательное управление — «холодной». Вопрос не в том, каким образом УСС превратилось в ЦРУ, а как ЦРУ додаллесовской эпохи (оно было создано за пять лет до того, как Даллес стал его директором) превратилось в этого дикого зверя. Есть несколько соображений по этому поводу. Аллен Даллес, используя своего брата Джона Фостера (государственный секретарь США с 1952 по 1959 год), завоевал слишком большую власть, которую Эйзенхауэр не смог ограничить (возможно, он знал об этом слишком мало).

Со своей стороны Аллен Даллес был настолько «добродушным» руководителем, что не мог заставить себя вымолвить слово «нет». Таким образом, тихо, без шума, ряду «благоразумных» негодяев и маниакальных личностей удалось обойти все препоны и действовать по своему усмотрению. Наступило «царство грязных дел». Конечно, с точки зрения глобальной борьбы, без грязных трюков не обойтись, но

осуществляемые бесконтрольно и бесцельно, такие трюки становятся фантастически дорогими и мало продуктивными. Сумасшедшие муллы пришли на смену Массадыку в Иране.

Могло показаться, что Филби был просто очарован Даллесом, как и Даллес Филби. Когда Леонард Мосли писал свою книгу о семье Даллеса, среди бумаг Аллена Даллеса он нашел следующую характеристику Филби: «В некотором плане, по темпераменту, отношению к людям, пристрастиям к женщинам и хорошей жизни, он не отличается от меня». Мосли послал это высказывание в адрес Филби в Москву и получил от него пространный ответ, который интересен тем, что в нем дается характеристика одного из руководителей ЦРУ того времени. Филби писал:

«Надеюсь, что я не расточаю особых похвал в адрес Аллена Даллеса. Он мне очень нравился. С ним было приятно иметь дело. Добродушный, спокойный, предсказуемый, постоянно с трубкой во рту, потягивающий виски. Ничего от Джеймса Бонда (отвратительный тип). *Я* впервые встретил Даллеса в 1950 году, он был заместителем директора ЦРУ Беделла Смита. В течение года видел его часто, как по работе, так и в частных компаниях.

Слышал о Даллесе гораздо раньше, еще когда он был в Швейцарии и его имя было окружено легендой. (Все разведчики, достигшие доброй или дурной славы — и я один из них — становятся легендой.) Даллес ничего не делал для развенчания своей легенды. Он питал отнюдь не профессиональное влечение к тайным и темным делам. В конце концов это его и погубило. Я имею в виду залив Свиней.

Я чаще всего встречался с Алленом Даллесом в присутствии двух или трех его коллег за завтраком или обедом в рядовых вашингтонских заведениях: «Колони», «Ле-Салле», «Мейфлауэр», «Шорехэм» и др. (Ресторан «Харвей» мы не посещали, потому что там часто бывал Гувер. Интересно то, что он обычно не платил за угощение.) По служебным вопросам я заходил к Аллену Даллесу поздно вечером, зная, что после беседы он предложит посетить какой-нибудь уютный бар, где обычно продолжался деловой разговор.

Ваши вопросы заставили меня более внимательно посмотреть на личность Даллеса. Вновь и вновь с непреодолимой настойчивостью на ум приходит прилагательное «ленивый». Несомненно, Аллен Даллес был активным человеком в том смысле, что мог до позднего вечера вести деловой разговор, вскочить в самолет и объездить столицы многих стран и другие живописные места. Но он никогда глубоко не вникал в проблему, если она не затрагивала его личных интересов. Был ли Даллес

легко поддающимся влиянию человеком? По моему мнению, Даллес наслаждался тем, что делал, а делал то, что приносило ему удовольствие. Ни больше, ни меньше. Достаточно, возразите вы, чтобы быть приятным человеком. Конечно, если не брать во внимание занимаемый им пост».

В Вашингтоне Филби снял дом на Коннектикут-аве-ню, и его предшественник Питер Двайер, сотрудник СИС, начал знакомить Кима с делами. Двайер прежде всего сказал Филби, что в течение первых трех месяцев ФБР будет прослушивать все помещения его дома, как это было и с ним. В Москве Филби следующим образом объяснил это явление:

«Делалось это не потому, что ФБР в чем-то подозревало меня — в этом случае я бы никогда не получил этого поста. Просто Гувер никому не доверял, пока не получал необходимых доказательств. Он презирал и испытывал недоверие ко всем — славянам, евреям, католикам, гомосексуалистам, либералам, неграм — ко всем. К счастью, это отвлекало Гувера от его реальных обязанностей».

Филби легко вошел в новые дела. Его офис располагался в здании британского посольства, но большую часть времени он проводил в ЦРУ или ФБР. В ЦРУ Филби имел дело в основном с его двумя главными управлениями: управлением стратегических операций (УСО), занимавшимся сбором разведывательной информации, и управлением по координации политики (УКП). Под этим невинным названием скрывалась служба по проведению тайных операций и актов саботажа. В управлении стратегических операций он поддерживал регулярный контакт с двумя сотрудниками: Джеймом Энглто-ном, с которым часто ходил на ленч, и Биллом Харви, бывшим сотрудником ФБР, которого Гувер выгнал с работы за пьянство в рабочее время. В ФБР чаще всего приходилось встречаться с Джоном Бойдом, в прошлом одним из головорезов Гувера в районе Чикаго.

Это были неспокойные годы, когда мир охватывали международные кризисы. Сначала всех шокировал взрыв Советским Союзом 29 августа 1949 года атомной бомбы. Это вызвало бурю негодований по отношению к ЦРУ, которое утверждало, что русские смогут создать атомную бомбу не раньше середины 1953 года, что явилось самым большим просчетом Запада в «холодной войне». (Вину за это взял на себя директор ЦРУ адмирал Роскоу Хилленкоттер, который в конце концов был заменен генералом Уолтером Беделл-Смитом.)

Успехи русских породили чувство всеобщего страха. ФБР пыталось объяснить создавшуюся ситуацию тем, что американские расчеты (пройдет много лет, пока русские смогут

создать атомную бомбу) были правильными, но сведены на нет работой в США советской шпионской сети, которая, по словам Гувера, «выкрала наиболее важные секреты, которыми когда-либо владело человечество» [19].

В июне 1950 года началась корейская война. И вновь на ЦРУ посыпались упреки, что оно не смогло предсказать нападения Северной Кореи, хотя американская разведка за два года до этого проводила на полуострове серию тайных операций. Повсюду в мире сталкивались интересы двух сверхдержав, и ЦРУ продолжало пытаться уменьшить влияние Советского Союза с помощью тайных операций. ЦРУ вмешивалось в дела Греции, Франции и Италии, пытаясь не допустить прихода там к власти коммунистов. Оно осуществляло антикоммунистические операции в Иране и Гватемале, а позднее — в Индонезии, Анголе, Чили и на Кубе.

Филби находился в центре оперативного подрывного планирования американской администрации. И если попытаться оценить сделанное им для Советского Союза в эти два года пребывания в Вашингтоне, следует мыслить не категориями «болтов и гвоздей» — как то толщина брони у американских танков и тому подобное, а политическими понятиями: наличие или отсутствие политической воли, долгосрочное военное планирование, разногласия в директивных органах, взаимоотношения между союзниками. Таким образом, следует говорить о всеобщей стратегии Запада. Его дни были заполнены совещаниями, обсуждением точек зрения американцев, представлением своих взглядов, достижением компромиссов, планированием операций, подготовкой сообщений в Лондон. У него был доступ к руководству американской разведки всех степеней, включая ее директора Беделла Смита, с которым он встречался довольно часто.

Чтобы показать, какими необыкновенными способностями был наделен Беделл Смит, Филби описал в своей книге эпизод, когда он получил от Смита документ, состоявший из двадцати пунктов. Зная, что директор обладает острым умом, он все утро учил документ наизусть. Смит прочитал документ только один раз и в течение довольно длительного времени обсуждал его с Филби, ссылаясь на номера пунктов, не сверяясь с документом. В описании этого эпизода Филби опускает наиболее интересный факт — содержание документа. В Москве он рассказал мне, о чем там шла речь: о подробном плане сотрудничества между ЦРУ и СИС в случае войны с Советским Союзом. Содержание документа Филби передал своему советскому коллеге, продиктовав его по памяти. Для этого он и выучил его наизусть.

Принятие в 1946 году закона Макмагона, запрещавшего передачу союзникам США информации об атомных секретах, не позволило Филби получить зимой 1949–1950 года сведений об имевших место в Белом доме дебатах по поводу целесообразности создания в США водородной бомбы. Однако даже знакомство Филби с различными точками зрения позволяло ему сделать необходимые выводы. Лаймен Киркпатрик, ставший впоследствии генеральным инспектором ЦРУ, высказал мне следующее соображение: «Сотрудники разведки обычно обсуждают друг с другом служебные вопросы. Филби был посвящен в гораздо большее число секретов, чем это было ему положено». Поскольку Великобритания в равной степени была заинтересована в получении сведений о дебатах в США по поводу водородной бомбы, Филби передавал полученную им информацию как русским, так и англичанам.

Сказанное выше не означает, что каждый сотрудник ЦРУ или ФБР рассказывал Филби все, что знал, или что Филби мог использовать все, что ему становилось известным. В жестком мире разведывательных служб даже близкие друзья не пользуются в этом отношении полным доверием. Вскоре после прибытия в Вашингтон Филби пытался убедить ЦРУ использовать международную коммуникационную систему СИС, в то время более быстродействующую и эффективную, чем американская. Он появлялся на совещаниях, имея на руках оперативное сообщение своего источника, и, зная, что такую информацию американцы еще не получили, небрежно швырял его на стол и, непроницаемо улыбаясь, говорил: «Интересно, как бы вы использовали это?» Затем скромно говорил, что СИС с удовольствием разрешила бы американцам в любое время пользоваться своей коммуникационной системой. Однако руководящие сотрудники ЦРУ во главе с Энглтоном выступали против этой идеи, поскольку они не хотели, чтобы британская разведка читала их сообщения.

Энглтон и Филби не сошлись также во мнениях о том, как должно осуществляться взаимодействие между ЦРУ и СИС: через представительство ЦРУ в Лондоне или группу СИС в Вашингтоне. Энглтон выступал за Лондон.

«В этом случае он мог бы оказывать максимальное воздействие на штаб-квартиру СИС, допуская лишь минимальное вторжение британской разведки в свои собственные дела. С точки зрения национальных интересов это вполне справедливо. Поддерживая со мной довольно близкие отношения, он мог в большой степени держать меня под контролем. Со своей стороны я охотно делал вид, что попался на удочку. Чем больше было между нами открытого доверия, тем меньше он мог заподозрить

мои тайные действия. Трудно сказать, кто больше выигрывал в этой сложной игре, но у меня было одно большое преимущество: я знал, что он делает для ЦРУ, а он знал, что я делаю для СИС. Однако истинный характер моих интересов ему был неизвестен».

Из книги Филби «Моя тайная война»

По этому вопросу следовало бы изложить два соображения. Первое, борьба в секретном мире — это далеко не всегда подвиги Джеймса Бонда. Нередко это бюрократические схватки, подобные тем, что ведутся в промышленности, торговле, правительственных ведомствах. Второе, возможно, Филби недооценивает преимущества, которые он имел над Энглтоном.

Следует еще учитывать и тот факт, что Филби получал и такую информацию, которую он не мог использовать. К этой информации имел доступ настолько узкий круг лиц, что если бы Советский Союз среагировал на нее, у ЦРУ сразу же возникли бы к Филби подозрения. Кажется, так именно и произошло с рядом тайных операций, которые ЦРУ и СИС осуществили совместно в конце 40 — начале 50-х годов по проникновению в Советский Союз и дестабилизации положения в странах советского блока. Наиболее печально известной из них является албанская операция, унесшая жизни многих людей.

В 1948 году правительства США и Великобритании санкционировали в принципе проведение операций по отрыву восточноевропейских стран от Советского Союза. Эта идея напоминала позднее разработанную теорию «домино», за которую так исступленно выступали американские специалисты по делам стран Юго-Восточной Азии: падет правительство одной страны, за ним последуют другие. Тактика заключалась в заброске в какую-то социалистическую страну достаточного количества хорошо подготовленных агентов, которые должны были действовать по примеру борцов французского Движения сопротивления во время второй мировой войны. Цель таких действий — вызвать полномасштабную гражданскую войну и создать дополнительные трудности для Москвы. Кроме того, учитывались и те благоприятные моменты, которые могли бы появиться, если бы в других странах советского блока произошли такие же события. В своих оптимистических прогнозах организаторы этой операции уже видели, как колеблются основы советской системы в Восточной Европе.

Большая предварительная работа была проведена по выбору наиболее подходящей страны. Наконец, пришли к общему выводу, что наилучшие шансы на успех может дать Албания, самая слабая и маленькая социалистическая страна.

Коммунистический режим под руководством Энвера Ходжи там еще не укрепил своих позиций. Немцы были изгнаны из страны в ноябре 1944 года, но в первые послевоенные годы коммунисты все еще не завершили свою программу по восстановлению хозяйства страны. Король Зогу находился в изгнании в Каире, но многие его сторонники остались в стране. Албанские эмигрантские группы с уверенностью говорили о том, что население только и ждет «вдохновляющего сигнала» с Запада, с гем чтобы начать контрреволюцию.

Разработка планов продвигалась быстро. В качестве базы Великобритания выделила остров Мальту и предоставила малотоннажные суда для заброски агентов. Американцы дали деньги и оружие, а также базу ВВС Уиллус-филд в Ливии для обеспечения снабжения и высадки воздушных десантов. Операцией руководил совместный комитет из представителей ЦРУ и СИС во главе с Джеймом Маккаргаром и Кимом Филби.

За столом совещаний разрабатываемый план казался вполне осуществимым. Поэтому в 1952 году в Албанию стали забрасывать агентов с воздуха, высаживать на побережье или перебрасывать через границу с Грецией.

Логика операции состояла в следующем: повстанческое коммунистическое движение в Греции вот-вот захлебнется, Югославия порвала все связи с Советским Союзом, советские технические специалисты и советники прибыли в Албанию. Ястребы из Государственного департамента, МИД Великобритании, ЦРУ и СИС считали, что они могут изменить положение дел в странах Восточной Европы. Однако реализация плана обернулась для Запада самым большим поражением в «холодной войне».

Сотни эмигрантов прошли подготовку в стенах старой крепости на Мальте, были обеспечены оружием, взрывчаткой, радиостанциями, соверенами [20] и посланы на смерть. В 1973 году я встречался с одним из сотрудников СИС, занимавшимся подготовкой группы албанцев. Он вспоминает:

«Свою передовую базу мы создали на острове Корфу, находящемся в трех милях от албанского побережья.

Заняли большую виллу к западу от залива Дассия. В начале декабря 1949 года морским путем забросили в Албанию первую группу в составе шести человек. Через два дня получили сигнал о том, что группа установила контакт со сторонниками короля и нашла у них хороший прием. Казалось бы открылся безопасный путь для быстрой переправки других групп агентов.

Четыре из них благополучно проникли на территорию Албании, а пятая была обстреляна албанским катером. В темноте

ей удалось благополучно скрыться. Сообщений не поступало в течение трех дней, затем недель. Наш радиооператор на острове Корфу в течение двадцати четырех часов держал аппарат на приеме. Это продолжалось почти месяц, пока из военной миссии в Афинах не поступило сообщение о циркулировавших слухах, согласно которым все агентурные группы были уничтожены или захвачены сразу же по высадке на территории Албании.,

Один из агентов сумел перейти границу и прибыть в Грецию. У него были большие неприятности с греческой службой безопасности. Сначала его хотели расстрелять как албанского шпиона. Греческие власти стремились этим показать, что их следует информировать о мероприятиях, затрагивающих территорию страны. Нас всех вызвали в Лондон, провели расследование, и затем начальник СИС объявил, что «операция временно прекращается» [21].

Позднее министерство внутренних дел Албании объявило о том, что ее полицейские подразделения и воинские части вели бои с группами террористов из числа эмигрантов, заброшенных в страну по воздуху и морю. В октябре 1951 года четырнадцать оставшихся в живых агентов были преданы суду, который состоялся в столице Адбании Тиране. Двое из них были приговорены к смертной казни и расстреляны, остальные — к различным срокам: от семи лет до пожизненного тюремного заключения.

Нет сомнений, что о стратегических целях албанской операции сообщил русским Филби. В этом он признался мне в Москве. Мы обсуждали написанное Ле Карре вступление к книге «Филби, агент, предавший свое поколение». Филби сказал: «Ле Карре допускает отвратительные инсинуации. Он заявляет, что именно я предложил албанскую операцию, послявшую на смерть большое число агентов Запада. Если бы я выдвинул идею о проведении такой операции, успешно осуществил ее вплоть до самого критического момента, а затем обезвредил, отложив таким образом на пару десятков лет, а возможно и вообще не допустив развязанное позднее Западом кровопролитие на Балканах, тогда, видит Бог, я бы с удовольствием взял на себя вину за эту прекрасную операцию.

В действительности же я могу претендовать на значительно меньшую честь, поскольку мне удалось сыграть лишь определенную роль в срыве планов, которые были разработаны другими. Между прочим, эти «другие» так же, как и я, были готовы допустить пролитие крови во имя достижения своих политических целей. Это проистекает из характера самих планов. И я бы не торопился осуждать этих «других» как людей, которым

внутренне присуща жажда крови. Почему же мне приписывают неутолимые кровавые аппетиты?»

Нет сомнений в том, что Филби рассказал русским об албанской операции, поскольку это была достаточно ценная информация. Но его нельзя винить во всех оперативных неудачах. В течение последних двух лет осуществления операции он не имел к ней никакого отношения, поскольку был отозван из Вашингтона в результате побега на Восток Берджесса и Маклина. Если бы даже Филби находился в то время в Вашингтоне, русские вряд ли поставили перед ним задание по добыче конкретной информации относительно заброски агентов. Это было бы слишком опасно, и таким ценным агентом нельзя было рисковать. Во всяком случае, по заявлению Энвера Ходжи, успех принесла бдительность органов безопасности страны и завязанная с противником радиоигра, а не «добрые дела какого-то Кима Филби, как об этом некоторые заявляют».

Возможно, в этом заключается разгадка случившегося. Филби сообщил советской разведке общие данные об этой операции. Москва дала сигнал Тиране. Органы безопасности Албании внедрили свою агентуру в албанские эмигрантские организации, если они не сделали этого еще раньше, и один или несколько таких агентов был отобран ЦРУ и СИС для участия в этой операции. Проникнув в Албанию, они выдали свою группу албанским органам безопасности, которые вынудили радиооперагора группы завязать со своими «хозяевами» радиоигру. Начиная с этого момента, албанцы контролировали всю операцию и, продолжая радиоигру, они заманили остальные группы ЦРУ — СИС и ликвидировали их.

По иронии судьбы только в начале 80-х годов выяснилось, что ЦРУ не возлагало больших надежд на эту операцию. Оно знало, что дело не выгорит. Майк Бурк, отвечавший за проведение этой операции с территории Италии, заявляет: «Вне зависимости от Филби операция была обречена на провал». Албанские эмигранты оказались простофилями, их использовали для шума, для демонстрации того, что ЦРУ активно борется с коммунизмом. Их принесли в жертву более значительным политическим интересам. В последующем Албания установила тесные дружеские отношения с КНР и этим, возможно, доставила СССР большую головную боль по сравнению с действиями Запада по разобщению советского блока (если бы албанская операция принесла им успех).

Во время нахождения Филби в Вашингтоне западными специалистами проводились и другие тайные операции. Начатая в 1945 году девятым отделом СИС латвийская операция была

расширена и распространена на территорию Литвы и Эстонии. Она превратилась в дерзкую и наглую операцию, когда молодые сотрудники СИС совершали ночные рейсы к советскому побережью на быстроходных патрульных катерах с целью обеспечения антисоветских групп радиосредствами, взрывчаткой и цианистыми таблетками.

Эмигранты вербовались в лагерях для перемещенных лиц в британской зоне оккупации Германии и переправлялись в Великобританию для прохождения подготовки. Германские патрульные катера переделывались в британские и, действуя под прикрытием службы по защите рыболовства, сотрудники СИС высаживали с них агентов на побережье Балтики. По высадке агенты прятали радиоаппаратуру и оружие и пытались установить контакты с местными антисоветскими группами.

Предпринимались попытки осуществить более глубокое проникновение на территорию Советского Союза. В Польшу и на Украину с самолетов британских ВВС забрасывались подготовленные в Великобритании агенты, в том числе члены вооруженной националистической организации — Народно-трудового союза (НТС). ЦРУ со своей стороны вербовало литовцев, эстонцев, белорусов, украинцев для заброски в Советский Союз, и эти операции продолжались до 1953 года. ЦРУ оказывали поддержку американские ВВС. У ЦРУ были два собственных экипажа: из числа венгерских и чехословацких эмигрантов, которые обычно на самолетах вторгались в советское воздушное пространство на высоте 5–8 тысяч футов. Конечно, они могли быть перехвачены советскими радарами, но ЦРУ не потеряло ни одного самолета.

Эти операции преследовали различные цели. Украинские националисты ставили, например, целью оказание помощи украинским группам сопротивления, насчитывавшим первоначально около 40 тысяч и действовавшим в районе Карпатских гор. До 1953 года, когда они были окончательно разгромлены Красной Армией, эти группы снабжались ЦРУ оружием и продовольствием.

В 1948 году ЦРУ начало осуществление еще одной антисоветской акции, в которой использовались агенты, завербованные из групп эмигрантов, беженцев и дезертиров. Эти агенты проходили подготовку по радиосвязи и использованию кодов и с поддельными документами забрасывались в различные районы Советского Союза. Перед нами ставилась единственная задача: выявлять признаки подготовки к войне. Эта операция также продолжалась до 1953 года. И наконец, в 1950 году в СССР было заброшено несколько агентов для сбора проб воды из рек,

на берегах которых, как предполагалось, находились заводы по получению урана. Преследовались две цели: подтвердить, что эти заводы действительно занимались обработкой урановых руд, и, во-вторых, попытаться установить используемую при этом технологию.

Гарри Розитцке, руководящий сотрудник отдела стран советского блока ЦРУ, принимавший участие в разработке и осуществлении этих операций, делает такие выводы:

«В конце концов мы потеряли большую часть заброшенных агентов. Мы не считали, что какая-либо из антисоветских повстанческих организаций представит какую-либо угрозу для Москвы или агенты обеспечат наблюдение за большей частью территории СССР, как это позднее удалось сделать с помощью самолетов У-2 и спутников. Но тогда все мы очень боялись русских и делали все что могли».

Почему же эти операции дали столь плачевные результаты? Конечно, о некоторых из них Филби сообщил русским. Он пишет в своей книге «Моя тайная война»: «В 1949 году на территорию Украины была заброшена первая группа агентов, обеспеченная англичанами средствами тайной радио- и другой связи. Она бесследно исчезла. На следующий год были заброшены еще две группы и вновь никаких известий». Филби указывает, что в 1951 году англичане забросили с самолетов три группы по шесть человек в каждой. Самолеты отправляли с аэродрома на Кипре. Одна группа была сброшена на полпути между Львовом и Тернополем, другая — неподалеку от верховья Прута, около Коломеи, третья — в пределах Польши, около истоков Саны».

Далее Филби пишет: «С тем чтобы избежать дублирования, между американцами и англичанами был налажен обмен информацией о времени и районах проведения операций». Естественно, что этот обмен проходил через Филби как офицера связи британской разведки с ЦРУ. По словам Розитцке, во время совещаний, на которых подробно обсуждались намечавшиеся операции, Филби делал записи. Поэтому можно догадываться о скрытом смысле такого замечания Филби: *«Я* не знаю, что случилось с этими группами. Но у меня есть обоснованные предположения».

Мы осветили только одну конкретную операцию. Нет сомнений, что Филби сообщил русским общие данные о большинстве операций, но было бы неправильно возлагать на него вину за их провал. Розитцке отмечает: «Не соответствует действительности общее мнение о том, что Филби были известны все данные об операциях ЦРУ против Советского Союза, поскольку мы проводили много операций, о которых вообще не

информировали британскую сторону. Конечно, Филби мог бы сообщить в Москву примерно следующее: «Американцы планируют забросить весной по воздуху две группы в Советский Союз». Однако русские так и так были настороже и внимательно следили за обстановкой, поэтому я не думаю, что информация Филби им очень помогла».

Другой бывший сотрудник ЦРУ Джордж Муслин дает довольно убедительное объяснение провалам тех операций, о которых не знал Филби: «Англичане проводили операцию под кодовым названием «Бродвей» по заброске агентов в Польшу. С финансовой точки зрения операция была очень дорогой, поэтому они передали ее нам. Каких-либо успехов она не принесла, поскольку еще до передачи ее нам коммунисты внедрили своих людей во все организации в Германии, из которых вербовались агенты для прохождения необходимой подготовки. Нам стало известно об этом от одного из агентов, которому удалось вернуться из Полыни. Мы свернули операцию, сразу же отказались от нее. Мой друг проводил аналогичную операцию по заброске агентов в Советский Союз, и у него были примерно такие же результаты. Он сказал мне, что ни один из направленных в Советский Союз агентов никогда больше не дал о себе знать».

Из интервью Муслина с автором, 1981 год

Как бы то ни было, это высказывание совпадает с оценкой, данной этой ситуации самими русскими. В 1982 году появилась публикация: «Объект деятельности ЦРУ — Советский Союз», в которой есть такой абзац:

«В неразберихе, последовавшей за падением нацистского рейха, НТС сумел убедить руководителей западных разведывательных служб в том, что в Советском Союзе у них осталась обширная агентурная сеть. На удочку попались в первую очередь англичане. Узнав о действиях англичан, ЦРУ также пошло на контакт. С помощью ЦРУ и частично СИС осуществлялась заброска агентов в Советский Союз. С 1951 по 1954 год органы безопасности Советского Союза обезвредили следующих агентов ЦРУ и СИС».

Далее шел список таких лиц. В заключение говорилось:

«28–29 февраля 1956 года в Лондоне собрались представители ЦРУ и СИС, чтобы решить судьбу НТС. Англичане пришли к выводу, что сотрудничество с НТС малоэффективно. Поэтому британские спецслужбы приняли решение прекратить с НТС связи во всех областях деятельности».

«Я считаю, — отмечает Розитцке, — что с самого начала все эти операции были обречены на провал. Тайные операции

оказались не более чем хитроумной выдумкой, дающей результат лишь в том случае, если внутренние силы какой-то страны уже движутся в том направлении, в котором хотелось бы подтолкнуть их ЦРУ. (Конечно, были и исключения. Например, Чили.) Если такая ситуация отсутствует, тайная операция или провалится, или даст обратные ожидаемым результаты. Как это случилось на Украине, где действия ЦРУ скорее препятствовали, чем содействовали расширению движения антисоветского сопротивления. Более того, операции западных спецслужб по вмешательству в дела стран восточного блока, проводившиеся в конце 40 — начале 50-х годов, создавали неприятное впечатление. Многие из эмигрантов, которые были завербованы американцами для их проведения, были бывшими нацистскими пособниками, тайно вывезенными в Соединенные Штаты. Только в 70-е годы стало известно, что ряд фашистских военных преступников при содействии ЦРУ спокойно доживает свой век в США, получив американское гражданство.

Лицом, которого меньше всего в Вашингтоне подозревали в каких-то неприглядных действиях, приведших к провалу различных антисоветских операций, был Ким Филби, этот блестящий, очаровательный, вежливый, сдержанный, общительный британский дипломат. Это был, очевидно, знающий и достаточно образованный человек, которого приветствовало вашингтонское общество, — пишет Розитцке. — Такого человека с удовольствием приняла бы в свой дом любая хозяйка. С ним охотно общались американцы, не имевшие отношения к разведке. К этому следует добавить уважение, с которым вообще отнеслись к англичанам в Вашингтоне».

Всем нравился простой непритязательный стиль его обхождения с людьми. С прибытием в Вашингтон Айлин и детей Филби переехал в просторный, далеко не новый двухэтажный дом номер 4100 на Неброска-авеню. Наступила пора многочисленных вечеринок. Коллега Филби из ЦРУ Джеймс Маккаргар вспоминает: «Мебели в доме было мало. Ким проявлял достойное уважения равнодушие к жизненным удобствам, к роскоши. Для него было достаточно иметь большой полный кувшин мартини и несколько бутылок виски. Не имело значения, кто подает напитки и в какой посуде?»

Так проходили месяцы. Стал набирать вес не только Филби, но и Айлин. С рождением пятого ребенка, Гарри, страдавшего от судорог, в семье стали возникать трения, с которыми Айлин было трудно справиться. Как раз в это время в Вашингтоне появился Гай Берджесс и поселился в доме Филби. Айлин писала расстроенные письма друзьям в Турцию: «Кто бы вы думали

приехал? Гай Берджесс! Я знаю его слишком хорошо. Он никогда не съедет из нашего дома».

Назначение Берджесса в Вашингтон в ранге первого секретаря посольства Великобритании трудно поддается объяснению. В июне 1950 года началась корейская война, и Вашингтон с определенной остротой относился к сдержанной позиции Великобритании к этому конфликту. Кто-то должен был разъяснить американцам политику Великобритании на Дальнем Востоке. Поскольку Берджесс категорически возражал против любого участия Великобритании в этом конфликте, в то время было трудно найти более подходящую кандидатуру на этот пост. В 1968 году мы выдвигали предположение, что Берджессу как-то удалось убедить своего шефа Гектора Макнейла использовать свое влияние и добиться его назначения в Вашингтон. Однако позднее появились свидетельства того, что и Макнейл, и руководитель кадрового аппарата МИД Великобритании Джордж Миддлтон, и даже сам Берджесс высказывали сомнения в целесообразности такого назначения.

Руководство МИД разъяснило сэру Роберту Маккензи, занимавшему в то время пост регионального офицера безопасности по странам Северной и Центральной Америки, что эта командировка дает Берджессу последний шанс. Он уже попадал во многие неприятные ситуации, и, если в Вашингтоне он не исправится, его придется уволить. Маккензи, хорошо осведомленный о проделках Берджесса, пытался протестовать, но его мнение не было принято во внимание. Министерство иностранных дел, которому в то время самому приходилось заботиться о своей репутации, заявило, что «странности» Берджесса будет легче регулировать в большом коллективе, чем в маленьком. Были перечислены некоторые из этих «странностей» и говорилось, что «худшее еще впереди». «Что имеется в виду под словом «худшее»?» — спросил Маккензи Филби… По словам Маккензи, Филби ему ответил: «Не беспокойтесь. Берджесс мой старый друг и будет жить у меня. Сейчас он увлекается спиртным, но я его вылечу».

С любой точки зрения решение Филби позволить Берджессу жить у себя в доме не было благоразумным. Хотя каждый из них знал, что они работают на русских и им нечего скрывать, сама идея совместного проживания двух агентов противоречит всей разведывательной практике. Филби пытался разъяснить эту ошибку. «Я искренне полагал, что уменьшится вероятность попадания Берджесса в беду, если он остановится у меня», — сказал Филби мне в Москве. «Я намеревался присматривать за ним, не упускать его из-под своего контроля».

Нет сомнений, что, исходя из дружеских отношений, Филби чувствовал обязанность, неблагоразумную, по его признанию, помочь Берджессу уменьшить тягу к алкоголю. Но ведь и Филби и Берджесс во время пребывания в Вашингтоне поддерживали связь со своим советским коллегой, и он знал, что Филби и Берджесс проживают в одном доме. Возникает вопрос: почему советская разведка позволила Филби и Берджессу так грубо нарушить элементарные правила конспирации?

Есть несколько вероятных ответов. Простейший из них заключается в том, что русские согласились с данной Филби оценкой сложившейся ситуации: будет безопаснее, если Берджесс будет жить с ним, а не слоняться по улицам Вашингтона. Возможно и такое не совсем оправданное объяснение: русские понимали создавшуюся опасность, но ничего не сделали для ее уменьшения. Имеется и такая теория: не Филби должен был помочь Берджессу, а, наоборот, Берджесс прибыл в Вашингтон, чтобы помочь Филби. Корейская война отнимала у Филби много времени. Нельзя исключать, что для Москвы его информация о войне представляла большую важность, чем сведения о тайных операциях ЦРУ — СИС. Гарри Ро-зитцке придерживается именно такого мнения:

«Осенью 1950 года несомненную ценность для Москвы представляли политические сообщения Филби из Вашингтона. В Корее складывалась критическая обстановка. Сталин был отрезан от Запада и не получал оттуда никаких сообщений. Но у него был одаренный, бдительный, политически грамотный сотрудник разведки, который мог сообщить ему о намерениях американцев, о том, например, собираются ли войска ООН пересечь реку Ялу. А Сталин, несомненно, передавал эти сведения представителям КНДР и КНР.

И как раз в середине этого напряженного периода, когда Филби приходилось работать круглосуточно, Берджесс неожиданно получает назначение в Вашингтон и поселяется у своего друга, советского агента. Поэтому нельзя исключать предположения, что Берджесс добивался этого поста, чтобы помочь Филби справиться с дополнительными поручениями Москвы, касающимися корейской войны».

Каковы бы ни были причины, Берджесс и Филби создали полную неразбериху. Берджесс много пил, часто возвращался домой во внеурочное время, нарушил тот небольшой порядок, который удалось навести Айлин в своем хозяйстве. В посольстве он поссорился со своим непосредственным начальником сэром Губертом Грейвзом и вскоре большую часть дня вообще не появлялся на работе. Вместо этого его можно было найти с

бутылкой виски в руках, ремонтирующим электрическую железную дорогу Джона Филби, занимавшую большую часть комнаты Берджесса в подвале дома Филби.

Когда Берджесс появлялся на работе, он выводил из себя офицера безопасности Томми Джонсона тем, что на ночь забывал па столе секретные документы и терял розовые листочки, которые ему давал заполнять Томпсон, чтобы объяснить свой проступок. Офицер безопасности постоянно жаловался: «Этот человек большую часть времени находится в состоянии алкогольного опьянения». С американцами Берджесс вел себя грубо, властно, агрессивно. Он находил удовольствие в открытом выражении полного презрения к американскому образу жизни. Когда Берджесс встречал человека, которого он считал достойным для вступления в беседу, он выливал на него поток оскорблений, затрагивавших Южную Корею и роль в корейских делах генерала Дугласа Макартура.

Высказывания Берджесса скоро стали сказываться на настроении семьи Филби:

«Он открыто проявлял скрывавшееся до сих пор презрение к Соединенным Штатам Америки. Айлин начала высказывать оскорбительные замечания по поводу США, причем делала это с позиции своих предрассудков и невежества. Влияние Берджесса на Кима было более радикальным. Как будто этот «благородный апостол» вновь получил власть, которую он имел в Кембридже над скромным учеником Вестминстерской школы. Ким старался везде брать с собой Берджесса, демонстрировал свое дружеское отношение к нему, бесполезно пытаясь заставить американцев относиться к Берджессу так, как делал это он. Он стремился контролировать поведение Берджесса, но вместо этого сам попал под его опасное влияние».

Из книги 77. Сила и М. Макконвила «Филби: долгая дорога в Москву»

Один из инцидентов принес особенно большой ущерб. В Москве Филби описал мне его очень ярко:

«Мы устроили прием, на котором в основном присутствовали сотрудники ФБР. Было несколько человек и из ЦРУ. Хорошо выпили. Билл Харви пришел с женой, которую, если я не ошибаюсь, звали Либби. Оба были навеселе. В середине приема пришел Берджесс. С ним было бы все в полном порядке, если бы к нему не приставала жена Харви. Она слышала, что Гай является прекрасным художником, и настойчиво просила нарисовать ее портрет.

Наконец Гай сказал: «Хорошо». Он взял свой блокнот

рисовальной бумаги и что-то быстро набросал. Получалась едкая карикатура на Либби. Увидев рисунок, она очень обиделась. На следующий день я позвонил Биллу, пригласил его на ленч и от имени Гая принес извинения. Билл сказал: «Забудем это», однако ясно, что этот инцидент он не забыл» [22].

Трудно сказать, как долго Берджессу удалось бы продержаться в Вашингтоне. Томпсон решил сделать все возможное, чтобы избавиться от него. Айлин могла решить, что с нее достаточно, и, несмотря на протесты Кима, вышибить Берджесса из дома. В этом случае он вряд ли бы сумел прожить самостоятельно. О поведении Берджесса Гувер получал обстоятельные доклады, и он давно бы выгнал Гая из страны, будь это в его власти. Но в конце концов Берджесс сам завалил все дело, и советской разведке пришлось прилагать отчаянные усилия, чтобы спасти от провала всю операцию по проникновению в западные разведывательные службы.

ГЛАВА XIII. УВОЛЕН С РАБОТЫ. ПОДОЗРЕНИЯ ОСТАЛИСЬ

Офис Филби размещался в Вашингтоне в пристройке к британскому посольству, но у него был небольшой кабинет в здании ФБР, где он знакомился с документами, которые ввиду их важности выносить из здания не разрешалось. Значительная их часть касалась так называемых «материалов. Верона» — радиосообщений советского консульства в Нью-Йорке в период 1944–1945 годов, над дешифровкой которых американские криптоаналитики работали в послевоенные годы.

Толчок этой работе дало обнаружение в Финляндии оставшегося после боев обгоревшего блокнота с кодовыми таблицами. Сам по себе блокнот был бесполезен, поскольку в нем указывались лишь слова и данные им цифровые номера. Советская практика кодирования заключалась в то время в том, что каждому слову сообщения давались цифровое обозначение, затем к каждой группе добавлялось определенное число, которое регулярно менялось каждой советской радиостанцией, где бы она ни располагалась. Описываемый ниже пример показывает, какие трудности создает такая система для дешифровальщиков.

Слово «атом» в кодовом блокноте обозначено числом 1000. При кодировании к этому числу добавляется «ключ» — число 500. Шифровальщик, работающий с данным сообщением, добавляя 500 к 1000 получает 1500. Затем он по радио направляет сообщение в центр. Вычитая из 1500 500 дешифровальщик получает 1000 и по кодовой таблице определяет зашифрованное слово — «атом». Если кто-то и перехватит это сообщение, даже имея кодовый блокнот, как это было у американцев — он не сможет прочитать сообщение, поскольку по кодовой таблице число 1500 обозначает, например, «винтовка». Если у дешифровальщика нет «ключа», перед ним настоящая головоломка.

Каждый ключ должен использоваться только один раз. В 1944 году в Москве кто-то сделал ошибку, направив в радиоточки набор уже использовавшихся ключей. Одним из советских учреждений, получивших этот набор, была советская закупочная комиссия в Нью-Йорке. Когда сотрудники ФБР негласно проникли в помещение комиссии, они сфотографировали незакодированные телеграммы, предназначенные для направления в Москву.

Теперь у американских криптоаналитиков были все данные,

необходимые для того, чтобы открыть форточку в мир ранее неподдававшихся расшифровке советских кодов: в их распоряжении имелись открытый и зашифрованный тексты некоторых телеграмм, кодовые таблицы, и поскольку набор некоторых ключей использовался неоднократно, можно было попытаться установить их числовые значения. Тем не менее это была очень трудоемкая, занимавшая много времени работа: потребовавшая не месяцы, а годы. Однако результаты заслуживали этого. По словам изучавшего «материалы Верона» Дэвида Мартина, расшифровка советских кодов явилась причиной всех «громких шпионских дел» в послевоенный период.

Для нас интересно выяснить, как это сказалось на безопасности самого Филби. По мере ознакомления с материалами криптоаналитиков в своем маленьком кабинетике в здании ФБР, Филби ясно видел, как все плотнее стягиваются сети ФБР вокруг Маклина, имевшего в советской разведке кличку «Гомер». Это происходило не потому, что в какой-либо телеграмме Маклин упоминался по имени. Ключи к разгадке его личности можно было найти даже в самых наиболее осторожно сформулированных телеграммах. В одной телеграмме, например, говорилось о том, что, хотя «Гомер» находится в Вашингтоне, он может продолжать встречаться со своим советским оперативным руководителем в Нью-Йорке, поскольку в качестве предлога для этого может использовать визиты к своей жене. В то время Маклин регулярно ездил в Нью-Йорк, поскольку его жена Мелинда была беременна и проживала в Нью-Йорке у своей матери.

Для Филби наступило напряженное и нервное время. Под угрозой разоблачения был не только его коллега по советской разведке, случившееся с Маклином может произойти и с ним. Филби это хорошо знал. Вполне вероятно, что в других телеграммах «Вероны» может всплыть и его имя, и прожекторы ФБР начнут шарить в его направлении. Сколько времени пройдет до того, как у контрразведки появятся ключи к его личности? Филби сообщил о деле Маклина своему советскому коллеге.

«Из обсуждения этого дела с моими друзьями на встречах, состоявшихся в окрестностях Вашингтона, появились два основных соображения. Во-первых, обязательно предупредить Маклина, прежде чем он попадет в сети. С этим все согласились как с аксиомой. Вопрос о ценности Маклина для Советского Союза в случае его побега не возникал. Достаточно, что он был старый и испытанный друг. Во-вторых, желательно, чтобы Маклин как можно дольше оставался на своем посту».

Из книги Филби «Моя тайная война»

Однако возникали определенные трудности. Маклина в Вашингтоне больше не было. В октябре 1948 года он получил назначение в Каир на должность советника и начальника канцелярии посольства. В тридцать пять лет он, таким образом, стал самым молодым советником в МИД. Но почти с самого начала Маклин как бы задался целью уничтожить все достигнутое. Складывалось впечатление, что он не мог больше носить маску, что его истинные убеждения и чувства не стали соответствовать той роли, которую он вынужден был играть как сотрудник советской разведки.

На приемах в посольстве подвыпивший и агрессивный Маклин проводил сравнения между жизнью дипломатов с жалким существованием основной массы египетского населения. Выпивки Маклина становились все более частыми и опасными. В гаком состоянии он сокрушил обстановку в своей квартире в районе Гезиры и отказался оплатить хозяину дома нанесенный ущерб. Во время одного из пикников на Ниле он пытался задушить Мелинду, подрался со сторожем-египтянином, свалился с забора на голову своего коллеги по посольству, Лиза Мейол-ла, сломав ему ногу.

В мае 1950 года во время, как оказалось, своей последней недели пребывания в Каире он впал в 48-часовой запой, во время которого ворвался в квартиру секретарши американского посла, изрубил ее мебель, разбил ванну и все потому, что она «проклятая девка-американка». Затем он как-то очутился в Александрии, где был арестован и помещен в специальную камеру для пьяных матросов. В течение двух дней его состояние было настолько тяжелым, что он не мог назвать себя. Когда наконец ему удалось это сделать, посольство вызволило его из камеры и сразу же самолетом отправило в Лондон, надеясь не допустить тем самым утечки материалов в египетскую прессу. По заявлению представителя посольства Великобритании, Маклин страдает заболеванием нервной системы, вызванной переутомлением.

В Лондоне Маклин прошел обследование у психиатра МИД, который рекомендовал шестимесячный отдых и курс лечения против алкоголизма. Но это не помогло. Пока Мелинда находилась в Каире, Маклин попадал из одной неприятности в другую. В состоянии опьянения он был другим человеком. Поэтому друзья окрестили пьяного бушующего Маклина «Гордоном» и отпускали по его адресу примерно такие замечания: «Боже мой, вчера Гордон, кажется, опять прилично напился».

Несомненно, он находился в состоянии нервного кризиса.

Однажды в трезвом состоянии он заявил своему другу о том, что ему крайне необходимо укрепиться в вере, что коммунизм находится на правильном пути. Не в меньшей степени, чем сомнения, его одолевало отчаяние. В своем письме из Оксфорда, где Маклин находился у одного из своих друзей, число которых неуклонно уменьшалось, он отмечает:

«Невдалеке стоит машина с двумя пассажирами. Она ждет кого-то уже давно. Не меня ли?»

Если бы Маклин был католиком, возможно, он облегчил свои переживания в исповеди. Очевидно, он очень хотел перед кем-то выговориться. После одной из вечеринок он запер в угол своего друга Марка Калм-Сеймура, и между ними произошел следующий разговор:

Маклин. Что ты сделаешь, если я скажу тебе, что работаю на дядюшку Джо?

Калм-Сеймур. Думаю, что я был бы очень удивлен.

Маклин. Ты сообщишь властям об этом?

Калм-Сеймур. Я не знаю. Это так в самом деле?

Маклин. Да. Иди и сообщи.

На следующий день Калм-Сеймур рассказал о состоявшемся разговоре журналисту Сирилу Коннолли, который заявил, что Маклин, очевидно, хотел испытать дружбу Сеймура. Во всяком случае, если Маклин работает на русских, МИ-5, несомненно, знает об этом. Возникшие у них небольшие сомнения улеглись, когда МИД пришло к выводу, что Маклин вновь способен работать, и в ноябре 1950 года назначило его заведующим американским отделом. Если бы в отношении Маклина были какие-либо подозрения, справедливо считал Калм-Сеймур, его, несомненно, не назначили бы на такой высокий пост. И это соответствовало действительности. В МИД Маклина считали первоклассным специалистом, у которого имелись некоторые проблемы со здоровьем.

Вот поэтому советский оперативный сотрудник сказал Филби в Вашингтоне, что Маклин как можно дольше должен оставаться на своем посту — он вновь мог передавать ценную информацию. Сам Филби по этому поводу пишет так:

«После его побега сделали успокоительное заявление, что он был лишь заведующим американским отделом министерства иностранных дел и, следовательно, не имел широкого доступа к особо важной информации. Но нелепо полагать, что смелый и опытный агент, занимавший руководящий пост в министерстве иностранных дел, имеет доступ только к тем документам, которые попадают к нему на стол в связи с его повседневными служебными обязанностями».

Из книги Филби «Моя тайная война»

Имеются доказательства, что Маклин имел доступ к действительно важной информации. Сменивший Маклина на этом посту после его побега Роберт Сесил утверждает:

«Маклин получал разнообразные телеграммы, которые направлялись в посольства и поступали от них в Лондон, а также секретные документы, рассылавшиеся в ящиках, ключи от которых имели только заведующие отделами и их шефы. Нет сомнения, что если бы в отношении Маклина возникли обоснованные подозрения, в ящике ему доставляли бы только не имеющие ценности документы. Но отнимать ключ значило бы насторожить его в то время, когда была надежда поймать с поличным».

Что же передавалось в этих ящиках до того, как в марте 1951 года подозрения в отношении Маклина усилились? Сесил говорит:

«Когда я заступил на пост заведующего американским отделом, в железном шкафу, содержащем документы для начальника отдела (то есть Маклина), я нашел зарегистрированную копию отчета премьер-министра Эттли о его срочной поездке в декабре 1950 года на встречу с президентом Трумэном, во время которой он пытался убедить президента США не разрешать генералу Макартуру использовать атомную бомбу в корейской войне».

Как известно, Трумэн дал Эттли соответствующие заверения: «Трумэн прямо заявил премьер-министру Эттли, что США не намерены использовать ядерное оружие в Корее». Спустя четыре месяца Трумэн уволил Макартура, заявив при этом, что одной из причин увольнения было давление, оказываемое на него генералом с целью заставить его использовать атомную бомбу. Трудно представить, чтобы такой агент, как Маклин, глубоко озабоченный ходом корейской войны, не передал в Москву эту исключительно ценную разведывательную информацию. Осведомленность о нежелании президента США использовать атомную бомбу в корейской войне давала огромные преимущества коммунистам, которые не могли не поблагодарить Маклина. Неудивительно, что Москва была готова предпринять меры для его спасения.

Главным действующим лицом в деле осуществления плана по спасению Маклина был Филби. Только он мог следить за ходом расследования по делу «Гомера» и выбрать нужный момент для спасения Маклина. Осенью 1951 года Филби должны были отозвать из Вашингтона, могли после этого назначить на такой

пост, который не будет иметь к делу Маклина никакого отношения. Поэтому представлялось, что с точки зрения безопасности было необходимо вывести Маклина из игры не позднее середины 1951 года. По поводу случившегося имеется несколько версий, все они, естественно, имеют свои недостатки.

Наиболее широко принятый вариант, основанный частично на материалах книги Филби «Моя тайная война», состоит в следующем. С разрешения своего советского коллеги Филби рассказал Берджессу об опасности, в которой находится Маклин. Филби говорит, что появилась идея («Я не знаю чья») привлечь Берджесса к спасанию Маклина. «По возвращении Берджесса в Лондон для него будет вполне естественным навестить заведующего американским отделом МИД. У Берджесса будут наилучшие шансы «закрутить колесо» операции по спасению Маклина». Однако выглядело бы подозрительным, если бы Берджесс беспричинно вышел в отставку и возвратился в Лондон. Согласно этой версии, Берджесс намеренно ежедневно неоднократно нарушал скорость движения, чем вызвал протесты губернатора штата Виргиния по поводу злоупотребления дипломатическими привилегиями. Государственный департамент направил жалобу в британское посольство, и Берджесс был откомандирован в Лондон. Он встретился с Маклином в здании МИД, а позднее они обедали в королевском клубе автомобилистов.

Между тем на встрече сотрудников СИС, МИ-5 и МИД, состоявшейся 24 мая 1951 года, было принято решение обратиться к министру иностранных дел Герберту Моррисону за разрешением допросить Маклина в понедельник на следующей неделе. В пятницу такое разрешение Моррисон подписал. Кто-то — наиболее вероятно Филби, но Питер Райт считает, что это был Роджер Холлис — узнал об этом и дал знать Берджессу, что Маклина собираются допрашивать. Берджесс зарезервировал двухместную каюту на пароме «Фалаис», который должен был отплыть во Францию из Саутгемптона в полночь с пятницы на субботу. Берджесс встретился с Бернардом Миллером, своим американским другом, которому заявил: «Мой молодой друг из МИД попал в беду. Только я могу помочь ему».

Берджесс взял напрокат машину, упаковал чемодан и, попрощавшись со своим другом по квартире Джеком Хьюитом, выехал за город к Маклину. Пообедав в доме у Маклина, он повез Дональда в Саутгемптон, куда они приехали в 11.45 вечера. Берджесс и Маклин поспешили на паром, оставив незапертой машину на пирсе. Увидев это, один из моряков крикнул им об оставленной машине. В ответ кто-то из них ответил: «Вернусь в

понедельник». Итак, Берджесс и Маклин исчезли. (Хотя все предполагали, что они бежали в Москву, только в 1965 году Берджесс и Маклин появились перед западными журналистами.)

Описанная история имеет один недостаток: причастность к ней Берджесса. Та роль, которая в этой истории отводится Берджессу, просто не имеет смысла. Побег Берджесса с Маклином означает серьезный провал для советской разведки, поскольку он расшифровывает Филби, «розовую надежду» Москвы, имевшего шансы стать шефом СИС, оказавшегося самым ценным сотрудником советской разведки на очень перспективной должности. Своим уходом Берджесс разоблачил себя как агент советской разведки. Естественно, что западные контрразведывательные службы стали изучать круг его близких знакомых. А кто был настолько близок ему, что позволил жить в своем вашингтонском доме? Ким Филби, опытнейший сотрудник британской контрразведки. Или Филби не настолько талантлив и опытен, как о нем говорилось, или он сам является советским агентом.

Данный Филби вариант о роли Берджесса в деле Маклина полон загадок. Прежде всего сразу же возникает вопрос о том, что «подсказка», ускорившая действия Берджесса в ту пятницу, не могла исходить от Филби, у которого не было времени, чтобы узнать о подписании Моррисоном разрешения на допрос Маклина и затем сообщить эту новость Берджессу в Лондон. Прошло ведь всего около 45 минут.

Бывший сотрудник ЦРУ Джордж Карвер, анализировавший загадку с «подсказкой», дает следующие комментарии:

«Поскольку круг лиц, знавших о подписании Моррисоном разрешения на проведение допроса Маклина, был очень узок, более логично предположить, что именно от людей этого круга произошла утечка информации. Вряд ли это был Блант, поскольку он ушел из МИ-5 за несколько лет до этого. Я всегда считал, что последовательность событий, произошедших в тот день, говорит о возможности существования в этой сети еще одного человека, не раскрытого до сих пор, занимавшего руководящий пост в СИС или более вероятно в МИ-5».

Таким образом, поведанная Филби история о «подсказке» вызывает подозрения. Нельзя исключать, что после раскрытия Филби, Берджесса, Маклина и Бланта оставался еще один агент, внедренный русскими в спецслужбы Великобритании, и организованные Питером Райтом попытки его обнаружения в течение многих лег отвлекали внимание британской контрразведки МИ-5 от других более важных и поддающихся решению вопросов.

Когда все свои сомнения я изложил Филби в Москве, он тут же согласился, что его версия «хотя и правдива по своей сути, но еще далеко не вся правда». На основании рассказа Филби и бесед с бывшими руководящими сотрудниками СИС, хорошо знавшими его, я смог воссоздать картину побега Берджесса и Маклина, которая, как я считаю, наиболее близка к истине и позволяет объяснить, почему Филби «мутит воду».

Как только стало ясно, что Маклин это «Гомер», что само по себе является большим успехом западных контрразведывательных служб, русские службы безопасности стали прорабатывать пути спасения своих помощников. Идея Москвы заключалась в том, что один из ее агентов должен «указать пальцем на другого», который вот-вот будет раскрыт контрразведкой. Какого-либо ущерба первому агенту это не нанесет, при условии, что он вовремя будет выведен в безопасное место, но повысит доверие ко второму агенту (за его «лояльность и бдительность») и отвлечет внимание от его собственных прегрешений. Поэтому было принято решение, когда план по спасению Маклина был полностью разработан и его разоблачение казалось неминуемым, что Филби для отвлечения от себя подозрений будет осторожно направлять расследование в сторону Маклина. В своей книге «Моя тайная война» он точно и правдиво описывает, как это сделал:

«Теперь, когда уже вырисовывался план спасения, у меня не было причин не подтолкнуть расследование в нужном направлении. С этой целью я написал докладную записку в Лондон. По памяти я напомнил некоторые старые материалы, из которых следовало, что начальник отдела советской разведки по Западной Европе в середине 30-х годов завербовал одного молодого человека, который поступил на работу в министерство иностранных дел. Этот молодой человек происходил из хорошей семьи, получил образование в Итоне и в Оксфорде. Он оказывал помощь советскому разведчику по идейным соображениям, а не за деньги. Я рекомендовал сопоставить эти данные со сведениями о дипломатах, работавших в Вашингтоне в 1944–1945 годах, то есть в период, к которому относятся сведения об утечке информации».

В результате проведенной по рекомендации Филби работы было выявлено несколько человек, в том числе Роджер Мейкинс (председатель Комиссии по атомной энергии), Пол Горбут (позднее занявший пост постоянного заместителя министра иностранных дел) и Дональд Маклин. Маклин не учился ни в Итоне, ни в Оксфорде, но, как указывает в своей книге «Моя тайная война» Филби, МИ-5 не придала особого значения этой детали, считая, что, по мнению иностранцев, все молодые

англичане из хороших семей должны учиться в Итоне и Оксфорде. МИ-5 сразу же поставила Маклина во главе списка подозреваемых лиц, и, согласно сообщению из Лондона, переданному в ФБР через Филби, его уже взяли под наружное наблюдение.

Филби и его советский оперативный руководитель поняли, что своими поспешными действиями они могли поставить под удар план побега Маклина. Они недооценили быстроту реакции МИ-5 на «подсказку» Филби. Он говорит об этом в своей книге «Моя тайная война», когда упоминает о том, что «его встревожила скорость, с которой развивалось дело». В Москве он более подробно рассказал мне о своих переживаниях. «Это был настоящий кошмар. Все оказалось запутанным. Мы могли лишь разрабатывать планы своего спасения, если контрразведка раскрутит дело. У нас уже давно было все подготовлено на случай вывоза Маклина из Лондона, но от планов пришлось отказаться, поскольку МИ-5 установила за ним слежку. По новому варианту координация всех действий возлагалась на Берджесса, который должен был тайно вывезти Маклина».

Теперь хорошо видно, что в своей книге Филби «жонглирует со временем». Он показывает, что с самого начала Берджессу отводилась определенная роль в осуществлении плана спасения Маклина. Как указывает Филби, Гай мог быть полезным, поскольку «располагал специальными знаниями о проблеме». Какими «специальными знаниями»? Затем Филби рассказывает о намеренном нарушении Берджессом скорости движения, с тем чтобы создать предлог для откомандирования его из США. Это поражало меня как фантазия чистой воды. Как можно быть уверенным, что этот трюк сработает? Что если губернатор Виргинии не подаст жалобы в государственный департамент? А если посол ограничится предупреждением Берджессу?

Мои сомнения в достоверности этой истории усилились, когда я узнал, что Берджесс «совсем не радовался по поводу того, что его план сработал», а наоборот, по словам его шефа Дениса Гринхилла, «клокотал от гнева», узнав, что его отправляют в Лондон. Не все совпадает и по времени. Берджесс нарушил скорость 25 февраля. 14 марта государственный департамент выступил с протестом. Через несколько дней Берджесса уволили с работы, но он болтался в США еще шесть недель и прибыл в Лондон только 7 мая. Это противоречит утверждению Филби, что «возникла настоятельная необходимость ускорить действия».

Более правдоподобная версия заключается, очевидно, в следующем. Долгосрочный план по спасению Маклина, вероятно, не касался Берджесса. Почему? Он не мог ничего нового

предложить советской разведке. Однако все пошло по непредусмотренному пути, когда Филби, желая обезопасить себя, слишком рано вмешался со своим «советом». МИ-5 действовала более быстро и эффективно, чем это предполагал Филби, и от планов по спасению Маклина пришлось отказаться, поскольку за ним было установлено наружное наблюдение. Вынужденные действовать по своему усмотрению, Филби и его советский коллега в Вашингтоне приняли решение привлечь к делу Берджесса, поскольку в виду увольнения с работы за превышение скорости движения он должен был возвращаться в Лондон. Для побега Маклина была установлена дата: 25 мая, пятница, так как его отсутствие до понедельника не будет обнаружено.

Но, сконцентрировав все внимание на Маклине, никто не поинтересовался действиями Берджесса. Перед отъездом из Вашингтона Берджесс встречался с Майклом Стрейтом, американцем, в 30-х годах учившимся в Кембридже, которого Энтони Блант привлек к сотрудничеству на советскую разведку. Но у Стрейта были другие намерения — это он разоблачил Бланта, — и, по его словам, он угрожал передать Берджесса в руки органов безопасности. «Если в течение месяца ты не уйдешь с правительственной службы, клянусь, я выдам тебя».

После прибытия в Лондон и встречи с Маклином Берджесс понял всю опасность, в которую он попал.

После побега Мак лина ему придется предстать перед следователями МИ-5. Само по себе это не особенно беспокоило его, но вкупе с угрозами Стрейта могло испортить все его будущее. Даже если ему удастся избежать наказания, впредь в Великобритании он никогда не сможет получить интересной работы. Филби рассказал мне в Москве следующее:

«Берджесс дошел до точки. Он находился на грани нервного срыва, был гораздо ближе к этому, чем кто-либо предполагал. С его карьерой в Великобритании было покончено, для КГБ особого значения он не имел. Все мы были настолько обеспокоены Маклином, что не обратили внимание на состояние Берджесса. Он находился в состоянии необычайного напряжения».

В таком положении Берджесс обратился в Лондоне к человеку, которому он больше всего доверял, своему советскому оперативному руководителю «Питеру». Поскольку, по собственному предположению, он уже находился под наблюдением, Берджесс связался с «Питером» не напрямую, а через Бланта, который также состоял на связи у «Питера» (свои посреднические функции Блант, как известно, подтвердил). Нам кое-что известно о рекомендации «Питера» агенту, который чувствует, что закон «настигает» его: спасайся. Блант рассказал,

что, когда он информировал «Питера» о расследовании, которое проводилось, когда он попал под подозрение, «Питер» посоветовал ему быстро бежать из страны. Возможно, он дал такой же совет и Берджессу, который самостоятельно в таком состоянии ничего не мог предпринять. Поскольку побег Маклина был уже спланирован, наилучшим выходом для Берджесса было присоединиться к нему.

Но события развивались настолько быстро, что не оставалось времени на консультации с Москвой, Филби или его советским коллегой в Вашингтоне. «Питер» не знал, насколько тесно был связан Берджесс с Филби во время пребывания в Вашингтоне; он не мог даже представить себе, что два советских агента нарушали элементарные правила конспирации и проживали под одной крышей. Оперативный руководитель Филби в Вашингтоне мог бы рассказать ему об этом, сам же он даже не предполагал, что Берджесс собирается бежать вместе с Маклином. В Москве я задал этот вопрос Филби.

«Ретроспективно легко видеть, где мы были не правы, — ответил Филби. — Не нужно было никому бежать, в том числе и Маклину. Это была ошибка. Я знаком с имевшимися против него уликами: не было ничего, что бы выдержало судебное разбирательство. Он мог бы решительно опровергнуть эти улики, высказать угрозу подать на министерство иностранных дел в суд. Почти несомненно власти отступили бы [23]. Когда через пару лет все улеглось бы, Маклин при желании мог бы поехать в отпуск в Швейцарию и оттуда отправиться в Москву.

Я ответил: «Возможно, «подсказка» касалась не времени проведения допроса Маклина. Возможно, контрразведка получила какие-то действительно обличающие Маклина данные, которые было решено предъявить ему?» Филби ответил: «Подсказки» вообще никакой не было, если не считать моего письма Берджессу, в котором я предупредил его, что «охота за «Гомером» приближается к концу. (Предупреждение было замаскировано упоминанием о машине Берджесса, оставленной в гараже посольства.) При отъезде из Великобритании он нечаянно оставил это письмо в своей квартире, и Бланту пришлось срочно предпринимать меры, чтобы изъять его».

Я сказал: «Но ведь Маклин и Берджесс действительно бежали в тот день, когда Моррисон подписал разрешение на допрос Маклина?» Ответ Филби: «Это простое совпадение. В течение некоторого времени Берджесс принимал участие в разработке плана побега, и его дата была установлена задолго до того, как Моррисон подписал разрешение на допрос Маклина. Кажется, это подтверждает в своих воспоминаниях и Джек Хьюлит, с которым

Берджесс жил в одной квартире. Во время телевизионного интервала Хьюлит заявил, что Берджесс еще в среду сказал ему (а это канун совещания сотрудников СИС, МИ-5 и МИД, на котором был решено обратиться с просьбой к Моррисону), что в пятницу он уезжает за границу, чтобы помочь оказавшемуся в беде другу». Далее Филби продолжал: «Побег Берджесса не планировался. Мы знали, что это поставит меня и Бланта в опасное положение, однако решили остаться и пройти через все трудности. Началась настоящая неразбериха, подлинный кошмар и все это благодаря этому «негодяю» Берджессу. КГБ никогда не простил ему этого. В Москве мы жили отдельно, чтобы избежать взаимных упреков по поводу случившегося. Я могу понять необходимость таких мер, однако я испытывал большое сожаление, когда узнал, что он умер. Берджесс был хорошим другом».

На этот инцидент, описанный в книге Филби «Моя тайная война», теперь можно посмотреть в реальном свете: это была попытка прикрыть недоработки советской разведки, в которых его собственные ошибки сыграли немалую роль. Была и еще одна цель: усилить у западных разведывательных служб подозрения, что остались неразоблаченными другие внедренные в их ряды агенты, спасти от краха оставшийся разведывательный потенциал. Позднее во время наших бесед на мой вопрос, испытывает ли он сожаления, Филби отвечал в общем плане. Внезапно у него прорвалось: «Профессионально я мог бы сделать лучше. Я наделал ошибок и заплатил за них». Несомненно, при этом он имел в виду свою дружбу с Берджессом и все перипетии по делу «Гомера».

О побеге Берджесса Филби узнал от Джоффри Патерсона, сотрудника МИ-5 в Вашингтоне. Филби таким образом описывал этот момент. «Ким, — прошептал он, — птичка улетела». Я изобразил на своем лице выражение ужаса (надеюсь, мне это удалось). «Какая птичка? Неужели Маклин?» «Да, — ответил он. — Но хуже того. Гай Берджесс бежал вместе с ним». Тут мой ужас был неподдельным». Филби предпринял решительные действия. Как только представилась возможность, он поехал домой, взял фотокамеру и все принадлежности к ней и все закопал в лесу на берегу Потомака. Затем он стал обдумывать создавшееся положение.

У Филби не было сомнений, что его дружба с Берджессом настолько компрометировала его, что улетучились все надежды на успешную карьеру в СИС. Возможно, ему удастся задержаться в каком-то подразделении разведки. Его преимущества заключались в том, что он знал правила предъявления улик, был уверен, что у властей ничего серьезного против него нет, что его

друзья в СИС не будут настаивать на его увольнении из-за этой нелепой дружбы. Он решил остаться и ждать развития событий в Лондоне.

Ждать пришлось недолго. В собственноручно написанном и доставленном с нарочным письме заместитель директора СИС Джек Истон информировал Филби о том, что в скором времени он получит официальную телеграмму с вызовом в Лондон в связи с делом Берджесса — Маклина. Почему Истон написал личное письмо? Непонятно. С учетом действий руководства СИС в отношении Филби во время его последующего пребывания в Бейруте направление Истоном письма можно объяснить его намерением дать Филби сигнал бежать. Этим актом он полностью разоблачил бы себя и дал возможность СИС избежать скандала в случае ареста Филби и суда над ним.

Когда телеграмма поступила, Филби созвонился с сотрудниками ЦРУ и ФБР и проинформировал их о своем предстоящем недолговременном отъезде. Филби тронула та заботливость, которая была проявлена к нему сотрудником ФБР Мики Лэддом. Во время наших бесед в Москве он отозвался о Лэдде как «о прекрасном человеке и хорошем друге». У Филби состоялась любопытная встреча с Энглтоном, о которой он не говорит в своей книге. Об этой встрече Филби рассказал мне в Москве следующее:

«Энглтон позвонил мне, и мы договорились встретиться в баре до отъезда в аэропорт. Разговор он начал с вопроса о том, как долго я буду отсутствовать. Я ответил, что около недели. Мы поболтали немного, а затем Энглтон сказал: «Не можете ли вы сделать в Лондоне для меня любезность?» Я ответил утвердительно. Он передал мне письмо, адресованное начальнику британской контрразведывательной службы. Он сказал, что прозевал дипломатическую почту. Возникла потребность доставить письмо в Лондон максимально быстро». Филби сделал паузу, чтобы убедиться, что я понял его мысль, а затем подтвердил ее. «Конечно, такая просьба не должна была бы исходить от человека, у которого должны были бы возникнуть ко мне подозрения». Затем Филби ухмыльнулся. «Если, конечно, — сказал он, — в конверте не было чистого листа бумаги и Энглтон не хотел выяснить, что я с ним сделаю».

Есть в этой истории еще одна загадка. Тэдди Коллек, знавший Филби по его пребыванию в Вене, работал в то время в посольстве Израиля в США, налаживая официальные контакты между разведывательными службами США и Израиля. По словам Коллека, однажды встретившего Филби в коридорах ЦРУ, он сказал Энглтону, что Филби когда-то был членом компартии. К

сожалению, Коллек не помнит, произошло ли это в 1951 году, когда Филби был еще в Вашингтоне, или в 1952 году, когда его уже отозвали в Лондон.

Факт состоит в том, что в 1951 году Энглтон выступил в ЦРУ как один из защитников Филби. По указанию директора ЦРУ Беделла Смита, каждый сотрудник, знавший Берджесса, должен был подготовить о нем рапорт. 18 июня 1951 года Энглтон написал рапорт о нескольких встречах с находившимся в нетрезвом состоянии Берджессом, в котором указал, что Филби выступал как его защитник даже в тех случаях, когда поведение Берджесса компрометировало его, заявляя при этом, что «Берджесс перенес серьезное сотрясение мозга в автоаварии, которое периодически дает о себе знать». Однако содержание рапорта говорило о том, что Филби не следует винить в поведении Берджесса и что в отношении его нет каких-либо подозрений.

Рапорт Билла Харви носил совершенно другой характер. Датированный 13 июня 1951 года, он сводил воедино все «случайные стечения обстоятельств» в карьере Филби: он стоял во главе дела Волкова, был руководителем провалившейся албанской операции, полностью осведомлен о мероприятиях по поиску «Гомера», жил с Берджессом под одной крышей. Располагавший опытом работы в ФБР Харви пришел к выводу, что эти совпадения не являются случайными. Он сделал единственное резюме: Ким Филби является агентом советской разведки.

Беделл Смит, ознакомившись с рапортами, прислушался к рекомендациям Харви. В письме к Мензису в Лондон он указал, что Филби как британский офицер связи больше не устраивает американцев. В основном письмо было составлено самим Харви, который, очевидно, считал, что он должным образом отомстил Берджессу за оскорбление, которое тот нанес его жене Либби в доме Филби.

Еще до прихода письма Смита в Лондон руководящий сотрудник британской контрразведки Дик Уайт провел, по сути дела, допрос Филби. Он опросил Кима по всей его карьере и заострил внимание на пребывании Филби в Испании до того, как тот стал военным корреспондентом газеты «Таймс». Для Филби это был щекотливый вопрос, поскольку он ездил на деньги советской разведки. Кроме того, разведка снабжала Филби финансовыми средствами, и притом через Берджесса, который выступал в роли курьера. Уайт потряс Филби градом своих вопросов и, если бы Филби не смог показать, откуда он брал деньги на поездку, он сразу же стал бы «молодым британским

журналистом, направленным в Испанию русскими», как об этом говорил Кривицкий в 1937 году. Данное Филби объяснение — поездка в Испанию была его попыткой прорваться в журналистику, поэтому он продал все что можно, чтобы собрать необходимую сумму — было довольно не убедительным, но имело то преимущество, что его невозможно было проверить.

У Уайта сложилось двойственное мнение о деле Филби. Интуиция подсказывала ему, что в этом деле что-то неладно, но, как он откровенно говорил своим коллегам, «Филби остается неуязвимым, поскольку в СИС против него даже слова не хотят слышать. Нам приходится действовать в одиночку». В МИ-5 было составлено досье на Филби, в котором нашли отражение его левые взгляды в молодые годы, венский период, женитьба на Литци, неожиданный переход на правые позиции. Работа во франкистской Испании, предупреждение Кривицкого, дело Волкова, бегство Берджесса — Маклина. *«Я* проанализировал материалы досье. Минусов в нем больше, чем плюсов», — информировал Уайт ЦРУ.

МИ-5 прежде всего поставило обо всем в известность ФБР. Роберт Ламфер, сотрудник ФБР, специализировавшийся по советским делам, вспоминает: «В Вашингтон приехали Дик Уайт и Артур Мартин (руководящий сотрудник МИ-5, занимавшийся делом Маклина). Мы чувствовали себя в определенной степени оскорбленными, поскольку англичане скрыли от нас свои подозрения в отношении Маклина. Поэтому перед тем, как подробно беседовать с Артуром Мартином, я рассказал ему о своей неудовлетворенности. Он показал мне подготовленное МИ-5 досье на Филби. Начиная с этого летнего дня 1951 года у меня никогда не возникало сомнения, что Филби является советским агентом. С тех пор, вплоть до своего ухода из ФБР в 1955 году, во всех лекциях, которые я читал для сотрудников ФБР, я открыто называл Филби советским агентом. Я не понимаю, почему СИС отказалось предпринять против него какие-то меры. По моему мнению, причина состоит в том, что в этом случае пришлось бы действовать против «своих людей». СИС отказывалось верить, что представитель высшего класса может продать самого себя».

Ламфер был не совсем прав. Многие из коллег Филби считали, что в вину Филби можно было поставить лишь неблагоразумную дружбу с Берджессом, в отношении которого он проявил поистине рыцарскую преданность.

Они думали, что Филби явился жертвой набирающего в США силу маккартизма. (Одним из наиболее энергичных и постоянных защитников Филби был Малькольм Маггеридж, ставший

впоследствии его самым ярым критиком.) Эти сотрудники считали, что разведка должна встать на сторону Филби, игнорировать недовольство ФБР и охлаждение отношений с ЦРУ. По их мнению, «клуб должен твердо стоять за своих членов» и показать «этим малышам», что такое сис.

Но защитники Филби не принимали во внимание новые аспекты в отношениях между британской и американской разведками: «бедными родственниками» теперь становились англичане. Мензис знал, что делать. Он вызвал Филби к себе и предложил ему уйти в отставку. (Но его опередил прекрасный тактик Ким Филби: *«Я* вам больше не подхожу и никогда не подойду. Поэтому мне кажется, что я должен уйти».) Вместо пенсии Филби получил 4 тысячи фунтов стерлингов: 2 тысячи сразу, остальные должны были выплачиваться каждые полгода по пятьсот фунтов. По этому поводу он писал: «Предлогом для рассрочки платежа было опасение, что я могу растратить деньги в необдуманных спекуляциях на бирже. Но поскольку я никогда в жизни на бирже не играл, этот предлог выглядел наивным. Более вероятной причиной было стремление застраховаться на случай, если в течение этих трех лет меня упрячут в тюрьму».

Получилось некоторое недоразумение по поводу того, из какого же ведомства Филби ушел в отставку. Поскольку в официальных заявлениях говорилось только о его отставке из «иностранной службы», все считали, что в СИС он остается. Выражение «иностранная служба» было использовано вместо «СИС», которая официально не существовала. Справедливо то, что Филби оставался в списках сотрудников СИС, поскольку «попав однажды в СИС, человек всегда оставался в рядах разведки». Частично это справедливо и потому, что существовала практика держать подозреваемого сотрудника в кадрах разведки до пяти лет, так как нередко требовался такой срок, чтобы собрать доказательства и возбудить дело.

Дело Филби не создавало впечатления, что он останется на свободе достаточно долго, чтобы получить все причитающиеся ему деньги. МИ-5 сдаваться не собиралась и в ноябре 1951 года пришла к выводу, что у нее достаточно данных, чтобы посмотреть, как на них сумеет

ответить Филби. Преследовалась также цель проверить, как выглядели бы в суде их обвинения и его защита. Поэтому с Филби намеревались сыграть опасную для него игру. Его вызывали в Лондон из Херонсгейта, Херт-фордшира, где он проживал в недавно снятом доме, чтобы предстать перед инсценированным судом по обвинению в измене.

ГЛАВА XIV. ГУВЕР ВМЕШИВАЕТСЯ НЕУДАЧНО. ФИЛБИ ОПРАВДЫВАЮТ

В ноябре 1952 года в штаб-квартире британской контрразведки МИ-5 в Леконсфилд-хаусе на Курзон-стрит состоялся так называемый показной суд над Филби. Филби имел полное право отказаться участвовать в нем, так как МИ-5 не могла по закону заставить его это делать. Однако он решил, что наилучшим способом сохранить контакт со своей службой является проявление с его стороны готовности к сотрудничеству, желания внести ясность в дело Берджесса — Маклина. Для ведения дела, которое МИ-5 назвала «судебным расследованием», был назначен Хеленус Мильмо, королевский советник и судья, который во время войны работал следователем в МИ-5. За свои грубые авторитарные методы он получил прозвище «давильщик». Он пытался силой вынудить Филби к признанию своей вины.

С самого начала стало ясно, что этот метод не сработает. Чтобы загнать свою жертву в угол, Мильмо без остановки задавал вопросы, на которые требовал немедленных ответов. Для замедления хода допроса и сведения его к удобной для себя форме Филби прибегнул к перемежающемуся заиканию (что с ним иногда случалось). В 1968 году корреспондент газеты «Санди таймс» беседовал с присутствовавшим на допросе сотрудником МИ-5, который дал пример такого гипотетического обмена репликами между Филби и Мильмо, приводившего последнего в ярость.

Мильмо. В тот день была хорошая погода?

Филби. Да.

Мильмо (атакуя). Откуда вы об этом знаете?

Филби. Тогда б-б-б-была температура около д-д-д-д-двадцати пяти градусов, как мне к-к-к-кажется. Д-д-д-д-дул слабый ю-ю-южный ветер. Я д-д-д-д-думаю, мл о такой д-д-день можно назвать х-х-х-хорошим.

Как мы отмечали в своей статье в 1968 году, «заикание может не только деструктивно сказаться на ритме и напряженности любого разговорного диалога, каким является и перекрестный допрос, но и вызывает определенную, хотя и иррациональную симпатию или, по крайней мере, непроизвольное сострадание со стороны даже враждебно настроенных слушателей».

Мы пришли к выводу, что Филби одержал легкую победу над Мильмо, и процитировали слова одного присутствовавшего на допросе адвоката: «Выглядело так, будто глупейший в мире

человек допрашивает самого умного».

Оглядываясь назад, можно сказать, что такой вывод слишком суров. С одной стороны, бывший сотрудник МИ-5, с которым я беседовал в 1984 году, заявил, что, хотя в ходе «судебного расследования» не было выявлено достаточно доказательств для возбуждения против Филби судебного дела, «ни один сотрудник, присутствовавший на допросе, не сомневался в его виновности». И сам Филби в Москве жаловался на то, что из сообщений об этом процессе складывалось впечатление, что он слишком легко вышел из расставленной западни.

«Было не совсем так, как вы это описали, — сказал Филби. — Во вступлении к вашей книге Ле Карре утверждает, что, судя по организации суда, он был не более чем фарсом. Что он говорит? Послушайте: «Опытный следователь никогда не конкретизирует обвинений, никогда не раскрывает масштабов своей осведомленности, никогда не создает для подследственного безопасных и комфортных условий, выражавшихся в том, что Филби сопровождали поддерживавшие его бывшие коллеги, и не проводит расследования в присутствии компетентной и осведомленной аудитории». Ну, во-первых, меня не сопровождал ни один мой коллега, который поддерживал бы меня. Аудитория была откровенно враждебной. Не забывайте, что за спиной у Мильмо была очень успешная карьера во время войны, и ему помогал чрезвычайно способный молодой сотрудник МИ-5. Оба вели себя враждебно по отношению ко мне. Я не знаю, кто снабдил вас такой информацией, но я всегда считал, что ход допроса был разработан в другом месте, поэтому вы можете перепроверить мои слова.

Вы должны понять необычность дела. В течение один-наддати лет я работал в СИС по контрразведывательной линии. Дела я знаю во всех подробностях. Мне известны все тонкости процедуры. Как мог Мильмо сформулировать обвинения, которые я не мог бы предусмотреть заранее? Как он мог обнаружить какую-либо осведомленность, о которой мне было неизвестно? Конечно, у него была пара неожиданных для меня моментов, но ничего опасного для меня в них не было.

Далее, очень трудно ответить на вопрос, правильно ли сделало руководство МИ-5, столкнув меня с Мильмо. Контрразведке, очевидно, было известно, что я во всеоружии встречу это испытание. Я детально, до малейших подробностей изучил дела. Я хорошо знаю процедуру «судебного расследования». Неизвестным фактором были мои нервы. Они, очевидно, надеялись, что я сломаюсь под градом вопросов Мильмо, или, по крайней мере, он в достаточной степени

«размягчит» меня перед тем, как я попаду в руки опасного Скардона (Уильям Скардон, работавший в военное время следователем в МИ-5, который позднее «расколол» Фукса). Как я и ожидал, мои нервы выдержали. Но если бы случилось обратное, действия властей были бы оправданны».

Я спросил Филби, какие неожиданные моменты возникли в ходе допроса и как он с ними справился. «Относительно молодого английского журналиста, якобы посланного русскими в Испанию, Кривицкий когда-то заявил, что перед ним фактически была поставлена задача убить Франко. Я не знаю, почему Кривицкий так сказал. Во всяком случае, Мильмо орал: «Вас посылали в Испанию убить Франко, не так ли?» Я ответил: «Учитывая, что русские могли использовать массу людей, чтобы совершить покушение на Франко, думаете ли вы, что они выбрали бы для этого именно меня?» По своему смыслу предложение было настолько абсурдным, что для каждого из присутствующих это было ясно.

Больше всего меня беспокоила возможность появления в ходе допроса каких-то новых сведений обо мне, сведений, которых не было в делах. Наконец они появились: радиосвязь».

Филби имел в виду контроль со стороны МИ-5 радиосвязи между посольством СССР в Лондоне и Москвой во время предательства Волкова и расследования по делу «Гомера». Радиопередачи советской разведки ежедневно перехватывались и полностью записывались в основном для последующей работы над ними криптоаналитиков.

Если даже код в то время не поддавался расшифровке, ситуация могла совершенно неожиданно измениться. Простой объем радиосвязи говорил контрразведывательной службе об интенсивности работы советской разведки.

По записям радиопередач советского посольства в Лондон МИ-5 установила, что через два дня после поступления материалов на Волкова в Лондон объем радиообмена между Лондоном и Москвой резко подскочил. Когда измеренный до секунды объем этих радиопередач сравнили с объемом радиосвязи между Москвой и Стамбулом, начавшейся несколько часов спустя, то цифры почти совпали. МИ-5 пришла к заключению, что, когда власти в Лондоне были возбуждены по поводу содержания материалов Волкова, советское посольство было тоже чем-то очень взволновано, и о своем беспокойстве оно информировало Москву. Москва в свою очередь передала это загадочное состояние в Стамбул.

МИ-5 пришла к следующему выводу: «Узнав о деле Волкова, Филби обо всем проинформировал своего лондонского

оперативного руководителя. Он радировал в Москву, а Москва передала информацию в Стамбул, чтобы перехватить Волкова». Теперь мы знаем, что было правильное предположение. Но предположение это еще не доказательство. Не являлся доказательством и тот факт, что был примерно такой же скачок в объеме радиосвязи между Лондоном и Москвой после того, как Филби был официально поставлен в известность о расследовании по делу «Гомера». Однако все это дало в руки Мильмо дополнительные аргументы, чтобы попытаться «расколоть» Филби.

В Москве я спросил у Филби, как он сумел с этим справиться.

«Я понял, что, если попытаюсь давать объяснения или выдвигать собственные идеи, вызову дополнительные подозрения. Поэтому когда Мильмо все это выложил, а затем спросил: «Как вы это объясните?», я просто ответил: «Откуда мне известно?» и больше не сказал ни слова. Это, конечно, неудовлетворительный ответ, но именно так мог ответить невинный человек. По правде говоря, я не знаю, насколько соответствовало действительности предположение МИ-5. Это была лишь обоснованная догадка, но не доказательство».

Филби заявил, что большинство других обвинений Мильмо были довольно необоснованными. Так, он обвинил Филби в том, что он «доверил Берджессу личные конфиденциальные документы». «Имелся в виду мой диплом из Кембриджа, который был найден в квартире Берджесса». (Много лет назад Филби вложил его в книгу.) Филби ответил, что это обвинение настолько бессмысленно, что ему трудно скрыть свое удивление.

Мильмо сдался. В его отчете отмечалось: «На этого человека у нас нет ничего, что выдержало бы проверку в суде». МИ-5 передали дело Филби Скардону. Этот с обычной внешностью человек, немного сутулый, с трубкой, крепко зажатой в зубах, искусство ведения допроса постиг в подразделении Скотленд-Ярда, занимавшемся расследованием убийств. В МИ-5 он оттачивал свое мастерство. Неизменно вежливые вопросы, возвращение время от времени в просительной форме к незначительным деталям, желая как бы получить разъяснение, рассматривалось Скардоном в качестве своего интеллектуального оружия. Такая тактика оказывала необъяснимое психологическое воздействие на допрашиваемых лиц. Она сработала и с Фуксом. Но будет ли она действенной в отношении Филби — совсем другое дело. Кроме того, СИС вряд ли позволит Скардону неоднократно встречаться с Филби, как он этого требовал. Что шло на пользу Филби, а что нет — в этом состояли разногласия (с философской точки зрения) между сотрудниками МИ-5 и СИС.

Сотрудники МИ-5 рассматривали себя в качестве стражей законности и порядка. Поскольку их основная задача — ловить шпионов, в их мышлении появились следы полицейского. Ко всему они проявляли недоверие: с усердием полицейского искали виновного, особо тщательно изучали дела. Их мораль не допускала наличия «темных мест», изменений точек зрения; рамки, в которые они втискивали людей, были очень жесткими и узкими. Я встретился с Уильямом Скардоном, когда он ушел из МИ-5 и неполный рабочий день работал в СИС, занимаясь проверкой кандидатов на работу. В ходе нашей беседы он сделал два замечания, прочно засевших в моей памяти. Он заявил, что даже увлечения человека могут сказать ему о подверженности предательству. Он подразделял увлечения на две категории: «конституционные» и «неконституционные». Садоводчество — это «конституционное» занятие, хождение на лыжах — «сомнительное», мотоциклетный спорт — «очень подозрительное». Затем он сказал, что ушел из Скотленд-Ярда после того, как правительство отменило смертную казнь: уменьшение «ставок» больно задело его, удовлетворительный для себя выход он нашел в увольнении с работы.

Отсюда можно сделать вывод, что сотрудники СИС по характеру выполняемой ими работы, а также в силу деликатности дел, которыми они занимались, не пользовались симпатиями у большинства офицеров МИ-5. По мнению сотрудника британской контрразведки, должно быть возможно проанализировать работу разведчика за значительный период времени и подбить итоги, как, по словам Дика Уайта, он это сделал в отношении Филби. На это офицер разведки может возразить, что для достижения результатов иногда требуется вся жизнь, годы и годы приходится тратить для завоевания у человека доверия, перед тем как сделать завершающий «укол». Если посторонний человек будет с особым пристрастием анализировать действия сотрудника СИС, осуществляющего разведывательную операцию (особенно перед ее развязкой), то ему трудно не прийти к выводу о нем, что он имеет дело с предателем. Его единственная защита в это время — это лояльное отношение и доверие к нему его коллег.

Поэтому сотрудники СИС глубоко переживали организованный над Филби процесс, а те из его друзей, которым он рассказывал о «заходах» Скардона, были просто потрясены его действиями. Сразу с допроса Скар-дон вместе с Филби пришел к нему домой, чтобы забрать заграничный паспорт. Смысл такого шага состоял в том, чтобы показать Филби, что следствие по его делу далеко не закончено. В течение следующих недель Скардон почти регулярно появлялся в доме Филби. Беседы обычно

проходили в гостиной или во время прогулок. Скардон пытался завоевать доверие своего подопечного, а Филби старался держать его на безопасном расстоянии. Это было нелегко. В своей книге «Моя тайная война» Филби отмечает:

«Он был исключительно любезен и отличался прямо-таки изысканными манерами. Его внимание к моим взглядам и поступкам даже льстило мне. Это был гораздо более опасный человек, чем неспособный Уайт или шумливый Мильмо. Мысли о том, то именно Скардон сумел войти в доверие к Фуксу, что привело к осуждению последнего, помогали мне не поддаваться его вежливому подходу. Во время нашей первой долгой беседы я обнаружил две маленькие ловушки, которые он ловко и расчетливо расставил для меня, и сумел обойти их. Не успел я поздравить себя, как мне пришло в голову, что он мог расставить и другие ловушки, которые я не заметил».

Примерно через месяц Скардон перестал приходить к Филби. Был еще один допрос, который на этот раз проводили два руководящих сотрудника СИС Джек Истон и Джон Синклер. «Дуэль с Истоном доставила мне удовольствие, — писал Филби в книге «Моя тайная война». — У меня уже был опыт допросов с Уайтом, Мильмо и Скардоном, поэтому я шел по проторенной дорожке и не думал, что он преуспеет там, где они потерпели неудачу. Так оно и вышло». Позднее Скардон высказывал жалобы на то, что дело было неправильно организовано. Затеянное контрразведкой судебное расследование позволило Филби отрепетировать свою защиту, выяснить имевшиеся у МИ-5 улики и, поскольку они были неубедительными, сухим выйти из воды. С самого начала Скардон дал бы Филби полностью выговориться, и это было бы самым большим противостоянием в истории ведения следствия.

Для Филби наступил трудный период. Морально он был опустошен, денег не было. С позиций восходящей звезды британской разведки, возможного начальника СИС сэра Гарольда Филби, от приятной и интересной работы, коллег, компанией которых он дорожил, фактически за один день Филби опустился в жестокий мир, где он оказался в одиночестве. Его бывшие коллеги по СИС разбились на три группы: небольшое число сотрудников, считавших, что, возможно, Филби виновен, и поэтому не желавших иметь с ним что-либо общее; более многочисленная группа, которые считали, что Филби, возможно, невиновен, однако полагали, что будет лучше не общаться с ним; и наконец, небольшая, но влиятельная третья группа людей, убежденных в невиновности Филби и готовая сделать все, чтобы поддержать его и затем вернуть на службу. Однако Филби решил,

что будет лучше, если с этими людьми он будет иметь лишь минимальные контакты, чтобы не подвергать опасности их карьеру. «После Мильмо я порвал дружбу с Грэмом Грином, — заявил Филби мне в Москве. — Я не хотел причинять ему какие-либо неприятности».

Конечно, ободряющее слово в это время со стороны советского коллеги придало бы духу Филби, но, к сожалению, это было невозможно. Дело против Филби было отложено, но не закрыто. МИ-5 считала, что ее лишили законной добычи. За Филби следовало бы установить постоянную слежку в надежде получить доказательства, которые позволили бы упрятать его на двадцать лет в тюрьму Уормвуд — Скрэбс — зафиксировав его встречу с установленным советским разведчиком.

Будучи отрезанным от своих коллег и от советской разведки, Филби пытался выбросить из головы все тайные дела и сконцентрироваться на получении средств к существованию. Он сразу же столкнулся с трудностями, которые обычно встают перед всеми сотрудниками СИС, досрочно ушедшими со службы: что сказать своему возможному работодателю о своих занятиях в течение последних 10–15 лет!

Филби пытался ссылаться на нередко используемое сотрудниками СИС прикрытие — находился в штатах иностранной службы — чем обычно вызывал один вопрос: почему ушел [24].

Из беседы с Филби в Москве: «Через некоторое время я пришел к выводу, что единственной областью, где я могу попытаться найти работу, является журналистика. Смогу ли я вновь прорваться на Флит-стрит? Однажды мне удалось сделать это в Испании, почему бы не попытаться вновь? Я добился возвращения мне заграничного паспорта и в течение пяти недель безрезультатно посылал из Испании статьи в несколько лондонских газет, включая «Обсервер», однако ни одна из них не предложила ни постоянной, ни контрактной работы. Контакт с «Обсервер» позднее принес результаты.

Затем мой друг предложил мне работу в Сити в экспортно-импортной компании. Мы импортировали фрукты из Испании и поставляли касторовое масло в Соединенные Штаты Америки. Это была удивительно нудная работа, и я испытал удовлетворение, когда через год мы разорились. Моей вины в этом не было.

Была еще одна потерпевшая неудачу сделка, касавшаяся написания книги. Андрэ Дейч подписал со мной контракт на книгу о моей деятельности в разведке. Сначала я был чрезвычайно увлечен этим делом, но когда начал писать, стало

ясно, что будет бесцветная вещь. Я решил, что продолжать нет смысла, и возвратил аванс.

Томми Харрис внес 250 из 600 фунтов стерлингов, остальные я занял у своих друзей».

Рассказ Филби несколько отличается от того, как запомнил эту сделку сам Андрэ Дейч. По словам Дейча, к покойному Николасу Бентли, карикатуристу и директору издательства «Андрэ Дейч лимитит» обратился его друг детства Харрис с идеей написания книги. Бентли и Дейч организовали ленч в ресторане «Ле Эскарго» на Грик-стрит. «Харрис пришел с Филби, которого представил нам. На нас он произвел впечатление остроумного, приятного и интеллигентного человека, и мы решили подписать с ним контракт. Книга должна быть написана быстро. Мы согласились выплачивать аванс помесячно: шесть месяцев по сорок фунтов стерлингов и шесть по шестьдесят. Это было необычно. Через несколько недель у нас состоялся второй ланч: Филби по-прежнему был полон энтузиазма. Но через год, когда мы встретились за ланчем в третий раз, его настроение резко изменилось. Он казался подавленным. Нехмного потрепанным. Заявил, что решил бросить книгу».

Из рассказа Дейча следует, что Харрис втайне от Филби был партнером Дейча в этом деле. В первых числах каждого месяца, когда Дейч переводил Филби 40 или 60 долларов, Харрис выплачивал Дейчу наличными половину этой суммы. 5 апреля 1955 года, когда срок контракта закончился, Харрис выплатил Дейчу оставшуюся часть аванса в 600 фунтов стерлингов (по нынешним ценам составляет 12 тысяч фунтов стерлингов). Из сказанного можно сделать единственный вывод: Харрис субсидировал Филби, о чем последний, возможно, не знал, и делал это так, что было невозможно это установить.

В этот период был еще один случай, воспоминания Филби о котором отличаются от воспоминаний других лиц. В своей книге «Моя тайная война» Филби упоминает о письме депутата парламента от консервативной партии, который пригласил его на чашку чаю в палату общин. «Он чистосердечно признался мне в том, что ведет войну против министерства иностранных дел в целом, и Антони Идена в частности. Он слышал, что меня тоже уволили с дипломатической службы, и полагал, что я теперь должен испытывать чувство обиды. Он был бы очень благодарен, если бы я предоставил ему какой-либо материал, позволяющий облить грязью министерство иностранных дел… Я ответил, что понимаю причины, побудившие руководство министерства иностранных дел потребовать моей отставки, и тут же удалился».

Однако депутат парламента Генри Керби, работавший в 20-х

годах в СИС, в 1968 году рассказал другую историю. «Я познакомился с Филби в конце войны. Он произвел на меня впечатление странного, неопределенного типа человека, нервного и раздражительного. Пытался создать впечатление, что он везде побывал и все знает. Лично я был о нем невысокого мнения и был довольно удивлен, когда в 1954 году он пытался два или три раза встретиться со мной в здании парламента. Внизу, в подвальном этаже у меня была комната, куда я обычно «сплавлял» просителя, как только для этого представлялась возможность. Филби не относился к числу людей, с которыми мне хотелось беседовать на людях. Он обратился ко мне с единственной просьбой — помочь найти работу, любую работу. Конечно, я не мог помочь ему. Филби вел себя настолько странно, что я почуял недоброе и рассказал о его визите Маркусу Липтону (депутату парламента от лейбористской партии)».

Значимость этих визитов состояла не в целях прихода Филби к Керби, каковыми бы они ни были, а в том, что Керби рассказал о них Липтону, простому старомодному военному человеку, и возбудил у него подозрение к Филби. Таким образом, неосознанно Липтон должен был сыграть особую роль, но не в разоблачении Филби, а в его оправдании.

Не только служебная, но и личная жизнь Филби терпела крах. Большую часть времени Айлин проводила одна с детьми в доме на Херонсгейт, а Филби жил в Лондоне. Иногда на несколько дней он появлялся дома, обычно в нетрезвом виде. Имеются данные, полученные от друзей семьи Филби, которые свидетельствуют о том, что наконец у Айлин возникли подозрения о том, кому на самом деле служит Филби. По словам Патрика Сила, одна из знакомых Айлин слышала, как та однажды вечером выпалила: *«Я* знаю, ты как раз тот «третий человек». Хейзел Флорел, друг семьи Филби по Стамбулу, вспоминает, как Филби сказал ей о том, что Айлин направила телеграмму в министерство иностранных дел, в которой изложила свою догадку.

Мать Айлин пыталась помочь своей дочери, купив большой дом времен короля Эдуарда в Кроуборо на границе между Кентом и Суссексом, и вся семья переехала туда. Дом был слишком велик, чтобы поддерживать в нем должный порядок, поэтому вскоре сад зарос. Никого в окружении Айлин не знала. Филби навещал детей только по выходным, с Айлин он почти не общался. С ней опять случались странные происшествия: однажды она въехала на машине в витрину магазина. Стала много пить, несколько раз попадала в госпиталь.

Айлин была, очевидно, слишком занята своим собственным

горем и не заметила, что Филби неожиданно «просветлел» — он получил весточку от советской разведки. «Сложнейшими путями я получил сообщение от своих советских друзей, призывавшее меня не падать духом и предвещавшее возобновление в скором времени связи. Это коренным образом меняло дело. Больше я не был одинок».

Некоторые интерпретировали данное заявление, как признак того, что произошедшие далее с Филби события были секретно инициированы русскими. (Мел о драматург викторианских времен дал бы им такой заголовок: «Филби оправдан».) Но русские к этому делу отношения, вероятно, не имели. «Возобновление в скором времени связи» явилось, очевидно, результатом сделанной русскими оценки положения Филби: если, находясь под подозрением, Филби так долго не сломался, значит, нервы у него крепкие, а улики у контрразведки не убедительные. Поэтому нет причин отказываться от его дальнейшего использования.

Документы, полученные из ФБР на основе Закона о свободе информации, свидетельствуют о том, что, как ни странно, но именно директор ФБР Эдгар Гувер несет основную ответственность за реабилитацию Филби и за предоставление ему еще семи очень важных лет для работы в качестве советского разведчика. Начало этой истории положило предательство в Австралии в апреле 1954 года Владимира Петрова, сотрудника советской разведки, работавшего под прикрытием посольства СССР в Канберре. К сентябрю сообщения о побеге уже исчерпали свою актуальность, однако лондонской газете «Пипл» удалось вызвать интерес общественности к этому вопросу, опубликовав статью Петрова, в которой он заявил, что Берджесс и Маклин были не просто британскими дипломатами, как это утверждали правительственные источники, а завербованными в начале 30-х годов советскими агентами, которые сбежали, чтобы избежать ареста. Министерству иностранных дел Великобритании пришлось в основном подтвердить эту новость и 22 сентября 1955 года опубликовать по этому вопросу «белую книгу».

По прочтении «белой книги» Гувер был потрясен тем, что в ней не упоминалось о подозрениях в отношении Филби. Он решил исправить положение. Движимый частично антикоммунистическим рвением, а частично личной обидой — он был гостем в доме Филби в Вашингтоне, Гувер принял решение инспирировать в британских и американских газетах статью, в которой показать, что Филби подсказал Маклину, что пришло время бежать и что именно он является тем неуловимым «третьим человеком».

В своем кабинете Гувер встретился со знакомым ему репортером из «Интернэшнл ньюс сервис» и дал ему всю необходимую информацию для написания сенсационной статьи. Он рассказал ему, что Филби представлял в Вашингтоне британскую разведку, злоупотреблял спиртными напитками, имел доступ к исключительно ценной секретной информации, был отозван после исчезновения Берджесса — Маклина и доставлен в Лондон под эскортом специально прибывшего в Вашингтон представителя британской разведки (здесь Гувер был не прав).

В отчете Гувера о беседе с репортером далее говорится: *«Я* предупредил его, что в «белой книге» имя Филби не упоминается, очевидно, ввиду отсутствия прямых доказательств его вины, а также по причинам неоднократно высказанных им угроз предъявить солидный иск любой газете, которая увяжет его имя с этим делом. Сыграли свою роль и связи Филби с адвокатами. Далее Гувер подсказал репортеру, что следует попытаться обнародовать имя Филби в британских газетах в Лондоне.

Брошенные Гувером «семена быстро созрели», возможно, потому, что своими планами он поделился с британской контрразведкой МИ-5. Такой вывод напрашивается потому, что к делу подключился редактор «Эмпайр ньюс» Джек Фишман, поддерживавший с МИ-5 очень тесные рабочие контакты. Очевидно, с одобрения МИ-5 Фишман пытался убедить депутата парламента от лейбористской партии Нормана Доддса сделать правительству парламентский запрос, в котором назвать имя Филби. (Поскольку парламентарии пользуются правом неприкосновенности, предъявить им судебный иск за клевету не представляется возможным.) Но Доддса разубедил делать это руководящий функционер лейбористов в парламенте Джордж Уигг, который заявил, что было бы целесообразнее рекомендовать министерству иностранных дел провести свое собственное расследование, потому что «разумнее никогда не пугать кроликов, когда есть перспективы начать большую игру».

Убежденный сотрудниками контрразведки в том, что «большей игры», чем Филби, не будет, Фишман изменил направление нанесения удара. Он говорит по этому поводу следующее:

«Мой друг и коллега Генри Мол руководил в то время лондонским бюро нью-йоркской газеты «Дейли ньюс». Я намеренно дал Молу статью для передачи ее в Нью-Йорк (где законы о клевете не столь суровы), зная, что ее содержание будет передано по телеграфу в Лондон и будет цитироваться в палате общин. *Я* также побеседовал с Норманом Доддсом и Маркусом

Липтоном (у которого уже были подозрения в отношении Филби), рассказал им о результатах своих расследований, чтобы они лучше могли подготовиться к возможным дебатам».

Нью-йоркская газета «Санди ньюс» в своей статье от 23 октября назвала Филби «третьим человеком», а во вторник на следующей неделе во время, отведенное в палате общин для вопросов, Липтон сделал правительству следующий запрос:

«Намерен ли премьер-министр и далее продолжать всеми силами замалчивать сомнительную роль «третьего человека» — Кима Филби, который некоторое время назад занимал пост первого секретаря посольства Великобритании в Вашингтоне, и будет ли он, премьер-министр, препятствовать обсуждению исключительно важных вопросов, не нашедших отражения в той безобразно составленной «белой книге», которая является оскорблением для мыслящей общественности страны».

Этот взрывоопасный вопрос, поставленный в парламенте через месяц после начатой Гувером хорошо отрепетированной кампании по разоблачению Филби, выбросил его имя на первые страницы газет. Правительство пообещало выступить с соответствующим заявлением и дало свое согласие на проведение дебатов в палате общин.

Гувер был доволен развитием событий и быстро принял меры для усиления нажима. 2 ноября телеграммой он информировал бюро ФБР в Лондоне о своих дальнейших действиях:

«Раскрытие в глазах общественности роли Филби как человека, который подсказал Берджессу и Маклину о необходимости бежать, и постоянные обращения в ФБР со стороны различных правительственных ведомств о соучастии Филби в этом деле, вызывают необходимость проинформировать некоторых американских высокопоставленных должностных лиц об истинной роли Филби. Гувер».

Нетрудно распознать намерения Гувера. Из имеющейся в ФБР информации следовало, что у некоторых сотрудников американской разведки возникли подозрения, что коллеги Филби по СИС и руководящие чиновники МИД Великобритании покрывают его. Если ФБР передаст имеющееся у него на Филби досье высшим должностным лицам США, включая, возможно, президента страны, британскому правительству будет трудно противостоять требованию американцев о проведении полномасштабного расследования по делу Филби.

Но Гувер не учел некоторых особенностей обстановки в Великобритании, которые и обрекли его план на неудачу. Он не принял во внимание антимаккартистские настроения в стране. Общественность Великобритании рассматривала гонения на

Филби как его преследование за убеждения. Гувер не учел соперничества между СИС и МИ-5, которое не позволило ни одной из них осуществлять должный надзор за делом Филби. Например, шеф СИС Маккензи, в последние годы пребывания в этой должности сильно злоупотреблявший спиртными напитками, считал, что исчезновение Берджесса — Маклина не имеет никакого отношения к британской разведке. Когда подруга Берджесса Розамонд Леманн позвонила Маккензи сразу после побега Берджесса — Маклина и предложила передать некоторую информацию, шеф СИС с извинениями заявил, что он очень хотел бы принять ее, но должен в течение недели отвезти свою маленькую дочь в школу Аскот.

Но самое главное, Гувер не был осведомлен о том отвращении, которое испытывали министр иностранных дел Гарольд Макмиллан и его советники к любым секретным делам и их нежелании заниматься ими. Секретарь Макмиллана лорд Эргемонт считал, что разведывательные службы только то и делают, что напрасно тратят деньги и время: «Было бы лучше, если бы русские дважды в неделю знакомились с протоколами заседаний нашего кабинета. Не нужно было бы строить эти глупые и опасные догадки». Публично Макмиллан высоко отзывался о СИС, но имел весьма невысокое мнение о ценности добываемой ею информации и считал, что дело Филби — это не более чем дрязга между МИ-5 и СИС и нечего было с этой мелочью обращаться к нему. «Мне не нужно, чтобы ко мне каждый раз приходил лесник с сообщением о том, что он убил лисицу».

Прежде всего Макмиллан попросил подготовить для него краткое изложение дела. Эргемонт навел необходимые справки и выяснил, что бывший сотрудник СИС, депутат парламента от консервативной партии Дик Бру-ман-Уайт хорошо знает внутреннюю подоплеку дела и может оценить его политические тонкости. Старый друг Филби Бруман-Уайт в своем резюме по делу склонялся в пользу невиновности Кима. Филби не был уволен со службы, поскольку, вопреки заявлениям американцев, против него не было доказательств, он просто неразумно водил тесную дружбу с Берджессом.

По ознакомлении с документом Бруман-Уайта Макмиллан сразу же понял суть дела. Проблема Филби постоянно будет всплывать на поверхность, пока он будет находиться в штатах СИС. Он должен уйти. Когда представители СИС пытались что-то мямлить относительно «британской справедливости» «не виновен, пока не доказано обратное», Макмиллан ответил: «Стервеца вы не предаете суду, вы его просто выгоняете с работы». Был достигнут

компромисс: Макмиллан выступает с заявлением, в котором фактически реабилитирует Филби, а СИС в ответ осуществит реорганизацию и проведет «общую чистку». 7 ноября 1955 года Макмиллан сделал краткое заявление в палате общин, содержание которого соответствовало действительности, но оказалось непреднамеренно ошибочным:

«Не обнаружено никаких доказательств, что Филби предупредил Берджесса и Маклина (верно, не было и нет таких доказательств). Свои служебные обязанности он исполнял добросовестно и умело (это верно). У меня нет оснований считать, что Филби когда-либо предавал интересы страны или является так называемым «третьим человеком», если он вообще существовал» (верно, у Макмиллана не было оснований так считать).

После того как Липтон открыто назвал его имя, Филби постоянно поддерживал контакт со штаб-квартирой СИС и знал, что его собираются реабилитировать. В Крауборо ему приходилось выдерживать настоящую осаду со стороны прессы (пресса шумела в то время по поводу романа принцессы Маргарет с Питером Таунсендом, поэтому репортеры осаждали проживавшую в Акфилде принцессу Маргарет по утрам, Таунсенда в Эридже после обеда и пытались поймать во время ланча Филби в Крауборо, что на полпути между Акфилдом и Эри джем).

Филби переселился к своей матери в Дрейтон-гарденс, отключил дверной звонок и спрятал телефон под гору подушек. Друг семьи Дульсия Сассун вспоминает:

«Из-за репортеров окна были закрыты, шторы спущены. Никто не мог выйти из дома. Дора (мать Кима) рассказала мне, что в два часа ночи одного репортера поймали, когда он пытался вскарабкаться на дымовую трубу. Я прислушивалась к разговору Кима со своей матерью, которую он обожал и которая осуждала американцев за их несправедливое презрительное отношение к ее сыну. Он рассказал ей о проживании Берджесса у себя на квартире и о том, что ему пришлось выпроводить его из дома, так как его пьянство и склонность к употреблению наркотиков плохо влияли на детей». После выступления Макмиллана Филби «освободил» телефон и говорил всем звонившим, что в 11 часов следующего дня он созывает пресс-конференцию. Провел он ее превосходно. Спокойно, авторитетно, вежливо и обаятельно Филби начал с того, что раздал отпечатанное заявление, в котором объяснил, почему до сих пор хранил молчание: закон о государственных секретах не позволял ему раскрывать известную по работе информацию; он не хотел, чтобы его высказывания

повлияли на решение правительством международных вопросов; «публичные высказывания по поводу организации, персонала и методов работы наших служб безопасности могут лишь снизить их эффективность».

Посыпались вопросы со стороны журналистов. Стоя у камина гостиной в доме своей матери, почти не заикаясь, Филби блестяще ответил на все вопросы репортеров, которые не имели возможности разоблачить его удивительную неправду. Да, он знал Берджесса, и неразумное общение с ним в Вашингтоне вынудило его уйти из заграничной службы в отставку. Нет, ему никогда не было известно, что Берджесс является коммунистом. Да, Берджесс пил, но постыдно себя не вел. Во всяком случае, сказал Филби, он не собирается обливать его грязью. «Есть друзья на хорошую погоду и есть на плохую, и я предпочитаю относить себя к последним».

Маклин — это только легкая тень в его памяти. Да, я всегда придерживался левых убеждений, но «я никогда не был коммунистом», в «последний раз я беседовал с коммунистом, зная, что он коммунист, в 1934 году».

Наблюдая за поведением Филби по черно-белому телевидению тех лет, нельзя не восхищаться его самообладанием. Может быть, самому Филби настолько нравилось свое поведение, что он пошел на небольшой риск и проявил некоторое неуважение к «несчастным журналистам, задающим наивные вопросы». Журналисты поспешили к выходу, чтобы к сроку подготовить свои дневные материалы, а Филби предстал перед телевидением. «Господин Филби, — слышался беспристрастный голос журналиста, — не являетесь ли вы «третьим человеком»?» Филби доверчиво улыбнулся и твердо заявил: «Нет, не являюсь».

Через два дня Маркус Липтон сдался:

«В палате общин меня заставили замолчать. Многие депутаты от лейбористской партии считали Филби представителем прогрессивного левого крыла в министерстве иностранных дел, поскольку он, несомненно, не относился к «старой гвардии». Инстинктивно они выступали в защиту Филби. Шеф МИ-5 сэр Роджер Холлис обратился с просьбой о встрече. Мы беседовали в центральном вестибюле палаты общин на виду у всех. Естественно, Холлис хотел узнать, какие у меня есть доказательства, но я не мог ничего ему дать».

Таким образом Филби был реабилитирован. ЦРУ и ФБР пришли в Вашингтоне в ужас. Все коварные планы Гувера пошли насмарку. Официально ФБР было вынуждено также снять с Филби все подозрения. 29 декабря 1955 года ФБР закрыло заведенное на него дело «Фигурант — Дональд Стюарт Маклин и другие». Во

время недавно проведенного анализа всех материалов на Гарольда А. Р. Филби, были сделаны и сфотографированы необходимые выписки. Филби подозревается в том, что он сообщил Маклину о ведущемся в отношении его расследовании. Анализ материалов не дает каких-либо оснований для проведения в отношении Филби самостоятельного расследования».

Филби была неизвестна роль Гувера в его деле. Он приписывал свою реабилитацию лорду Бивербруку:

«Никто из правительства и особенно из службы безопасности не хотел делать публичное заявление в 1955 году. Доказательства были неубедительными: официально нельзя было ни выдвинуть против меня обвинение, ни полностью оправдать. Им пришлось тем не менее открыто высказаться из-за шума, поднятого плохо информированной широкой прессой, а также из-за нелепой ошибки Маркуса Липтона. Особую ответственность за это полное фиаско несет пресса Бивербрука. Именно она из-за глупой враждебности Бивербрука к Идену и министерству иностранных дел начала и продолжала всю эту историю, несмотря на допущенные грубые просчеты».

В Москве я подробно рассказал Филби, что полученные на основе Закона о свободе информации документы свидетельствуют о том, что именно ФБР пыталось заставить британские власти сделать публичное заявление по его делу. «Своим оправданием вы обязаны Эдгару Гуверу», — заявил я. Филби потянул виски, запив их минеральной водой. Затем он долго и удовлетворенно хохотал.

Поскольку Филби официально оправдали, его друзья из СИС не видели причин, почему бы не попытаться вновь устроить его на работу. Конечно, об официальном трудоустройстве не могло быть и речи: СИС дала Макмиллану обещание уволить Филби, в платежных ведомостях он не мог появиться в качестве действующего сотрудника разведки. Но многие руководящие работники СИС могли использовать нужных разведке специалистов в качестве представителей (агентов) СИС. Почему бы Филби не быть одним из таких представителей, когда появятся вакансии, соответствующие его талантам. Друзья Филби начали подыскивать для него место.

Тем временем Филби нужно было отдохнуть, и его друг по пребыванию в Стамбуле предложил свою помощь. Приглашение поступило от В. Е. Д. Аллена, бывшего советника по вопросам прессы британского посольства в Анкаре. В 1957 году семейная фирма Алленов должна была отмечать свое столетие, поэтому Аллен попросил Филби приехать в Каллах, графство Уотерфорд,

чтобы помочь ему написать историю фирмы. Филби компетентно, но без особой выдумки выполнил эту работу и, вернувшись в июле 1951 года в Лондон, нашел для себя хорошую новость: его друзья из СИС нашли для него работу.

Филби должен был стать агентом СИС в Бейруте. Британская разведка проявляла все больший интерес к положению в странах Ближнего и Среднего Востока, поэтому представлялась хорошей идея иметь своего опытного человека в этом центре международных интриг. Даже враги Филби не особенно возражали против этого назначения. Они считали, что, может быть, даже хорошо дать Филби свободу действий, поскольку, возможно, удастся получить доказательства его вины и закрыть дело. Однако не было шансов направить его под дипломатическое прикрытие, заинтересованность выглядела бы слишком очевидной и повлекла бы за собой критику. Поэтому прикрытие Филби должны были предоставить издания «Обсервер» и «Экономист». Ему предстояло работать в качестве их внештатного корреспондента за 500 фунтов стерлингов в год, плюс оплата расходов и 30 шиллингов за каждые сто напечатанных слов. Информировала ли СИС работодателей Филби о его действительных задачах?

Сэр Роберт Маккензи так объясняет возникшие трудности:

«И после оправдания Филби находились люди, считавшие, что его нужно «придавить». Однако высказывались и другие мнения: «К нему следует отнестись по справедливости. Против него нет ничего конкретного, возможно, он невиновен. Если мы поступим с ним слишком жестко, это плохо скажется на моральном состоянии сотрудников разведки». И когда кто-то находит для него работу газетчика и редактор официально задает вопрос, оправдан ли он, что мы должны отвечать? Не можем же мы сказать: «Нет, не совсем» и лишить его возможности работать. Поэтому мы сказали: «Он чист».

Во время наших бесед в Москве у Филби не было сомнений, каким образом он получил эту работу. Он сказал следующее: «Работу в Бейруте организовали для меня Николас Эллиотт и Джордж Янг (коллеги по СИС). Тут возникают некоторые разночтения. Эллиотт заверил меня, что о моем прикрытии он договорился с редактором «Обсервера» Дэвидом Астором. Однако последний отрицает какую-либо осведомленность по этому вопросу. Так что вам придется самому приходить к какому-то выводу».

Со своей стороны Астор заявил, что он не был осведомлен о внеслужебных связях Филби с СИС. «В то время я ничего не слышал и о Николасе Эллиотте. Прямых контактов с МИ-5 я не

поддерживал. Только через официальных лиц министерства иностранных дел. Средний Восток или какие-либо другие места не упоминались. Мне, очевидно, отводилась роль «спасателя» этого человека. Когда он в конце концов объявился в Москве, они примчались ко мне с извинениями: «Приносим извинения, что не предупредили вас».

Это мнение подтвердили другие сотрудники «Обсер-вера». Они утверждали, что в то время Астор был очень возмущен тем, как был использован его журнал. Неоднократно заявляли, что главный редактор не знал, что, работая в журнале, Филби поддерживал связи с СИС.

Джордж Янг придерживался другого мнения: «Все переговоры вел Ник, я только утверждал их результаты. Мне казалось, что Астор был во все посвящен. Филби было поручено заниматься арабскими делами, поскольку его семья поддерживала связи с арабским миром, и мы не видели в этом никакого ущерба. Перед отъездом я сам его инструктировал». Что касается газеты «Экономист», то у тогдашнего его редактора Дональда Тайермана это был всегда больной вопрос. Тайерман заявил, что, хотя он лично прозондировал вопрос о Филби у руководящего сотрудника министерства иностранных дел Гарольда Кассия [25], ни Кассий, ни руководители «Обсервера» не сказали ему, что работа Филби в газете является не личным, а строго официальным делом.

Разрешить этот вопрос невозможно. Астор, в 1939 году имевший контакты с СИС в связи с его интересом к антигитлеровской оппозиции в Германии, очевидно, считал, что Филби, бывший сотрудник СИС, принятый на работу в «Обсервер» по специальной просьбе министерства иностранных дел, ограничит свою деятельность в Бейруте журналистикой. Но он ошибся. Филби журналистикой не ограничился.

ГЛАВА XV. КОНФРОНТАЦИЯ В БЕЙРУТЕ

В августе 1956 года Филби прибыл в Ливан и остановился у своего отца. Сент-Джон жил в то время в маронитской деревне Аджалтауне примерно в двадцати милях от Бейрута. Из его белого бунгало открывался великолепный вид на окружающие окрестности. После смерти короля Ибн-Сауда Сент-Джон не ужился с молодыми принцами, и ему был запрещен въезд в Саудовскую Аравию. В Ливан он приехал со своей саудовской женой Рози и двумя сыновьями Халидом и Фарисом.

Это было странное хозяйство. Сент-Джон весь отдался, как он говорил, «своему пигмалионскому эксперименту», пытаясь привить Рози западные привычки и манеры. Он приказал ей снять чадру, своих сыновей послал учиться в соседнюю католическую школу. Особого успеха эксперимент не имел. Рози отказалась выходить из дома, шлепала по комнатам в войлочных тапочках и поглощала неимоверные количества сладостей. Она исчезала в задней комнате дома, когда к Сент-Джону приходили гости, и отказывалась сопровождать его во время проведения различных мероприятий в деревне. Иногда у них случались продолжительные шумные ссоры, которые обычно заканчивались увесистыми шлепками Сент-Джона по ее мягкому месту.

Сент-Джон с радостью принял Кима, и в первый раз у них было достаточно времени для разговора. Обычно они усаживались на веранде дома, наслаждаясь порывами чистого горного воздуха, и беседовали до наступления прохлады, когда 71-летнему Сент-Джону приходилось набрасывать бедуинскую накидку на свою рубашку с короткими рукавами. Иногда Сент-Джон облачался в белые одежды и в сопровождении всей семьи шествовал по деревне, отвечая на приветствия жителей, которые уважительно называли его «хаджи» (так по мусульманским обычаям величают человека, посетившего Мекку). Он с гордостью представлял своего сына деревенским знаменитостям. Иногда они вместе ездили в Бейрут, где Сент-Джон, зная, что Киму придется там зарабатывать на жизнь, знакомил его с людьми, которые были осведомленными лицами или занимали влиятельное положение.

Должно быть, это было счастливое время, поскольку стареющего Сент-Джона на какое-то время обуяли фантазии. Он написал своей жене в Лондон письмо, в котором предложил ей продать дом на Дрейтон-Гардене, убедить всех детей уехать из

Англии к нему, к его незарегистрированной в браке жене, его детям от нее, Киму и жить одной большой семьей. *«Я* думаю, что мы всей семьей могли бы эмигрировать в Ливан. Нас собралась бы почти дюжина, и мы заложили бы основы колонии Филби в одной из самых красивых стран мира», — писал Сент-Джон в Лондон.

В этот трудный для Кима период, когда он все еще не решил, что делать с Айлин и детьми, находящимися в Кроуборо, когда у него были сомнения относительно возможности зарабатывать на жизнь в качестве журналиста, когда у него не было определенности в том, когда МИ-5 вновь примется за него, отец оказывал ему очень большую помощь. Уверенный в себе, сознающий, что и другие когда-нибудь оценят его заслуги, Сент-Джон помогал Филби встать на ноги, вновь приобрести уверенность в себе, постоянно внушая ему мысль о перестройке своей жизни.

В ноябре 1956 года Сент-Джон помирился с королевской семьей и возвратился в Эр-Риад. Он планировал провести лето 1957 года в Англии и остановился по пути в Бейруте, где его встретил Ким с известием о том, что два дня назад ночью во сне умерла Дора. Сент-Джон был потрясен, в первый раз, возможно, осознав, насколько она дорога ему и как тесно их связывали совместные интересы, хотя физически они жили порознь.

Филби тоже глубоко переживал смерть матери. В Москве он сказал мне: «Моя мать фактически погубила себя. В последние годы она пила по бутылке джина в день. Беда состояла в том, что мой отец относился к женщинам равнодушно, его совершенно не трогали их чувства. Это у него происходило ненамеренно. Он просто не понимал, почему у моей матери возникали какие-то переживания».

Тем не менее Сент-Джон отправился в Лондон. Филби продолжал жить в Аджалтауне, наезжая в Бейрут пару раз в неделю, чтобы получить телеграммы из Лондона и отправить свои статьи. Очевидно, он снимал комнату где-то в Бейруте, потому что другим корреспондентам рассказывал, что остановился в Восточном Бейруте, но ввиду отсутствия телефона связаться с ним невозможно. Это было, по их мнению, довольно необычно для работника прессы. Во всяком случае, Филби вел одинокую жизнь, поэтому его немногочисленные друзья не удивились, когда он неожиданно страстно влюбился.

Он сидел в баре в «Сент-Джордже», в то время, наверное, лучшей гостинице на Среднем Востоке, и спокойно потягивал свой аперитив, когда к нему подошел официант и передал записку от некой Элеоноры, жены корреспондента газеты «Нью-

Йорк тайме» Сэма Поупа Брюера. Брюер встречался с Филби, когда они оба освещали события гражданской войны в Испании. Он знал о назначении Филби в Бейруте. Перед выездом на выполнение корреспондентского задания за пределы Бейрута он сказал Элеоноре, чтобы при появлении Филби в городе она представилась ему и предложила свою помощь в плане устройства — щедрый жест, о котором он впоследствии сожалел.

Прочитав записку, Филби подсел к Элеоноре. «Что меня прежде всего тронуло в Филби — это его одиночество, — писала позднее Элеонора. — В Бейруте он никого не знал. Определенная старомодная сдержанность отличала его от других журналистов с присущей им фамильярностью. Тогда ему было сорок четыре года. Он был среднего роста, худощав, с красивыми, несколько грубоватыми чертами лица и густо-синими глазами. Мне сразу подумалось, что этот человек много повидал в жизни, приобрел немалый опыт и тем не менее он, казалось, очень страдал. Он обладал даром создавать такую непринужденную атмосферу, что я сразу же спокойно и легко вступала с ним в беседу. Большое впечатление произвели на меня его прекрасные манеры. Мы взяли его под свое «крыло». Во время своих наездов в город он обычно приходил к нам, и вскоре стал одним из наших близких друзей».

Из книги Элеоноры «Ким Филби — шпион, которого я любила»

Использование Элеонорой в описании своих собственных впечатлений о Филби местоимений «мы», «нас» не скрывает того факта, что между ними вскоре завязались интимные отношения. Сэм Брюер часто выезжал на выполнение различных заданий. В такие периоды Элеонора и Ким выбирались в горы на пикники, купались в море, посещали рынки, обедали в уединенных ресторанах и уютных кафе. Филби бомбардировал ее любовными записками, написанными на маленьких листочках бумаги из-под сигаретных коробок. «Люблю больше, чем когда-либо, моя дорогая. Целую Ким». Позднее в тот же день: «Люблю все сильнее и сильнее. Поцелуй от твоего Кима».

Такие послания сбивали с толку Элеонору, простодушную и приятную женщину из Сиэтла, которая много путешествовала, однако осталась до удивления неопытной и простодушной. «Как и его прекрасные манеры, эпистолярное искусство Кима напоминало мне о цивилизованной жизни, которая была удивительно притягательна для американцев. Его письма погружали меня в повседневную жизнь, полную мелких и интересных происшествий. Они были написаны так остроумно и элегантно!» Элеонора подпала под знаменитые чары Филби, а что

же он находил в ней? Этот роман вызывал удивление у его коллег. Они не считали ее равной Киму по интеллекту и индивидуальным чертам. «Довольно скучная и вялая женщина, с маленьким талантом скульптора, раздражающей привычкой говорить сквозь зубы и репутацией шататься на вечеринках на нетвердых ногах с остекленевшим взглядом» — такова нелестная характеристика, данная Элеоноре одним из друзей Филби.

Но для Кима это была единственная женщина. В довольно откровенном письме он писал:

«Вы самая непринужденная, приносящая покой принцесса, которую я никогда не встречал. Если бы обстоятельства не позволили мне сблизиться с вами, я бы тем не менее хотел быть одним из ваших самых близких друзей. В течение недели или двух я думал, что именно так и будет. Сейчас, дорогая, я знаю, что у вас есть горький опыт… Но известно ли вам, что такое быть преследуемым? Я в таком положении был по меньшей мере дважды. Вот это действительно трудно. Самое замечательное в вас то, что вы приняли меня таким, каким я есть, кроме спиртного, и это правильно, что вы не_ делаете одну из наиболее общих для всех женщин ошибок, не пытаетесь обратить меня в человека, которого вам хотелось бы любить».

Из книги Элеоноры «Ким Филби — шпион, которого я любила»

Сэм Брюер был неглупым человеком, и однажды, когда Филби привез Элеонору с пикника, который они устраивали в горах, он ждал их у дверей дома. Он заявил Филби, что не может запретить ему видеть Элеонору, но не хотел бы больше видеть его в своем доме. Филби стал настаивать, чтобы Элеонора получила развод, и когда она поехала из Бейрута в Сиэтл, чтобы устроить имущественные дела своего престарелого отца, она согласилась начать в США бракоразводный процесс.

Внезапно события получили резкое ускорение. 12 декабря 1957 года он получил сообщение о том, что 11 декабря скончалась его жена Айлин из-за закупорки сердечных сосудов, миокардита, респираторной инфекции и туберкулеза легких. Ей было всего сорок семь лет. Она очень быстро состарилась после ухода из семьи Кима. Сэр Роберт Маккензи вспоминает, что однажды встретил ее, когда был на обеде в доме своего друга на Кадоган-сквер, где она работала поваром. «Я был просто потрясен. Очевидно, она была очень больна, физически и умственно. Она постоянно говорила какую-то глупость. Я не удивился, когда через несколько месяцев узнал о ее смерти». Почти нет сомнений в том, что Айлин наконец узнала о предательстве своего мужа, поняла, что некоторые секреты он

скрывал от нее в течение всей совместной жизни. Пристрастие к алкоголю явилось, очевидно, одной из возможностей приглушить эту боль. Айлин остается самой трагичной фигурой в нашем повествовании.

Филби направил Элеоноре телеграмму с просьбой выйти за него замуж. И когда в июле 1958 года она получила в Мексике развод, Ким пошел к Сэму Брюеру, чтобы рассказать ему об их планах. Это была вежливая встреча двух повидавших мир людей. Филби заявил Брюеру: «Я пришел сказать тебе, что получил телеграмму от Элеоноры. Она получила развод, и я хочу, чтобы ты был первым человеком, которому я говорю, что хочу на ней жениться». Брюер ответил: «Представляется, что это наилучший выход из создавшегося положения. Что ты думаешь о положении в Иране?»

Гражданская война в Ливане задержала возвращение Элеоноры. Как только она вернулась в Бейрут, они поженились. Но поскольку полученный в Мексике развод не мог быть признан законным посольством Великобритании в Бейруте, Ким и Элеонора поехали в Лондон и 24 января 1959 года поженились во второй раз. Ей было сорок пять, ему сорок семь. Свидетелями были Джек Иване, с которым Филби вместе работал в пятом отделе СИС, и старый школьный друг Тим Майлн, все еще работавший в британской разведке, который неизменно поддерживал Филби. Их готовность публично находиться в компании Филби говорила о том, что облака над его головой начали рассеиваться. Складывалось впечатление, что через восемь лет после скандала с Берджессом — Маклином МИ-5 решила в конце концов оставить его в покое.

Филби представил Элеонору своим детям и старым друзьям, провел ее по своим любимым лондонским местам. «Это любовь с заглавной буквы «Л», — сказал Филби одному из своих друзей. — Мы снимем домик в горах. Элеонора будет рисовать, а я писать. Наконец-то воцарятся мир и покой».

Нет никаких данных о том, что во время своего пребывания в Бейруте, по крайней мере в первые три года, Филби активно работал как советский разведчик. Представляется, что не было у него особых успехов и на журналистском фронте. Свою первую статью для журнала «Обсервер» он пометил 30 сентября 1951 года, и его аккуратно и обстоятельно написанные, но немного скучные статьи приходили в редакцию журнала 1–2 раза в месяц. Патрик Сил, специалист по Среднему Востоку, общавшийся с Филби в этот период, отмечает: «Он не проявлял интереса к сенсационным новостям, ни в коей мере не был охотником за интересными материалами, не культивировал контактов среди

арабов, при возможности избегал поездок. Его рассказы были литературными, но не яркими, скорее бюрократическими, чем журналистскими».

Однако у Филби выработался определенный стандарт. Он достаточно заботился о своей репутации журналиста и не хотел, чтобы его имя появлялось под статьями, в которых рассматривались тривиальные вопросы. Он писал о политике и международных делах и ясно дал понять руководству «Обсервера», что не хотел бы отвлекаться на освещение других вопросов, даже если статьи будут появляться под псевдонимом. Когда служба новостей «Обсервера» запросила у него статьи о торговле арабскими девушками, тема, казалось бы, ему известная даже от своего отца, он ответил: «Вы поручили мне трудное дело. *Я* постараюсь выполнить вашу просьбу, но материалы придется подать за подписью Чарльза Гарнера».

Очевидно, Филби в этот период что-то выжидал. Сил отмечает:

«В этот период бросалось в глаза, что Филби мало работал. Он вел домашний образ жизни. Обычно поздно вставал, рука об руку направлялся с Элеонорой в гостиницу «Норманди» (не самое лучшее место в городе), где забирал почту и выпивал несколько рюмок спиртного. Затем они делали какие-то покупки, готовили скромный обед, отдыхали, иногда появлялись на каких-то вечеринках, возвращались домой к бутылке лимонной водки, охлажденной в холодильнике».

Филби ждал возвращения к настоящему делу — шпионажу. Проблема состояла в том, что Москва не могла использовать Филби, пока этого не сделает Лондон. В своей книге «Моя тайная война» Филби говорит о том, что Советский Союз был заинтересован в освещении широкого круга проблем Ближнего и Среднего Востока, но первоочередное внимание всегда уделялось выявлению намерений правительств США и Великобритании в этом районе. Затем он описывает свои хорошие возможности как журналиста вести беседы с британскими и американскими официальными лицами и получать сведения о таких намерениях. Конечно, получаемая им в это время информация была малозначимой по сравнению со сведениями, которые он давал как сотрудник СИС. Камень преткновения состоял в том, что, устроив Филби в качестве своего агента в Бейрут, СИС не торопилась использовать его. А в этом случае он был мало полезен и для русских.

Все изменилось в одночасье. В 1960 году в качестве резидента СИС в Бейрут был назначен Николас Эллиотт, который послал Филби под прикрытие лондонских изданий «Обсервер» и

«Экономист». Он стал использовать Филби для получения ценной информации. Внезапно Филби стал одним из наиболее активных журналистов в этом регионе. Он начал посещать все страны региона, направляя свои сообщения из Аммана, Эр-Риада, Дамаска, Бахрейна, Багдада, Каира, Кувейта и Йемена. Позднее после побега Филби ЦРУ составило схему этих поездок и подготовленных в это время материалов и обнаружило явное противоречие — он посетил слишком много мест, а как журналист подготовил мало материалов. ЦРУ пришло к выводу, что эти поездки он совершал по заданию русских, однако и СИС загружала его очень интенсивно. Имеются две точки зрения на это.

Первая — довольно безобидная. Эллиотт считал, что Филби используют недостаточно активно и старался получить от него максимум. В 1956 году в результате скандала из-за капитана Крэба [26] Дик Уайт был переведен из МИ-5 начальником британской разведки СИС. К своему удивлению и ужасу, Уайт обнаружил, что Филби все еще не вычеркнут из списков сотрудников СИС, но не принял никаких мер. Первые годы он занимался реорганизацией СИС, выводя разведку из области «сенсационных успехов и неудач в большой игре» к более трудной, но и более результативной тайной деятельности. В 1960 году он смог вернуться к делу Филби. Ознакомившись с материалами и проконсультировавшись со своими главными помощниками, он решил разработать план, осуществление которого помогло бы закрыть дело.

Идея состояла в том, чтобы заставить Филби «выйти в открытое поле», побудить его стать активным офицером разведки и таким образом вынудить русских вновь привлекать его к выполнению своих заданий. Филби будет пользоваться доверием резидента СИС в Бейруте Эллиотта, участвовать в операциях СИС; информация, к которой он получит доступ, будет настолько важна, что он обязательно примет меры к передаче ее русским. Хотя основной объем информации будет достоверным, часть ее будет подготовлена специально, и западные контрразведывательные службы будут следить за тем, где и когда она появится. Если ее источником будет Филби и только Филби, тогда у британских властей появятся, по крайней мере, доказательства его предательства.

Это была сложная игра со многими неизвестными. У Филби могли возникнуть подозрения, но он не смог бы отказаться от участия в задуманной игре, поскольку это было бы расценено как молчаливое признание своей вины. И он не может остановиться на полпути: согласиться более активно выполнять задания СИС и

не передавать ничего русским. В этом случае у оперативного руководителя Филби возникли бы сомнения в его преданности. Он не мог выбыть из предлагаемой игры и по причинам своего возраста, недавней женитьбы, желания вести спокойную жизнь, поскольку просьбы исходили от Николаса Эллиотта, старого друга Филби, его самого ярого защитника в СИС, который дает ему шанс «заработать возможность совершить обратный путь в разведку».

Таким образом, Филби, с его разбуженным страстным желанием вернуться в СИС, был вынужден присоединиться к игре. Он, должно быть, знал, что рано или поздно что-то подобное случится, поскольку старался принять все меры предосторожности. В Москве он рассказал мне:

«С 1951 года я начал готовить себя к окончательной развязке, понимая, что она может наступить в любой момент». Одна из мер предосторожности, не обратившая на себя внимание, была попытка Филби изменить гражданство. Индия имела в Бейруте небольшое представительство в составе одного индийского дипломата Годфри Янсена. Янсен, друг Сент-Джона, впервые встретился с Филби, когда он вместо своего заболевшего отца прибыл на ленч. Янсен вспоминает:

«Позднее по предварительной договоренности Филби посетил индийскую миссию. Он хотел выяснить, могу ли я выдать ему индийский паспорт. По словам Филби, пришло время для продления британского паспорта, и он сталкивается с трудностями, поскольку он и Сент-Джон родились за пределами Соединенного Королевства, соответственно, в Индии и на Цейлоне. Я ответил, что, к сожалению, помочь ему не смогу, поскольку индийское гражданство предоставляется после семи лет непрерывного проживания в Индии. Филби выглядел по-настоящему разочарованным».

История Филби по поводу трудностей с его британским паспортом не выглядит правдоподобной, поскольку при побеге он оставил только что полученный британский паспорт. Действительной причиной его попыток получить индийское гражданство, очевидно, было его желание сделать более трудным для английских властей его арест, когда придет «окончательная развязка», или получить возможность бежать скорее в Индию, чем в Советский Союз.

Последние годы пребывания Филби в Бейруте резко контрастируют с первыми. Под давлением Эллиотта, часто выезжая в командировки, испытывая финансовые трудности, у Филби было мало покоя, и забвение он стал искать в алкоголе. Затем он перенес два удара. 30 сентября 1960 года умер его отец.

Лето Филби-старший обычно проводил в Лондоне, следуя своему обычному распорядку: завтракал и обедал в «Атенеуме», а к вечеру выезжал играть в крикет в «Лорд». В августе он находился в Москве на конгрессе востоковедов, возвратившись в Лондон, недолго отдыхал с семьей в Фалмауте, а затем отправился в Саудовскую Аравию. Чтобы «проветриться», остановился в Бейруте у Кима и Элеоноры. Состоялось несколько вечеринок, на которых Сент-Джон до позднего времени доказывал свою точку зрения по разным вопросам, начиная с политики в регионе Среднего Востока до смысла жизни.

Последняя вечеринка состоялась на квартире у Джона Х. Фистер, ранее писавшего статьи для журнала «Фор-чун», и его жены-американки. Сент-Джон был «в ударе», до утра развлекал собравшихся, которые были в два раза моложе его, и уехал только потому, что по пути домой хотел завезти Кима и Элеонору в ночной клуб. Наутро он почувствовал себя плохо, у него появились трудности с дыханием, и Ким вынужден был без промедления доставить его в госпиталь, где доктора поставили диагноз — острый сердечный приступ. Он потерял сознание и, придя в себя лишь на мгновение, вымолвил: «Боже, как я устал». К вечеру Сент-Джон умер. Ему было семьдесят пять лет. На следующее утро Ким организовал скромные похороны на мусульманском кладбище, расположенном в бейрутском районе Баста. На надгробном камне высечена надпись: «Величайшему из исследователей Аравии».

После смерти к Сент-Джону пришла слава, которую он так искал всю жизнь. Со всего света поступали сообщения, в которых возлагалось должное его достижениям. В 1973 году Элизабет Монроу, профессор колледжа святого Антония Оксфордского университета и известный специалист по Среднему Востоку написала его подробную автобиографию, что считалось большой честью. Монроу писала: «Всю свою жизнь Сент-Джон действовал, исходя из самых высоких побуждений, считая, что в свободной стране он имеет право думать, как ему нравится, и говорить то, что считает нужным, о неисполненных Великобританией обещаниях, или о своем осознанном неприятии войны».

Смерть отца оказала на Кима настолько сильное воздействие, что он ударился в запой, длившийся несколько дней.

Сожалел ли он о том, что так и не сказал Сент-Джону о своей преданности другой стране, поскольку был не уверен в его реакции? Несмотря на свои диссидентские взгляды, Сент-Джон остался настоящим преданным своей стране англичанином: читал «Таймс», играл в крикет, следил за появлением списков награжденных, посещал свой лондонский клуб, имел характерные

для англичанина убеждения. «Если бы он прожил немного дольше и узнал правду, — писал Филби о своем отце, — он, конечно, был бы поражен, но ни в коем случае не выступил бы против».

Филби еще не пришел в себя после смерти Сент-Джона, когда его настиг другой удар. В апреле 1961 года был арестован и обвинен в нарушении Закона об официальных секретах еще один сотрудник СИС — Джордж Блейк, который завоевал массу наград за свою бесценную работу в Берлине на благо Великобритании (Блейка «заманили» в Лондон из Ливана, где он обучался в школе арабского языка). Все это время Блейк работал на русских. Блейк признал свою вину. Его судили в «Оулд Бейли» и вынесли суровый приговор — 42 года тюрьмы, что было самым продолжительным сроком тюремного заключения, данным на основании британских законов [27].

Филби был шокирован и озадачен. Не было никакой опасности в том, что какие-то показания Блейка будут инкриминированы Филби, поскольку советская разведка руководила каждым в отдельности, и они не знали об истинной роли друг друга. Но разоблачение Блейка было еще одним триумфальным успехом британской контрразведки, и суровость приговора (такого продолжительного срока мало кто ожидал), очевидно, испугала Филби. Он быстро покатился вниз, периоды запоя стали более частыми. И он настолько пропитался алкоголем, что временами двух рюмок мартини было достаточно, чтобы сбить его с ног. Его друзья стали реже бывать у него. Они жаловались, что им трудно выносить непоследовательность Филби и постоянные жалобы Элеоноры на нехватку денег.

«Выходы в свет» превратились в настоящую пытку для Элеоноры, которая беспокоилась о том, какую очередную «шутку» выкинет ее муж. Их друзья стали уже привыкать к такому положению, когда Филби напивался до «положения риз» и с остекленевшим взглядом лежал на полу. Элеонора рассказывала друзьям, что по ночам Кима мучают страшные кошмары и нередко он просыпается с диким криком, взывая о помощи.

Их друзья пытались организовать коллективные мероприятия таким образом, чтобы как-то ограничить доступ Элеоноры и Филби к спиртному (Элеонора к тому времени начала пить так же много, как и Филби). Они стали приглашать их на пикники за город, предлагая подвезти туда и доставить обратно. Но по пути Филби, как правило, заявляли, что им нужно захватить почту в отеле «Норманди», где они быстро выпивали пару рюмок в баре. За городом Ким и Элеонора «приканчивали имевшееся вино», затем Филби, отправлялся в ближайшее кафе, откуда приносил целый бумажный пакет маленьких бутылочек со спиртным. В

течение дня он и Элеонора выпивали до 50 таких бутылочек. К концу пикника их доводили до машины, и всю дорогу до Бейрута они спали.

Ким иногда брал Элеонору с собой в командировки, и вскоре во многих странах Среднего Востока они стали известны своим шумным поведением. В течение нескольких лет после побега Филби бармен одного из амманских клубов (Иордания) развлекал своих гостей рассказом о том, как подвыпившая чета Филби разыгрывала «бой быков»: бумажная салфетка использовалась в качестве плаща, а они поочередно играли то роль быка, то матадора.

В апреле 1962 года в Бейрут прибыл на своей яхте Аристотель Онасис. Одним из гостей на борту яхты был Ф. В. Д. Дикин, ректор колледжа святого Антония Оксфордского университета, который вместе с Филби учился в Вестминстерской школе и сделал прекрасную военную карьеру во время военных действий в Югославии. Он встретился с Филби, и целый вечер они провели в воспоминаниях. У Дикина создалось впечатление, что Филби наслаждался компанией своего старого знакомого, не хотел уходить, но чувствовалось, что он был на грани нервного срыва.

Незначительные события вызывали у Филби приступы глубокой депрессии. У него был любимый лисенок Джеки, подаренный друзьями, когда ему было всего несколько недель. Филби приручил лисенка и был безмерно рад, когда «открывал у лисенка человеческие черты»: однажды он увидел, как Джеки вылизывает пролитое виски, в другой раз — сосет мундштук его трубки. Он сделал много фотографий лисенка в разном возрасте и, наконец, написал о нем статью «Лисенок, который остался жить с нами» для журнала «Кантри лайф».

Но ко времени опубликования этой статьи (6 декабря 1962 года) Джеки уже была мертва. Или она упала с парапета балкона на пятом этаже дома (Филби написал, что «Джеки» бесстрашно галопировала по верхней части парапета), или же ее сбросила оттуда консьержка, которая ранее жаловалась, что ей тяжело ухаживать за лисенком. Когда Элеонора вернулась домой после недолговременной поездки в Иорданию, она нашла Филби в состоянии глубокой депрессии. Он почти не разговаривал. Неделями он приходил в себя после смерти своей любимицы. Патрик Сил рассказывает еще об одном случае, оказавшем на Филби сильное воздействие — беспомощное барахтанье мыши в унитазе. «Секретный сотрудник КГБ, посылавший людей на смерть, не смог перенести страданий бедного животного. Он выловил ее и выпустил на волю».

Если когда-либо в своей жизни Филби ослабил контроль над собой, что позволяло бы выявить его истинное состояние, то наиболее благоприятным был именно этот период. После побега Филби его коллеги и знакомые стали припоминать разные мелочи в его высказываниях и в поведении, которые выдали бы его, если бы они отнеслись к ним более внимательно. Стоят упоминания несколько таких наиболее существенных фактов. Годфрей Янсен, появившийся в Бейруте в начале 60-х годов в качестве журналиста, вспоминает, что целая полка в квартире Филби была заставлена избранными произведениями Карла Маркса. Это «дюжина прекрасно изданных томов, в темно-красном переплете с золотыми буквами». Однако серьезный иностранный корреспондент может на это возразить, что они были нужны Филби для работы.

Однажды вечером, когда Филби и Янсон ехали в такси, между ними состоялся разговор о борьбе за мировое господство между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Янсен заявил, что в послевоенный период успех, кажется, остается за Советским Союзом. Филби спокойно сказал: «Его успех неизбежен». Использование Филби этого ключевого слова коммунистической терминологии настолько поразило меня, что до сих пор я хорошо помню место, где это он произнес — как раз напротив входа в британский банк, на улице Макдиси.

Во время одной из вечеринок у супругов Фистер зашла речь о гражданстве, и кто-то спросил мнение Филби на этот счет. «Я родился в Индии, — ответил Филби, — воспитывался в разных арабских странах, учился в Великобритании. Поэтому у меня лично нет какого-либо чувства гражданства». Это поразило Фистер: «Я не мог этому поверить. Ведь Филби создавал впечатление настоящего англичанина. Его слова звучали так, как будто он отказывается от родины».

Семейная пара Юсуф и Розмари Сейих нередко часами беседовали с Филби о политике. После побега Филби они пытались припомнить такие его высказывания, которые говорили бы о его прорусских симпатиях. В своей памяти они «отыскали» лишь слова Филби о том, что советская медицинская система функционирует хорошо. Но это ни о чем серьезном не говорит и свидетельствует лишь об одном: «Это все, что они могут припомнить. Более чем скудно». Таким образом, все это время, в каком бы состоянии Филби ни находился — в депрессии или алкогольном опьянении, — он не только скрывал свое истинное лицо, но и функционировал как сотрудник советской разведки. Чем же был в это время полезен Филби русским?

Эллиотт вел себя осторожно и ограничил доступ Филби к

информации СИС только теми сведениями, которые были необходимы для осуществления разработанной Уайтом операции по его разоблачению. Но Филби был опытным и предприимчивым человеком. Большое число проезжавших через Бейрут действовавших и бывших сотрудников СИС считали необходимым увидеться с ним, выпить и поговорить о делах. Один из них, Энтони Кавендиш, вспоминает:

«Чаще всего я встречал Филби одного в пышно обставленном баре гостиницы «Сент-Джордж». Казалось, что Ким хотел поговорить о делах СИС, о людях и, видимо, считал, что я буду рассказывать ему обо всем, что знаю. Такие разговоры обычно проходили, если рядом не было журналистов. Я беседовал с Филби точно так же, как бы я разговаривал с любым бывшим сотрудником разведки. Я считал, что, если он до сих пор поддерживает контакт с сотрудниками СИС, вполне справедливо зародить у него определенные сомнения».

Судя по документам, полученным на основе Закона о свободе информации, ЦРУ считало, что у Филби был источник из числа высокопоставленных сотрудников американской разведки, который раскрыл ему некоторые сведения о тайных операциях ЦРУ. Согласно этим документам, ЦРУ было убеждено, что один из его сотрудников, Уилбур Крейн Ивлэнд, рассказал Филби об операциях ЦРУ на Среднем Востоке и в Америке, в том числе о планах по свержению правительства Сирии в конце 1956 года и об усилиях американской разведки по организации выборов в Ливане в 1957 году в пользу режима прозападного политического деятеля Шамуна. В документах ЦРУ говорится о допросе сотрудником американской разведки Элеоноры Филби после побега ее мужа. В протоколе допроса от 1 ноября 1965 года говорится: «Госпожа Филби заявила, что, по словам ее мужа, ему нужно провести лишь один вечер с Биллом Ивлэндом, чтобы узнать о всех операциях, которые он проводит».

Директор ЦРУ Аллен Даллес использовал Ивлэнда (в 1988 году ему было 69 лет) в качестве специалиста по улаживанию трудных дел на Среднем Востоке и в Африке. Ивлэнд поставил под сомнение точность документов ЦРУ, заявив, что с Филби он никогда не вел себя несдержанно и что сам факт его общения с Филби в Бейруте положил конец его разведывательной карьере. Конечно, проблемы Ивлэнда можно понять. Поскольку СИС доверяло Филби настолько, что использовало его в своих ойерациях, любой сотрудник ЦРУ вправе считать, что Филби реабилитирован. Очевидно, Ивлэнд был не одинок в своем убеждении. Что касается других сотрудников ЦРУ, то, как заявил Джордж Янг: «Филби дружил со всеми американцами в Бейруте.

Многие из них болтали. Он был большой мастер втягивать их в беседу».

Но не от них Филби получил точные сведения о вторжении 19 июля 1955 года в Ливан американских морских пехотинцев якобы для восстановления порядка после восстания пронассеровских групп против правительства Камиля Шамуна. Действительной причиной этого шага было опасение Вашингтона, что коммунисты неминуемо возьмут власть в Ливане в свои руки. Филби рассказал об этом журналистам за три дня до высадки пехотинцев. Его коллеги помнят, что Филби выступал не как журналист со своими прогнозами, а как человек, имеющий на этот счет точные сведения. Вряд ли Филби узнал о высадке морских пехотинцев от Ивлэнда, поскольку позднее тот писал:

«Хорошо известный мне сотрудник ЦРУ, работавший в Бейруте, был просто ошарашен нашим вторжением. Я не знаю ни одного работника посольства США в Бейруте, Дамаске или Алеппо — будь то посол, атташе, консул, сотрудник ЦРУ или секретарша, которые считали, что существует хотя бы малейшая «красная угроза» Ливану или Сирии.

Суть в том, что Джон Фостер Даллес (государственный секретарь США), кажется, прогнозировал сообщения своих сотрудников с мест и сделал это намеренно. Почему? Ему нужен был какой-то противник, чтобы сражаться с ним, как пуританину нужен грех».

Филби мог узнать о высадке морских пехотинцев из других американских источников или от своего советского коллеги. Но более вероятным источником могла быть британская СИС, и сделала она это, возможно, для того, чтобы посмотреть, как будет обходиться Филби с этой информацией.

Месяцы проходили, а Филби держался, возможно, на ниточке. Время командировки у Эллиотта кончилось, и он возвратился домой, так и не внеся ясности в дело Филби. Наконец два события: предательство и политический шаг сионистов положили конец карьере Кима Филби как советского разведчика.

22 декабря 1961 года изменил Родине Анатолий Голицин, явившийся с предложением о сотрудничестве к резиденту ЦРУ в Хельсинки. Голицин был сотрудником разведывательного управления КГБ, проводившего большую часть разведывательных операций против западного мира, и в течение двух лет работал в секции информационной службы КГБ по НАТО. Готовясь к уходу на Запад, Голицин наизусть запоминал информационные сообщения, собирал мельчайшие данные об агентах, которые могли бы способствовать разоблачению советских шпионов на Западе. Он сообщил британским службам данные, которые

помогли им заполнить пробелы в информации о Киме Филби.

Но это событие само по себе, возможно, и не было бы еще решающим, если бы Флора Соломон, друг семьи Филби, которая познакомила Кима с Айлин и была свидетелем на их свадьбе, не решила обнародовать важную информацию. Мотивы действий Соломон не ясны. По ее словам, в начале 60-х годов, работая на Израиль, она читала сообщения Филби в «Обсервере» и была возмущена их антиизраильской направленностью. Но это неправда, что в статьях Филби были какие-то антиизраильские моменты. Справедливо то, что Филби благосклонно отзывался о Насере, который из-за суэцких событий имел плохую прессу в Великобритании, и он считал, что палестинцам есть о чем горевать. Но ведь Филби был свободным журналистом, а не комментатором, и если какие-то его статьи были направлены против Израиля, «Обсервер» мог бы их не публиковать.

Тем не менее Флора Соломон решила, что она должна «дать Филби отпор». В 1962 году, находясь в институте Вайцмана в Рехоботе, она решила действовать. Находившемуся в Рехоботе лорду Ротшильду Флора заявила: «Как газета «Обсервер» может использовать человека, подобного Киму? Разве они не знают, что он коммунист. Вы должны что-то предпринять». Ротшильд подробно расспросил Соломон и сказал, что подумает, что можно было бы сделать. Когда Соломон возвратилась в Лондон, Ротшильд поинтересовался, не согласится ли она встретиться у него на квартире с сотрудником МИ-5. Сотруднику контрразведки она повторила то, что ранее рассказывала лорду Ротшильду: «В 1937 году перед отъездом в Испанию к ней пришел Филби и заявил: «Я делаю важную работу во имя мира. Вы должны присоединиться к ней, Флора». Как-то незадолго до мюнхенских событий 1937 года Филби отозвал ее в сторону и сказал: «Я хочу сообщить вам, что нахожусь в большой опасности». Соломон заявила сотруднику МИ-5, что из этих замечаний она сделала вывод, что Филби все еще не порвал с коммунизмом, учением, которым он увлекался в Кембридже.

Соломон продолжала: «Ко мне обратились с просьбой встретиться с сотрудником израильской секретной службы Моссад. Они, очевидно, полагают, что у меня есть еще какая-то информация, что я, возможно, расскажу израильтянам больше, чем МИ-5. Мне сказали, что Моссад и МИ-5 работают в тесном контакте. Сказать мне больше нечего, и я глубоко возмущена по поводу заявлений, ставящих под сомнение мою лояльность к Великобритании. Однако я согласилась встретиться с сотрудником Моссад».

Самое загадочное в этой истории состоит в том, почему

Соломон решила действовать против Филби именно таким образом. Сначала она заявила, что ее шаг был вызван антиизраильскими статьями Филби в газете «Обсервер», а в беседе с Ротшильдом причиной была названа приверженность Филби коммунизму. Поскольку об этом Соломон было известно по меньшей мере с 1938 года, почему до 1962 года она молчала? Может быть, с политической точки зрения это было удобно сделать именно в 1962 году?

Я пытался внести ясность в этот вопрос в Москве и спросил Филби его мнение о Соломон и мотивах ее доноса на него. Способность Филби прощать вызывает удивление. Филби ответил следующее:

«Флора — это старый друг нашей семьи. Я знаю ее с детства. Обычно мы бывали у нее с отцом. Я встречался с ней несколько раз во время гражданской войны в Испании. Иногда я ловил на себе странный взгляд Флоры, как будто говоривший, что она точно знает, чем я занимаюсь. У нее была трудная жизнь. В последние годы она изменилась, стала ярым сторонником Израиля».

Я пытался выяснить возникшие у Филби мысли, когда он узнал, что она предала его МИ-5 и Моссад, однако он, казалось, был больше склонен поговорить о роли Виктора Ротшильда. Филби сказал: «Хочу рассказать небольшую историю о Ротшильде. Ваше дело, как ее использовать. Однажды во время беседы в 1946 году Виктор неожиданно спросил: «Как долго ты был в коммунистической партии, Ким?» Я ответил: «Я, Виктор?» Ротшильд сказал: «Это просто маленькая шутка. Я так шучу со всеми».

СИС и МИ-5 подготовили заключение прокурора по делу Филби, и Николас Эллиотт вызвался поехать в Бейрут предъявить его Филби и, пообещав освобождение от наказания, добиться от него полного признания. Как заявил Ле Карре, полное признание со стороны Филби было бы самым ценным товаром на разведывательном рынке. Эллиотт прибыл в Бейрут 10 января 1963 года, поселился на частной квартире и, позвонив Филби, пригласил его к себе. Филби явился к нему с повязкой на голове. По его словам, в свой день рождения он много выпил, упал, ударившись головой о радиатор в ванной комнате своей квартиры.

Эллиотт с ходу пошел в атаку. Он изложил основные моменты дела, сказал о новых уликах, которые дали Голицин и Соломон. Затем Эллиотт заявил: «Я знаю тебя в течение многих лет. Теперь я должен получить правду, даже если придется выбивать ее из тебя. Было время, когда я гордился тобой. Боже

мой, как же сейчас я презираю тебя. Я надеюсь, что у тебя осталась хоть какая-то порядочность, чтобы понять это». Филби был поражен. Придя в себя, он заявил, что действительно в течение многих лет работал на русских. Но он не готов сказать что-либо еще. Эллиотт предложил Филби освободить его от наказания в обмен на полное признание и согласие возвратиться в Лондон для проведения необходимых опросов. Филби выяснил условия освобождения от наказания, в принципе принял их, но попросил дать время, чтобы обдумать все дело. Он отклонил настойчивое требование Эллиотта изложить все на бумаге, но согласился возобновить дискуссию.

На следующий день Филби принес две страницы написанного на машинке текста, в которых он пытался снять подозрения с Энтони Бланта в том, что он якобы работает с Филби, а также написал фамилии других работавших на русских агентов (все оказалось выдумкой). (Несомненно, Филби до второй встречи с Эллиоттом обсудил все вопросы со своим советским коллегой.) Затем началось противоборство между Эллиоттом и Филби. Эллиотт всячески пытался убедить Филби во всем признаться, а Филби тянул время. Эллиотт даже согласился пообедать вместе с супругами Филби, с тем чтобы убедить Элеонору в том, что все в порядке. В конце концов, Эллиотт должен был признать, что встреча с Филби нужных результатов не дала: ему не удалось получить от Филби полного признания, которое выдержало бы проверку в суде. Кроме того, Филби наотрез отказался возвратиться с Эллиоттом в Лондон. Через неделю после приезда в Бейрут Эллиотт отбыл в Лондон практически с пустыми руками.

Я спросил Филби в Москве, почему так все получилось. Его ответ: «Мне кажется несколько странной идея с организацией встречи со мной в Бейруте. В ноябре 1962 года, как раз за пару месяцев до приезда Эллиотта в Ливан, я написал Астору в газету «Обсервер» письмо с просьбой предоставить мне на несколько дней отпуск, поскольку нужно было решить некоторые семейные дела в Великобритании. Я спросил, могу ли я сделать это в июле следующего года. В своем ответе Астор указал, что он согласен с моей просьбой. Другими словами, в июле 1963 года я планировал быть в Лондоне, в пределах юрисдикции британского суда и в полном распоряжении британских спецслужб, если они действительно хотели арестовать меня. Тем не менее руководство СИС приняло решение в январе направить Эллиотта на очную ставку со мной в Бейрут, где у него вообще не было никакой юридической поддержки. Как все это можно понимать?»

На момент я задумался. «Можно предполагать, что Астор не информировал СИС о вашем приезде в Лондон в июле 1963 года,

поскольку он отрицает свою осведомленность о вашем прикрытии», — ответил я. (Позднее Астор сказал мне, что не припоминает получение от Филби такого письма.) «Я зачислил его на работу и сам платил ему зарплату, — сказал мне Астор. — Но после этого отношений с Филби не поддерживал. Вполне вероятно, что он написал письмо редактору газеты по иностранному отделу. Но мне он не писал. Я не помню об этом».

«Конечно, такой вариант возможен, — заметил Филби. — Но Астору не нужно было никому ни о чем сообщать. У многих людей ко мне в то время были подозрения, поэтому МИ-5, несомненно, контролировала мою переписку (вскрывая ее в Лондоне). Они прочитали мое письмо Астору. СИС знала, что через несколько месяцев я прибуду в Лондон, и тем не менее решила послать ко мне в Бейрут Эллиотта. Эллиотт предложил мне сделку — освобождение от наказания в обмен на информацию, но это никакая не сделка. Я должен был рассказать все, что я знаю о КГБ, и назвать его людей в Бейруте. Эллиотт упомянул ряд фамилий, и некоторые из них вызвали у меня тревогу. Мне стало ясно, что освобождение от наказания не будет снято, если я не стану давать информацию о людях. Поэтому для меня предложенная сделка была неприемлемой».

Теперь возьмите эти два факта — выбор Бейрута для очной ставки со мной и неприемлемое предложение об освобождении от наказания, и вам придется задать себе вопрос: для чего все это было сделано? Моя точка зрения, которую разделяют мои коллеги здесь, в Москве, состоит в том, что все это задумано намеренно, чтобы принудить меня к побегу, поскольку британское правительство меньше всего хотело видеть меня в то время в Лондоне — позорящий спецслужбы скандал и сенсационный судебный процесс!

Возможно, Филби прав. После побега Берджесса-Мак-лина СИС всеми силами стремилась сохранить свои особые отношения с ЦРУ. Если бы Филби доставили в Великобританию, арестовали и судили, выяснилось бы, что он никогда не выводился из штатов СИС, несмотря на данное американцам обещание, и фактически в качестве сотрудника СИС был направлен на работу в Бейрут. Следует учитывать также, что в то время консервативное правительство, возглавляемое Гарольдом Макмилланом, тем самым человеком, который реабилитировал Филби, переживало серию скандалов в сфере обеспечения безопасности страны. Прежде всего, дело Джорджа Блейка, затем принятое 13 ноября 1962 года специальным трибуналом страны решение провести расследование причин неспособности британской контрразведки МИ-5 раскрыть шпионскую деятельность сотрудника

Адмиралтейства Джона Вассала. В декабре того же года сотрудница Центрального информационного управления была приговорена к двум годам тюрьмы за передачу секретов своему любовнику из числа граждан Югославии. И наконец, по Флит-стрит уже начали циркулировать слухи, явившиеся преддверием скандала Профью-мо [28]. Дело Филби могло бы явиться последней каплей для находившегося в трудном положении правительства.

Возможные доводы другой стороны: побег Филби мог вызвать даже больший скандал, чем его арест. Но в данном случае британскому правительству удалось сдержать масштабы этого скандала до 1968 года, когда Макмиллан уже ушел со сцены. Другое объяснение состоит в том, что у Эллиотта был отступной план: если ему не удастся принудить Филби к признанию, он должен подтолкнуть его к побегу, что будет свидетельствовать о его несомненной вине, а затем в сотрудничестве с ливанскими властями схватить его до того, как ему удастся бежать. Косвенным свидетельством в пользу такого предположения является тот факт, что в январе, когда уже стало ясно, что миссия Эллиотта провалилась, новый резидент СИС в Бейруте передал Филби указание явиться в посольство. Поскольку это была уже британская территория, там Филби можно было схватить и арестовать. Однако Филби сослался на болезнь в связи с травмой головы и в посольство не пошел.

Возникает еще одна мысль при внимательном изучении рассказа Филби о предложенных ему условиях освобождения от наказания. Он сказал мне, что несколько фамилий в списке Эллиотта, указанных в качестве подозреваемых агентов, вызвали у него тревогу, что британские власти имели все основания относиться к этим людям с подозрением. Если бы он сказал «один из названных лиц», тогда, возможно, это относилось бы к Бланту, который был разоблачен в следующем году. Но тот факт, что Филби употребил слово «несколько» и отказался назвать их поименно, вызывает подозрение и наводит на мысль о том, что указанные в списке лица не были разоблачены и действуют до сих пор.

Я задал Филби еще один вопрос: миссия Эллиотта оказалась безуспешной потому, что кто-то предупредил Филби о приезде Эллиотта, предоставив ему тем самым время для подготовки. Далее я сказал, по мнению Питера Райта, такой сигнал исходил от Холлиса, который, несомненно, знал планы СИС. Филби рассмеялся. «Никакого предупреждения не было. Не было в нем и необходимости. Правда состоит в том, что двенадцать лет я готовился к такому развитию событий. И когда пришло время, ну

и что? В своем предисловии к вашей книге Ле Карре говорит о «моих длительных и мучительных колебаниях». Это ерунда. *Я* точно знал, как вести себя. Только одному богу известно, сколько раз я мысленно проигрывал эти ситуации. Просто необходимо было немножко потянуть время, немного, но постоянно выпивать, чтобы показать, что ничего не готовится, неоднократно проверять безопасность на маршруте побега. Затем, при получении сигнала, сделать адью и исчезнуть. В Бейруте у меня были не только враги, но и друзья».

Представляется, что побег был организован следующим образом. Даже Элеонора Филби не заметила в поведении Филби ничего необычного. 23 января в полдень, через 5 дней после отъезда Эллиотта из Бейрута, когда город захлебывался в проливном зимнем дожде, Филби, прихватив плащ, покинул свою квартиру, сказав Элеоноре, что он возвратится к 6 часам и у него будет достаточно времени, чтобы переодеться к приему, который организовывал на своей квартире первый секретарь посольства Великобритании Глен Бальфур-Пол. На вопрос, куда он идет, Филби ответил, что встречается со своим контактом. В Москве Филби рассказал мне: «Элеонора знала, что я работаю на СИС. Когда я говорил, что иду встречаться с контактом, она считала, что я встречаюсь с сотрудником СИС, хотя иногда это был коллега из КГБ».

Очевидно, в тот день встреча была с сотрудником КГБ, поскольку около 5 часов пополудни Филби позвонил домой и разговаривал со своим младшим сыном, тринадцатилетним Гарри. Элеонора была на кухне, и Гарри крикнул ей: «Папа опаздывает. Он сказал, что в 8 часов приедет к Бальфур-Полам». Больше Элеонора своего мужа в Бейруте не видела. Ночью она позвонила домой новому резиденту СИС, но он оказался в посольстве, где присутствовал на срочно созванном совещании по поводу исчезновения Филби. Наконец он пришел на квартиру Филби и попросил Элеонору проверить, что из его вещей отсутствует.

Позднее Элеонора получила от Филби несколько писем, в которых он сообщал, что уехал в длительную поездку по заданию газеты «Обсервер», сообщал места в квартире, где он положил деньги, просил не упоминать о письмах его коллегам-журналистам: *«Я* хочу, чтобы эта новость ограничивалась лишь тобой», и уверял ее в своей любви. До сознания Элеоноры постепенно доходило, что он уехал навсегда и, очевидно, к русским.

Некоторые из коллег Филби придерживались такого же мнения, что и Элеонора. Клэр Холлингуорт, корреспондент газеты

«Гардиан», присутствовавший на приеме у Бальфур-Полов, через день после исчезновения Филби написал спекулятивную статью, в которой заявил, что Филби своим внезапным исчезновением, возможно, на борту советского судна «Долматов», покинувшего бейрутский порт в ту ночь, подтвердил его утверждения, что он является тем «третьим человеком». «Гардиан» статью не напечатала. Через два дня местная газета, выходящая в Бейруте на английском языке, «Дейли стар» официально сообщила об исчезновении Филби. Британский журналист Питер Килнер передал это сообщение в лондонское телеграфное агентство «Рейтер», где ему не был дан ход. Килнер вспоминает, что он обсуждал дело Филби с корреспондентами газет «Таймс» и «Дейли телеграф» и оба отказались давать сообщения об исчезновении Филби на том основании, что он, возможно, выехал по своим журналистским делам. И позднее в британской прессе не появлялось более или менее подробных сообщений о случившемся. Представляется, что СИС тайно обратилась к МИД с просьбой повлиять на редакторов Флит-стрит в плане приглушения значимости этого события.

И только 20 марта, и только под давлением газеты «Обсервер», информировавшей 3 марта об исчезновении своего корреспондента, министерство иностранных дел страны выступило с официальным заявлением. Лорд-хранитель печати Эдвард Хит заявил, что правительство безуспешно пыталось установить местонахождение Филби. Хит, в частности, сказал: «Поскольку в 1951 году, двенадцать лет назад, Филби ушел из иностранной службы, он не имел доступа к какой-либо правительственной информации». Уже «обсохший» и освоившийся в Москве, Филби с удовольствием рассмеялся, прочитав в полученной авиапочтой газете «Таймс» это сообщение.

ГЛАВА XVI. ЧЕСТВОВАНИЕ ГЕРОЯ

Филби прибыл в Советский Союз 27 января 1963 года, через четыре дня после отплытия из Бейрута на борту советского грузового судна «Долматов», спешно в полночь покинувшего бейрутский порт, оставив некоторые грузы на причале. 19 января 1988 года в своей московской квартире он предложил мне бокал шампанского, чтобы отметить предстоящую двадцатипятилетнюю годовщину прибытия в Советский Союз. Когда я попытался получить от него подробности побега, Филби начал терять терпение. «Это оперативные вопросы КГБ, которые я не могу обсуждать, — заявил он. — В них нет ничего интересного или важного. Но я бы хотел, чтобы вы точно зафиксировали обстоятельства моего приезда в СССР».

«Обрисую обстановку. Пять часов утра. Небольшой пограничный пункт. (Очевидно, в одном из портов на Черном море.) Середина зимы. В помещении стол, несколько стульев, печь на угле. На печке кипит чайник, все помещение заполнено сигаретным дымом. Меня ожидают три или четыре милиционера и специально прибывший из Москвы для встречи сотрудник. Он хорошо говорит по-английски.

После окончания формальностей я извинился за свой приезд. Я сказал, что хотел бы и дальше оставаться на Западе и продолжать свою службу, но обстоятельства оказались сильнее. Мой коллега из Москвы, очевидно, заметил, что я немного разволновался. Он положил руку мне на плечо. До сих пор я точно помню его слова.

Он сказал: «Ким, ваша миссия закончена. У нас в службе есть поговорка — когда контрразведка начинает проявлять к вам интерес, это начало конца. Мы знаем, что в 1951 году вы были на заметке у британской контрразведки. Сейчас 1963 год. Прошло двенадцать лет. Мой дорогой Ким, за что же вы извиняетесь»?»

Этот момент, очевидно, много значит для Филби. Возможно, он ожидал упреков за «выход из игры», когда Блант, например, продолжал оставаться на месте. Однако его встретили тепло, с пониманием создавшейся ситуации. Такое теплое отношение сохранилось и после прибытия Кима в Москву. КГБ сразу же направило его в одну из своих клиник для прохождения всестороннего обследования. Многие годы нервного напряжения и злоупотребления алкоголем дали о себе знать. Филби предстояло пройти курс витаминотерапии, привести свое здоровье в порядок. Его поселили в небольшую квартиру на берегу реки, поручив заботу пожилой женщине, которая четыре

раза в день готовила для него обильную пищу. Регулярно приходила медицинская сестра и делала витаминные инъекции.

Как только Филби стал чувствовать себя лучше, он встретился с Сергеем, руководящим сотрудником КГБ, который из Москвы направлял его работу. По словам Элеоноры Филби, которая позднее тоже встречалась с Сергеем. Сергею около 40 лет, он бегло с небольшим акцентом говорит по-английски, обладает развитым чувством юмора. Встреча Филби с Сергеем носила, очевидно, эмоциональный характер, поскольку и через много месяцев после нее Элеонора слышала, как Сергей говорил Киму, что Советский Союз всегда будет перед ним в долгу.

После нескольких дней общих бесед, Сергей приступил к решению практических дел. Один из помощников Сергея был назначен в качестве специального офицера, отвечавшего за безопасность Филби, который должен был консультироваться с ним по всем вопросам. Сначала Филби возражал против этого, считая такую меру излишней. Как заявил мне Филби в Москве, Сергея и его помощника ему убедить в этом не удалось. Они заявили мне: «Как вы думаете, каковы шансы, что западные спецслужбы ничего не замышляют против нас?» Немного подумав, я ответил: «Тысяча к одному». Их ответ: «Даже с такой возможностью мы не можем согласиться». Таким образом я получил офицера безопасности, и до сих пор у меня есть такой помощник, в обязанность которого входит обеспечение для меня безопасных условий проживания».

Затем Сергей сказал, что Киму нужно посмотреть в Москве несколько квартир и выбрать одну для себя. А что Ким будет делать со своей квартирой в Бейруте? Со своей коллекцией пластинок, книгами, восточными коврами, испанским антикварным столом, подаренным ему Томми Харрисом. С получением этих вещей проблемы не будет, но потребуется некоторое время. (Их доставили в Москву в июне 1964 года.) А его трубки? Советское консульство в Лондоне пошлет кого-нибудь на Джермин-стрит, приобретет для него пару трубок и пошлет их в Москву дипломатической почтой.

Что касается финансовых вопросов, то Филби будут выплачивать 500 рублей ежемесячно в качестве основной зарплаты (около 200 фунтов стерлингов), производить определенные доплаты за особый характер его работы. Кроме этого, КГБ будет выплачивать ему 4000 фунтов стерлингов в год для оказания помощи оставшимся в Великобритании его детям, пока они не будут содержать себя сами. При необходимости Филби может пользоваться машиной с шофером и загородной дачей.

Что касается его личных дел, то при желании его жена может приехать к нему. О своем решении по этим вопросам он должен сообщить Сергею.

Филби отметил, что он напишет Элеоноре и попросит ее побыстрее приехать к нему. Это оказалось более трудным делом, чем он думал. Сразу после исчезновения Филби Элеонора стала поддерживать контакт с резидентурой СИС в Бейруте и, будучи неуверенной в том, что Филби выехал в Москву добровольно, согласилась информировать СИС о возможных подходах к ней со стороны русских. Поэтому, когда Элеоноре позвонил человек, которого когда-то Ким представил ей как корреспондента немецкой службы новостей в Бейруте, и сказал: «Я от Кима», она отказалась встречаться с ним и сразу же поставила в известность резидентуру СИС. Позднее в Лондоне, когда в СИС ей были показаны фотографии, Элеонора опознала того корреспондента.

Вместо того чтобы поехать из Бейрута в Москву, как этого хотел Филби, Элеонора в мае 1963 года выехала в Лондон. Собралось много представителей прессы, надеявшихся что-либо узнать о местонахождении Филби. Однако только в июле правительство, поставленное в трудное положение делом Профьюмо, признало, что Филби находится в Москве. Сотрудники СИС быстро увезли Элеонору из Лондона и упорно начали убеждать ее не ездить к Филби, пытаясь выведать все, что она знала. Они рассказали Элеоноре о предательстве Филби, убеждали ее в том, что, если она уедет в Москву, обратно может никогда не вернуться, направили ее к доктору, прописавшему ей успокоительные таблетки «либриум» и навещавшему ее раз в неделю. «Консультации этого доктора больше походили на психиатрические сеансы, — писала Элеонора. — Его вежливые, но настоятельные вопросы дали мне основание считать, что он каким-то образом связан с министерством иностранных дел».

В конце концов Элеонора уехала в Москву. По совету Филби она посетила консульство СССР в Лондоне, где ей выдали 500 фунтов стерлингов для приобретения теплой одежды и разрешили все формальности. 23 сентября 1963 года она прибыла на аэродром Внуково, где ее приняли по классу «VIP» (очень важное лицо). Элеонору встречали Филби и Сергей и сразу же повезли на новую квартиру Филби, находившуюся в жилом районе города в 15 минутах езды на метро от центра.

По советским стандартам квартира была большая и комфортабельная: четыре комнаты, в том числе большая гостиная, кабинет, столовая и спальная. Кухня была оборудована хорошо и по-современному, в квартире был телефон. Квартирная плата, включая отопление и свет, составляла двадцать пять

рублей в месяц (около двадцати фунтов стерлингов). Каждый день для уборки и покупок к Филби приходила специально нанятая для этого женщина. Когда Элеонора распаковала свой багаж, они вместе с Кимом выпили шампанское за первый день их новой жизни в Советском Союзе.

* * *

Два других беженца, Гай Берджесс и Дональд Маклин, жили в Советском Союзе уже двенадцать лет. Первые сообщения о них появились в 1951 году, в основном благодаря усилиям Ричарда Хьюджесса, ближневосточного корреспондента газеты «Санди таймс», который обратился к советским властям с просьбой дать разрешение взять у них интервью. Была организована пресс-конференция, на которой Берджесс и Маклин зачитали заранее подготовленные заявления. В Лондоне распространились противоречащие версии относительно их жизни в Советском Союзе: они ненавидят Советский Союз, они счастливы в СССР; КГБ относится к ним с подозрением, они работают в КГБ; они хотели бы посетить Великобританию, они никогда не хотят появляться там.

Новостей о Берджессе было больше, чем о Маклине. Берджесс переписывался со всеми своими старыми друзьями и в четверг утром еженедельно звонил одному из них, Питеру Поллоку. Но Поллок посчитал необходимым информировать об этих звонках МИ-5, и спустя какое-то время звонки прекратились. Другой приятель Берджесса, Том Драйберг, поехал в Москву, чтобы навестить Берджесса. Драйбергу Берджесс признался, что у него есть определенные проблемы.

Свое поведение Берджесс не изменил. На приеме в новом китайском посольстве он изрядно выпил и устроил там настоящий скандал. Китайцы высказали свое возмущение. Этот инцидент явился причиной серьезной ссоры между Берджессом и Маклином, дипломатическую чувствительность которого Берджесс оскорбил своим поведением. После этого они почти не разговаривали друг с другом. В дальнейшем Берджесс все больше и больше времени стал проводить дома, в своей квартире, читая книги, слушая музыку, выпивая, испытывая все большую ностальгию по своей родной Англии. После пребывания в госпитале 19 августа 1963 года он умер от печеночной недостаточности и сужения артерий; Маклин присутствовал на его похоронах, он произнес похоронную речь, духовой оркестр исполнил «Интернационал». Берджесс оценил бы вынесенный ему

профессором Кирнаном вердикт: «Он сделал то, что считал необходимым сделать. Я чту его память».

Берджесс знал, что Филби находится в Советском Союзе. Западные журналисты, с которыми он поддерживал контакт, рассказали ему о побеге Филби из Бейрута. Кроме того, 3 июля 1963 года, за шесть недель до смерти Берджесса, газета «Известия» поместила заметку о предоставлении Филби советского гражданства. По завещанию Берджесс оставил Филби свою библиотеку, насчитывающую 4 тысячи книг, несколько зимних пальто, некоторые предметы мебели и 2 тысячи фунтов стерлингов. Имеются сообщения, что они встречались: Филби навестил Берджесса в госпитале. Некоторые сообщают, что якобы Берджесс с тревогой говорил: «Не может быть, чтобы Филби находился в Москве. Я был бы первым человеком, с которым он захотел бы встретиться».

Я спросил об этом Филби. Филби ответил: «Берджесс действительно создавал здесь определенные трудности. Для него было сделано все необходимое: предоставлена квартира, терпеливо относились к его отклонениям в личном плане. Но Берджесс создавал и более сложные проблемы: он хотел работать здесь в должности начальника английской секции КГБ. Но по различным причинам это было нереально, что вызывало у него болезненные переживания».

«Он и Маклин какое-то время болтались по Москве, ничего не делая, сопровождаемые толпой журналистов. КГБ решил дать им возможность начать новую жизнь: Берджесс и Маклин были направлены в Куйбышев. Маклин прижился там очень хорошо: он получил место преподавателя и был доволен. Берджесс продолжал свои похождения (своему лондонскому другу он так описывал Куйбышев: «Можешь ли ты представить себе Глазго в субботнюю ночь в девятнадцатом веке. Таков Куйбышев»).

«После пары лет, — продолжал Филби, — Маклину надоел Куйбышев, он хотел возвратиться в Москву. Маклин написал письмо непосредственно министру иностранных дел Молотову, который взял его на работу в свое министерство. Дела в МИД у него шли хорошо. Маклин написал интересную книгу «Британская внешняя политика после Суэца». Она получила хорошие отклики, в том числе на Западе. Что касается Берджесса, то он так и не вжился в советскую действительность. Ему разрешили вернуться в Москву, но это ничего не изменило — он продолжал катиться вниз. Как я уже говорил, для избежания взаимных объяснений, мы с ним не виделись. Но он был хорошим другом».

Смерть Берджесса сблизила Филби и Маклина, и когда

Элеонора приехала в Москву, был организован совместный обед. Они хорошо ладили друг с другом и вскоре стали регулярно встречаться 2–3 раза в неделю за обедом: играли в бридж, обсуждали московские новости, вместе ходили в театр. Жены делились впечатлениями о продуктах питания, которые им удавалось достать, а Филби и Маклин обсуждали дела своих бывших коллег по министерству иностранных дел. Когда Филби были свободны, Мелинда Маклин возила их по Москве, с тем чтобы они могли ближе познакомиться с городом, где им предстояло жить.

Иногда вместе совершали поездки: по прибытии ночным экспрессом в Ленинград Маклин познакомил супругов Филби с городом, иногда давая квалифицированные описания исторических мест. Когда Элеонора поехала навестить родных в США, Филби вместе с Маклинами совершил поездку по прибалтийским республикам. Выходные проводили на даче Маклинов, вместе ходили на лыжах. Вместе заказывали продукты питания в ГУМе, спиртные напитки и деликатесные консервированные продукты выписывали из Дании. Когда у Филби испортились отношения со своей домработницей — она была слишком начальственна и много распоряжалась, — именно Мелинда Маклин сказала об этом нужному начальнику и домработницу заменили. Когда Филби хотели купить подарки в Великобритании, Мелинда разрешала им воспользоваться своим валютным счетом и возместить деньги в рублях.

Кроме Маклинов, круг знакомых Филби был очень узок. Сергей посоветовал им держаться подальше от дипломатов и представителей прессы. Филби были очень удручены, когда, несмотря на все предосторожности, в гостинице «Украина» их опознал корреспондент агентства «Рейтер» и успел задать вопрос о том, как им нравится жизнь в Советском Союзе. Его сообщение появилось 1 января 1965 года. В нем цитировался ответ Филби: «Замечательно, просто удивительно». Произошел еще один подобный случай. Однажды завтракая в ресторане небольшой гостиницы, Филби неожиданно поднялся и вышел из-за стола, заявив, что в ресторан входит Ларри Коллинз, американский журналист, которого он хорошо знал в Бейруте.

Иногда Филби встречались с Хильдой Перхэм, членом британской коммунистической партии, которая работала в газете «Московские новости» и жила в том же квартале, что и Берджесс, а также с корреспондентом газеты «Дейли Уоркер» Питером Темпестом. В отсутствие Элеоноры Филби пошел на вечер, на котором чествовали двух старых большевиков, и встретил там «прекрасную пожилую американку» Джессику Смит, которая

впервые приехала в Советский Союз еще при Ленине с миссией квакеров по оказанию СССР помощи. Он писал Элеоноре: «Она только что совершила поездку по Сибири. Эта поездка вдохновила ее и убедила в том, что в Сибири начинается новая жизнь. Ее не проведешь, и у нее есть что сказать в критическом плане. Это делает ее в общем оптимистический обзор увиденного в Сибири еще более убедительным».

Несмотря на уединенную жизнь, Филби, кажется, неплохо свыкался с порядками в Советском Союзе. Он начал брать уроки русского языка у профессора, которая три раза в неделю приходила к нему домой. Каждое занятие длилось два часа. К занятиям Филби относился добросовестно и к концу 1964 года, менее чем через два года после приезда в Москву, он уже довольно бегло говорил по-русски и с гордостью демонстрировал свои языковые познания на улице. Это иногда приводило к забавным случаям.

«Когда я впервые приехал в Москву, — рассказывал мне Филби, — по непонятным причинам многие останавливали меня и спрашивали дорогу. Через некоторое время я устал объяснять, что я иностранец и помочь не могу, поэтому я спросил у своей учительницы смысл слова «вон там». Потом, когда у меня спрашивали дорогу, я делал соответствующий жест и говорил по-русски «вон там», и довольные прохожие удалялись в указываемом мною направлении. Когда я лучше узнал город и мой русский стал совсем сносным, я уже с гордостью давал подробные объяснения. Интересовавшийся дорогой человек обычно странно смотрел на меня, отходил и начинал спрашивать другого».

Из Кембриджского издательства «Бауэс энд Бауэс» Филби заказал первые четыре тома «Истории России» Вернадского и начал изучать их. («Что касается стиля и композиции, то это одна из худших исторических работ. Но в ней очень много фактов, которые вряд ли можно где-либо найти» — из письма Филби своей жене.) Авиапочтой Филби получал газеты «Таймс», «Вашингтон пост», «Геральд трибюн», «Монд», журнал «Тайм». Слушал передачи радиостанции Би-би-си, «Голос Америки». Следил за сообщениями об убийстве Джона Кеннеди и был тронут до слез, когда находившаяся в больнице по случаю незначительной операции Элеонора рассказала ему, как открыто плакали при этом известии врачи, сестры и пациенты больницы. Он с радостью воспринял победу Джонсона над Голдуо-тером на президентских выборах 1964 года. Филби писал: «Это большая победа американского народа. Нельзя верить в быстрое свершение чудес, однако можно ожидать медленного, но

устойчивого движения к установлению нормальных отношений».

Но Элеонору, американку, привыкшую к изобилию потребительских товаров, раздражало отсутствие таких мелочей, как заколки, шариковые ручки и тому подобное. Ей был ненавистен холод, однообразие социальной жизни и после комфортного пребывания в Бейруте ей была «противна битва за ежедневное существование». Кроме того, она считала, что Филби должен объясниться перед ней за годы обмана.

«Почти каждый день я ждала, что он отведет меня в сторону, положит руку на плечо и скажет: «Моя дорогая, произошло следующее… Все эти годы я делал то-то и то-то, поскольку я верил в то-то и то-то. Эти убеждения являются моей философией, они основа моего существования. Вот поэтому я легко соглашаюсь с тем, что мы испытываем здесь: пронизывающий холод, затхлый запах капусты и одинокую жизнь. Но он ничего этого не сказал. Для него жизнь в Москве не требует оправдания. Он просто живет ею. Более того, он обожает такую жизнь: погоду и все остальное».

Из книги Элеоноры Филби «Ким Филби — шпион, которого я любила»

Главная разница в жизни Элеоноры и Кима заключалась в том, что он имел здесь работу и все остальное, связанное с этим: неудачи, награды и, прежде всего, постоянное теплое и чуткое отношение со стороны своих коллег. Официальным признанием заслуг Филби явилось награждение его в 1965 году орденом Ленина, орденом Красного Знамени, которые стали первыми из многих его наград. В первые годы пребывания в Москве он работал над информацией, которой располагал. Обычно утром приезжал Сергей и они долгие часы проводили в кабинете Филби. До Элеоноры доносились лишь шум их голосов и стрекот пишущей машинки.

Филби «освобождал» свой мозг от всего, что знал о работе американской и британской разведок. Он называл фамилии сотрудников, которых он встречал или знал, каждого известного ему агента и каждую операцию. Он описывал структуру разведок, линии подчинения, расположение служебных зданий. Филби рисовал схемы и диаграммы, описывал процедуры набора персонала и комплектования подразделений, финансового и пенсионного обеспечения. Составлял краткие биографии известных ему руководящих сотрудников ЦРУ и СИС, оценивал их сильные и слабые стороны. Все мелочи считались важными, все необходимо было вспомнить и зафиксировать. *«Я* освободил свою память и свои эмоции, — рассказал мне Филби. — Я составил полнейшую историю своей жизни как сотрудника разведки.

Думаю, что сейчас все это находится в архивах».

И все это время вместе с Филби находился Сергей, чтобы подсказать ему, помочь вспомнить, более глубоко вникнуть в ту или иную операцию, постоянно напоминать Филби о важности этой работы. По завершении этого труда, — а он практически никогда не заканчивался, так как Филби постоянно что-то вспоминал, — КГБ знало о ЦРУ и СИС больше, чем многие руководящие сотрудники этих разведывательных служб.

Естественно, западные разведки предвидели это и сразу после побега Филби в Москву начали оценивать возможный ущерб, с тем чтобы принять меры для уменьшения его размеров. Но когда уходит разведчик такого ранга, как Филби, очень немногое может быть сделано для уменьшения ущерба. Разведывательные службы являются большими бюрократическими организациями, в которых работают тысячи высококвалифицированных людей, многие из которых получили специальную подготовку. Методы работы такой организации за ночь не изменить, сотрудников разведки быстро заменить невозможно, нельзя сразу же прекратить операции, продолжавшиеся годами. Именно по этим причинам сотрудник ЦРУ заявил мне в 1968 году, что, хотя ЦРУ знало, что Филби расшифровал многих его руководящих сотрудников, раскрыл работу целых отделов, вряд ли что можно было сделать, кроме ликвидации этих подразделений и организации работы по-новому.

Допросы Филби проводились в 1963–1966 годах. В Вашингтоне он работал с 1949 по 1951 год, с 1951 по 1956 год был не у дел, а с 1956 по 1963 год вновь использовался СИС, но не в качестве кадрового сотрудника, а агента. Конечно, можно доказывать, что информация, которую Филби передал КГБ, устарела. Когда я поставил такой вопрос перед Филби, он с этим категорически не согласился. «Это не так. Полная бессмыслица в заявлении о том, что разведывательные знания когда-либо устаревают. Даже сегодня возникают вопросы, мое мнение по которым, мое предвидение, чувство ситуации представляют значительный интерес» [29].

Загрузка Филби значительно возросла во время второго года пребывания в Москве, когда КГБ обратилось к нему с просьбой поработать над мемуарами Гордона Лонсдейла. Филби иногда также писал статьи для советских журналов, консультировал начальников подразделений КГБ по оперативным вопросам, касавшимся Запада, писал для КГБ политические анализы, в которых излагал свою точку зрения на возможную реакцию Москвы на международные события. Мюррею Сейлу в 1967 году

он заявил: «Вскоре после моего приезда в Москву, меня попросили написать документ по Африке. Это в принципе была моя первая работа по заданию КГБ. В целом я занял осторожную позицию. Молодым африканским государствам обязательно нужно предоставлять разумную финансовую помощь, но под конкретные проекты. Но я предупредил — давайте не будем глубоко влезать в их дела. Но мы влезли. Выброшены миллионы рублей.

Я оказался прав. Сейчас мы придерживаемся в Африке следующих принципов: следим за обстановкой, оказываем помощь, но никаких долгосрочных обязательств. Представляется, что китайцы действовали в Африке даже хуже нас».

В течение первых лет пребывания в Москве Филби высказал определенные критические замечания в адрес советского режима. После падения Хрущева в 1964 году он писал Элеоноре, что его беспокоит отсутствие официального правительственного заявления, объясняющего причины сделанных изменений.

«Совершенно ясно, что со стариком все труднее стало иметь дело, что он допустил ряд серьезных ошибок. Но было бы хорошо, если бы было опубликовано заявление, в котором было бы объяснено, в чем Хрущев не прав. Кроме того, совершенно необходимо воздать должное его достижениям в плане либерализации жизни в Советском Союзе и укрепления политики мирного сосуществования».

Филби иногда не мог воздержаться от шуток по адресу некоторых напыщенных советских официальных лиц. Его любимой была следующая: «Во время израильско-египетской войны один из советских высших военных чинов поехал в Каир. Командующий египетскими войсками жалостливо говорил о своей неспособности сдержать наступление израильских войск. В ответ он услышал: «Не беспокойтесь, товарищ. Используйте наш опыт в Великой Отечественной войне. Окопайтесь и ждите прихода зимы».

* * *

Первый толчок к разрыву брака Филби с Элеонорой дала ее поездка к дочери в Соединенные Штаты летом 1964 года. Она отсутствовала пять месяцев, дольше, чем ожидалось, так как американские власти по прибытии в США отобрали у Элеоноры паспорт и возвратили его только после президентских выборов. В ее отсутствие Филби все ближе сходился с Маклинами. Поскольку Дональд работал, Мелинда Маклин часто вместе с Филби ходила

в театр, в магазины или просто на прогулку. Ким готовил для нее обеды, делал подарки, с симпатией выслушивал ее сетования на не сложившуюся жизнь с Дональдом. Когда разрыв брака Филби стал свершившимся фактом, Элеонора считала, что виновницей этого была Мелинда. Но причины тут гораздо глубже.

Прежде всего, КГБ никогда не доверяло Элеоноре. Ее связи с ЦРУ и СИС в Бейруте, а затем в Лондоне заставляли Сергея задумываться над тем, не замешана ли Элеонора в каких-либо тайных замыслах западных разведслужб. По просьбе Сергея сразу же по приезде Элеоноры в Москву Филби попросил ее написать подробный отчет об общении с представителями американской и британской разведок в тот период, когда Филби с нею не было. Элеонора пыталась объяснить, что, находясь в одиночестве и ничего не зная о местонахождении Филби, ей пришлось полагаться на помощь англичан и американцев. Но вопросы Филби приобретали все более настойчивый характер. Он применял тактику Ска-рдона — неоднократно ставил перед Элеонорой одни и те же вопросы.

Позднее Элеонора писала:

«Ким был терпелив, но необычно упрям и настойчив. Так он стал вести себя после того, как я призналась в том, что полностью доверилась англичанам, что на фотографиях, показанных мне СИС, я опознала того загадочного друга русских, который ранним майским утром приходил ко мне в Бейруте. Возможно, это была самая большая моя ошибка. Но раньше я ничего не скрывала от Кима и не видела причин вести себя иначе сейчас. Моя ошибка была вполне объяснимой, но я чувствовала, что Ким рассердился. Из-за меня, его жены, русские потеряли ценного агента. «Очень жаль, — сказал он. — Он был одним из моих близких друзей и нашим ценным человеком в этом районе. Его карьера загублена. Барьер между нами увеличился».

Позднее, в конце ноября 1964 года, после встречи Элеоноры по ее возвращении в Москву, Филби и Сергей осторожно расспрашивали ее о двух бутылках виски, которые она привезла в качестве подарка Киму. Сергей хотел точно знать, где она их купила. Открывал ли кто-либо их? Филби настаивал, чтобы она описала магазин в копенгагенском аэропорту, и очень рассердился, когда Элеонора со смехом встретила его опасения, что кто-то хочет отравить его [30].

И наконец, глубоко запечатлелся в памяти Элеоноры и постоянно, как раковая опухоль, беспокоил ее ответ Филби на вопрос, который Элеоноре никогда не следовало бы задавать. Озадаченная настойчивыми вопросами Филби о ее контактах с СИС и ЦРУ, Элеонора, выждав какое-то время, прямо спросила

своего мужа: «Что же самое важное в твоей жизни: я, дети или коммунистическая партия?» Твердо, без каких-либо колебаний, Филби ответил: «Конечно, партия». Элеонора была поражена. «До этого я никогда не сталкивалась с коммунистом, по-настоящему преданным своему идеалу. Ким почти никогда не говорил о своих политических убеждениях, и я всегда думала, что у нас общие взгляды». Позднее, когда Элеонора с горечью сказала Филби, что ему следовало бы жениться на убежденной коммунистке, он ответил: «Да, ты абсолютно права».

Таким образом, в конце концов Элеоноре пришлось возвратиться на Запад. Она уехала из Москвы 18 мая 1965 года. Филби подарил ей на память свой шарф, сохранившийся у него со времен учебы в Вестминстерской школе, передал прощальную записку, в которой просил ее помнить прожитые вместе годы, обещая всегда помнить ее доброту и ласку. Со своей стороны Элеонора оставила Филби письмо, которое просила вскрыть только после ее отъезда. В нем Элеонора написала, что, если Филби передумает, она готова возвратиться к нему, но жить будет только там, где не будет Мелинды Маклин. Элеонора была тронута вниманием Сергея, который пришел проводить ее с букетом тюльпанов. «Если вам когда-либо потребуется помощь, — сказал он, — придите в советское посольство в любой стране и скажите, кто вы такая. Все, что можно, они для вас сделают».

Элеонора умерла в США в 1968 году. До последних дней она не хотела слышать что-либо плохое о Филби. Незадолго до своей смерти она писала:

«Я помню его как нежного, интеллигентного и понимающего мужа…

Он предал многих людей, в том числе и меня. Но люди не всегда являются хозяевами своей судьбы. У Кима были свои сильные черты, свои слабости. Он не изменил своему решению, принятому тридцать лет назад, вне зависимости от того, какие страдания оно принесло людям, которые искренне его любили и к которым он был глубоко привязан».

Место Элеоноры заняла Мелинда. У Филби уже были ссоры с Маклином, но не по поводу Мелинды, а по поводу его лояльности. По словам Элеоноры, Маклин как-то сказал, что Филби все еще является «двойным агентом». Это означало, что Филби продолжает работать на СИС, что маловероятно. Более вероятно, что Маклин говорил о Филби только как «о двойном агенте в прошлом», что очень раздражало Филби, поскольку тут подразумевалось, что он был одинаково лоялен как по отношению к СИС, так и КГБ. *«Я* никогда не был «двойным агентом», — говорил Филби мне. — *Я* был агентом, внедренным в

спецслужбу противника, и всегда был лоялен только к Советскому Союзу».

Маклин мог сделать такое замечание относительно Филби только при одном условии: он узнал от самого Филби или из других источников, что Ким после прибытия в Москву поддерживал контакт с СИС, что, по его мнению, говорило о нелояльности Филби по отношению к КГБ. Филби написал письмо Николасу Эллиотту и в самых дружеских выражениях пытался убедить его встретиться с ним в каком-то нейтральном месте, например в Хельсинки, чтобы разъяснить возникшие после бесед в Бейруте недопонимания. Идея написания такого письма была, очевидно, подсказана Сергеем, возможно, для того, чтобы завлечь Эллиотта в компрометирующую его ситуацию, поскольку в письме говорилось, что Эллиотт ни в коем случае не должен информировать о нем руководство СИС. Если бы он пошел на соблазн встретиться с Филби, он поставил бы себя в уязвимую позицию, поскольку при утечке информации ему было бы трудно объяснить, почему он тайно пошел на встречу с известным агентом противника. Эллиотт признался, что соблазн был велик, однако он проинформировал о предложении Филби Дика Уайта. Ему было запрещено поддерживать с Филби какой-либо контакт.

Много писалось об ухаживаниях Филби за Мелиндой. Суть критических высказываний: старый обманщик-соблазнитель, слоняясь без дела в Москве в обстановке, когда нельзя было красть секреты, украл жену своего друга. Со смехом Филби отвергал такое толкование. В Москве он рассказал мне следующее: «Брак Маклина фактически распался еще в 1948 году, и хотя она пыталась «оживить» его, у них ничего не получилось. В 1951 году Дональд прибыл в Москву без Мелинды. Через четыре месяца она с детьми тоже приехала в Москву. Мелинда никогда не могла объяснить, почему она это сделала. Иногда она говорила, что детям нужен отец и поэтому необходимо было сделать еще одну попытку. В других случаях Мелинда замечала, что, когда она увидела Дональда в московском аэропорту, она уже тогда поняла, что ее попытка будет неудачной. С тех пор у них ничего не получилось, и, когда начались наши отношения, она была свободным человеком. Поэтому не было вопроса, чтобы «уводить» ее от кого-либо».

После появления в ноябре 1967 года серии статей о Филби в газете «Санди таймс» КГБ решило, что было бы хорошо опубликовать свой вариант этих событий. Поскольку в ходе бесед Филби подробно изложил свою автобиографию, без труда на этой основе можно было бы подготовить рукопись книги. Слухи о книге дошли до редактора «Санди таймс» Гарольда Эванса,

который проинформировал Филби о заинтересованности газеты осуществить такую публикацию. Для решения возникших вопросов Эванс направил Сейла в Москву.

Сейл вспоминает: «Эванс получил от Филби телеграмму такого содержания: «Направьте представителя для ведения переговоров. Филби». Поскольку адрес не был указан, моя первая задача в Москве заключалась в том, чтобы найти Филби. Кто-то в Бейруте рассказал мне, что Ким постоянно интересуется крикетом. Поскольку результаты этой игры не публикуются в «Известиях», было логично предположить, что Ким получает авиапочтой газету «Таймс». Поэтому я пошел к почтовому отделению, в котором иностранцы получают почту, и провел там почти целый день».

«На следующее утро я был снова около почтамта. Наконец, несомненно, вошел англичанин: шерстяная рубашка, вязаный галстук и что-то подобное спортивной куртке. Это должен быть Ким Филби. Я подошел к нему и спросил: «Господин Филби?» Он спросил меня, где я остановился и сказал, что позвонит мне. Я возвратился в гостиницу. Некоторое время пришлось ждать его звонка. «Гостиница «Минск», — сказал Филби. — Номер 436. Сегодня в восемь часов». И повесил трубку. Я пришел в гостиницу и показал дежурному администратору номер. Она подняла три пальца. Я поднялся на третий этаж, который казался совершенно пустым. В конце коридора маячили фигуры двух мужчин. С определенным трепетом я нашел номер и постучал. Это была маленькая гостиничная комната. Из окна была видна Кремлевская стена. А около стола сидел Ким. Два кресла, портфель, бутылка водки и два стакана.

Мы обменялись приветствиями. Затем Филби сказал: «Я понимаю, что передо мной сотрудник враждебной нам службы. Должен предупредить вас, что вам удастся пройти не более двадцати футов по коридору». Я ответил: «Я понял вас, Ким. Все правильно. На вашем месте я бы тоже испытывал подозрения к визитерам из Лондона. Но я чистый журналист. Я австралиец, зовут меня Мюррей Сейл. Зачем вы хотели видеть кого-либо из газеты?» Тогда Филби сказал: «Давайте сядем и выпьем». Большую часть бесед Филби начинал с вопроса: «Выпьешь водки?»

На этой первой встрече, а она продолжалась несколько часов, в процессе которой мы выпили большую часть бутылки, Филби предложил довольно сложную сделку. Прежде всего он бы хотел, чтобы его книга была напечатана. Затем он намекнул, что в книге будут сделаны очень серьезные разоблачения, которые поставят в затруднительное положение ЦРУ и СИС. Он мог бы рассмотреть вопрос об отказе от издания книги, если бы удалось договориться

об освобождении супругов Крогер, находящихся в британской тюрьме за соучастие в портлендском шпионском деле.

Позднее я выяснил, что судьба Крогеров связана с Розенбергами, казненными в США за передачу русским атомных секретов в 40-х годах. Очевидно, Филби имел к ним какое-то отношение, поскольку создавалось впечатление, что он чувствует личную ответственность за их возможное освобождение.

Филби упомянул также о возможности обмена Крогеров на англичанина Джеральда Брука, который отбывал наказание в Советском Союзе за распространение антисоветских листовок на Красной площади.

Я ответил: «Ким, я могу говорить с тобой о книгах, но у меня нет полномочий вести переговоры об обмене заключенных. Мне, как постороннему человеку, бросилось в глаза, что есть только один Брук, но двое Крогеров». Ким ответил: «Всегда случается так. У нас больше ценных шпионов, чем у вас. Хотите знать почему? Наши работают из убеждений, ваши — за деньги. Поэтому мы ловим их. Они всегда получали слишком много денег».

Я сказал, что сообщу о нашей беседе своему редактору в Лондон, который, несомненно, свяжется с Филби. Он ответил: «На вашем месте я бы остерегался телефонов. Они прослушиваются на обоих концах». После этого мы довольно часто видели друг друга. Разговаривали о разных событиях и вещах, включая двух писателей, Даниэля и Синявского, осужденных за опубликование своих работ на Западе. По мнению Филби, с ними обошлись слишком жестоко.

Случился смешной инцидент. К Киму из Лондона приехал его младший сын Джон. Однажды мы выходили с ним из гостиницы «Ленинградская». На улице к нам подошел один из тех странных молодых людей, предлагавших обменять фунты стерлингов на рубли по ценам черного рынка. Этот парень вел себя особенно назойливо, поэтому Джон резко остановил его и сказал:

«Будь осторожней, парень, мой отец работает в КГБ». Слова о том, что отец иностранца работает в КГБ, показались тому русскому фарцовщику настолько нереальными и забавными, что он согнулся от смеха и отстал от нас».

Сейл объективно описал свои встречи с Филби. Книга Филби вышла в 1968 году в издательстве «Макгиббон и К⁰» в Великобритании и «Гроув пресс» в Соединенных Штатах. О написанном Грэмом Грином вступлении к ней Филби отозвался следующим образом: «Прочтя его, я пришел в изумление. Грин понял, что я сделал и почему я это сделал». В 1969 году, как и надеялся Филби, Кроге-ров обменяли па Джеральда Брука.

Находясь в Москве, я спросил Филби об этом. Он ответил: «Статья Мюррея прекрасна. Он все правильно описал. Но вскоре после ее появления ко мне прибежал мой непосредственный коллега из КГБ (очевидно, Сергей) и, размахивая копией статьи из «Санди таймс», сказал: «Посмотрите, как процитировал вас этот западный журналист относительно Даниэля и Синявского. Этого вы не говорили, не так ли?» *Я* ответил: «Именно так я и сказал. Это мое личное мнение». Задумавшись на мгновение, коллега сказал: «Хм. Будем надеяться, что зам, наверху, об этой статье ничего не узнают».

«Сейл действовал со мной честно и откровенно. Что касается Ивэнса, то он был довольно скромен в отношении правдивого изображения хода переговоров об издании моей книги. В своих письмах ко мне он высказывал большой энтузиазм по поводу ее публикации в «Санди таймс». Но когда Джордж Браун стал публично критиковать лорда Томпсона за предоставление мне слишком большой рекламы, энтузиазм Ивэнса быстро погас».

В течение первых пяти лет пребывания в Советском Союзе Филби был очень занят. Он был с радостью принят своими коллегами из советской разведки, пользовался их уважением и доверием. Он был награжден орденами, имел интересную работу. Филби рассказал все, что знал, изучил русский язык, много путешествовал, покончил с одним браком, завязал роман с другой женщиной. У него было много советских денег, но мало долларов и фунтов стерлингов. Он потерял своего близкого друга и коллегу Гая Берджесса. В лице Дональда Маклина он нашел другого друга, но не поладил с ним. Он написал одну книгу, отредактировал другую, был свидетелем широкого освещения своей истории в западной прессе. В противоположность распространившемуся на Западе мнению, что страдает по родине, недоволен своей жизнью, он настолько легко вошел в московскую жизнь, как будто родился там. Затем все изменилось в худшую сторону.

ГЛАВА XVII. СОМНЕНИЯ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

В Москве Филби рассказал мне, что он так и не смог понять, почему ухудшились его взаимоотношения с КГБ. Возможно, Сергей не одобрял его связь с Мелиндой Маклин. Несмотря на имевшиеся подозрения в отношении Элеоноры, он был шокирован расстройством ее брака с Филби и делал все, чтобы не допустить союза Мелинды и Кима. Открыто ничего не было сказано, но количество заданий Филби постепенно уменьшалось. У него не стало кабинета и секретаря, которые были предоставлены в его распоряжение, когда он работал над книгой Лонсдейла. К его дому уже не подъезжали машины, в которых курьеры доставляли документы, которые он должен был безотлагательно просмотреть. Его стал реже посещать Сергей, мотивируя это большой загрузкой по работе.

«Я не понимал, что происходит, — рассказывал мне Филби в Москве. — Мне регулярно платили, но не давали никакой работы. Создавалось впечатление, что КГБ забыло о моих реальных возможностях. Меня охватила депрессия, возникли сомнения, я был по-настоящему несчастлив. Сомнения — это страшная мука. Как вы знаете, в течение пары последних лет я неоднократно встречался с Грэмом Грином. Это были наиболее плодотворные встречи из всех, что состоялись в течение нашей длительной дружбы. Впервые мы смогли откровенно поговорить. Мы смогли обсудить сомнения, представлявшие для нас большое значение; терзающие сомнения, от которых мы оба страдали: Грэм — как католик, я — как коммунист.

Проблема состояла в том, что я не мог принимать все на веру. *Я* не мог со всеми соглашаться. Когда я был занят, и они нуждались во мне, это не казалось столь важным. Но когда они не стали использовать меня, сомнения стали закрадываться в мою душу. Сомнения вызывало у меня тогдашнее руководство страны. Брежневский период был трудным временем. Мы все задыхались под его застойным, беспросветным руководством».

(Филби несомненно презирал Брежнева. Наши беседы проходили в то время, когда начались расследования коррупций, допущенных в период правления Брежнева с 1964 по 1982 год. Филби с большим интересом следил за этим процессом: читал газеты, расспрашивал посещавших его сотрудников КГБ о последних новостях. По мере приближения расследования к семье Брежнева, настроение у Филби повышалось.)

«Пытаясь преодолеть возникавшие у меня сомнения, — продолжал Филби, — я пустился в путешествия. Посетил практически каждый уголок Советского Союза, за исключением Дальнего Востока, большинство восточноевропейских стран. Вновь начал сильно выпивать, пытаясь отрешиться от возникавших трудных жизненных проблем».

Нередко Филби доводил себя до такого состояния, что был готов покончить с собой. Из других источников мне известно, что временами его запои длились по три-четыре дня. Филби днями не выходил из квартиры, не мог отличить дня от ночи. Во время поездок иногда был в таком состоянии, что не мог понять, где он находится: в Москве или в Ленинграде.

Этот тяжелый период не очень хорошо отложился в его памяти, однако он помнил эпизод, который свидетельствует о том, что были люди, которые пили даже больше, чем он. «Однажды я посетил завод по производству вин, находившийся где-то в Грузии. После нескольких стаканов вина директор завода сказал мне, что больше всего, по его мнению, пил один англичанин, по фамилии Дж. Б. Пристли, который коньяк запивал вином. Я спросил: «Он пьянел?» Директор рассмеялся: «Пьянел? Он был настолько пьян, что нам пришлось провожать его до постели, а наутро его руки тряслись настолько сильно, что он не смог расписаться в книге посетителей».

Если бы целью Филби было довести себя чрезмерным употреблением алкоголя до смерти, он бы, несомненно, преуспел в этом деле. Его здоровье было уже подорвано. После прибытия в Советский Союз в 1963 году, он четыре раза находился в госпитале, в основном с воспалением легких. Но последний приступ, случившийся в 1965 году, был осложнением заболевания, которое советские доктора диагностировали как туберкулез. Запои, нерегулярное питание, излишнее курение, эмоциональная угнетенность — все это вело Филби к физическому кризису, от которого он мог вообще никогда не оправиться.

Затем в возрасте пятидесяти восьми лет он влюбился. Страстное увлечение Филби напоминало любовные истории, описанные в легких журналах. Его роман с Мелиндой создавал большие трудности. Возникли трения с ее детьми. Когда Филби и Мелинда решили, что они не могут больше жить вместе, ей пришлось возвратиться к Дональду, поскольку негде было жить [31]. Но Филби не относился к тем мужчинам, которые долгое время могут жить без женщины. Сияя от воспоминаний, он описал мне в Москве встречу со своей последней любовью, иногда обращаясь к своей жене с просьбой дать свой вариант описания

их встречи.

«Поздней осенью 1970 года я пригласил своего сына Тома в Москву. Джорджа Блейка и его русскую жену беспокоила моя депрессия и, желая, очевидно, подбодрить меня, они пригласили нас с Томом на представление балета на льду. Жена Блейка пришла вместе со своей подругой Руфой, женщиной русско-польского происхождения. Позднее я узнал, что после смерти отца она воспитывалась в Советском Союзе. Вместе с матерью она пережила трудные времена.

Через 20 секунд после встречи с Руфой я понял, что это именно та женщина, которую я искал. В таких делах я могу быть очень настойчивым, поэтому я организовал с ней несколько встреч у друзей. Эти встречи достигли кульминации на одной вечеринке на даче. Я быстро сообразил, что хозяйка не одобряет мои ухаживания за Руфой и делает все, чтобы отдалить нас друг от друга. Я решил прибегнуть к решительным действиям.

Вскоре все пошли на рынок, где было много народа. Дождавшись удобного момента, я схватил Руфу за руку и, вспомнив свои давние профессиональные приемы, затерялся с ней в толпе. И только очутившись с Руфой наедине, я осознал серьезность проблемы: она плохо говорила по-английски, а мой русский был не столь хорош для ведения подобного разговора. Я сказал ей по-русски: «Послушайте, я открываю карты и прямо говорю Вам, что хотел бы на Вас жениться».

Но далеко со своим предложением я не продвинулся. Ее поразило выражение «открываю карты» и пришлось использовать все свои познания русского и жесты, чтобы объяснить ситуацию. Когда мы преодолели это затруднение, мне удалось сказать ей, снова по-русски, что я не пылкий юноша и не требую от нее немедленного ответа. «Подумайте, — сказал я ей, — не торопитесь».

Рассказ продолжала Руфа.

«Сначала я думала, что все эти встречи были простым совпадением. Потом поняла, что все это он спланировал. На меня это оказало большое впечатление, однако принять решение я не могла. А Ким не был таким терпеливым, каким хотел казаться. Когда он прощался со мной у порога дачи, он спросил напрямик: «У меня есть какая-нибудь надежда?» Я ответила, как ответила бы любая женщина: «Не торопитесь».

Филби продолжал.

«Мы договорились пообедать на следующий день в «Метрополе». Я попросил ее прийти точно в двенадцать, потому что хотел получить столик на двоих — в Москве это не так просто. Она пришла в 12.30. В свое оправдание она сказала, что

не помнит, приглашал ли я ее к двенадцати или к часу, поэтому приняла компромиссное решение».

Руфа перебила:

«Когда я увидела, что он ждет меня, я поняла, что опоздала. Он стоял прислонившись к стене, улыбаясь, был счастлив видеть меня. Не было ни гнева, ни упреков. Он был совершенно очарователен. Мое сердце дрогнуло. Я поняла, что он победил. Сейчас мне кажется, что я знала его всю свою жизнь. Даже не помню, что было со мной до знакомства с Кимом. Я не была замужем до этого, как будто ждала именно его».

В разговор вступил Филби:

«Мы поженились два месяца спустя, 19 декабря 1971 года. Мои коллеги по КГБ подарили нам свадебный

подарок — прекрасный фарфоровый сервиз английского производства. Руфа изменила мою жизнь. Я понял, что большинство женщин, которых я знал до этого, тайно боролись с душевным надломом. Встреча с нормальной, полюбившей меня женщиной скрасила мою жизнь. Друзья называли меня сумасшедшим только за то, что я решил жениться на Руфе. Я знал ее слишком мало, да и языковой барьер должен был всегда стоять между нами. Однако все сложилось как нельзя лучше».

Филби не всегда уверен в фактах, однако представляется, что его женитьба совпала с изменением к нему отношения со стороны КГБ. «Внезапно они вновь стали использовать меня. Могу только предполагать, что это связано с изменением в верхних эшелонах КГБ. Очевидно, кто-то сказал: «Филби может быть тут полезен». Ко мне вновь стали приходить документы, и все быстро вернулось к хорошим старым временам. Мои сомнения и депрессия исчезли. Я выполнял интересную работу, у меня прекрасная жена. Жизнь вновь стала полнокровной».

Работа Филби в этот период заключалась и в подготовке документов по различным международным проблемам. Хотя он отказался перечислить вопросы, по которым КГБ консультировался с ним, интересна его точка зрения по проблеме, в отношении которой, к сожалению, не спросили его совета. Речь идет об Афганистане. «По этому вопросу моего мнения не спрашивали. Если бы спросили, я бы посоветовал не вмешиваться в эту проблему, исходя из чисто исторических мотивов. Я бы сказал: «Посмотрите, добились ли чего-либо здесь англичане. Эти нескончаемые войны. Всеми силами держитесь от Афганистана подальше».

Представляется, что Филби все еще участвовал в разработке разведывательных операций. Ему, очевидно, поручалось делать

анализ неудавшихся мероприятий. По ним он высказывал свои рекомендации, выяснял, по чьей вине они сорвались, и давал советы, как избежать подобного в будущем. «Удивительно, что иногда идет все не так, хотя кажется, все было спланировано правильно. Например, тот случай в США. Кто-то через забор бросил пакет на территорию советского посольства. Он был объемным и выглядел так, как будто в нем была спрятана бомба. Вызвали полицию, а полиция — представителя ФБР, который с готовностью взял пакет с собой. Это оказалось связкой очень важных документов, которые кто-то хотел передать нам. Хуже всего то, что в пакете было письмо, в котором в определенном месте назначалась встреча с нами. ФБР вышло на эту встречу и арестовало доброжелателя. Печальная для нас история, но больше такое не повторится».

Иногда он получал задания, имевшие лишь отдаленное отношение к миру секретов. После того как в 1978 году Филби прочитал сотрудникам КГБ лекции по проблеме мотивации, к нему обратился тренер сборной команды СССР по хоккею. Команда переживала трудные времена. Два года подряд проигрывала соревнования на первенство мира, что с ней ранее никогда не случалось. Тренер обратился к Филби с просьбой поднять мотивационный настрой команды. По этому поводу Филби рассказал мне следующее:

«При всей своей скромности могу сказать, что в этом вопросе я кое-что понимаю. Поэтому я согласился попробовать свои силы». В финальной игре того года советская команда убедительно победила чехословаков. На память Филби подарили вставленную в рамку фотографию команды, где он сидит рядом с тренером. Он повесил ее в своем кабинете на видном месте.

В 1980 году Филби был награжден орденом Дружбы народов, который был учрежден в 1972 году и которым награждаются иностранцы за оказание помощи Советскому Союзу. Награждение совпало по времени с публикацией на русском языке книги Филби «Моя тайная война». Филби сказал мне:

«Книга имела удивительный успех. Было продано более 200 тысяч экземпляров. К сожалению, я не предполагал, что она так быстро разойдется: в книжных магазинах ее можно было купить только в течение первых дней после выхода в свет. Даже у меня не оказалось достаточного числа экземпляров. Книга была издана также в Болгарии и Чехословакии. В результате у меня появилось много чехословацкой и болгарской валюты, поэтому мы с Руфой подумывали о посещении Праги и Софии.

В Чехословакии нам был устроен радушный прием. В наше распоряжение было предоставлено две машины: одна для нас,

другая — для нашей охраны и даже частный самолет. Длившаяся две недели поездка обошлась нам всего в 120 рублей. Летом мы совершили такую же поездку в Болгарию. Она нам тоже очень понравилась. С руководством КГБ была достигнута договоренность о том, что дважды в год мы можем выезжать из Советского Союза. Поэтому летом мы ездили в Болгарию, зимой — в какую-либо другую социалистическую страну. Это было очень удобно».

Приданный Филби офицер безопасности помогал ему выбрать страну для поездок. В конце 70-х годов от своих коллег из кубинской разведки Филби получил несколько приглашений посетить Гавану. «Мне и Руфе очень хотелось поехать туда, поэтому своим руководителям из КГБ я высказал мнение о безопасности такой поездки. Мы полетим самолетом Аэрофлота, а на Кубе друзья позаботятся о нашей безопасности. Мне ответили: «Что, если самолет отклонится от маршрута, плохая погода или какие-то другие обстоятельства вынудят его приземлиться в Соединенных Штатах?» Подумав, я ответил: «Хорошо. Тогда мы поплывем советским пароходом». С неохотой они согласились. Пароходом мы плыли по Ла-Маншу. Мне очень хотелось увидеть подготовительную школу в Истборне, где я учился. К сожалению, видимость была не очень хорошей».

«Мы прекрасно отдохнули на Кубе. Мои коллеги показали нам все уголки страны, принимали нас по-королевски. Мы встречались со всеми руководителями страны, кроме Кастро. В заключение меня наградили кубинским орденом. Обратно возвращались южным маршрутом через Турцию. Я мечтал о такой поездке, так как надеялся показать Руфе Стамбул. Однако погода была дождливой, и Босфор был укрыт туманом».

По возвращении Филби не удержался, чтобы не превратить свою поездку в загадку. В письме ко мне и к другим адресатам он стал делать намеки на то, что выезжал за пределы Советского Союза: «Только что возвратился из многодневной заграничной поездки»… «Недавно вернулся»… «Несколько недель загорал на солнце».

Я написал ему:

«Дэвид Лейч все еще заинтригован вашими дразнящими воображение намеками на недавнее возвращение из приморских полных солнца краев, где вы постоянно наслаждались охлажденными напитками. Я сказал ему, что вы регулярно ездите в Индию, чтобы наблюдать за соревнованиями по крикету и наслаждаться креветками в заведении госпожи Ферн. Я сам скоро собираюсь поехать в Индию. Надеюсь до отъезда получить от вас весточку, но если вы загораете на солнце, потягивая ром, тогда

мы можем встретиться в Бомбее. Соревнования по крикету начинаются в сентябре».

20 февраля 1980 года Филби на это ответил:

«Итак, господин Лейч заинтригован проведенными мною неделями на солнце. Поверит ли он, если Вы скажете ему, что я потягивал напитки в Диего-Гарсия? Жаль, что не могу присоединиться к Вам в Бомбее. С приходом к власти госпожи Ганди это, возможно, будет когда-либо осуществимо (в конце концов наши отцы вместе учились в Кембридже и участвовали в дискуссиях в клубе «Магпай энд Стамп»).

Признаюсь, что крикет вызывает у меня скуку. Конечно, было бы неплохо не торопясь провести день, наслаждаясь игрой ведущих мастеров. Я с удовольствием слежу за соревнованиями между графствами. Признаюсь, что для человека старой школы, к которой я отношу и себя, довольно трудно и неинтересно следить за всеми этими новшествами, которыми полна британская пресса».

Поскольку Филби знал, что его письма вскрываются британской контрразведкой МИ-5, он надеялся, как это считал Морис Олдфилд, заставить ее тратить время на выяснение, куда он ездил и с какой целью. Однако Олдфилд ошибался, считая, что Филби делает это специально. Филби действительно был на Кубе, и, если после проверки МИ-5 установила это, она, естественно, хотела бы знать, зачем он туда ездил. Поэтому без каких-либо усилий Филби мог извлечь из своей развлекательной поездки определенные выгоды для КГБ.

Он продолжал внимательно следить за событиями в Великобритании, особенно за имевшими отношение к разведке. В 1977 году я написал ему письмо, в котором рассказал о пьесах, телевизионных передачах, фильмах и книгах о нем, которые вышли в свет в том году. Филби ответил:

«Спасибо Буту (редактору книжной серии «Квартет») за то, что среагировал на мое письмо. С удовольствием принимаю ваши поздравления по поводу проведенных мною нескольких недель в Карпатах, где я нарушил уединенное существование форели. С интересом прочел ваше описание о массивном вторжении со стороны средств массовой информации в мою частную жизнь в этом году. Вы пишете, что этим подводится определенный итог моей жизни, но вряд ли можно так думать. Я вам скажу вот что: «В 1977 году исполняется сто лет со дня рождения Ф. Э. Дзержинского, основателя ЧК, и это подходящий случай, чтобы отметить эту дату. Нужно привлечь максимум внимания к его известным ученикам».

Я рад услышать мнение Би-би-си о том, что обо мне говорят

излишне много. Возможно Би-би-си высказала свое мнение в связи с письмом, которое я написал примерно год назад Эрику де Мауни. В своем письме он информировал меня о том, что, возможно, вновь посетит Москву, и в этой связи хотел бы записать короткое интервью со мной. В ответе я употребил как раз это выражение — «излишне много». Хотел бы отметить отсутствие там у вас должной координации своих действий потому, что совсем недавно я получил предложение от Би-би-си, которое меня не особенно захватило. Все еще думаю, отвечать ли на него. Они хотят говорить со мной о патриотизме — обязательно со мной? А почему бы им не побеседовать на эту тему с одним из тех, кто уехал в Америку. Например, с бывшим сотрудником Би-би-си Куком, Алистеаром или другими им подобными. Кстати, «Письма из Америки» последнего становятся все более нелепыми».

В 1979 году я послал Филби книгу А. Эндрю Бойле «Климат предательства», которая способствовала разоблачению Энтони Бланта как агента, одно время работавшего на Советский Союз. Филби в ответ написал следующее:

«В последние несколько дней моя совесть дважды получала хорошую встряску. Во-первых, известие о привлечении вами ЦРУ к суду за его действия в деле Холдена (загадочное убийство иностранного корреспондента «Санди таймс» Дэвида Холдена в декабре 1977 года в Каире) напомнило мне о том, что уже давно лежит без ответа Ваше письмо от 15 июня. Во-вторых, я получил от Вас книгу «Климат предательства», что вновь говорило об отсутствии вежливости с моей стороны. Но я фактически не мог написать ответ до Вашего отъезда в Индию и Австралию, поскольку письмо пришло ко мне после 15 июня. Не зная, сколько времени вы будете отсутствовать и выйдет ли вновь газета «Санди таймс», я сначала колебался, затем уехал в путешествие сам, потом занялся ремонтом и переоборудованием своей квартиры. Мне очень жаль, но я надеюсь на прощение.

Наконец-то Эндрю Бойле взорвал свои петарды, правда, при дистанционном контроле, попав один раз точно в мишень, другой — около мишени и выпустив массу беспорядочных осколков, ранивших случайных людей. Почти как в Ольстере. Александр Чанселлор (из «Спек-тейтора») попросил меня прорецензировать эту книгу, но мне пришлось отказаться. Это была бы интересная работа, однако серьезная рецензия завела бы меня в болото недопустимых рассуждений. Как правильно заметил Витгенштейн: «Человек должен молчать, если он не может об этом говорить».

Я считаю, что «Обсервер» провела предсмертное интервью с Горонви Ризом (другом Берджесса и Бланта, одно время

находившимся под подозрением в принадлежности к советской разведке) в самых худших традициях. Несомненно, вы заметили бросающиеся в глаза несоответствия в последнем тестаменте Горонви. Мне потребовалось бы слишком много времени, чтобы найти здесь книжное обозрение Би-би-си, поэтому, проявляя явную бестактность, прошу вас сделать для меня фотокопию. Знаю, что я не заслужил этого, однако Малькольм Маг-геридж находил удовольствие прощать мне подобные слабости».

Из передач Би-би-си Филби узнал о заявлении, сделанном госпожой Тэтчер в палате общин 15 ноября 1979 года, в котором она заявила о том, что Блант после предоставления иммунитета от наказания признался в 1964 году, что был советским агентом. Филби в беседе со мной в Москве сказал:

«Я пришел в ужас. Мне трудно предположить, почему она это сделала. Контрразведка МИ-5, очевидно, находится в шоке. Действия премьер-министра контрпродуктивны. Одним ударом она разрушила всю идею и цель предоставления иммунитета от наказания. У Бланта был этот иммунитет, в понятие которого, естественно, входило и сохранение тайны. Правительство Великобритании нарушило договоренность. Какой шпион поверит теперь кому-либо в Великобритании, когда в обмен на сотрудничество ему будут предлагать иммунитет.

Во всяком случае, вскоре после заявления госпожи Тэтчер о Бланте, в консульство СССР в Лондоне пришел человек и передал упаковку. Он просил переслать ее Киму Филби в Москву. Он мог бы послать ее и по почте. Даже при адресе «Филби, Москва» упаковка без каких-либо трудностей пришла бы ко мне. Но я думаю, что он хотел иметь полную уверенность, что его посылка дойдет до меня.

В посылке я обнаружил прекрасную гравюру Римской колонны императора Марка Антония, который боролся с немцами. Она вон там на стене. Делать что-либо подобное всегда было в характере Бланта. Это так похоже на него. Я долго раздумывал, следует ли посылать подтверждение о получении посылки. По многим причинам я этого не сделал. Когда я узнал, что Блант умер (26 марта 1983 года), я очень пожалел, что не написал ему. Эта гравюра напоминает мне о нем и о тех сражениях, которые мы вели против немцев».

За несколько недель до этого, 6 марта 1983 года, в Москве умер Дональд Маклин. Остался один Филби. Хотя Филби не поддерживал связи с Маклином, он следил за его работой и жизнью. В Москве Филби сказал мне: «После заявления госпожи Тэтчер о Бланте, британские журналисты, аккредитованные в Москве, хотели встретиться с Маклином и получить от него

комментарии. Маклин с самого начала сделал ошибку, включив номер своего телефона в справочники, поэтому журналисты знали его домашний адрес. Большой группой они явились к нему и, когда Маклин не ответил на звонок, пытались взломать дверь. Пришлось вызвать охрану из КГБ, чтобы убрать их оттуда».

В социальной жизни Филби Блейк заменил Маклина. В летние месяцы Ким и Руфа проводили выходные вместе с Блейком и его русской женой Идой на даче Блейков, расположенной в часе езды на электричке от Москвы. Сын Блейка Миша, родившийся в 1971 году, особенно привязался к «дяде Киму». Я знал об этой дружбе еще до отъезда в Москву, поэтому спросил Филби: «Вы еще встречаетесь с Джорджем Блейком?» Он ответил: «Не очень часто. Я не видел Блейка уже довольно давно. У него другая работа. Сыну Блейка уже семнадцать. Очень толковый парень. У нас в Советском Союзе имеется пять отметок. Пять наивысшая оценка, единица — самая плохая. Сын Блейка получает только четыре и пять. (Позднее я узнал, что нечастые встречи между Блейком и Филби имели свои причины, о которых Филби умолчал. Блейк, более замкнутая личность, чем Филби, не одобрял поддержание Кимом контактов с Западом. По этому вопросу они часто спорили и, наконец, отдалились друг от друга.)

Я пытался выяснить у Филби, каким образом Блейку удалось бежать из лондонской тюрьмы Уормвуд — Скрэ-бе и добраться до Москвы. Филби сказал: «Я знаю, как Блейк сумел это сделать, но не могу об этом рассказать вам, поскольку речь пошла бы об оперативных методах КГБ». Я спросил: «Даже о том, кто помог ему? Разве вы не хотите положить конец слухам? Замешана ли тут Ирландская республиканская армия или Комитет-100 (воинственная секция организации «Кампания за ядерное разоружение»), или Син Бурк (ирландский авантюрист, находившийся в тюрьме вместе с Блейком и приписывавший себе в заслугу удачный побег Блейка)? Филби ответил: «Вы не упомянули СИС. Возможно, британская разведка помогла ему?»

Я возразил: «Почему СИС должна помогать Блейку? Они же сами посадили его в тюрьму. Или СИС помогла ему бежать во исполнение своего обещания дать небольшой срок в обмен на сотрудничество? Разве данный Блейку срок — 42 года тюрьмы — был неожиданностью для них?» Филби начал терять терпение: «Я могу лишь сказать, что побег Блейка — это в основном его личная заслуга. Он сам сыграл в этом деле главную роль».

Филби следил за шпионской фантастикой, особенно за книгами Ле Карре. В своем письме он спрашивал меня, почему Дэвид Корнвелл избрал себе псевдоним «Ле Карре» и нападал ли он когда-либо лично на него в моем присутствии. Я ответил, что

такие случаи мне неизвестны, что при мне он отзывался о нем (Филби) с профессиональным нейтралитетом. Филби вернулся к этому вопросу после прочтения новой книги Ле Карре:

«Тем временем Смайли вновь на коне, возможно, немного уставший. Но это естественно для моего сверстника. Вы пишете, что Корнвелл относится ко мне нейтрально. Возможно, Корнвелл немного шизофреник. Хью Тревор-Роупер (лорд Дакре) назвал его введение к вашей книге «напыщенной рекламой». В последнем номере «Об-сервера» Корнвелл окрестил меня «прирожденным сластолюбцем». Интересно отметить, что первые слова («напыщенная реклама») употреблял шеф британской разведки, а вторые («прирожденный сластолюбец») — Хью Тревор-Роупер! Вот так-то!»

Через советское консульство Филби заказывал видеозаписи интересующих его телепередач. После просмотра французской программы, в которой ее участники обсуждали пьесу Яна Куртейса «Филби, Берджесс и Маклин», Филби написал мне:

«Я просмотрел французскую телевизионную передачу, в которой выступали Патрик Сил, Дэвид Лейч, Хью Тревор-Роупер и другие. Сил (немного располневший) пользовался преимуществами своего двуязычия, Лейч говорил по-французски довольно сносно, а французский бедного старого Хью примерно такой же «заржавевший», как и мой. Лучше всех был, конечно, француз: жирный, разговорчивый и понятный. Кроме того, он говорил на очень хорошем французском».

Во время одной из своих поездок за пределы Советского Союза Филби посетил Восточный Берлин, где после войны проживала его первая жена и соратник по компартии Литци. После развода с Филби она вышла замуж за Хонигманна, сделала карьеру в кинобизнесе, дублируя фильмы с английского на немецкий и наоборот. В 1966 году она развелась с Хонигманном, который тогда был директором ведущего сатирического кабаре «Дистель», взяла фамилию Фридман и стала жить одна в своей комфортабельной квартире, расположенной в пригороде Восточного Берлина Карлсхорсте. Являясь членом коммунистической партии с восемнадцати лет, Литци получала хорошую пенсию и имела право один раз в год выезжать на Запад. Даже в возрасте семидесяти восьми лет и являясь бабушкой, Литци сохранила привлекательность молодых лет: острый ум, любовь к жизни и искристую живость.

Поэтому я спросил Филби, позвонил ли он Литци во время своего последнего посещения Восточного Берлина. Он поколебался, перед тем как ответить, а затем уклончиво сказал: «Нет, я не звонил. Я не знал, что она разведена и не хотел ее

беспокоить. И вообще, тот период моей жизни уже так давно позади, что представляется другим миром с другими людьми». Это мне показалось странным. Представлялось, что Филби, не лишенный чувств человек, захочет еще раз встретиться с женщиной, которая утвердила в нем коммунистические убеждения, с которой он разделил трудный период своей молодой жизни, когда они ради своих убеждений рисковали жизнью. Я решил, что по возвращении в Лондон наведу о Литци справки.

Результаты оказались удивительными. Литци покинула коммунистический мир и поселилась на Западе. Она сделала это в основном по личным мотивам, хотя определенную роль сыграли и политические соображения. Ее дочь вышла замуж за немца, работавшего в Академии наук Восточного Берлина; который позднее выехал в Страсбург для проведения научно-исследовательской работы по линии Гумбольдтского университета. Литци скучала по дочери и внукам, поэтому в 1984 году выехала в Австрию, чтобы быть поближе к ним. Но друзьям она рассказывала о своем разочаровании слишком медленным проведением реформ в Восточной Германии и поэтому решила покинуть эту страну. Как она рассказала мне: «Я получила разрешение на однонедельное посещение Австрии и решила не возвращаться». Знал ли Филби, что Литци уехала на Запад, и ему было трудно признать это? До его смерти я не смог выяснить этот вопрос.

В сентябре 1986 года Грэм Грин посетил Москву, где встретился с Филби. Они переписывались с 1969 года. Филби начал писать Грину после того, как увидел в «Таймс» его письмо с выражением возмущения по поводу заключения в тюрьму писателей Даниэля и Синявского за опубликование своих работ на Западе. В знак протеста Грин запретил публикацию своих работ в Советском Союзе. Он отказался посещать СССР, пока «там не изменятся условия». Вскоре после этого он получил от Филби письмо, в котором он одобрял решение Грина. Филби высказал в письме надежду на изменение в скором времени условий жизни в Советском Союзе. «Вы совершили справедливый и честный поступок. Изменения, о которых я веду речь, могут принести нам пока не очень реальное удовольствие, например возможность вместе пообедать и поговорить как в добрые старые времена…»

Грин ответил и потом еще в течение последующих семнадцати лет они обменивались одним-двумя письмами в год. Грин посылал Филби свои книги — они занимали книжную полку сразу за столом Филби. Грин послал Филби рукопись своего последнего романа «Человеческий фактор. в котором он

изображает бежавшего в Москву сотрудника ЦРУ, чтобы Филби проверил достоверность изложения. Письма носили в основном личный, ностальгический характер. «Если бы письма касались политических вопросов, то Киму было известно, что я передал бы их Морису Олдфилду (в то время главе СИС), поскольку это была бы или направленная информация, или дезинформация», — отмечал Грин.

Посещение Грином Москвы в 1986 году по приглашению Союза советских писателей — первое за последние двадцать пять лет — было, несомненно, организовано Филби. Пять месяцев спустя Грин приехал в Москву снова, на этот раз для участия в работе Международного форума за мир. Грин был в СССР в сентябре 1987 года (он посетил отдаленные города Сибири) и в феврале 1988, незадолго до смерти Филби. В каждый приезд он виделся с Филби. «Когда в первый раз за все эти годы я встретился с Кимом, он сказал: «Никаких вопросов, Грэм». Я ответил: «У меня только один вопрос. Как у тебя с русским языком?» Мы выпили и долго говорили о прошлом. Затем я увидел его снова на даче одного художника под Москвой, а третий раз на обеде в Союзе писателей. И наконец мы организовали обед на двоих. Был я у Кима на квартире, но об этом я не хочу ничего рассказывать».

Руфа боялась встреч с Грином. «У меня создавалось впечатление, что у Грина саркастический характер. Но все оказалось совсем наоборот. Это очаровательный человек, веселый, с детской наивностью в глазах». Обслуживать гостя помогала мать Руфы, напоминавшая Грину о письме Филби. «Я однажды получил от Филби письмо, в котором он заявил, что в отличие от большинства англичан свою тещу он очень любит», — указывал Грин.

Филби с удовольствием вспоминал свои встречи с Грином. «Грэм пользуется здесь большим успехом, — заявил он мне. — Я слушал одну из его речей на форуме мира. По словам Грина, приближается исторический союз между коммунизмом и римской католической церковью, которые плечо к плечу будут вести наступление на бедность и репрессии. Кроме того, он сказал, что при своей жизни надеется увидеть советского посла в Ватикане. Представьте себе, это было воспринято очень хорошо, его речь прерывалась аплодисментами. Лишь он был удостоен такой чести».

«Контраст с Великобританией поразителен. Вы, очевидно, знаете, что газета «Таймс» не хочет больше публиковать его писем. Здесь его принимают как большого английского писателя, все хотят взять у него интервью. О Грине подготовлена часовая

телевизионная программа, только я говорил в ней около десяти минут. В течение всего времени пребывания здесь у меня не было свободной минуты. Я вспоминаю такой момент: мы сидели с ним вдвоем, когда у него брали интервью сразу два корреспондента советского радио. Он отвечал на бесчисленное количество вопросов в два микрофона. Сначала в один, потом в другой. Я увидел, что Грин начал ерзать, проявлять нетерпение. Затем неожиданно он сказал: «Хватит, я должен сходить в туалет». Это его единственные слова, которые не прозвучали в передаче».

* * *

Библиотека Филби разрасталась. Раз в неделю он очищал абонируемый на почтамте почтовый ящик, что было значительным событием в его размеренной жизни, и выкупал заказанные книги. У Филби были очень широкие интересы. «Я прочитал «Рай квартет», поскольку интересуюсь Индией и считаю Пола Скотта прекрасным писателем. Я прочитал все книги Джона Эриксона, одного из немногих историков, понимающих Советский Союз. Но в последней книге его подвели редакторы или корректоры. Многие названия, особенно венгерские, написаны неправильно. Я хотел написать ему письмо и сказать об этом, но пока до этого не доходили руки».

Филби следил за политикой Великобритании. Госпожа Тэтчер пугала его, однако можно было видеть, что он подсознательно уважал ее твердые убеждения. И конечно, Филби очень хорошо относился к ее мужу — Денису. «Госпожа Тэтчер имеет ингредиент, совершенно необходимый любому успешному политику: удачу, — сказал он мне. — Хорошо, что она, кажется, разбудила президента Рейгана. Все ее речи, касавшиеся финансов страны, заканчивались фразами: «Нельзя вести хозяйство, постоянно занимая деньги», «Нельзя руководить страной, постоянно залезая в долги». Тэтчер думала, что Рейган разделяет ее точку зрения, и я думаю, что она узнала с определенным разочарованием, что эго не совсем так. Успокоение Тэтчер, очевидно, находит в понимании того, что может играть определенную роль в развитии мировой экономики. Что касается ее мужа Дениса, он очаровал меня фразой, сказанной им в день своего семидесятилетия. Когда один из настырных репортеров спросил Дениса, как он смог прожить так долго, последний в ответ огрызнулся: «Употреблял джин и курил сигареты!»

Что касается Филби, то виски и сигареты начали сказываться на его здоровье. Зимой 1986 года, в возрасте 72 лет, ему вновь

пришлось лечь в госпиталь. Он плохо спал: «Я вставал и съедал большой кусок шоколадного торта. Только это помогало мне вновь заснуть». У Филби был нарушен пульс, все время он чувствовал себя усталым. Доктора поставили диагноз — аритмия сердца. Его беспокоил еще один симптом — после возвращения с Кубы он два раза терял сознание. Однажды он упал без сознания в ванной комнате. Он возвратился из госпиталя с жалобой на настойчивые рекомендации докторов сократить курение до десяти сигарет в день. Однако он искренне смеялся над шуткой Грэма Грина: «Ким, у нас у обоих неизлечимая болезнь. Это наш возраст».

ГЛАВА XVIII. ПОСЛЕДНИЙ ТРИУМФ

Заключительные годы жизни Филби протекали без особых волнений. Для себя он понял, что основная работа на КГБ пришла к своему завершению. Однако было приятно сознавать, что к нему до сих пор обращались за помощью. «Я по-прежнему стараюсь работать с девяти до пяти, — рассказал он мне. — КГБ относится ко мне с пониманием и никаких жестких сроков не устанавливает. Когда возникает какая-либо потребность, они приходят и спрашивают: «Не могли ли бы вы выполнить работу?» Просмотрев материал, я отвечаю: «Конечно, все будет готово к четвергу». Й в ответ слышу: «Так быстро? Пожалуйста, не особенно утруждайте себя».

В последнее время Филби работал над программой лекций для молодых сотрудников КГБ. Свой рабочий день он начинал утром после легкого завтрака, состоявшего из чая и поджаренных хлебцев. Затем он шел в свой кабинет, читал газету «Таймс», решал кроссворды. Обычно на столе у Филби лежали экземпляры газеты «Таймс» за неделю, и он любил просматривать их по порядку, но в последнее время или английская, или русская почта работала не совсем четко, что очень раздражало Филби. *«Я* получаю «Таймс» от нескольких почтовых агентов в Ноттинг-хилле, — говорил он. — Раньше газеты несколько запаздывали, но приходили по порядку. Теперь все перепуталось, газеты сминают и мне приходится утюгом разглаживать их».

В 2 часа дня Филби прерывал работу и вместе с Руфой обедал. Иногда прекращал работать раньше и готовил обед сам. Будучи отличным поваром, он предпочитал индийскую кухню. Мою жену, которая привезла ему некоторые специи, Филби расспрашивал: «Как долго вы варите рис? У меня он стоит на огне ровно 13 минут». Если готовили не индийские блюда, то обед состоял из русского супа, копченой рыбы или рагу с рисом, маринованных огурцов и каких-либо фруктов, кроме яблок, к которым у Филби была сильная аллергия.

После обеда он читал или писал письма, вечером выпивал 2 или 3 двойные порции виски — обычно «Джонни Уокер» с красной этикеткой, которое разбавлял минеральной водой. Ужин был обычно очень легким, иногда он состоял лишь из кефира. Руфа изредка одна или с друзьями ходила в кино, Филби, не очень любивший кинематограф, в это время слушал музыку или читал.

Руфа, которая совсем не выглядит на свои пятьдесят пять лет, одевается со вкусом, предпочитая наряды, которые подчеркивали

бы цвет ее рыжеватых волос. Она немного полновата, но защищает свою фигуру, утверждая: «Последние проведенные в СССР медицинские исследования показывают, что женщины рубенсовского типа болеют реже».

Филби и его жена, несомненно, выглядели счастливой парой. Он относился к Руфе с подчеркнутой вежливостью, одаривая ее цветистыми комплиментами, и часто говорил, как много она для него значит. Руфа заботилась о муже, тщательно следила за его вечерними возлияниями, иногда жаловалась на его излишнее курение. Единственной причиной возможных трений, которую я заметил, было желание Руфы перебивать мужа во время его чудесных рассказов, что в семьях бывает нередко. В таких случаях Филби мягко останавливал ее: «Дорогая, кто будет рассказывать? Ты или я?»

В компании русскоговорящих они обычно говорили друг с другом по-русски. Когда приходил я, они переходили на английский, но Руфа иногда обращалась к Филби за помощью. Дома, в отсутствие матери Руфы, они также обычно говорили по-английски.

Мне трудно судить, насколько хорош у Филби русский, но я слышал, как он разговаривал по-русски со своим помощником из КГБ Владимиром. В другом случае, когда я беседовал с Филби, другим ухом он слушал Владимира, который рассказывал Руфе о ходе судебного следствия, касавшегося семьи Брежнева. У меня создалось впечатление, что русский Филби использует в повседневном обиходе, а когда беседа касается каких-либо серьезных вопросов, тонкостей, он переходит на английский.

Филби был гостеприимным хозяином. Любил приводить своих знакомых в грузинский ресторан, где его хорошо знали. Однажды он сказал мне: «Сегодня мы на попечении КГБ. Поужинаем не дома. Машина будет ждать вас у гостиницы в семь». Мы сели в машину, заехали за супругами Филби и отправились в ресторан. Владимир все организовал заранее. Он провел нас в отдельный кабинет. На Филби был костюм в узкую полоску, старомодные красные подтяжки. В меню входила черная и красная икра, шашлык, кебаб, жареная баранина, водка и красное грузинское вино.

Я заметил Филби, что шашлык и кебаб, очевидно, напоминают ему о Турции. Ким, расслабившийся и находившийся в хорошем настроении, ответил: «Ах да, вы мне напомнили, что я хотел рассказать вам о горе Арарат. В книгах и статьях вы читали о фотографии, которая висела у меня на стене в Бейруте, фотография горы Арарат в рамке, сделанная мной еще в Турции. Вы писали что-то об этом в своей книге, о двух вершинах горы, и

будто бы такую фотографию можно сделать лишь со стороны советской границы. Вы увидели в этом нечто необычное. А все очень просто: граница СССР находится на некотором расстоянии от Арарата, и можно фотографировать гору с советской стороны, находясь на территории Турции».

Накануне я рассказал Филби о сплетнях в издательских кругах по поводу того, что Энтони Кейв Браун, английский автор, проживающий в США, намеревается издать биографию Филби, что он надеется встретиться с ним в Москве, но такую встречу, очевидно, непросто устроить, и это мероприятие обойдется по меньшей мере в 10 тысяч долларов. Филби, вероятно, думал об этом, потому что во время ужина он вернулся к этому разговору:

«Я надеюсь, что это не понимается так, что 10 тысяч долларов предназначены для меня. Во-первых, я не нуждаюсь в деньгах. Вы должны понять, что наше общество — это общество наличных денег. Здесь нет кредитов, нет вероятности очутиться в долгах. Одному богу известно, что произошло бы с западной экономикой, если бы внезапно потребовали возвращения всех долгов. Здесь можно спокойно тратить все, что у вас имеется. У меня нет никаких причин испытывать беспокойство по поводу денег, поскольку я хорошо знаю свое финансовое положение на всю оставшуюся жизнь».

Филби сделал паузу, чтобы выпить, а мне пришла в голову мысль, что он и его отец имели серьезные денежные затруднения в начале своего жизненного пути. Неожиданно я понял, почему Филби привлекает общество, в котором он точно знает свое финансовое положение. Словно прочитав мои мысли, Филби продолжил: «Но представьте себе, только представьте, что мне нужно 10 тысяч долларов. Как вы думаете, где бы я их достал? Совершенно верно. В КГБ у нашего народа. Такая это служба. Грызня Питера Райта по поводу своей пенсии — это то, что не может никогда произойти с нами. Никогда».

Я спросил его, что он думает о книге Райта, и неожиданно увидел прежнего Филби, сотрудника британской специальной службы. «Я не могу принять версию Райта о так называемом заговоре против Вильсона [32]. Если заговор против Вильсона действительно существовал, то заговорщики — группа сотрудников контрразведки — действовали самостоятельно. Никто из генеральных директоров СИС или МИ-5 никогда не поддержали бы их, они сокрушили бы заговор в зародыше. Они находятся на службе у премьер-министра, а не он у них». Записывая эти слова, я вспомнил, что Филби говорил «наши» вместо «их», и я подумал тогда, что Ким оговорился, считая себя по-прежнему сотрудником СИС. Но в моих записях стоит слово

«их», возможно, я ошибался.

Я сказал Филби: «Вы можете обсудить эти вопросы в своей следующей книге». В ответ услышал: «Я не собираюсь писать новую книгу. Мне больше нечего сказать, за исключением некоторых технических деталей, сведения о которых находятся в архивах. Мне надоела вся эта история, хотя западная пресса по-прежнему проявляет к ней интерес. Корреспондентам в Москве ставится задание взять у меня интервью». Филби остановился, отпил из стакана водки, улыбнулся и продолжал: «Мы знаем об этом из их сообщений».

Позднее, вечером, мы перешли к международным делам. Филби что-то раздражало в американской прессе. «Запад постоянно твердит о намерении СССР захватить мировое господство. Я не могу припомнить, чтобы кто-то из советских лидеров говорил об этом. Американский политический обозреватель Юджин Ростоу рекомендовал не спешить с ратификацией Договора о ракетах средней и меньшей дальности. Он заявил, что Запад должен подождать шесть месяцев, чтобы понять, говорит ли Горбачев правду или же его слова подразумевают контроль над Западной Европой, Китаем и Японией. Для человека, в общем умного, говорить подобное — просто странно. Его утверждения так далеки от истины. У нас и так достаточно проблем. Все это не более чем миф, как и разговоры об угрозе Западу со стороны СССР. В 1945 году СССР был истощен войной, а у США уже была атомная бомба. Чего бы мы достигли, неожиданно напав на Западную Европу? Никто не хочет быть уничтоженным». Я поинтересовался у Филби его мнением по афганскому вопросу. Он ответил следующее: «Вы должны постараться понять нашу точку зрения. Мы вполне ладили с королем и его наследниками. Афганцы знали, с кем дружить. Потом грянула революция 1977 года. Ее назвали социалистической, но на деле в ней принимали участие две соперничающие группировки. Мы оказывали им экономическую и военную помощь. В 1979 году президент Афганистана Нур Мухаммед Тараки прибыл в Москву, где его встречали как особо почетного гостя. По возвращении на родину его убили. Положение стало нестабильным. Как мы должны были действовать, чтобы преодолеть раскол между двумя партиями и вновь создать в стране спокойную обстановку? Мы решили ввести свои войска и держать их там, пока не восстановится порядок.

Звали ли нас в Афганистан? Не могу сказать. Несомненно, кое-кто в Кабуле хотел этого. Но в то же время у нас появились обоснованные подозрения, что Амин начал заигрывать с американцами.

В этой ситуации мы не могли допустить, чтобы американцы расположились у порога нашего дома. Вы можете возразить, что они уже на пороге — в Турции, это так, но мы не хотим, чтобы они были еще и в Афганистане. Конечно, мы никогда не узнаем, что бы случилось, если бы мы не ввели войска. Сейчас мы пытаемся как можно быстрее покинуть эту страну, но сделать так, чтобы уцелели наши афганские друзья. Ввод советских войск в Афганистан отрицательно сказался на наших отношениях со странами «третьего мира» и арабским Востоком. Наше правительство намерено вывести войска к концу 1988 года, но я думаю, что это займет несколько больше времени. Нам нужны честные соглашения с США и Пакистаном.

«Что будет потом? Не могли бы вы дать прогноз политики СССР на ближайшие годы?» «Конечно. После вывода войск из Афганистана мы урегулируем наш пограничный конфликт с Китаем. Мы еще неясно представляем себе, что там происходит. Известно, что Китай не удовлетворен результатами развития своих отношений с США. Возможности развития деловых отношений с Китаем вызывали в США огромный энтузиазм. Ведь это миллиард населения. Но при всем этом энтузиазме никто не поинтересовался, чем китайцы собираются платить за все эти товары. Сейчас восторг американцев поутих, и Китай это ощущает. Теперь лишь Афганистан и Вьетнам стоят на пути улучшения наших отношений с Китаем.

Я высказал свои мысли об Афганистане, но и Вьетнам представляет большую проблему. Вьетнамцы — загадочный народ. Они прекрасно воевали — Пентагон это хорошо почувствовал. Казалось, что страна, умеющая так воевать, сможет так же быстро и успешно развивать свою экономику. Но по не совсем понятным для нас причинам у вьетнамцев возникли трудности в этой области. Но мы должны заниматься вьетнамским вопросом, ибо от его решения во многом зависит урегулирование отношений с Китаем».

По пути домой Филби, сидевший в машине рядом с шофером, попросил водителя выключить радио, заметив, что не выносит громкой музыки. Он добавил: «К сожалению, очень трудно избавиться от нее. Западная музыкальная волна достигла и СССР. Вчера я ехал в лифте и даже там звучала эта ужасная музыка. Знаете ли вы, что единственное место, где сейчас можно услышать настоящую тишину и укрыться от этой проклятой современной музыки, — это Сибирь? Вы берете палатку, провизию и уходите в самые дебри тайги и только там можно насладиться тишиной. А что касается поп-музыки… Вы, наверное, читали о небольших волнениях молодежи здесь? В основном

инициаторами их были хулиганы, одурманенные буржуазной рок-музыкой!!»

Все самые сложные вопросы я оставил на нашу последнюю встречу. Супруги Филби пригласили нас на прощальный ужин. Ким предложил нам приехать пораньше, «чтобы можно было немного поработать до ужина». Мы расположились в его кабинете по обе стороны стола.

— Давайте начнем с патриотизма, — сказал я. — Испытываете ли вы какие-либо патриотические чувства к Великобритании?

Филби ответил:

— Патриотизм — это очень сложное чувство. Возьмите русских. Они боготворят свою Родину, но в течение многих лет значительное их число эмигрировало, начав за границей новую жизнь. Тем не менее они всегда с тоской говорят о матушке-России. Между прочим, я думаю, что нужно разрешить свободную эмиграцию из СССР. И мне кажется, власти будут удивлены тем, как мало советских граждан захотят покинуть свою страну и как много из них пожелают вернуться домой. Но это мое личное мнение.

Миллионы людей сражаются и умирают за свою страну, и в то же время миллионы оставляют родину в поисках лучшей жизни. Как вы, очевидно, знаете, мы, Филби, родом из Дании. Поэтому наивно спрашивать меня, почему я не испытываю патриотических чувств к Великобритании. К какой Великобритании? Меня интригуют слова Тэтчер: «Я страстно люблю свою страну». О чем она говорит? О Финчли или Далвиче, а может быть, о Глазго или Ливерпуле? *Я* не думаю, что чем-либо навредил моей Великобритании. *Я* считаю, что моя работа на КГБ в действительности была на пользу большинству населения Британских островов.

И это не только мое личное мнение. Тревор-Роупер (историк лорд Дакре) писал, что, по его мнению, я не наносил вреда Великобритании. Как я уже сказал, это мое мнение, но я был удивлен и тронут, что такова же и его точка зрения, точка зрения старомодного тори.

— Это одно мнение, — ответил я. — Какова же точка зрения другого вашего коллеги, Малькольма Маггериджа?

Филби ответил следующее:

— У Малькольма была безумная идея: якобы я всегда был пронацистом, но переметнулся на другую сторону, когда понял, что немцы проигрывают войну. Мне кажется, что Малькольм просто захотел быть оригинальным. Его первая статья обо мне, написанная вскоре после моего прибытия в Москву, была

достаточно дружелюбной. Но другие люди высказывались в подобном же тоне, поэтому Малькольм решил, что он должен занять противоположную позицию. Много лет назад я предвидел, что он превратится в ревностного католика. Но Маггеридж был всегда компанейским парнем, и я по-прежнему испытываю к нему симпатию. Если увидите его, передайте привет старому мошеннику.

— Если бы была возможность начать жизнь сначала, вы бы повторили ее?

— Несомненно.

— Без сожаления?

— Да, но только в том смысле, что нельзя считать прожитое время только хорошим **ИЛИ ТОЛЬКО ПЛОХИМ.** Поэтому, подводя итоги своей жизни, я могу сказать, что хорошего я сделал больше, чем плохого. Согласен, что не все разделяют эту точку зрения.

— Трудно поверить, что у вас не возникает никаких сожалений.

— Конечно, мне жаль, что со мной нет моих старых друзей. Люди, подобные Томми Харрису, наверное, очень сердиты на меня, и поделом. Конечно, я бы не повторил своих профессиональных ошибок, я мог бы в целом сработать лучше. У меня были ошибки, и я за них заплатил.

— Давайте поговорим о друзьях и о предательстве по отношению к ним. Я знаю людей, которые могли бы простить вам политическое предательство, но не могут простить вас как друга. Что вы думаете о людях, которых вы покинули: о вашей семье, о ваших близких друзьях. Говорят, один из них написал вам из Бейрута: «Все это время, должно быть, вы в душе смеялись над нами?»

— Да, это написал американец Майлз Коуплэнд. Но это неправда. *Я* никогда не смеялся над друзьями. Я всегда действовал на двух уровнях: политическом и личном, и когда эти уровни приходили в конфликт и необходимо было делать выбор, я всегда отдавал предпочтение политике. Этот конфликт иногда бывал очень болезнен. Я не люблю обманывать людей, особенно друзей, и в этих случаях чувствую себя очень плохо. Но ведь хороший солдат тоже переживает, когда ему в военное время приходится стрелять в людей.

— Некоторые доказывают, что ваше политическое развитие остановилось на 30-х годах и что только человек, не думающий с тех пор о политике, может оставаться коммунистом.

— Мне известен этот аргумент: якобы я не изменил своих взглядов с тех пор, как стал работать на советскую разведку. Я не

могу согласиться с Роупером, который в своей книге назвал меня «политическим ископаемым». Разве архиепископ Кентерберийский — это «ископаемое», потому что он всю свою жизнь оставался верным англиканской церкви? Я уже рассказывал вам о своих сомнениях, у меня были взлеты и падения. Брежневский период — это застой. Андропов был прекрасным человеком и авторитетным лидером, и это большая трагедия, что он так рано умер. А в Горбачеве я нашел лидера, который доказал, что моя многолетняя вера была не напрасной. Но, так или иначе, когда мне стало ясно, что сталинская политика ведет СССР по неправильной дороге, возможность выбора у меня была крайне ограниченной. Загляните в мою книгу, где я говорю об этом. Первое. Я вообще мог забросить политику. Но я понимал, что практически это было невозможно. Второе — я мог перейти в другой политический лагерь. Но куда? Меня тогда совершенно не привлекала политика Болдуина — Чемберлена. Как она не привлекает и сейчас. Третий возможный путь заключался в том, чтобы перетерпеть все, сохраняя в себе веру, что принципы революции выше заблуждений отдельных личностей, во многом страшных заблуждений. Я сделал этот выбор, частично доверяя своему разуму, частично инстинктивно. Грэм Грин в своей книге, которая, кажется, называется «Конфиденциальный агент», описывает сцену, в которой героиня спрашивает главного героя, является ли его лидер лучше других. «Нет, конечно нет, — отвечает он, — но я люблю людей, которых он ведет за собой, даже если этот путь неправильный».

Я сказал Филби:

— Ле Карре говорит о вашем двойственном положении. В предисловии к своей книге он пишет: «Филби наслаждался истеблишментом, ему была приятна доброжелательная обстановка, царящая в нем, его внутренние пружины, теплота взаимоотношений». Мне кажется, что это действительно так.

Филби возразил:

— Никакой двойственности гу г нет. Поскольку мой долг требовал, чтобы я ничем не отличался от других членов истеблишмента, я сделал все возможное, чтобы во всем походить на них. Конечно, есть такие стороны принадлежности к истеблишменту, которые нравятся всякому. Но есть и многое, многое другое. Что вы скажете о миллионах людей, которые остаются вне истеблишмента, тех миллионах, которыми истеблишмент с такой легкостью манипулирует?

— Судя по вашим высказываниям, Англия теперь для вас ничего не значит?

— Я бы с удовольствием поехал туда навестить своих внуков.

Но если бы у меня был лишь один шанс, я предпочел бы поехать во Францию. У меня там было много счастливых минут. А сегодняшняя Англия, конечно, это чужая для меня страна.

Я прервал Филби:

— А может быть, вы скучаете по чему-нибудь в Англии?

Филби на мгновение задумался, потом ответил:

— По горчице Коулмана и вустерскому соусу «Ли энд Перрингс». В следующий раз, когда поедете сюда, можете ли мне их привезти?

Потом Филби продолжил наш разговор:

— Неужели вы не понимаете? СССР — мой дом. И хотя здесь есть свои трудности, я не променяю этот дом ни на какой другой. *Я* получаю огромное удовольствие от разительной смены времен года, мне даже нравится гоняться за дефицитом. Мне нравится жить здесь.

— Но вы же пользуетесь большими привилегиями, как генерал КГБ.

— Строго говоря, у меня нет воинского звания, но у меня есть генеральские привилегии.

Самое важное для меня, что в любое время я могу пользоваться первоклассным медицинским обслуживанием. Я понимаю, что так не должно быть, что эта привилегия должна быть предоставлена всем, но, честно говоря, мне, как больному человеку, было бы очень трудно отказаться от нее [33].

Наш ужин подходил к концу. Я попросил Филби перечислить свои награды. Он принес из кабинета многие из них: орден Ленина, орден Красного Знамени, орден Дружбы народов, медаль, посвященную 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, медаль за Победу над Германией, ордена Венгрии, Кубы, Болгарии. Венгерский орден Золотого меча был самым красивым, но Филби очень гордился орденом Ленина. «Это эквивалент самого высокого рыцарского знака», — сказал он мне.

Потом последовала серия вопросов, которые меня просили задать знакомые.

— Что вы думаете о Морисе Олдфилде?

— Я даже не мог подозревать о его гомосексуальных наклонностях, если они, конечно, были у него. Я был шокирован и изумлен, как госпожа Тэтчер обошлась с ним. В своей книге я сказал о нем как о «грозной личности», и действительно он был таким.

— Вы встречались когда-нибудь с Эдвардом Ховардом?

Филби посмотрел на меня в замешательстве. *Я* объяснил, что Ховард — это бывший сотрудник ЦРУ, перешедший на сторону СССР в 1985 году.

— Никогда не слышал о нем.

— Кто из политических лидеров сегодняшнего мира за исключением советских импонирует вам больше всего?

— Дэвид Ланге, премьер-министр Новой Зеландии. Он нашел смелость и запретил заход кораблей с атомными установками и атомным оружием в территориальные воды страны. Жаль, что я не могу сказать этого об Австралии.

Мы выпили по последней стопке виски. *Я* спросил Филби:

— Мы обо всем поговорили?

Филби задумался, потом ответил:

— Я хотел бы обратить внимание на одну несуразицу в вашей книге обо мне. Вы пишете: «У Филби нет дома, нет женщины, нет убеждений». Ну что ж, вы видели мою квартиру. Можете сделать собственный вывод. И если мы говорим о доме не буквально, то вокруг этой квартиры раскинулся самый большой дом в мире, более восьми миллионов квадратных миль. Нет женщины? Многие мужчины могли бы позавидовать моему браку с такой женщиной, как Руфа. Нет убеждений? Ну уж бросьте! Лишь глупец может отрицать наличие у меня убеждений!!

* * *

Филби просил держать его в курсе дел относительно публикации моего московского интервью. Когда Ким появился в советской телевизионной передаче, рассказывающей о Грэме Грине, у меня возникли опасения, что это всего лишь прелюдия к его последующим выступлениям на телевидении. Поэтому я отправил ему телеграмму, в которой сообщил, что «Санди таймс» начиная с 20 марта будет печатать серию моих статей при условии, что он отменит на время продолжение своей блестящей телекарьеры. В ответ 21 февраля я получил телеграмму следующего содержания: «С телевидением все покончено».

28 февраля я получил ответ на свое письмо, в котором просил рассказать о надписи, сделанной Грэмом Грином на книге Питера Райта, которую Грин подарил Филби. Это был один из многих вопросов, который я забыл задать Филби в Москве. Ким писал: «Мой дорогой Филлип! Я пишу в большой спешке. Наш выдающийся католический друг (Грин) был «на наших руках» в течение нескольких последних дней. С нашими вечными телефонными и транспортными проблемами мы были как на иголках. *Я* ничего не сказал ему о своих планах, и он любезно пообещал отваживать любого журналиста, который будет интересоваться мною.

Что касается той надписи Грина, то она гласит: «Руфине и Киму с нежными пожеланиями от Грэма и Ивон-ны. 9 сентября 1987». Поскольку его Ивонна блондинка, а ваша — брюнетка, чтобы различать, мы называем их Ивонна — брюнетка, Ивонна — блондинка. Еще одно чертовское затруднение в нашей уже и так достаточно сложной жизни!

Мы обожаем семейные реликвии. Я послал Грэму фотографии ужина с его сыном Джоном и женой Джона — Джо. Джон выглядит довольно истощенным, как будто находился на диете. Тронуты открыткой, полученной от Ивонны-брюнетки. Хотя письмо и заказное, мы получили его только через 16 дней. Прошлой осенью моя дочь Джозефина послала мне рубашку, так она не пришла до сих пор. Правда, на бандероли не было объявленной ценности.

Поздравляю вас с быстрой публикацией материала. Я еще не пробовал «главного блюда» (книги о деле Профьюмо, которую я ему подарил). Было слишком много мелких отвлекающих событий.

По тому, насколько плохо я напечатал это письмо, вы, очевидно, поняли, что я еще не «в своей тарелке». Поэтому сейчас легкий ужин — и в постель.

С наилучшими пожеланиями. *Ким».*

Я отправил Филби еще одну телеграмму, в которой перечислил западные журналы и газеты, перепечатавшие мои статьи, и получил на это короткий ответ: «Мои поздравления. Поражен». Но позже я выяснил, что Филби не был полностью удовлетворен тем, что я написал о нем. У него были две претензии: во-первых, мой намек, будто Филби завербовал Морис Добб, в связи с чем «Санди таймс» назвала Добба «талантливым наводчиком КГБ». Филби заметил, что неэтично так говорить об умершем человеке, который уже не может защитить себя. Он еще раз повторил, что Добб лишь направил его в Париж для работы в легальной коммунистической организации. Во-вторых, описывая его исчезновение из Бейрута, я намекнул, что англичане сами дали ему возможность уйти, тем самым умалив его собственные заслуги в организации побега в СССР.

Я собирался написать новую биографию Филби, намеревался вернуться в Москву в конце мая и поэтому отметил для себя вопросы, требовавшие уточнений. Но 11 мая пришло известие о том, что Филби скончался. Его положили в госпиталь за 2 недели до этого, и он уже поправлялся. 10 мая он позвонил Руфе, которая была у него накануне, чтобы выяснить, как она добралась до дома, гак как машина опоздала. Он был в хорошем настроении, но утром ей позвонили из госпиталя и сообщили, что в два часа

ночи Филби умер.

У меня сразу же возникла мысль, что Филби предчувствовал свою кончину, поэтому наши беседы носили характер его завещания. *Я* вспомнил слова Филби, когда мы обсуждали возможность публикации наших бесед: «Решать вам, но чем быстрее, тем лучше».

Но с другой стороны, когда мы говорили о его здоровье, Филби рассказал об имевшейся у него аритмии и о диагнозе врачей — он проживет еще несколько лет, если будет избегать сквозняков и не будет поднимать тяжестей. И конечно, Филби вел себя отнюдь не как обреченный человек. Он был очень спокоен, практически я так и не услышал его знаменитого заикания. Пару раз за весь вечер он немного замялся, но это совсем не походило на спотыкающуюся речь, о которой говорили знавшие его люди. Филби сказал мне: «Последние годы были самыми счастливыми в моей жизни». Поэтому я думаю, что, если у Филби и было какое-то предчувствие близкой смерти, это никак не связано с болезнью.

Похороны Филби состоялись в четверг 13 мая. Был хороший ясный день. Прощание началось на площади Дзержинского, где в течение всего дня в клубе КГБ был открыт доступ к его телу. (Это было сделано специально для коллег Филби, которые не хотели быть увиденными на кладбище.) Гроб был задрапирован красной материей, усыпан красными гвоздиками. Люди стояли по два часа, чтобы отдать последний долг легендарному разведчику. Затем похоронный кортеж двинулся на Кунцевское кладбище, где обычно хоронят крупных военачальников и известных советских людей.

Под звуки траурного марша Шопена кортеж двинулся к могиле в ряду захоронений советских генералов. Гроб был поставлен на затянутый бархатом бетонный постамент, к основанию которого легли тринадцать венков с надписью: «Товарищу по оружию». На красных подушечках несли ордена и медали, которыми был награжден Филби. Прощальные слова произнесли четыре сотрудника КГБ. Их содержание нашло отражение в некрологе ТАСС, опубликованном на следующий день, в котором говорилось о неустанной борьбе Филби за мир и светлое будущее. Почетный караул дал три прощальных залпа, прозвучал гимн Советского Союза. На похоронах присутствовали: Руфа и ее мать, дети Филби — Джон и Джо-зефина, прилетевшие накануне из Лондона, многие старые друзья и знакомые, в том числе и бывший коллега Филби — Джордж Блейк. На могильной плите — фотография Филби, под ней надпись по-русски «Ким Филби 1.01.1912—11.05.1988» и золотая звездочка.

И если русские почтили Филби, как героя страны, то отклики западной прессы напоминали посвящения крупным политическим деятелям. Британские газеты и телевидение посвятили Филби длинные некрологи, были опубликованы статьи о карьере Филби, отзывы о нем бывших западных коллег. Часть из них просто поразительна. Например, Питер Райт, проживающий в Тасмании, бывший офицер МИ-5, всю свою жизнь посвятивший борьбе со шпионажем, отзывался о Филби как о выдающемся разведчике, который, несомненно, стал бы во главе британской разведки. Райт писал: «Я уверен, что, если бы ни Берджесс и Маклин, Филби, очевидно, никогда не был бы раскрыт».

Наряду с бывшими сотрудниками английской разведки, отмечавшими шампанским смерть Филби и надеявшимися, что он умер в мучениях, были и другие, которые отзывались о нем весьма высоко. Так, Малькольм Маг-геридж сказал: «Я знаю, что Ким поступил отвратительно, но у него были и хорошие черты. Я уверен, что ключ к его поступку нужно искать в его собственном отце. Ким никогда не смог бы стать столь крупной фигурой, как его отец. Он компенсировал это, бросив ему и всему его окружению демонстративный вызов». Это в корне отличается от заявления Маггериджа, сделанного им 31 октября 1979 года Би-би-си. Тогда он сказал: «Филби нравилось думать, что он идет по стопам своего отца. Россия — это его Саудовская Аравия, а Сталин — Ибн-Сауд».

Лорд Дакре говорил: «Филби был одним из наиболее удачливых шпионов в Англии. И если бы не провал Берджесса и Маклина, он стал бы шефом британской разведки. Мне лично трудно простить такое предательство». Майлз Коуплэнд: «Не причисляю себя к тем британским коллегам, которые ненавидят Филби. Как я могу ненавидеть его за то, что он был двойным агентом, когда мы делаем то же самое в отношении своих противников. Мне действительно жаль, что «старый негодяй» умер. Он был одним из величайших разведчиков века. Он мастерски шел на один шаг впереди своих преследователей. Я бы мечтал иметь такого человека, работающего на нас».

Доктор Кристофер Эндрю сказал, что люди, завербовавшие Филби, впоследствии были уничтожены, а Генрих Ягода, Николай Ежов и Лаврентий Берия, на которых он работал в 30—40-е годы, сейчас считаются в СССР отъявленными преступниками. Филби позволил убедить себя в том, что работает на элитную организацию и не пожелал сам признать истинный характер этой организации или открыть эту правду другим.

Бывший директор ЦРУ Ричард Хелмс считал, что Филби предал свою страну: «Я не собираюсь проливать слезы по поводу

его смерти. Я не знаю, сможем ли мы когда-нибудь оценить тот ущерб, который он нанес». Смерть Филби оживила старый спор, связанный в основном с вопросом о том, почему Филби оказывал такое воздействие на людей. Энтони Хартли из газеты «Санди телеграф», написавший свою статью еще до смерти Филби, после публикаций о нем в «Санди таймс» считает поразительным, даже зловещим, что спустя 30 лет после предательства Филби, британская общественность и средства массовой информации относятся к нему с почтением. Он думает, что ответ следует искать в определенном болезненном состоянии нашего общества:

«50 лет назад у человека, оказавшегося германским шпионом или высказывавшего симпатии к Германии, рухнула бы профессиональная карьера, и он подвергся социальному остракизму. Сегодня мы легко можем «войти в положение» русского шпиона, что почти невозможно представить это во Франции или США. Что случилось с британским обществом? Неужели слово «патриотизм» для нас ничего не значит и мы больше не презираем людей, нанесших ущерб нашему обществу? Возможно, настало время понять, что чрезмерное увлечение секретным миром не делает нас лучше. Отвратительно и неестественно постоянно будировать вопрос о том, кто кого предал сорок лет назад».

Патрик Сил из газеты «Обсервер», писавший с других политических позиций, тем не менее считает, что в нашем неутихающем интересе к Филби есть что-то противоестественное. Непреодолимый интерес англичан к Филби, который вряд ли понятен иностранцам, объясняется тем, что Филби разоблачил такие черты нашего правящего класса, которые всегда замалчивались.

«Лично я не нахожу удивительным столь большой интерес к Филби. Давайте подумаем, какое влияние оказал Филби на англичан лишь своим пребыванием в Москве. Он заставил нас пересмотреть отношение к патриотизму, предательству, классовым и политическим убеждениям. Это нашло отражение не только в газетных статьях и научных журналах, но и в книгах, пьесах, кино. Филби заставил нас подумать о долге гражданина перед государством, посмотреть на самих себя со стороны и поразмыслить, не смогли бы и мы в определенных обстоятельствах стать предателями» — так писал Патрик Сил.

Понятию «предательство» трудно дать определение даже с юридической точки зрения и нередко это зависит от исторических условий и от того, кто это слово употребляет. Были ли американские повстанцы, воевавшие за независимость своей страны предателями? А французы, тайно помогавшие алжирским

борцам? А Оливер Норт или люди, поддерживавшие «контрас» в правительстве США? Или, если ближе к нам, были ли предателями англичане, помогавшие Яну Смиту в Родезии? Как указывал В. Г. Кирнан, когда тори блокировали предоставление местного самоуправления Северной Ирландии, Рандольф Черчилль выдвинул лозунг: «Ольстер будет сражаться, и Ольстер будет прав», — а это призыв к мятежу, что, по существу, было предательством. Русский, бежавший на Запад, считается там героем и предателем на своей Родине.

В действительности понятие «предательство» является весьма неопределенным. В случае с Филби это было, скорее, предательство классовых интересов, чем предательство Родины. Никто не сомневается в том, что будь Филби сыном счетовода, обычным выпускником заурядной общеобразовательной лондонской школы или неприметного университета, спустя почти полвека о его предательстве вряд ли бы кто помнил.

Нет, секрет притягательности Филби состоит не в его предательстве, а в том, кем он был и почему он это сделал. Суть в том, что Филби являлся опорой истеблишмента, который он должен был защищать. Говорят, Джордж Блейк погубил гораздо больше агентов, но он не вызывает столь глубокого интереса, прежде всего, потому, что он не являлся представителем правящего класса. Если бы госпожа Тэтчер во времена Филби занимала такое же положение, как сейчас, и если бы ее спросили, разве Филби «не является одним из нас», ответом было бы оглушительное «да». Еще хуже, что Филби пошел на это не из-за материальной заинтересованности. Когда в 1967 году я сказал сэру Роберту Маккензи, что пишу книгу о Филби, он посоветовал: «Постарайтесь четко показать, и это очень важно, что Филби не продавал секретов своей страны. Он их отдавал, и делал эго не за деньги. Он не получил ни гроша. Он делал это во имя своих идеалов».

Человек, готовый рисковать всем во имя своих идеалов, — это редко встречающийся и очень опасный человек. Упоминание о Филби вызывает страх в британских правящих кругах потому, что в те далекие времена он был не одинок. Когда был разоблачен Энтони Блант, Филипп Тоинби признался, что если бы в 1938 году он возглавлял коммунистическую организацию Оксфордского университета, то счел бы за величайшую честь оказывать какую-либо помощь Советской России. Но с такой просьбой к нему не обратились. Как замечает Джефри Уиткрофт: «Существует достаточное число очень известных английских деятелей, которые в конце своей выдающейся карьеры, услышав имена Бланта или Филби, думают: «Если бы не величие

Сталина…»

Филби объяснил, как он начал свой путь к Москве, и в контексте трудных тридцатых годов его решение не выглядит странным. Как писал Мюррей Сейл: «Что касается дилеммы коммунизм или фашизм, Сталин или Гитлер, то в 1933 году Ким сделал тот же выбор, что и весь демократический и буржуазный мир несколькими годами позднее. Естественно, многие не могут принять тот факт, что он оставался так упрямо преданным своему решению в течение всей своей жизни».

Уиткрофт настойчиво доказывает, что Филби и подобные ему люди преклонялись перед силой. Он говорит, что им, очевидно, должно быть известно о кровавой диктатуре Сталина и они тем не менее верили в нее. Почему? Он утверждает, что, подобно религиозной вере, коммунизм не нуждался в подтверждении своих истин. Однако подобное слепое поклонение вряд ли может быть ответом, поскольку столь интеллигентные и грамотные люди, как Филби, Берджесс, Блант и другие, не могли не видеть истинной правды. Далее Уиткрофт заявляет: «По этому поводу лорд Дакре однажды сказал следующее: «Молодым интеллектуалам кажется, что они любят свободу, но на самом деле они обожают власть. Они начинают прозревать в тот момент, когда приходят к пониманию, что становятся в числе первых жертв этой власти. А до этого сознательно или подсознательно они преклонялись перед сталинской Россией не вопреки террору, а благодаря ему».

Но Филби своей жизнью ответил на эти обвинения. Он выбрал свой путь еще молодым человеком, а на вопрос о том, был этот путь правильным или нет, ответит лишь история. Когда он понял, что дела на его стороне идут плохо, его выбор был ограничен. Он не мог отказаться от политического курса, который составлял смысл его жизни, он просто не стал реагировать на события. Филби погрузился в молчание, надеясь, что принципы революции переживут преступления отдельных личностей, как бы велики они ни были. У него были сомнения в том, доживет ли он до таких времен, но он, очевидно, умер с сознанием, что такое время пришло.

Но это еще не вся история о Филби. У сложного человека не бывает одного лица. Роль, которую выбрал для себя Филби, означала не только предательство своего класса, но и обман семьи и друзей. Он говорил, что для него это было болезненно, но совершенно необходимо, и что он был таким существом, которое ставило политику выше человеческих отношений. Мы однажды поспорили, когда я сказал, что не мог бы пролить кровь за идею, Филби же восхищался такими людьми. Дэвид Астор, например,

говорил, что, изучив жизнь Филби, он понял, что тот является неординарной личностью и потому бессмысленно обсуждать его, употребляя обычные термины. Свое личное предательство Филби объяснял необходимостью. Вполне возможно, что Филби, как личность, привлекал сам процесс обмана людей. Сейл, встречавшийся с ним в 1967 году в Москве, считает, что это именно так:

«Может быть, его привлекал сам характер работы, идея иметь свое секретное «я», недоступное друзьям, женам, их бывшим мужьям, возможность, будучи агентом одной разведки внутри другой, иметь двойное секретное «я»? А может быть, не столько само дело, не идеалы 21-летнего студента, никогда не подвергавшегося проверке в течение всей трудной шпионской жизни, а влечение к обману, самому ремеслу шпионажа все эти одинокие годы вело его к тайникам, к тайнописи, сообщениям и другим секретным делам?»

Филби отрицал это: «В противоположность имеющимся мнениям мне никогда не нравилось обманывать людей. Но правда и то, что в мире разведок, где обман и манипулирование людьми являются составной частью работы, разведчики гордятся, может быть, даже получают удовольствие от возможности создания своего тайного «я», и иногда уходят из жизни, так до конца и не осознав, что же в действительности они из себя представляют».

Филби, несомненно, нравилась его работа и известность в секретном мире, как никакой другой разведчик, он имел самую высокую репутацию. Однажды я направил ему письмо, в котором касался тех дней 1967 года, когда мы пытались распутать и опубликовать его историю, а он в свою очередь стремился пробиться на Запад со своей рукописью, которую там называли «Дни Филби». Он ответил: «То, что вы называете «Днями Филби», в моих кругах окрестили «Днями «Санди таймс». Это, кажется, было давно, но какое хорошее это было время, пока в дело не ввязался этот клоун, министр иностранных дел (Джордж Браун)».

Нам очень трудно понять сущность Филби, потому что правительство старается держать Филби и его друзей в тени и не стремится помочь разобраться во всем этом запутанном деле. Удивительно то, что в демократическом обществе человек, стремящийся понять нравственные аспекты проблемы шпионажа, скорее найдет материал в произведениях Грэма Грина, Джона Ле Карре или Лена Дойтона, чем в книгах, написанных кем-то изнутри системы (значительно приукрашенных) или извне ее (в основном спекулятивных) или же в воспоминаниях безымянных членов американского разведывательного сообщества.

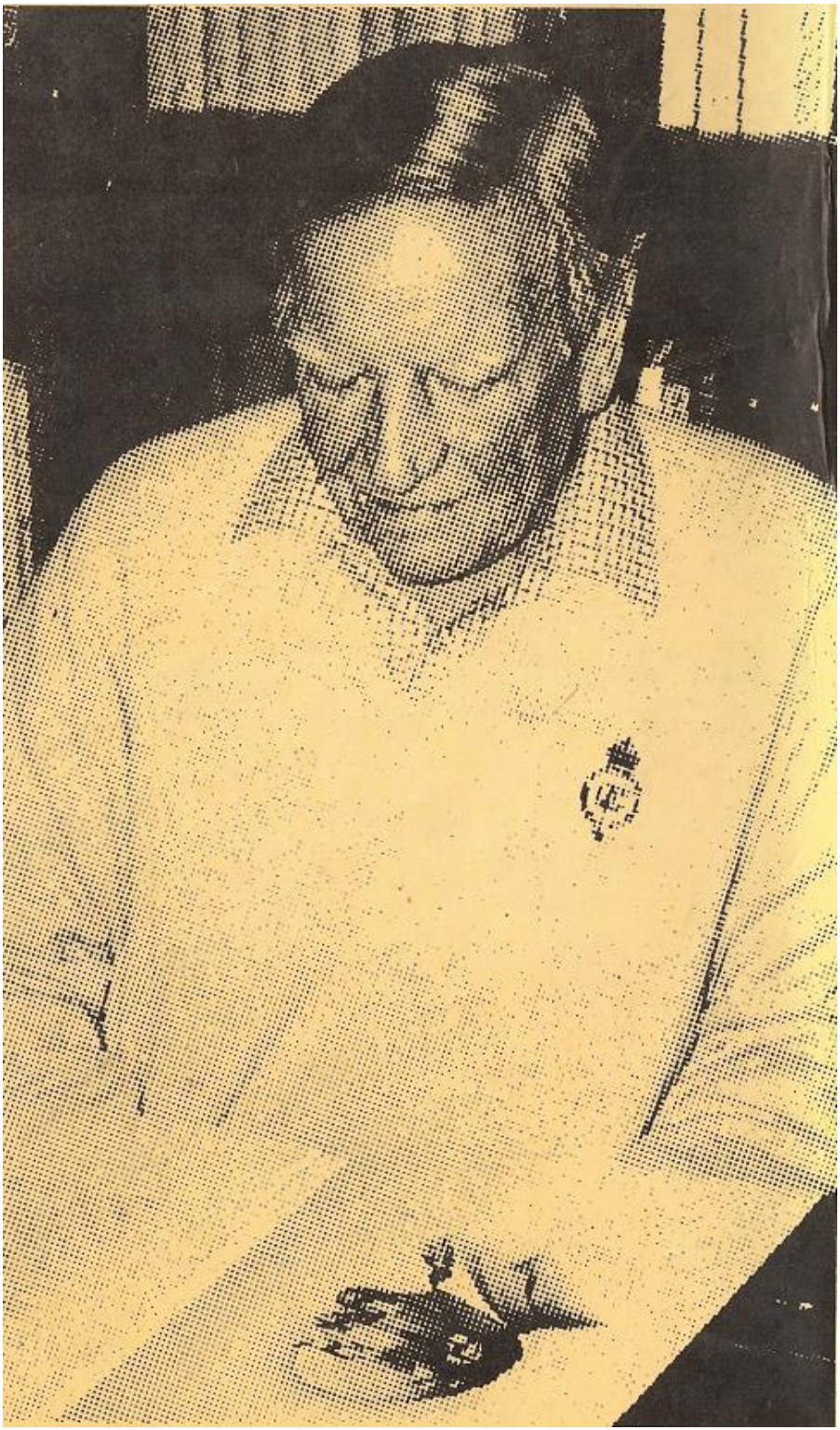
Да, Филби предатель. Но что он предал, этот вопрос остается

открытым. Да, из-за него погибло много людей, принимавших участие в операциях против стран советского блока во времена «холодной войны». Но эти операции были плохо подготовлены и практически безнадежны, осуществлялись людьми, в равной степени готовыми пролить кровь во имя идеи. Да, он придерживался своих убеждений, несмотря на самые страшные преступления сталинизма. Он объяснил это, и если кто-то не приемлет такого объяснения, есть и другое. Сил писал: «Чем больше я узнавал Кима, тем меньше он походил на советского человека и все больше становился эксцентричным, старомодным англичанином, привязанным к своим ржавым пистолетам, подвергшимся осуждению большинством из нас».

Да, для Филби политические убеждения были важнее личных взаимоотношений. Как ни грустно, но есть люди, которые живут по этому же закону. Они стали генералами, государственными деятелями, премьер-министрами, и мы глубоко чтим их. Но Филби сделал свой решающий выбор всего лишь в 21 год, а его убеждения были настолько сильны, что он оставался верным им всю жизнь. Многие ли из нас могут похвастаться тем же? Он нашел в себе смелость рискнуть всем ради убеждений и вышел победителем.

Филби — это человек своего времени. Он был на своем месте. Принимал участие в важнейших исторических событиях и сыграл немалую роль в формировании их результатов.

И когда настал день вернуться домой в Москву, он сделал это без колебаний. В Советском Союзе Филби прожил новую жизнь и после всех взлетов и падений, которые он имел смелость признать, умер счастливым человеком, с сознанием выполненного долга и с чистой совестью. Это был его последний триумф. Мы вводили бы себя в заблуждение и ничего не извлекли из этого дела, если бы продолжали думать иначе.



notes

Примечания

1

«Санди таймс» — воскресная общенациональная английская газета, пользуется значительным влиянием. Придерживается политического курса консервативной партии. Основана в 1822 году. Тираж 1,27 млн. — *Прим. пер.*

2

Сакур в газете работал недолго. Редактор «Санди таймс» по иностранному отделу Фрэнк Джайлз, сам когда-то работавший в МИД Великобритании, узнал, что Сакур является сотрудником СИС, и предупредил об этом руководство газеты. Позднее Сакур заявил, что ему пришлось уйти из «Санди таймс», так как его принуждали сообщить данные о Филби. — *Прим. авт.*

3

Петер и Хелена Крогер (в действительности Морис и Лона Коэн) американцы, в 1961 году были осуждены в Англии на 20 лет тюрьмы. В 1969 году освобождены в обмен на арестованных в СССР шпионов. Выехали в Варшаву. — *Прим. авт.*

4

Бертон Ричард Френсис (1821–1900) — английский путешественник, исследователь Аравийского полуострова и Экваториальной Африки. — *Прим. пер.*

Даути Чарльз Монтегю (1843–1926) — английский путешественник и поэт. Многие годы посвятил изучению стран Ближнего и Среднего Востока. — *Прим. пер.*

5

Месопотамия — область в бассейне рек Тигр и Евфрат. Один из крупнейших культурных центров Древнего Востока. До 1918 года входила в состав Османской империи, позднее в Ирак, Сирию и Турцию. — ***Прим. пер.***

6

В 1945 году Петер стал главой органов безопасности Венгрии. В 1953 году подвергся гонениям. 6 лет провел в тюрьме. По слухам, работает портным. — *Прим. пер*.

7

Денежная единица Великобритании равная 21 шиллингу. В фунте стерлингов — 25 шиллингов. — ***Прим. авт.***

8

Что составляет около 60 фунтов стерлингов в месяц — гораздо больше, чем запрашивал Филби. — *Прим. авт.*

9

Джонсону трагически нс повезло. Он ехал в другой автомашине, но когда сопровождавший журналистов испанский офицер вышел из машины Филби, чтобы перекурить со своими товарищами, Джонсон пересел к Киму на освободившееся место шофера. Через несколько секунд он был мертв. Американская фирма, выпускавшая сигареты, предлагала тому испанскому офицеру большую сумму денег, чтобы он заявил, что ее сигареты спасли ему жизнь. Офицер отказался. — *Прим. авт.*

10

Крозье ушел из института в 1979 году. В июне 1987 года газета «Гардиан» сообщила, что институт поддерживает тесные контакты с западными разведывательными службами и через него американцы финансировали правые группы, выступавшие за развертывание в Нидерландах американских крылатых ракет. — *Прим. авт.*

11

Малькольм Магтеридж высказал подобные же мысли: «Я проходил собеседование с сотрудником СИС в штаб-квартире на Бродвее. Вся обстановка представлялась мне настолько нелепой, что у меня возникла мысль, что это сделано специально. Я думал, что имрнно здесь кандидатам дают отказ. Но когда вы прошли все проверки, вам говорят: «Все в порядке. А теперь покажем ему настоящую секретную службу». Однако оказалось, что это и была настоящая секретная служба. — *Прим. авт.*

Эта система дала сбой в отношении Филби. Однако до сих пор некоторые сотрудники СИС считают, что вряд ли дает лучшие результаты так называемая «позитивная проверка» — глубокое изучение биографии кандидата в сочетании с ознакомительными беседами, проводимыми независимыми лицами и повторяемыми через определенные промежутки во время работы сотрудника, чем практикуемая в США проверка на детекторе лжи. — *Прим. авт.*

13

Не путать с сэром Диком Уайтом, руководителем МИ-5 (1953–1956) и СИС (1956–1968). — *Прим. авт.*

14

Сидней Рейли бежал в Великобританию и продолжал участвовать в организуемых СИС антикоммунистических операциях. В 1925 году он выехал в США, и с тех пор его следы затерялись. — *Прим. авт.*

15

Позднее Веласко оказался в Нью-Йорке, где, по его словам, создал агентурную сеть из четырех испанских журналистов и двух дипломатов для работы на Японию. Он заявил, что эту агентурную сеть пришлось распустить после того, как канадский контрразведчик поймал их за зашифровкой информации для передачи в японскую разведку. — *Прим. авт.*

16

Кольбе оставался вне подозрений в МИД до апреля 1945 года. Когда германская империя рухнула, ему удалось бежать в Швейцарию. — *Прим. авт.*

17

Действующее во всех разведках правило «необходимо знать» — т. е. не предоставлять информации больше той, которая необходима для выполнения порученной работы, — означало, что перебежчики редко знали настоящее имя агента. В лучшем случае его псевдоним. Но они могли получить «какие-то отдельные штрихи» к его личности как из информации агента, так и из рутинных разговоров коллег по работе. Большая часть работы контрразведчика и состоит в поисках человека по этим «штрихам». — *Прим. авт.*

18

31 марта 1988 года пресс-офицер Букингемского дворца подтвердил, что орден Британской империи был доставлен Филби домой по адресу Карлуайл-сквер. — *Прим. авт.*

19

Это явное преувеличение. Так называемые «атомные шпионы» — Юлиус и Этель Розенберг, Клаус Фукс, Бруно Понтекорво, Алан Манн Мей и, возможно, Дональд Маклин — не выдавали атомных секретов Советскому Союзу. Советские физики самостоятельно создали атомную бомбу. Эти люди, и прежде всего Фукс, вероятно, ускорили дату первого советского атомного взрыва, но даже это сомнительно. Речь может идти максимум о годе или восемнадцати месяцах. Нет доказательств, что Розенберги, казненные в 1953 году, сообщили русским что-либо ценное об атомной бомбе. — ***Прим. авт.***

20

Золотая монета Великобритании в один фунт стерлингов. — *Прим. пер.*

21

На Мальте все еще существует форт, где агенты проходили подготовку. Вилла на острове Корфу переделана в отель. Несколько уцелевших агентов из числа албанцев были устроены на работу в министерство лесного хозяйства Великобритании. Большинство из них в конце концов эмигрировало в США. *Прим. авт.*

22

Данное Филби описание сделанного Гаем наброска не совсем отражает его суть. По словам американского писателя Дэвида Мартина, на рисунке Берджесса у Либби Харви «ноги оголены, одежда закрывала лишь верхнюю часть тела, промежность открыта». — *Прим. авт.*

23

Возможно, Филби прав. В 1962 году, когда упорно курсировали слухи о намерении Маклина возвратиться в Великобританию, сотрудники службы безопасности провели беседу с возможными свидетелями, которые выступили бы на суде против Маклина. У сотрудников не создалось уверенности, что у них есть шансы выиграть дело. — *Прим. авт.*

24

Бывший сотрудник британской разведки написал убедительный документ, в котором доказывал необходимость подбора для каждого досрочно уходящего в отставку офицера СИС такого прикрытия, которое позволяло бы ему найти работу в гражданской жизни. Однако СИС, столь высоко зарекомендовавшая себя в деле изготовления фальшивых документов и легенд для своих агентов, ответила категорическим отказом. — *Прим. авт.*

25

Посол Великобритании в Вашингтоне в 1956–1961 годах, ректор Итона в 1965–1977 годах. С 1965 года имеет титул лорда Кассия. — *Прим. авт.*

26

В апреле 1956 года СИС проводила операцию по осмотру корпуса советского крейсера «Орджоникидзе» в гавани порта Портсмут, надеясь снять с него оборудование по обнаружению подводных лодок и мин. На этом крейсере прибыли в Великобританию советские лидеры Булганин и Хрущев. Нанятый СИС подводник, капитан Лайонел Крэб был слишком стар и недостаточно здоров. Он пропал навсегда (обнаруженное на берегу несколько дней спустя обезглавленное тело, возможно, было всем, что от него осталось). Русские заявили протест, и премьер-министру Идену пришлось 4 мая 1956 года приносить извинения в палате общин. — *Прим. авт.*

27

Блейк просидел только пять с половиной лет и затем сумел бежать из тюрьмы «Уормвуд — Скрэбс», расположенной в западном районе Лондона. Он бесследно исчез. Только через год объявился в Москве, где проживает и сейчас. — *Прим. авт.*

28

Джон Профьюмо — военный министр Великобритании, дал в палате общин ложные показания по поводу своих отношений с женщиной легкого поведения Кристиной Килер, заявившей, что она одновременно является любовницей помощника советского военно-морского атташе, сотрудника ГРУ Евгения Иванова. 5 июня 1963 года Профьюмо признался в своей лжи и был вынужден уйти в отставку. — *Прим, авт*.

29

Такого же мнения придерживаются представители различных спецслужб Великобритании, доказывающих, что большая часть информации должна храниться вечно, если она не попала в руки советских шпионов. — *Прим. авт.*

30

Идея о возможности принятия западными спецслужбами каких-либо мер против Филби недалека от истины. Например, несомненно, что СИС и ЦРУ разрабатывали мероприятия против Маклина. Бывший сотрудник ЦРУ Роберт Эймори Ийнр рассказал мне в 1967 году, что осенью 1962 года он входил в состав комитета, который разрабатывал меры похищения Маклина. «Мы передали СИС фотографии, снятые нашим самолетом-шпионом У-2, и англичане спрашивали, не можем ли мы сделать анализ фотоснимков, запечатлевших блок зданий, в котором находилась квартира Маклина. У нас были более качественные снимки, полученные со спутников, и наши специалисты по аэрофотосъемкам подготовили прекрасные диаграммы. По некоторым причинам дальше этого дело не пошло». — *Прим. авт.*

31

Мелинда оставалась в Москве еще восемь лет, затем возвратилась в Соединенные Штаты, где и проживает в настоящее время. — *Прим. авт.*

32

Гарольд Вильсон, премьер-министр Великобритании в 19641970, 1974–1976 годах, считал, что МИ-5 пыталась организовать заговор для свержения его правительства. — ***Прим. авт.***

33

Есть свидетельства очевидцев, что к другим привилегиям Филби был безразличен. Один из его английских родственников вспомнил вечеринку, организованную Филби, после чего они отправились в Большой театр. По окончании спектакля они безрезультатно пытались найти такси, замерзнув на 15-градусном морозе. Одна из присутствовавших возмущенно сказала: «Господи, Ким, ты генерал КГБ, тебе полагается машина с шофером, неужели ты иногда не можешь воспользоваться ею». — *Прим. авт.*